

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Джеймс
Клавелл

ГАЙ- ДЗИН

Потрясающее... интересное... развернутое описание,
точное и красочное, как древний театр кабуки.

People

Annotation

Япония. 1862 год. Наследник великолепного Благородного Дома, развернувшего свою деятельность в Стране восходящего солнца... Прямой потомок первого сёгуна Торанаги, сражающегося за то, чтобы его страна преодолела средневековые традиции и вступила в современную эпоху... Красивая молодая француженка, которая разрывается между честолюбием и любовью... Их жизни переплетаются на экзотической земле, вновь открытой для иностранцев – гайдзинов. Их страсти смешиваются с желаниями монархов и дипломатов, убийц, куртизанок и шпионов.

«Гайдзин» – один из романов, рассказывающих о прошлом Благородного Дома Струанов.

-
- [Джеймс Клавелл](#)
 -
 -
 - [Предисловие автора](#)
 - [Книга первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)
 - [Конец ознакомительного фрагмента.](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
-

Джеймс Клавелл Гайдзин

James Clavell
Gai-jin

© 1993 by James Clavell

© Е. Куприн, перевод, 2018

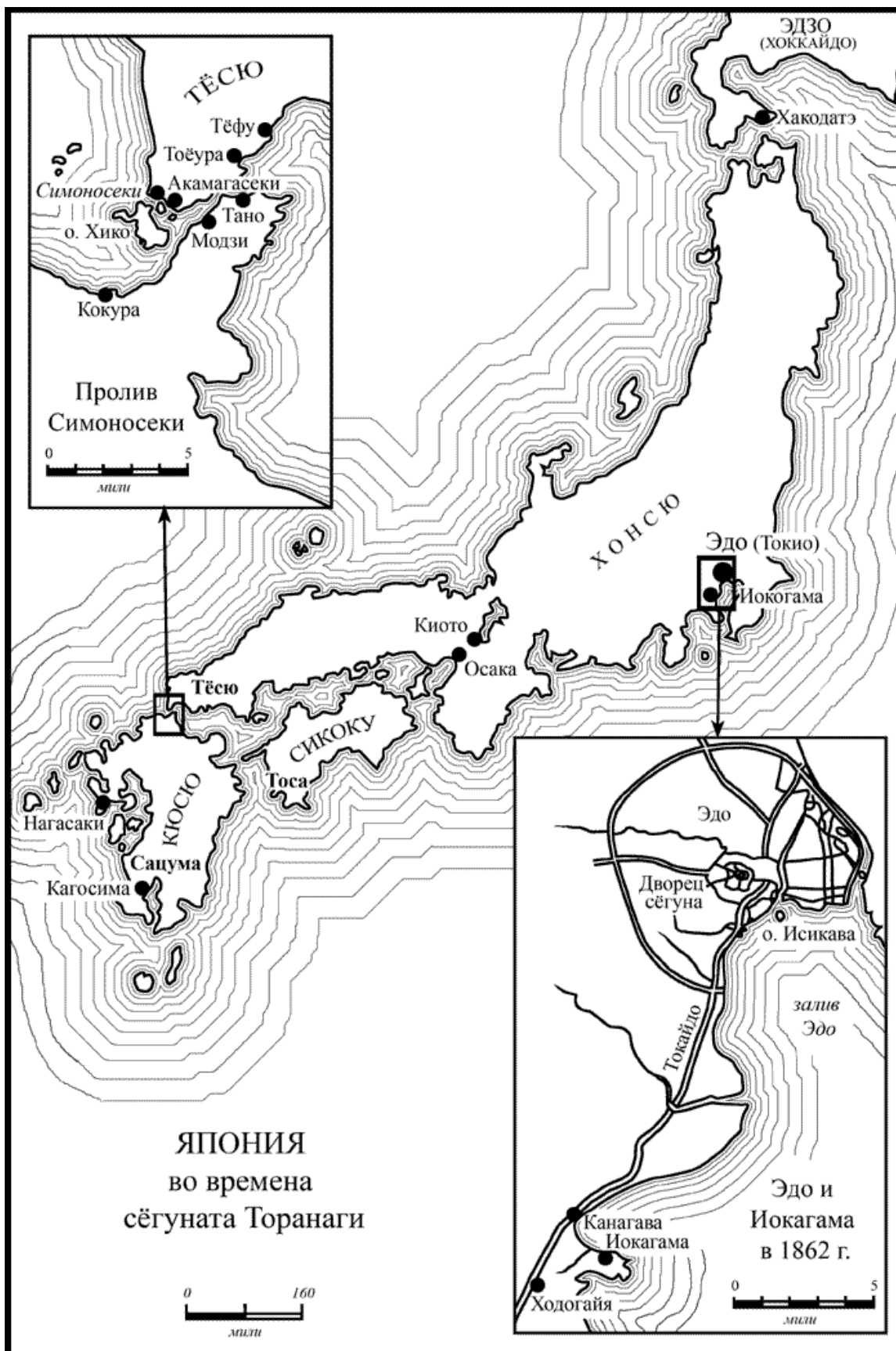
© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Этот роман посвящается вам, кто бы вы ни
были, посвящается с глубокой благодарностью, ибо
без вас писатель во мне не мог бы существовать...*

Предисловие автора

«Гайдзин» означает «иностранец», «чужак». Действие романа разворачивается в Японии в 1862 году. Это не историческое, а прежде всего литературное повествование. Многие из описанных в нем событий представлены так, как о том свидетельствуют историки и исторические исследования, которые сами по себе не всегда обязательно излагают то, что происходило в действительности. В нем также не фигурируют какие-либо реальные лица или компании, которые существовали на самом деле или по чьим-то предположениям. Короли, королевы и императоры названы своими настоящими именами, как и несколько генералов и других высокопоставленных особ. За исключением этого я играл с *историей* – с ее где, как, кто, когда и почему, – воссоздавая свою собственную реальность и, возможно, показывая истинную картину того, что происходило на самом деле.

Книга первая

Глава 1

Иокогама. 14 сентября 1862 года

Обезумев от ужаса, всадница во весь опор скакала назад к берегу моря, который лежал в полумиле впереди; страх заставил ее забыть об опасности: тропинки меж зеленеющими или покрытыми водой рисовыми полями были слишком узки и покаты для лошади, мчавшейся галопом. Солнце клонилось к закату. Девушка сидела на лошади боком, и хотя она слыла опытной наездницей, сегодня ей с трудом удавалось удержаться в дамском седле. Шляпка слетела с головы, зеленая амазонка – последнее творение парижской моды – была вся изорвана и забрызгана кровью; светлые рыжеватые волосы развевались на ветру.

Девушка стегнула лошадь, потом еще раз и еще. Впереди уже показались крошечные лачуги рыбацкой деревушки Иокогамы, лепившиеся друг на друга у высокой ограды и каналов, окружавших со всех сторон Поселение, где жили иностранцы, за оградой всадница увидела шпили двух маленьких церквей и с благодарностью представила себе британские, французские, американские и русские торговые суда и десяток боевых кораблей, парусных и паровых, которые стояли в заливе по ту сторону Поселения.

Быстрее. По узким деревянным мостикам, через каналы и отводные канавы для воды, крест-накрест пересекавшие рисовые поля. Ее конь был в мыле, на боку зияла глубокая рана, и он быстро терял силы. Вот он пугливо дернулся в сторону. Всадница едва не упала, но сумела удержать равновесие и в следующий миг свернула на широкую тропинку, которая пересекала деревню и вела к мосту через канал, опоясывавший Поселение; за мостом высились главные ворота, располагался пост самурайской стражи и японская таможня. Часовые – вооруженные двумя мечами самураи – заметили ее и двинулись наперерез, преграждая дорогу, но она вихрем промчалась мимо и оказалась на широкой главной улице Поселения, тянувшейся вдоль самого берега. Один из самураев бросился бегом, чтобы предупредить своего офицера. Девушка натянула поводья, тяжело дыша.

– *Au secours... a l'aide*, помогите!

Улица была почти пустынна, большинство жителей Поселения отдыхали после обеда, зевали над счетами в своих конторах или развлекались в увеселительных заведениях за оградой.

– Помогите! – выкрикивала она снова и снова, и те немногие, кто оказался в этот час на променаде, большей частью британские торговцы и свободные от службы солдаты и моряки, да еще несколько слуг-китайцев, удивленно подняли на нее глаза.

– Господь Вседержитель, погляди-ка туда! Это же та девчонка, из Франции которая...

– Что с ней такое? Бог мой, ты посмотри на ее одежду...

– Во-во, она самая, такую не скоро забудешь. Ангельские Грудки ее прозвали, приехала пару недель назад...

– Верно, ее зовут Анжелика... Анжелика Бичо или Ричо, какое-то такое имя, черт их там разберет, этих лягушатников...

– Господи, да она вся в крови!

Люди начали стекаться к ней, кроме китайцев, которые тут же исчезли, умудренные тысячеletним опытом встреч с неожиданными опасностями. В окнах домов замелькали встревоженные лица.

– Чарли, ну-ка давай за сэром Уильямом, быстро! Боже Всемогуший, посмотрите на ее лошадь, бедолага сейчас истечет кровью, позовите ветеринара, – выкрикнул дородный торговец. – А вы, солдат, быстро вызовите генерала и Главного Лягушатника, он ее опекун... о, ради бога, да посланника же, французского посланника. Торопитесь! – Он нетерпеливо ткнул пальцем в одноэтажное здание, над которым развевался французский флаг, и проревел: – Бегом марш!

Солдат со всех ног бросился в указанном направлении, а сам торговец тяжелой трусцой заспешил к девушке. Как и все торговцы, он носил цилиндр, суконный сюртук, тесные, в обтяжку, штаны, туфли и обильно потел на открытом солнце.

– Ради бога, что случилось, мисс Анжелика? – произнес он, хватаясь за поводья ее лошади и с ужасом глядя на забрызганные грязью и кровью лицо, одежду, волосы. – Вы ранены?

– *Мои, non...* нет, кажется, нет, но на нас напали... японцы напали на нас. – От страха ее все еще била крупная дрожь, грудь часто вздымалась после бешеной скачки. Пытаясь отдышаться и взять себя в руки, она откинула волосы с лица, потом настойчиво показала рукой

вглубь острова, на запад, где на горизонте проступали очертания горы Фудзи. – Там... быстро... им нужна... им нужна помощь!

Те, кто стоял рядом, пришли в ужас и начали шумно передавать услышанное остальным и забрасывать ее вопросами. Кто? На кого напали? Это французы или британцы? Напали? Где? Снова эти ублюдки с двумя мечами? Где, черт побери, это произошло?..

Все больше и больше мужчин выбегало на улицу, надевая на ходу фраки, сюртуки и шляпы, у многих в руках уже были пистолеты и мушкеты, а у некоторых – американские ружья последнего образца, заряжавшиеся с казенной части. Один из таких, широкоплечий бородатый шотландец, сбегал со ступеней внушительного двухэтажного здания. Над парадным крыльцом висела надпись «Струан и компания». Он решительно протолкался к девушке через ревущую толпу.

– Тихо, ради бога! – крикнул он и продолжил в разом наступившей тишине: – Быстро, расскажите нам, что случилось. Где молодой мистер Струан?

– О Джейми, *je*... я, я... – Девушка отчаянным усилием воли попыталась взять себя в руки; она выглядела совершенно потрясенной. – *O mon Dieu!* Боже мой...

Он протянул руку и мягко похлопал ее по плечу, успокаивая, как ребенка. Она была всеобщей любимицей, и он обожал ее, как и все остальные.

– Не тревожьтесь, теперь вы в безопасности, мисс Анжелика. Не спешите. Расступитесь, ради бога, дайте ей больше места! – Джейми Макфею было тридцать девять лет, он возглавлял отделение компании Струана в Японии. – А теперь расскажите нам, что произошло.

Она вытерла рукой слезы, откинула прилипшую к лицу прядь рыжеватых волос.

– Мы... на нас напали, напали самураи, – сказала она высоким тихим голосом с приятным акцентом. Все подались вперед, чтобы не пропустить ни слова. – Мы ехали... мы ехали по... по большой дороге... – Она снова показала рукой вглубь острова. – Вон там.

– Токайдо?

– Да, именно, Токайдо... – Эта большая прибрежная дорога, за пользование которой взималась подать, проходила примерно в миле к западу от Поселения и соединяла запретную столицу сёгуна, город

Эдо, лежавший в двадцати милях к северу, с остальной Японией, также закрытой для всех иностранцев. – Мы... мы ехали верхом... – Она замолчала на мгновение, а потом слова полились словно сами собой: – Мистер Кентербери, Филип Тайрер, Малкольм... то есть мистер Струан... и я. Мы ехали верхом по дороге, а потом появились... как это сказать... длинная цепочка самураев со знаменами, и мы ждали, чтобы дать им пройти, а потом мы... потом двое из них набросились на нас, они ранили мистера Кентербери, напали на Малкольма – мистера Струана, который выхватил пистолет, и на Филипа, который крикнул мне, чтобы я скакала за помощью. – Ее опять начала бить дрожь. – Скорее, им нужна помощь!

Люди уже бежали за лошадьми и оружием. Стали раздаваться гневные выкрики:

– Кто-нибудь, вызовите войска!..

– Где это случилось? – крикнул Джейми Макфей, перекрывая весь этот гвалт и сдерживая охватившее его безумное нетерпение. – Можете вы описать место, где это произошло, где точно?

– Рядом с дорогой, не доезжая Кана... что-то, что начинается на «Кана».

– Канагава? – спросил он, называя маленькую придорожную станцию и рыбацкую деревушку на Токайдо, в миле от них через залив – в трех с небольшим, если двигаться вдоль берега.

– *Oui*... да. Канагава! Скорее!

Из струановских конюшен уже выводили оседланных лошадей. Джейми вскинул ружье на плечо.

– Не волнуйтесь, мы быстро их разыщем. Но мистер Струан? Вы не видели, ему удалось спастись... его не ранили?

– *No*n. Я ничего не видела, только самое начало, несчастный мистер Кентербери, он... я ехала рядом с ним, когда они... – Слезы потоком хлынули у нее из глаз. – Я не оглядывалась назад, я подчинилась без... и прискакала, чтобы вы помогли им.

Ее звали Анжелика Ришо. Ей только что исполнилось восемнадцать. Сегодня она впервые выехала за ограду Поселения.

Джейми Макфей вскочил в седло, развернул лошадь и умчался. «Господь Всемогуший, – думал он, и сердце его сжималось от боли, – уже целый год, а то и больше, у нас не было никаких инцидентов с японцами, иначе я ни за что не отпустил бы его. Это моя вина,

Малкольм – прямой наследник, и я отвечаю за него! Во имя Создателя, что же там, черт возьми, произошло?»

Макфей и ускокавшие с ним десяток торговцев, офицер и трое его драгун легко нашли Джона Кентербери на обочине Токайдо, но вот смотреть на него, не отводя взгляда, оказалось гораздо труднее. У него была отрублена голова, кругом валялись рассеченные на части конечности. Все тело покрывали ужасающие раны, методично нанесенные мечом; почти каждая из них была бы смертельной. Ни Тайрера, ни Струана нигде не было видно, как и колонны самураев, о которой рассказывала Анжелика. Никто из прохожих ничего не знал об убийстве, кто совершил его, когда и почему.

– Джейми, а не может так получиться, что двух других похитили? – спросил один из американцев, борясь с тошнотой.

– Не знаю, Дмитрий. – Макфей постарался заставить свой мозг работать. – Кому-то, наверное, нужно вернуться, сообщить сэру Уильяму и раздобыть... и привезти сюда саван или гроб.

С побелевшим лицом он внимательно изучал толпы проходивших мимо путников, которые нарочито избегали смотреть в его сторону, но при этом подмечали все.

Содержавшаяся в неизменном порядке, хорошо утрамбованная земляная дорога была заполнена упорядоченными потоками пешеходов, шагавших в сторону Эдо, который позже станет называться Токио, или прочь от него. Мужчины, женщины и дети всех возрастов, богатые и бедные, сплошь японцы, не считая изредка попадавшихся китайцев в длинных халатах. Большей частью мужчины, все в кимоно самого различного покроя, добротных или изрядно потрепанных, и в самых разнообразных шляпах из материи и соломы. Торговцы, полунагие носильщики, буддийские монахи в оранжевых одеяниях, земледельцы, отправлявшиеся на рынок или возвращавшиеся с него, странствующие предсказатели судьбы, писцы, учителя, поэты. Много носилок и паланкинов всех видов с людьми или товарами, которые несли два, четыре, шесть, а то и восемь носильщиков. Несколько самураев, шагавших вместе с толпой и выделявшихся горделивой походкой и высокомерным видом, с ненавистью посмотрели на них, проходя мимо.

– Они знают, кто это сделал, знают все до единого, – сказал Макфей.

– Можешь быть уверен. Мать их ети! – Дмитрий Сыбородин, к которому он обратился, плотно сбитый темноволосый американец тридцати восьми лет, в грубой одежде, был другом Кентербери и кипел от возмущения. – Мы, черт побери, запросто могли бы сейчас захватить одного из них!

Тут они заметили группу самураев из десяти-двенадцати человек, которые стояли у обочины дороги и наблюдали за ними. У многих в руках были луки, а все европейцы знали, с каким искусством самураи умеют ими пользоваться.

– Не так-то это просто, Дмитрий, – сказал Макфей.

Сеттри Паллидар, молодой драгунский офицер, отрывисто произнес:

– Справиться с ними будет очень легко, мистер Макфей, но делать это без надлежащего разрешения неразумно, если, конечно, они не попытаются напасть на нас первыми. Вам нечего опасаться. – С этими словами Паллидар отрядил одного драгуна в лагерь с приказом вернуться с небольшим отрядом и привезти гроб. Было видно, что американца задели за живое его покровительственные манеры. – Вам, наверное, стоит прочесать местность в округе. Когда мои люди придут, они вам помогут. Более чем вероятно, что остальные двое лежат, раненые, где-нибудь поблизости.

Макфей передернулся и указал на труп:

– Или в таком же виде?

– Возможно, но будем надеяться на лучшее. Вы трое берите на себя ту сторону, остальные пусть разворачиваются в цепь и...

– Эй, Джейми! – нарочно прервал его Дмитрий, ненавидевший офицеров, мундиры и солдат, особенно британских. – Как насчет того, чтобы нам с тобой доскакать до Канагавы? Может быть, в нашей миссии кто-нибудь что-то знает.

Паллидар не стал обращать внимания на враждебный тон, понимая его причину. Он был хорошо знаком с завидным послужным списком американца. Дмитрий был выходцем из казачьих переселенцев и являлся в прошлом кавалерийским офицером американской армии; его дед погиб, сражаясь против британцев в Американской войне 1812 года.

– Канагава – это удачная мысль, мистер Макфей, – сказал он. – Там обязательно должны знать, что за большая процессия самураев проходила здесь, а чем скорее мы отыщем виновного, тем лучше. Должно быть, это нападение произошло по приказу одного из их правителей или князей. На этот раз мы сможем точно установить личность этого выродка, и тогда да поможет ему Бог.

– Будь прокляты все выродки на свете! – многозначительно добавил Дмитрий.

Вновь капитан, великолепный в своем безупречно аккуратном и чистом мундире, не дал себя спровоцировать, но и не оставил его слова без ответа.

– Вы совершенно правы, мистер Сыбородин, – заметил он небрежным тоном. – И любому, кто назовет меня выродком, лучше побыстрее заручиться секундантом, выбрать пистолет или саблю, а также заранее запастись саваном и найти кого-нибудь, кто выроет ему могилу. Мистер Макфей, до заката времени у вас довольно. Я останусь здесь, пока не вернутся мои люди, потом присоединюсь к вам в ваших поисках. Если вы узнаете что-нибудь в Канагаве, пожалуйста, сообщите мне. – Ему было двадцать четыре года, и он боготворил свой полк. Он посмотрел на пеструю группу торговцев с плохо скрытым презрением. – Предлагаю вам... джентльмены... начать поиски. Развернитесь в линию, но не теряйте друг друга из виду. Браун, вы отправитесь со второй группой и прочешите вон тот лесок. Сержант, вы за старшего.

– Есть, сэр. Поехали, ребята.

Макфей снял с себя сюртук и накрыл им тело, потом опять сел в седло. Со своим американским другом он поскакал в Канагаву, им нужно было проехать еще одну милю.

Драгунский офицер остался один.

Это не похоже на другие нападения, нападения одиночек, подумал он, чувствуя, как в нем поднимается злость. Черт побери, они сполна заплатят за то, что напали на этих четверых, среди которых была женщина, и так подло убили англичанина! Дело закончится войной.

За несколько часов до описанных событий три всадника и всадница выехали из главных ворот Поселения, миновали таможеню, небрежно отдали честь стражникам-самураям, которые ответили на

приветствие едва заметным поклоном, и лениво затрусили по извилистым тропинкам вглубь острова, направляясь к Токайдо. Все четверо считались прекрасными наездниками; лошади были легки на ногу.

В честь Анжелики мужчины надели свои парадные цилиндры и лучшие костюмы для верховой езды, и во всем Поселении не было человека, который бы не завидовал им. Всего в Поселении насчитывалось сто семнадцать постоянных жителей — дипломаты, торговцы, мясники, владельцы лавок, кузнецы, корабелы, оружейники, искатели приключений, игроки и множество неудачников и эмигрантов, живущих на деньги, присылаемые с родины, в основном британцы, клерки из числа евразийцев или китайцев, немного американцев, французов, голландцев, немцев, русских, австралийцев и один швейцарец. Ни одного ребенка. Пятьдесят-шестьдесят слуг-китайцев.

Джон Кентербери, британский торговец с красивым, резко очерченным лицом, выступал в роли проводника. Целью поездки было показать Филипу Тайреру, как верхом добраться до Канагавы, где время от времени происходили встречи с японскими чиновниками. Это место безусловно находилось в пределах отведенной для Поселения территории. Тайрер, которому шел всего двадцать второй год, прибыл вчера из Лондона через Пекин и Шанхай. Его прислали сюда в качестве вновь назначенного ученика-переводчика при Британской дипломатической миссии.

Утром, случайно услышав их беседу в клубе, к ним подошел Малкольм Струан:

— Вы позволите поехать с вами, мистер Кентербери, мистер Тайрер? Сегодня прекрасный денек для прогулки, и я бы хотел пригласить мисс Ришо присоединиться к нам — она еще совсем не видела страны.

— Почтем за честь, мистер Струан. — Кентербери мысленно благословил свою удачу. — Мы будем рады видеть вас обоих. Дорога удобная и живописная, хотя в самом селении смотреть почти не на что, особенно для леди.

— Вот как? — удивленно поднял глаза Тайрер.

— Канагава столетиями была оживленной почтовой станцией и традиционным местом отдыха для всех, кто следовал в Эдо и обратно.

Там полным-полно чайных домиков, как здесь называют большинство борделей. Некоторые из них весьма и весьма заслуживают визита, хотя там мы не всегда такие желанные гости, как в нашей собственной Ёсиваре по ту сторону болота.

– Публичные дома? – переспросил Тайрер.

Его собеседники рассмеялись, увидев выражение его лица.

– Они самые, мистер Тайрер, – ответил Кентербери. – Только они совсем не похожи на ночлежные дома и бордели в Лондоне или в любой другой стране мира. Они очень особенные. Да вы скоро и сами узнаете, хотя по традиции здесь каждый старается обзавестись собственной любовницей, если это ему по карману.

– Моего кармана на это никогда не хватит, – сказал Тайрер.

Кентербери рассмеялся:

– Может быть, и хватит. Благодарение Богу, курс обмена валют благоприятствует нам, о да, уж вы мне поверьте! Этот Таунсенд Харрис оказался продувной бестией.

Он довольно заулыбался, вспомнив старика-янки. Харрис был первым американским генеральным консулом, назначенным сюда через два года после того, как коммодор Перри заставил японцев открыть свою страну внешнему миру, сначала в 1853 году, а потом в 1856-м, появившись здесь со своими четырьмя Черными кораблями – первыми пароходами в японских водах. Четыре года назад, после долгих лет переговоров, Харрис подготовил Соглашения, впоследствии ратифицированные крупнейшими державами, которые открывали доступ иностранным судам в некоторые японские порты. Эти Соглашения также устанавливали крайне благоприятный обменный курс между «мексиканцем» – серебряным мексиканским долларом, универсальной платежной единицей Азии, – и японским золотым обаном, так что, если вы обменивали «мексиканцев» на обаны, а потом обратно на «мексиканцев», вы могли удвоить и даже утроить свой капитал.

– Пообедаем пораньше и в путь, – сказал Кентербери. – К ужину вернемся без опоздания, мистер Струан.

– Отлично. Может быть, вы не откажетесь присоединиться ко мне и отужинать в обеденном зале нашей фактории? Я даю небольшой банкет в честь мадемуазель Ришо.

– Весьма признателен за приглашение. Надеюсь, тайпан чувствует себя лучше?

– Да, гораздо лучше, отец вполне выздоровел.

И едва они отъехали от Поселения, он стал еще любезнее:

– О мистер Струан, вы... Как долго вы собираетесь пробыть здесь?

– Еще неделю или около того, потом домой, в Гонконг. – Струан был самым высоким и самым сильным из них троих. Бледно-голубые глаза, рыжевато-каштановые волосы и лицо, выглядевшее гораздо старше своих двадцати лет. – Мне здесь нечего делать, наши операции в отличных руках. Я говорю о Джейми Макфее. Он поработал для нас выше всех похвал, открывая Японию.

– Голова у него редкая, мистер Струан, и это факт. Лучше не бывает. Леди уедет с вами?

– Мисс Ришо? Думаю, она вернется со мной – от души на это надеюсь. Ее отец попросил меня присматривать за ней, хотя формально обязанности ее опекуна на то время, что она здесь, выполняет французский посланник, – сказал он словно между прочим, притворяясь, что не замечает, как вдруг осветилось лицо Кентербери или как Тайрер, совершенно покоренный девушкой, увлеченно беседует с Анжеликой по-французски, на котором Малкольм изъяснялся с большой осторожностью.

Местность была ровная и открытая, не считая густых зарослей бамбука да небольших рощиц, разбросанных тут и там; деревья уже были тронуты красками осени. Много уток и прочей дичи. На рисовых полях кипела работа, новые участки земли подготавливались для посевов. Узкие тропинки. Куда ни пойдешь, везде ручьи. Неистребимая вонь человеческих испражнений – единственного удобрения, употреблявшегося в Японии. Девушка и Тайрер, изящно держа в руках надушенные платки, не отнимали их от носа, хотя прохладный бриз с моря уносил с собой большую часть зловония и вместе с ним комаров, мух и других насекомых – неизбежное следствие влажного воздуха. Холмы вдалеке, сплошь покрытые густыми лесами, лежали как складки богатой парчи, тканной всеми оттенками красного, золотого и коричневого, – буки, багряные и желтые лиственницы, клены, дикие рододендроны, кедры и сосны.

– Там так красиво, не правда ли, мсье Тайрер? Как жаль, что сегодня не так хорошо видно гору Фудзи.

– *Oui, demain, il est là! Mais mon Dieu, Mademoiselle, quelle senteur*^[1], – радостно отвечал Тайрер на прекрасном французском – обязательном дополнении к родному языку для каждого дипломата.

Кентербери чуть-чуть придержал лошадь и оказался рядом с Анжеликой, ловко оттеснив с этой позиции более молодого и менее опытного кавалера.

– Все в порядке, мадемуазель?

– О да, благодарю вас. Хорошо бы только немного проскакать галопом. Я так счастлива, что наконец-то очутилась за оградой.

С тех пор как она прибыла две недели назад с Малкольмом Струаном на пароходе компании, ходившем в Японию два раза в месяц, за ней был установлен самый тщательный присмотр и она нигде не появлялась без провожатых.

По-другому и быть не могло, думал Кентербери, в Иокогаме полно всякого отребья и, будем откровенны, иной раз даже пиратов, которые не станут церемониться с дамой.

– На обратном пути вы можете проскакать круг по ипподрому, если вам хочется.

– О, это было бы чудесно, благодарю вас.

– Вы замечательно говорите по-английски, мисс Анжелика, у вас восхитительное произношение. Вы посещали школу в Англии?

– Ла-ла, мистер Кентербери, – рассмеялась она, и его словно обдало жаром; нежность ее кожи, ее красота кружили ему голову. – Я никогда не была в вашей стране. Моего младшего брата и меня воспитали тетя Эмма и дядя Мишель, она англичанка и всегда отказывалась говорить по-французски. Она была нам больше матерью, чем тетей. – На ее лицо легла тень. – Это было после того, как мама умерла, подарив жизнь брату, а отец уехал в Азию.

– О, простите, мне жаль это слышать.

– Это было очень давно, мсье, и я всегда думаю о моей дорогой тете Эмме как о маме. – Ее лошадь дернула поводья. Она бессознательным движением выправила ее, погруженная в свои мысли. – Мне очень повезло.

– Это ваша первая поездка в Азию? – спросил он, зная ответ на этот вопрос и на многие другие, просто стараясь разговорить ее.

Обрывки информации о ней, слухи, сплетни перелетали от одного сраженного ею мужчины к другому.

– Да. – Вновь ее улыбка осветила его и согрела до глубины души. – Мой отец торговец в вашей колонии Гонконг. Я приехала к нему на один сезон. Он в дружбе с мсье Сератаром и любезно устроил для меня эту поездку. Вы, возможно, знаете отца, Ги Ришо из компании «Братья Ришо»?

– Ну конечно, весьма достойный джентльмен, – вежливо ответил он, никогда с ним не встречавшись. Он знал о ее отце только то, что рассказывали другие: Ги Ришо слыл изрядным волокитой, в остальном же был мелкой сошкой; он появился в Гонконге несколько лет назад и с тех самых пор лишь кое-как сводил концы с концами. – Для нас всех большая честь принимать вас здесь. Может быть, вы позволите мне дать обед в вашу честь в клубе?

– Благодарю вас, я спрошу у своего радушного хозяина, мсье Сератара. – Анжелика заметила, как Струан, ускакавший вперед, оглянулся, и весело помахала ему рукой. – Мистер Струан был настолько любезен, что предложил сопровождать меня сюда.

– В самом деле? – Словно мы и сами не знали об этом, усмехнулся про себя Кентербери и задумался о ней, о том, как ему можно было бы поймать и удержать подле себя это сокровище и заработать достаточно денег, чтобы позволить себе роскошь иметь его, задумался о блестящем молодом Струане, которому это было куда как по карману, задумался также о слухах, что между компанией Струана и их главным соперником в торговле, компанией «Брок и сыновья», вновь разгорается борьба за господство, связанная каким-то образом с Гражданской войной в Америке, начавшейся в прошлом году.

Да, тут будет чем поживиться. Второй такой возможности заработать огромные деньги, как война, не существует. Обе стороны уже вцепились друг другу в глотки как одержимые: южные штаты более чем достойный противник для янки.

– Анжелика, смотрите! – Струан придержал поводья и вытянул вперед руку.

В сотне ярдов от них, у подножия отлогого невысокого склона, шла большая дорога. Они все подъехали к нему и встали рядом.

– Я никогда не думал, что Токайдо окажется настолько широкой дорогой и что здесь будет так многолюдно, – сказал Филип Тайрер.

Не считая всего нескольких всадников, люди шли пешком.

– Но... но где же кареты, повозки, телеги? – вырвалось у нее. – И самое главное – где нищие?

Струан расхохотался:

– Ответ прост, Анжелика. Как почти все остальное в этой стране, они запрещены. – Он тронул свой цилиндр, заломив его покруче. – В Японии не разрешается пользоваться колесами или чем-то, что способно их заменить. Приказ сёгуна. Никакими абсолютно!

– Но почему?

– Это единственный верный способ держать все остальное население в узде, не правда ли?

– Да уж, действительно, – сардонически рассмеялся Кентербери, потом показал рукой на дорогу. – Прибавьте к этому еще и то, что каждый Том, Дик или Мэри в этой толпе, знатные они или нет, обязаны иметь при себе дорожные документы, разрешение путешествовать, даже просто находиться за пределами своей родной деревни – один закон для князя и для нищего. А вон посмотрите туда, это самураи – они единственные люди во всей Японии, которые имеют право носить оружие.

– Но как страна вообще может существовать без дилижансов и железных дорог? – Тайрер был озадачен.

– Она существует на японский манер, – сказал ему Кентербери. – Никогда не забывайте, что у японцев есть только один способ делать дела. Только один. Их собственный. Эти ребята единственные в своем роде, и уж на кого они точно не похожи, так это на китайцев, а, мистер Струан?

– Никак не похожи.

– Нигде никаких колес, мисс. Поэтому всё: любые товары, пища, рыба, мясо, строительные материалы, каждый мешок риса, вязанка дров, рулон ткани, ящик чая, бочонок с порохом, каждый мужчина, женщина или ребенок, которые могут себе это позволить, – решительно всё должно быть перенесено на чьей-то спине или отправлено в лодке, что означает морем, потому что рек, пригодных для навигации, как я слышал, у них нет совсем, только тысячи ручьев и речушек.

– Но как же насчет Поселения? Там ведь колеса разрешаются, мистер Кентербери.

– Верно, мисс, разрешаются. У нас там столько колес, сколько нужно, хотя их чиновники упирались, как сучьи... прошу прощения, мисс, – быстро добавил он, смутившись. – Здесь, в Азии, мы отвыкли от дамского общества. Так вот, эти чиновники, их называют бакуфу, они тут вроде нашей государственной службы, спорили насчет колес целые годы, пока наш посланник не сказал им катиться к... ну, э-э, он сказал, чтобы они прекратили возражать, потому что наше Поселение – это наше Поселение! Что же до нищих, то они тоже запрещены.

Она тряхнула головой, и перо на ее шляпке весело заплесало.

– Это кажется мне невозможным. Париж, он... Париж заполнен ими, как и вся Европа; с нищенством невозможно бороться. *Mon Dieu*, Малкольм, вспомните ваш Гонконг.

– Столько нищих, сколько в Гонконге, нет нигде, – кивнул Малкольм Струан с улыбкой.

Кентербери как-то странно улыбнулся:

– Нищих нет, потому что сам всемогущий правитель всей этой страны, сёгун, сказал: нищих не будет. Так что это закон. Любой самурай может проверить, хорошо ли отточен его клинок, на любом нищем, когда пожелает, – или на любом другом содомите... пардон... или, раз уж на то пошло, вообще на ком угодно, если только тот не самурай. Если вас ловят, когда вы просите милостыню, значит вы нарушили закон, поэтому вы отправляетесь в каталажку, в тюрьму, а для всех попавших туда наказание одно – смерть. Это тоже закон.

– И другого наказания нет? – спросила девушка, глубоко потрясенная услышанным.

– Боюсь, что нет. Вот и получается, что все японцы на удивление законопослушный народ. – Кентербери опять усмехнулся с иронией и посмотрел на извилистую дорогу, обрывавшуюся в полумиле от них перед широкой мелкой речушкой, которую каждому путнику приходилось пересекать вброд, если он не хотел платить, чтобы его перенесли. На дальнем берегу стояла дорожная застава. Там все с поклоном предъявляли документы неизменным стражникам-самураям.

– Смотрите, – сказала Анжелика.

На Токайдо они увидели группы людей, которые остановились и показывали руками в их сторону, удивленно разинув рот и громко переговариваясь, перекрывая никогда не смолкающий на дороге гул. На многих лицах читались ненависть и страх.

– Не обращайтесь на них внимания, мисс, мы просто странно выглядим для них, вот и все, что с них спрашивать. Очень возможно, что вы первая цивилизованная женщина, которую они видят в своей жизни. – Кентербери показал рукой на север. – Эдо в той стороне, милях примерно в двадцати. Разумеется, для нас он закрыт.

– За исключением официальных делегаций, – заметил Тайрер.

– Правильно, при наличии разрешения, которого сэр Уильям так ни разу и не получил, по крайней мере за то время, что я здесь, а я прибыл одним из первых. Если верить слухам, Эдо в два раза больше Лондона, мисс, в нем живет миллион душ и он фантастически богат, а замок сёгуна – самый большой в мире.

– А может оказаться так, что все это просто слухи, мистер Кентербери? – спросил Тайрер.

Торговец лучезарно улыбнулся:

– Врать они мастера, мистер Тайрер, и это святая правда. В этом им нет равных во всем мире, и любой китаеза рядом с ними покажется вам архангелом Гавриилом. Не завидую я вам, кому придется переводить то, что они говорят, потому что, Господь мне свидетель, это будет совсем не то, что они хотят сказать!

Обычно Кентербери не был так разговорчив, но сегодня он имел твердое намерение произвести впечатление на девушку и Малкольма Струана своими познаниями, раз уж представилась такая возможность.

– Малкольм, а мы не могли бы получить разрешение отправиться туда? – поинтересовалась Анжелика. – В это Эдо.

– Сомневаюсь. Почему бы вам не спросить у мсье Сератара?

– Спрошу. – Она заметила, что он произнес имя правильно, опустив немое «д» на конце, как она его учила. – Где она заканчивается, эта дорога?

После странной паузы Кентербери произнес:

– Мы не знаем. Вся страна для нас сплошная загадка, и совершенно ясно, что японцы хотят сохранить такое положение вещей и впредь и что мы им не нравимся, никто из нас. Нас здесь называют гайдзинами, «чужими людьми». Есть еще одно слово – «идзин», оно означает «люди, не похожие на нас». Не знаю, в чем тут разница, кроме того, что «гайдзин», говорят, звучит не так вежливо. – Он рассмеялся. – В любом случае любви к нам они не испытывают. И мы действительно отличаемся от них... или они от нас. – Он закурил

сигару. – В конце концов, они держали свою Японию закупоренной плотнее, чем комариная... держали закрытой ото всех почти два с половиной века, пока Старик Перри Бакенбарды не выбил пробку девять лет назад, – сказал он с восхищением. – По слухам, Токайдо заканчивается в большом городе, вроде как бы священном, под названием Киото, где живет их верховный жрец – его зовут микадо. Этот город такой особенный и священный, что, как нам говорили, закрыт вообще для всех, кроме очень немногих избранных японцев.

– Дипломатам позволено совершать поездки вглубь страны, – довольно резко заметил Тайрер. – Это разрешается Соглашениями, мистер Кентербери.

– Тут все зависит от того, как понимать эти Соглашения, и еще от того, хотите ли вы сохранить голову на плечах. Я не советовал бы выходить за безопасную территорию, о которой мы условились с японцами, это несколько миль на север, на юг и вглубь острова, что бы там ни писали в Соглашениях, – пока еще нет, разве что вас будет сопровождать полк солдат, а то и два. – Несмотря на все свое самообладание, он чувствовал, что полная грудь девушки под зеленым облегающим жакетом завораживает его. – Мы здесь как в садке, но тут не так уж плохо. В нашем Поселении в Нагасаки, это две сотни лиг на запад, то же самое.

– «Лиг»? Я не понимаю, – сказала Анжелика, пряча удовольствие, которое доставляло ей окружающее ее вожделение, и втайне забавляясь им. – Пожалуйста?

– Лига – это примерно три мили, мадемуазель, – с важностью произнес Тайрер. Он был высоким и стройным, недавно окончил университет и был без ума от ее голубых глаз и парижской элегантности. – Вы... э-э... вы говорили что-то, мистер Кентербери?

Торговец с трудом оторвался мыслями и взглядом от ее груди.

– Только то, что я не жду серьезных улучшений, когда откроются и другие порты. Скоро, очень скоро мы должны будем вырваться из этих крольчатников на простор, если хотим торговать по-настоящему, вырваться тем или иным способом.

Тайрер бросил на него острый взгляд:

– Вы говорите о войне?

– Почему бы нет? Для чего еще существуют флоты? Армии? Это прекрасно сработало в Индии, в Китае, в любом другом месте. Мы –

Британская империя, самая большая и лучшая из всех, когда-либо созданных на земле. Мы приехали сюда торговать и попутно можем дать им справедливые законы, порядок и сделать по-настоящему цивилизованной нацией. – Кентербери оглянулся на дорогу, царившая там враждебность раздражала его. – Уродливый народец, не правда ли, мисс?

– *Mon Dieu*, мне бы очень хотелось, чтобы они перестали так смотреть на нас.

– Боюсь, вам просто придется привыкнуть к этому. Такие взгляды вы встретите повсюду. Как говорит мистер Струан, Гонконг еще хуже. И все равно, мистер Струан, – заговорил он с неожиданной почтительностью, – могу сказать вам откровенно, нам здесь нужен наш собственный остров, наша собственная колония, а не зловонная, гниющая полоска земли на самом берегу с милую длиной, которую невозможно оборонять и которая, не будь здесь нашего флота, беспрестанно подвергалась бы нападениям и угрозам! Нам необходимо захватить какой-нибудь остров, как это сделал с Гонконгом ваш дед, благослови его Господь!

– Может быть, мы так и поступим, – с уверенностью произнес Малкольм, согретый воспоминанием о своем знаменитом предке, тайпане Дирке Струане, основателе их компании, усилиями которого двадцать с небольшим лет тому назад, в 1841 году, была основана колония Гонконг.

Когда Анжелика поравнялась со Струаном, глаза его прищурились в улыбке. Он был открыто влюблен в нее с того самого момента, когда впервые увидел ее в Гонконге четыре месяца назад, она как раз только что приехала – и в одночасье покорила весь остров. Светлые волосы, идеальная кожа, темно-голубые глаза, приятно вздернутый носик, овальное лицо – его ни в коем случае нельзя было назвать хорошеньким, но оно обладало при этом некой странной привлекательностью, от которой захватывало дух, очень парижской. Кроме того, под чистотой и юной свежестью этого создания безошибочно угадывалась чувственность, которую она излучала постоянно, хотя и бессознательно, чувственность, которая требовала утоления.

– Не беспокойтесь насчет туземцев, Анжелика, – прошептал он, – они просто ошеломлены вашей красотой.

Она широко улыбнулась. Как императрица, величественно наклонила голову:

– *Merci, Monsieur, vous êtes très aimable*^[2].

Выбравшись на дорогу, они стали быстро продвигаться вперед, внимательно следя за тем, чтобы не мешать движению. Но, хотели они этого или нет, их неожиданное присутствие и то, что огромное большинство изумленных японцев никогда раньше не видели людей такого роста, с такими необычными чертами лица и цветом кожи, волос и глаз – особенно это касалось девушки, – не говоря уже об их высоких цилиндрах, фраках, узких брюках, сапогах для верховой езды и ее сапожках, амазонке, высокой шляпе с кокетливым пером, дамском седле, – неизбежно создавало заторы на дороге.

И Кентербери, и Струан внимательно наблюдали за прохожими, но ни тот ни другой не чувствовали и не предвидели никакой опасности. Анжелика держалась с ними рядом, притворяясь, что не замечает грубого хохота, разинутых ртов и время от времени рук, которые пытались дотронуться до нее. Ее шокировало то, как многие мужчины небрежно подтыкали свои кимоно повыше, открывая узкие набедренные повязки и почти обнажая то, что должно быть прикрыто. «Дорогая моя Колетта, ты мне не поверишь, – подумала она, продолжая письмо своей лучшей парижской подруге, которое она закончит сегодня вечером, – но почти каждый из этих бесчисленных носильщиков на главной дороге носит только крошечную набедренную повязку, которая не скрывает почти ничего спереди и превращается в тонкую веревочку между ягодицами сзади! Клянусь тебе, это чистая правда, и могу сообщить, что у многих туземцев растут там довольно густые волосы, хотя эти части тела у большинства из них маленькие. Интересно, а у Малкольма...»

Она почувствовала, что краснеет.

– Эта столица, Филип, – сказала она, чтобы продолжить беседу, – она действительно под запретом?

– Нет, если верить Соглашениям. – Тайрер был на верху блаженства. Всего несколько минут знакомства, а она уже опустила «мсье» и звала его просто по имени. – Соглашениями предусматривалось, что дипломатические миссии всех государств будут находиться в Эдо, в столице. Мне сказали, что мы оставили Эдо

в прошлом году после нападения на нашу миссию. Безопаснее жить в Июкогаме под прикрытием пушек нашего флота.

– Нападения? Какого нападения?

– О, это какие-то сумасшедшие, которых здесь называют «ронины», – местные бандиты, убийцы, что-то вроде этого, – около десятка этих злодеев напали на нашу миссию среди ночи. На Британскую дипломатическую миссию! Представляете, какой поднялся шум! Эти дьяволы убили сержанта и часового...

Он замолчал. Кентербери свернул с дороги на обочину, натянул поводья и указал рукояткой плети вперед:

– Посмотрите-ка туда!

Они встали рядом с ним. Теперь и они могли видеть высокие узкие знамена над рядами самураев, мерно шагавших в их сторону из-за поворота дороги в нескольких сотнях ярдов впереди. Путники на Токайдо разбегались в разные стороны, тюки и паланкины торопливо опускали на землю, подальше от дороги, всадники быстро спешивались; потом все, мужчины, женщины, дети, опустились на колени у обочин, уткнулись головами в твердую землю и замерли так. Лишь несколько самураев остались стоять. Когда кортеж проходил мимо них, они почтительно кланялись.

– Кто это, Филип? – возбужденно спросила Анжелика. – Вы можете прочесть их значки?

– Сожалею, нет, пока нет, мадемуазель. Говорят, требуются годы, чтобы научиться читать и писать на их языке. – Ощущение счастья улетучилось, когда Тайрер подумал о том, какая работа ему предстоит.

– Может быть, это сам сёгун? – Кентербери рассмеялся.

– Исключено. Если бы это был он, тут оцепили бы все вокруг. Рассказывают, будто он одним движением пальца может собрать сто тысяч самураев. Но это какая-то важная птица, какой-нибудь местный правитель.

– А что мы будем делать, когда они будут проходить мимо? – спросила она.

– Мы поприветствуем их по-королевски, – сказал Струан. – Возьмем шляпы на отлет и трижды выкрикнем здравицу. А что сделаете вы?

– Я, *chéri*?^[3] – Она улыбнулась. – Я склоню голову, как мы делаем, когда встречаемся в Булонском лесу с его величеством императором

Луи Наполеоном. Что такое, Филип?

– Возможно, нам лучше повернуть назад, – обеспокоенно сказал Тайрер. – Я слышал, они вспыхивают как порох, если кто-нибудь из нас оказывается рядом с их князем.

– Чепуха! – отмахнулся Кентербери. – Никакой опасности нет, они еще ни разу не нападали на нас сразу целым отрядом – это не Индия, не Африка и не Китай. Как я уже говорил, японцы весьма законопослушны. Мы даже близко не подошли к границе, установленной Соглашениями, поэтому поступим так, как поступаем всегда: просто дадим им пройти, вежливо приподнимем шляпы, как сделали бы это при встрече с любым высокопоставленным лицом, потом двинемся дальше. Вы вооружены, мистер Струан?

– Разумеется.

– Я – нет, – заметила Анжелика несколько капризным тоном, наблюдая за знаменами, которые теперь покачивались в какой-нибудь сотне шагов от них. – Я полагаю, женщины тоже должны носить оружие, раз мужчины его носят.

Трое ее спутников ошарашенно уставились на нее.

– Бог с вами, что за мысли. Вы, Тайрер?

Чувствуя себя неловко, Тайрер показал Кентербери маленький «дерринджер».

– Прощальный подарок моего отца перед отъездом. Но я никогда не стрелял из него.

– Это и не понадобится. Опасаться следует только самураев-одинок, которые путешествуют по одному или по двое, – фанатиков, которые ненавидят каждого, кто не японец. Или ронинов, – объяснил Кентербери, потом неосмотрительно добавил: – Не волнуйтесь, уже целый год, если не больше, как мы живем без всяких инцидентов.

– Инцидентов? Каких инцидентов?

– Да так, пустяки, – сказал он, не желая пугать ее и пытаясь исправить свою оплошность. – Несколько нападений, совершенных двумя-тремя фанатиками, ничего серьезного.

Она нахмурилась:

– Но мсье Тайрер говорил, что было большое нападение на вашу миссию в Эдо, что нескольких солдат убили. Это, по-вашему, не серьезно?

– Нет, это было серьезно. – Кентербери натянуто улыбнулся Тайреру, и тот прекрасно понял его взгляд: ты полный идиот, если решаешься сообщить даме что-то хоть сколь-нибудь важное! – Но это были отщепенцы, просто-напросто банда головорезов. Чиновники сёгуната дали клятву, что найдут и накажут их.

Его голос звучал убедительно, но он спрашивал себя, какая доля правды известна Струану и Тайреру. Пятеро убитых на улицах Иокогамы в первый год. На следующий год двое русских, офицер и матрос с военного корабля, были зарублены насмерть, опять в Иокогаме. Несколько месяцев спустя – двое голландских торговцев. Потом молодой переводчик британской миссии в Канагаве: его ударили кинжалом в спину и оставили истекать кровью. Хюскен, секретарь Американского дипломатического представительства, разрубленный на дюжину кусков по дороге домой после званого ужина в прусской миссии. А в прошлом году британцы – солдат и сержант, – зарезанные у дверей спальни генерального консула!

Каждое убийство было подготовлено заранее и ничем не спровоцировано, думал он, распаляясь, каждое было совершено негодяем с двумя мечами. Ни разу японцам не нанесли никакой обиды – и хуже всего то, что ни разу ни один сукин сын так и не был пойман и наказан всемогущим бакуфу сёгуна, сколько бы ни вопило об отмщении руководство миссии и сколько бы обещаний ни давали эти джапские ублюдки. Наши доблестные вожди всего лишь стадо тупых баранов, черт бы их побрал! Они должны были приказать флоту немедленно прибыть сюда и разнести Эдо к чертовой матери, тогда весь этот ужас разом бы прекратился, мы смогли бы спокойно спать в своих кроватях без всякой охраны и разгуливать по своим улицам, по любым улицам, не косясь с опаской на первого встречного самурая. Эти дипломаты горазды только задницы лизать, и сей юный попугай – прекрасный образчик этой породы.

Он угрюмо рассматривал знамена, пытаясь разобрать иероглифы на них. Позади процессии, как только она полностью проходила мимо, путники поднимались с колен и трогались дальше. Те, что шли в одну сторону с колонной, двигались следом, отстав на почтительное расстояние.

Все четверо чувствовали себя странно, сидя в седлах, так высоко над рядами бедно одетых коленопреклоненных фигур по обе стороны

дороги, головы в пыли, зады выставлены к небу. Трое мужчин старались не замечать открывшееся их глазам бесстыдство, смущенные тем, что с ними дама, которая была смущена не меньше их.

Ряды самураев-знаменосцев неотвратно приближались. Они шли двумя колоннами, примерно по сто человек в каждой, за ними были видны еще знаменосцы и более плотные шеренги воинов, окружавшие черный лакированный паланкин, который несли восемь истекающих потом носильщиков. Дальше снова следовали самураи со знаменами, потом те, что вели под уздцы выючных лошадей; замыкала шествие пестрая толпа носильщиков, нагруженных поклажей. Все самураи были облачены в серые кимоно с одинаковым гербом: три переплетающихся цветка пиона; этот герб был изображен также на знаменах и круглых соломенных шляпах, подвязывавшихся под подбородком. За поясом у каждого были заткнуты два меча – один короткий, один длинный. Некоторые несли за плечами лук со стрелами. Небольшое количество самураев было вооружено мушкетами, заряжавшимися со ствола. Одни были одеты более богато и изысканно, чем другие.

Колонны воинов надвигались на них.

И тут Струан и его спутники увидели, что глаза всех самураев не мигая смотрят на них, и с растущей тревогой прочли в этих глазах и на каждом лице одно: клокочущую ярость. Струан первым оправился от шока, в который повергло их это открытие.

– Я думаю, нам лучше отъехать назад, подальше от...

Но прежде, чем он или кто-нибудь из них успел тронуться с места, молодой широкоплечий самурай нарушил строй и бросился к ним, следом за ним еще один. Они встали между европейцами и паланкином. Задыхаясь от злости, первый швырнул свое знамя на землю и обрушил на них поток ругани, прогоняя прочь. Неожиданность этой яростной вспышки гнева парализовала их. В колоннах самураев произошло замешательство, но лишь на секунду. Подхватив утерянный было ритм, они тем же мерным шагом двинулись дальше. Стоявшие на коленях люди не шелохнулись. Но сейчас надо всем повисла глубокая, тошнотворная тишина, нарушаемая только глухим топотом множества ног.

Самурай опять набросился на них с проклятиями. Кентербери стоял ближе всех к нему. Чувствуя, как его мутит от страха, англичанин послушно тронул шпорами лошадь. Но по недомыслию начал поворачивать к паланкину, а не в противоположную сторону. Самурай тут же выхватил длинный меч, издал пронзительный клич: *сонно-дзёи!* – и рубанул со всей силы. В тот же миг второй самурай бросился на Струана.

Удар отсек Кентербери руку у самого плеча и проник глубоко в бок. Торговец недоумевающе уставился на обрубок, кровь из которого брызнула на девушку. Меч описал еще одну страшную дугу. Струан лихорадочно пытался достать револьвер, но руки плохо слушались его. Второй самурай бежал к нему с высоко поднятым мечом. Больше по счастью, чем соображая, что делает, он увернулся с линии атаки, и меч лишь легко ранил его в левую ногу и полоснул по боку лошади. Та испуганно заржала и прынула назад, оттолкнув нападавшего в сторону. Струан прицелился и нажал на курок маленького кольца, но лошадь в панике дернулась еще раз, и пуля пролетела мимо, не причинив японцу вреда. Он отчаянно попытался заставить животное стоять на месте и прицелился снова, не видя, что первый самурай подбегает к нему с другой стороны.

– Береги-и-и-ись! – завопил Тайрер, приходя в себя.

Все произошло так быстро, что ему показалось, будто весь этот кошмар существует только в его воображении – Кентербери, катающийся по земле от боли, его лошадь, уносившаяся вскачь, девушка, застывшая в седле как изваяние, Струан, поднимающий револьвер во второй раз, и самурайский меч, нацеленный на его незащищенную спину. Он увидел, как Струан отреагировал на его крик, обезумевшая лошадь прыгнула вперед, почувствовав шпоры, и клинок, который иначе неминуемо убил бы его, задел то ли уздечку, то ли луку седла, отклонился и врезался ему в бок. Струан дернулся в седле и взвыл от боли.

Этот звук подействовал на Тайрера словно электрический разряд.

Он вонзил шпоры в бока своей лошади и налетел на второго самурая. Тот отпрыгнул в сторону, невредимый, заметил девушку и бросился к ней, подняв меч над головой. Тайрер развернул на месте свою перепуганную лошадь и увидел Анжелику: она смотрела на приближающегося самурая, оцепенев от ужаса.

– Скачите прочь, зовите на помощь! – крикнул он ей, потом опять устремился на своего противника, который снова ловко увернулся, мгновенно восстановил равновесие и, подняв меч, приготовился нападать.

Время замедлило свой бег. Филип Тайрер знал, что для него все кончено. Но сейчас ему казалось, что это уже не имеет значения, ибо за эту секундную передышку он успел заметить, как Анжелика развернула своего коня и, невредимая, поскакала обратно. О своем «дерринджере» он забыл. Бежать ему было некуда, да и времени предпринять что-то не оставалось.

На какую-то долю секунды юный самурай замешкался, с ликованием предвкушая момент убийства, потом сделал прыжок. Тайрер беспомощно постарался отступить назад. Тут грохнул выстрел, пуля швырнула японца на землю, и его удар не достиг цели, ранив Тайрера в руку, но не опасно.

В первое мгновение Тайрер не поверил, что он все еще жив, потом увидел Струана. Тот пьяно качался в седле, кровь обильно сочилась из раны в боку, револьвер был наведен на другого самурая, лошадь ошалело танцевала под ним.

Струан опять нажал на курок. Револьвер был в нескольких дюймах от уха лошади. Оглушительный выстрел окончательно перепугал животное, лошадь закусил удила и рванулась прочь, едва не сбросив седока. Самурай тотчас же кинулся за ним следом, и это дало Тайреру те мгновения, в которых он так отчаянно нуждался. Англичанин вонзил шпоры в бока своей лошади, повернул прочь от дороги и галопом понесся на север, догонять Струана.

– Сонно-дзёи-и-и-и! – закричал им вслед самурай, взбешенный тем, что им удалось бежать.

Джон Кентербери извивался и стонал в пыли рядом с какими-то перепуганными путниками, все так же неподвижно стоявшими на коленях, не отрывая лба от земли. Юноша сердито сбил ногой цилиндр с головы Кентербери и одним ударом обезглавил его. Потом очень аккуратно вытер клинок о суконный сюртук и вложил меч в ножны.

И все это время кортеж продолжал движение, словно вокруг ничего не происходило, словно ничего не случилось; глаза подмечали все, но не видели ничего. И из путников-простолюдинов никто не оторвал головы от земли, даже не шевельнул ею.

Второй самурай, годами моложе первого, сидел на земле, скрестив ноги, и держался за плечо. Он скомкал рукав кимоно и прижал его к ране, чтобы остановить кровь. Меч, все еще окровавленный, лежал у него на коленях. Его товарищ подошел к нему, помог подняться и вытер меч о кимоно ближайшего путника. Это оказалась старая женщина, которая задрожала от ужаса, но лишь сильнее уткнулась головой в землю.

Оба самурая были молодыми и крепкими. Они улыбнулись друг другу, потом вместе осмотрели рану. Пуля прошла навыворот через мышцы в верхней части руки. Кость не была задета. Сёрин, старший из них, сказал:

- Рана чистая, Ори.
- Мы должны были убить их всех.
- Карма.

В это время мимо них начали проходить плотные ряды самураев и восемь насмерть перепуганных носильщиков с паланкином. Все притворялись, что двух самураев и трупа у обочины не существует. С огромной почтительностью оба юноши поклонились.

Шторки крошечного бокового окошечка паланкина на миг скользнули в сторону, потом снова закрылись.

Глава 2

– Вот, мистер Струан, выпейте это, – благожелательно произнес врач, возвышаясь над походной кроватью. Они находились в хирургической палате британской миссии в Канагаве, и ему удалось в основном остановить кровотечение. Тайрер сидел на стуле возле окна. Он и Струан появились в миссии около получаса назад. – Выпейте, и вы почувствуете себя лучше.

– Что это?

– Волшебный напиток – главным образом лауданум, это вытяжка из опиума и морфия моего собственного изготовления. Он снимет боль. Мне придется подлатать вас немного, но вы не волнуйтесь, я воспользуюсь эфиром, так что вы просто уснете.

Струан почувствовал, как его окатила холодная волна страха. Применение эфира в хирургии было недавним новшеством, его очень рекомендовали, но все же пока что оно считалось экспериментальным.

– Я... Мне никогда не давали эфир и... и не делали операций, так что я... не думаю, чтобы я...

– Не тревожьтесь. Анестетики на самом деле вполне безопасны, если умело ими пользоваться. – Доктору Джорджу Бебкотту было двадцать восемь; двух метров ростом, он обладал под стать росту могучим сложением. – За последние пять-шесть лет мне много раз приходилось пользоваться эфиром и хлороформом, и они давали отличные результаты. Поверьте, вы ничего не почувствуете, и для больного это дар Божий.

– Это верно, мистер Струан, – сказал Тайрер, стараясь быть полезным и зная, что это у него все равно не получится. Его рану уже обработали йодом, зашили, перебинтовали, и теперь он держал руку на перевязи, благословляя судьбу, что рана оказалась более-менее поверхностной. – Один приятель, с которым я познакомился в университете, рассказывал, что ему вырезали аппендицит, усыпив хлороформом, и ему не было больно ни капельки. – Он хотел, чтобы голос его звучал убедительно, но сама мысль о хирургической операции – и о гангрене, которая так часто наступала впоследствии, – пугала и его тоже.

– Не забывайте, мистер Струан, – спокойно продолжал Бебкотт, скрывая тревогу, – почти пятнадцать лет прошло с тех пор, как доктор Симпсон впервые применил хлороформ в хирургии, и это время мы не теряли даром. Я целый год ассистировал ему в Королевской больнице, прежде чем отправился в Крым. – Его лицо помрачнело. – Там я тоже многому научился. Ну да ладно, та война закончилась, и слава богу. Наш добрый приятель лауданум, кроме всего прочего, вызовет у вас и эротические сновидения, если вам повезет.

– А если нет?

– Вам повезет. Вы оба – редкие счастливики.

Струан вымученно улыбнулся, преодолевая боль:

– Нам повезло, что мы нашли здесь вас, и очень быстро, уж это точно. – Инстинктивно доверяя Бебкотту, он выпил бесцветную жидкость и опять откинулся на спину, едва не потеряв сознание от боли.

– Пусть мистер Струан отдохнет немного, – сказал Бебкотт. – А вам лучше пойти со мной, мистер Тайрер, нам с вами еще предстоит кое-какая работа.

– Разумеется, доктор. Струан, могу я принести вам что-нибудь, сделать что-нибудь для вас?

– Нет... нет, спасибо. Вам... вам вообще незачем ждать.

– Не говорите глупостей, конечно же, я останусь с вами. – Тайрер, нервничая, вышел вслед за доктором и закрыл дверь. – С ним все будет в порядке?

– Не знаю. По счастью, самурайские мечи всегда чистые и режут, что твой скальпель. Извините, я оставлю вас на минуту. Я здесь сегодня единственное официальное лицо, и теперь, когда я сделал все, что мог, как врач, мне необходимо выполнить обязанности представителя ее королевского величества.

Бебкотт являлся заместителем сэра Уильяма. Он отправил катер миссии через залив в Йокогаму, чтобы поднять тревогу, послал китайского слугу за местным губернатором, еще одного, чтобы тот выяснил, какой даймё, или князь, прошел через Канагаву пару часов назад, объявил боевую готовность отряду из шести солдат и налил Тайреру щедрую порцию виски.

– Выпейте. Считайте, это лекарство. Так вы говорите, убийцы что-то кричали, нападая на вас?

– Да, это... это было что-то вроде «соно... сонно-и-и-и».

– Мне это ни о чем не говорит. Ладно, будьте как дома, я вернусь через минуту. Мне нужно подготовиться. – Он вышел.

Рука Тайрера, на которую наложили семь швов, ныла. Хотя Бебкотт накладывал швы мастерски, Тайрер во время процедуры с трудом удержался от крика. Но все-таки удержался, и сознание этого доставляло ему удовольствие. Что порождало в нем отвращение, так это токи страха, продолжавшие сотрясать все его тело, словно гальванические разряды, и вызывавшие безумное желание бежать куда-нибудь без оглядки, бежать и не останавливаться.

– Ты трус, – пробормотал он, ужасаясь этому открытию.

Как и в операционной, в приемной так же резко пахло лекарствами, отчего его желудок был готов взбунтоваться в любой момент. Он подошел к окну и начал глубоко вдыхать свежий воздух, безуспешно пытаясь разогнать туман в голове, потом пригубил виски. Как всегда, вкус показался ему резким и неприятным. Он заглянул в бокал. То, что он там увидел, было скверно, очень скверно. По телу его пробежала дрожь. Он заставил себя смотреть только на жидкость. Виски был золотисто-коричневым, и, вдыхая его аромат, он вспомнил свой дом в Лондоне, отца, отдыхающего после обеда у камина с глотком бренди в бокале, мать, вяжущую на спицах с самодовольным видом, двух их слуг, убирающих со стола, – всюду тепло, уют, покой; это напомнило ему о кофейне «Гэрроуэй» на Корнхилл, где он так любил бывать, теплой, шумной, безопасной, и об университете, дружеской компании студентов, проделках, увлекательных, но вполне безопасных. Безопасных. Раньше в его жизни не было места опасности, а теперь? Им опять начала овладевать паника. Господь милосердный, что я здесь делаю?

Они благополучно ускакали от самураев, но еще недостаточно отделились от Токайдо, когда наполовину перерубленная мышца передней ноги лошади Струана дала о себе знать: несшееся во весь опор животное шарахнулось в сторону, и Струан полетел на землю. Падение причинило ему жестокую боль.

С огромным трудом, все еще слабей от страха, Тайрер помог Струану взобраться на свою лошадь, но ему едва удавалось поддерживать в седле своего более высокого и тяжелого спутника. Все

это время его внимание было приковано к удалявшейся процессии, каждую секунду он ждал, что вот-вот появятся конные самураи.

– Вы сумеете не упасть, мистер Струан? Я поведу коня под уздцы.

– Да. – Струан посмотрел на свою собственную лошадь, которая жалобно заржала и снова попыталась пробежаться, но безуспешно: нога больше не служила ей. Кровь широкой лентой струилась по боку из жестокой раны. Лошадь остановилась, дрожа всем телом и пошатываясь. – Положите конец ее мучениям и давайте поедем.

Тайреру никогда раньше не доводилось убивать лошадь. Он вытер вспотевшие ладони. «Дерринджер» имел два ствола и заряжался с казенной части двумя новыми патронами, которые сразу совмещали в себе пулю, пороховой заряд и капсюль. Животное рванулось было прочь, но далеко отбежать не смогло. Секунду-другую он поглаживал ее по морде, успокаивая, потом вставил пистолет ей в ухо и нажал на курок. Его поразило то, как мгновенно она умерла. Поразил и на удивление громкий шум, который наделал маленький пистолет. Тайрер убрал его назад в карман.

Он опять вытер руки; все звуки вокруг провалились куда-то, он словно пребывал в каком-то трансе.

– Будет лучше всего, если мы не станем выезжать на дорогу, мистер Струан. Лучше нам держаться поодаль, как сейчас. Безопаснее.

Путешествие отняло у них больше времени, чем он думал, из-за многочисленных канав и ручьев, через которые им пришлось перебираться. Дважды Струан почти терял сознание, и Тайреру приходилось напрягать все силы, чтобы удержать его в седле и не дать снова упасть. Крестьяне, работавшие на рисовых полях, либо делали вид, что не замечают двух окровавленных путников, либо с открытой неприязнью смотрели на них некоторое время, а потом возвращались к работе, поэтому Тайрер просто посылал им проклятия и упорно шел дальше.

Первый храм оказался пустым, если не считать кучки перепуганных бритоголовых буддийских монахов в оранжевых одеяниях, которые, едва завидев их, торопливо скрылись во внутренних комнатах. Во дворе храма они нашли фонтан. Тайрер с благодарностью припал к прохладной воде, потом зачерпнул чашку снова и поднес Струану; тот выпил, хотя боль была такая, что он ничего не видел перед собой.

– Спасибо. Сколько... сколько нам еще?

– Совсем немного, – бодрясь, ответил Тайрер. Он совершенно не представлял, куда им двигаться дальше. – Мы вот-вот будем на месте.

У храма тропинка раздваивалась. Одна дорога вела к берегу и еще к одному храму, возвышавшемуся над деревенскими домами, вторая вводила вглубь городских кварталов, где тоже стоял храм. Сам не зная почему, Тайрер свернул к берегу.

Некоторое время дорога петляла в лабиринте узких улочек, возвращалась назад, потом вновь поворачивала на восток – и нигде они не встретили ни души, только глаза, глаза повсюду следили за ними. Потом перед Тайрером неожиданно возникли главные ворота храма, «Юнион Джек», часовой в алом мундире, и он едва не заплакал от облегчения и гордости, потому что их тут же заметили, один солдат бросился к ним на помощь, второй побежал за сержантом караула и через считанные секунды перед ним уже высилась внушительная фигура доктора Бебкотта.

– Господь Всемогущий, что с вами случилось, черт подери?

Ответить на вопрос было нетрудно – рассказывать было почти нечего.

– Вы когда-нибудь раньше ассистировали на операции?

– Нет, доктор.

Бебкотт улыбнулся. Его лицо и манеры были мягкими, руки проворно двигались, раздевая полусонного Струана с такой же легкостью, как если бы он был ребенком.

– Ну, скоро попробуете, это будет полезный для вас опыт. Мне нужен помощник, а я здесь сегодня один. Вернетесь в Йокогаму к ужину.

– Я... я постараюсь.

– Вас, вероятно, будет тошнить – из-за запаха главным образом, но вы не переживайте. Если будет рвать, пусть рвет в тазик, а не на пациента. – Бебкотт еще раз ободряюще посмотрел на Тайрера, между тем оценивая, спрашивая себя, насколько он может положиться на этого молодого человека, в чьих глазах читался ужас, закупоренный в душе, как в бутылке. Потом он опять опустил взгляд на Струана. – Теперь мы дадим ему эфир, а там и за работу. Вы говорили, что на пути сюда останавливались в Пекине?

– Да, сэр, на четыре месяца. Сюда я добирался через Шанхай и прибыл всего несколько дней назад. – Тайрер был рад возможности поговорить, это помогало ему отвлечься от пережитого кошмара. – В министерстве иностранных дел решили, что короткая остановка в Пекине и изучение китайских иероглифов поможет нам с японским языком.

– Пустая трата времени. Если вы хотите говорить на нем – кстати, большинство из нас здесь называют его японским, по аналогии с китайским, – так вот, если вы хотите читать и писать на нем как подобает, китайские иероглифы вам не помогут почти ничем. – Он передвинул обмякшее тело в более удобное положение. – Насколько хорошо вы знаете японский?

Тайрер еще больше расстроился:

– Практически совсем не знаю, сэр. Так, несколько слов. Нам сказали, что в Пекине мы найдем японские, то есть японские учебники по грамматике и книги, но их там не оказалось.

Несмотря на то что последние события до крайности встревожили его, Беккотт оторвался на минуту от своего больного и громко расхохотался:

– Учебники по японской грамматике – такая же редкая штука, как драконий... зуб, и, насколько мне известно, японских словарей не существует вовсе, за исключением словаря отца Алвито тысяча шестьсот первого года на португальском – я сам никогда не видел его, только слышал, – да еще словаря преподобного Прайни, над которым тот работает уже бог знает сколько лет. – Он осторожно снял со Струана белую шелковую рубашку, намокшую от крови.

– Вы знаете голландский?

– Опять же лишь несколько слов. Все ученики-переводчики, отправлявшиеся в Японию, должны были пройти шестимесячный курс, но министерство отправило нас с первым же пароходом. А почему именно голландский является официальным иностранным языком, которым пользуются японские чиновники?

– Он им и не является. Министерство иностранных дел ошибается, как ошибается в отношении многих других вещей. Но на данный момент это единственный из европейских языков, на котором говорят несколько бакуфу... Я его сейчас приподниму слегка, а вы снимите с него сапоги, потом штаны, только аккуратно.

Тайрер подчинился, неуклюже орудуя здоровой левой рукой.

Теперь Струан лежал на хирургическом столе совсем голый. Рядом были разложены хирургические инструменты, баночки с мазями и флаконы с жидкостями. Бебкотт отвернулся, надел тяжелый непромокаемый фартук, и Тайрер вместо врача сразу увидел перед собой обыкновенного мясника. Его желудок сжался, и он едва успел добежать до таза.

Бебкотт вздохнул. «Сколько сотен раз меня вот так выворачивало наизнанку, когда казалось, что уже и извергать больше нечего, а потом все равно рвало еще. Но мне нужен помощник, так что этому юноше придется повзрослеть».

– Подойдите сюда, мы должны действовать быстро.

– Я не могу, я просто не могу...

Доктор тут же заставил свой голос звучать грубо:

– Вы немедленно подойдете сюда и будете помогать, или Струан умрет, а прежде чем это случится, я вышибу из вас дух к чертовой матери!

С трудом переставляя ноги, Тайрер подошел и встал с ним рядом.

– Не сюда, ради Создателя! Становитесь напротив меня! Держите ему руки!

От прикосновения рук Тайрера Струан на короткое мгновение открыл глаза, потом скользнул назад в свой кошмар, кривя рот и что-то невнятно бормоча.

– Это я, – прошептал Тайрер, не зная, что еще сказать.

С другой стороны стола Бебкотт открыл небольшую бутылочку без этикетки и налил желтоватую маслянистую жидкость на толстую, сложенную в несколько слоев белую тряпицу.

– Держите его покрепче, – сказал он и прижал салфетку ко рту и носу Струана.

В тот же миг Струан почувствовал, что задыхается, и с неожиданной силой вцепился в салфетку, почти отодрав ее от лица.

– Ради бога, да держите же его! – прорычал Бебкотт.

Тайрер опять схватил Струана за руки, забыв о своей ране, вскрикнул от боли, но сумел не разжать рук. От паров эфира его опять начало тошнить. Струан продолжал бороться с ними, мотая головой, стараясь глотнуть воздуха, чувствуя, как его с головой затягивает в бездонную выгребную яму. Постепенно силы оставили его, и он затих.

– Отлично, – сказал Бебкотт. – Просто поразительно, откуда у больных иной раз берется такая силища. – Он перевернул Струана на живот, поудобнее устроил на столе его голову. Теперь стали видны подлинные размеры раны, которая начиналась на спине, шла вокруг бока под самыми ребрами и кончалась рядом с пупком. – Внимательно следите за ним. Если он шевельнется, тут же скажите мне. Когда придет время, дадите ему еще эфира... – Но Тайрер уже снова сгибался над тазиком. – Живее!

Бебкотт не стал его ждать, предоставив рукам заниматься своим делом. Он привык оперировать в условиях гораздо хуже этих. Крым, десятки тысяч умирающих солдат: в основном холера, дизентерия, оспа, а потом еще раненые, вой и стоны днем и ночью; и по ночам – Леди с Лампой, которая сумела сотворить порядок из хаоса, до нее безраздельно властвовавшего в военных госпиталях. Сестра Найтингейл, которая приказывала, уговаривала, угрожала, требовала, умоляла, но каким-то непостижимым образом все же осуществила свои новые идеи и вычистила грязь, прогнала безнадежность и ненужную смерть и при этом в любой час ночи находила время навещать больных и страждущих; высоко подняв над головой свою лампу с масляным фитильком или свечой, она освещала себе путь, переходя от кровати к кровати.

– Не понимаю, как ей это удалось, – пробормотал он.

– Сэр?

Он вскинул глаза и увидел Тайрера с бледным лицом, недоуменно уставившегося на него. Он совсем забыл о нем.

– Я просто вспомнил Леди с Лампой, – объяснил он, говоря это машинально, чтобы успокоиться, но не давая разговору мешать его сосредоточенной работе над рассеченными мышцами и поврежденными венами. – Флоренс Найтингейл. Она приехала в Крым всего с тридцатью восемью сестрами милосердия и за четыре месяца снизила смертность с сорока человек из каждой сотни до примерно двух.

Тайрер знал эти цифры, их знал любой англичанин, знал и с гордостью понимал, что эта женщина была ни больше ни меньше как основоположницей современной профессии ухода за больными.

– Какой она была... я имею в виду как человек?

– Сущей мегерой, если ты не поддерживал чистоту и не выполнял ее распоряжений. В остальном она была святой – в самом христианском смысле этого слова. Она родилась в Италии, во Флоренции, – отсюда и ее имя, – хотя была англичанкой до мозга костей.

– Да. – Тайрер почувствовал теплоту, звучавшую в голосе хирурга. – Это чудесно. Просто замечательно. Вы хорошо ее знали?

Глаза Бебкотта ни на миг не отрывались от раны и от его мудрых пальцев, которые прошли вглубь и обнаружили, как он и опасался, перерезанную кишку. Незаметно для самого себя он чертыхнулся. Осторожно начал искать второй конец. Зловоние усилилось.

– Вы упоминали голландский. Знаете, почему некоторые японцы говорят на этом языке?

Сделав над собой чудовищное усилие, Тайрер оторвал взгляд от пальцев доктора и постарался сжать ноздри. Он вновь почувствовал неудержимый позыв к рвоте.

– Нет, сэр.

Струан шевельнулся. Бебкотт тут же произнес:

– Дайте ему еще эфиру... вот, правильно, не прижимайте слишком сильно... хорошо. Молодчина. Как вы себя чувствуете?

– Ужасно.

– Ладно, это ничего. – Пальцы снова принялись за поиски, действуя словно сами по себе, помимо воли доктора. Потом замерли. Бережно они вытянули наружу второй конец перерезанной кишки. – Вымойте руки и подайте мне иглу, которая уже с ниткой, – вон там, на столе.

Тайрер подчинился.

– Хорошо. Спасибо. – Бебкотт начал шить. Очень умело и аккуратно. – Печень у него не пострадала, ушиблена немного, но порезов нет. Почка тоже в порядке. *Итибан* – по-японски это значит «очень хорошо». У меня есть несколько пациентов-японцев. В награду за свою работу я заставляю их учить меня словам и выражениям. Я могу помочь вам с учебой, если хотите.

– Я... это было бы замечательно – *итибан*. Извините, из меня такой плохой помощник.

– Вовсе нет. Я терпеть не могу заниматься этим в одиночку. Я... ну, мне делается страшно. Забавно, конечно, но это так. – На какое-то

мгновение его пальцы заполнили собой всю комнату.

Тайрер посмотрел на лицо Струана – ни кровинки; всего час назад такое румяное и сильное, оно теперь вытянулось и стало зловещим; ресницы мелко подрагивали время от времени. Странно, подумал он, странно, каким невероятно голым Струан кажется сейчас. Два дня назад я даже не слышал его имени, а теперь мы связаны, как братья, теперь жизнь стала другой, она изменится для нас обоих, хотим мы этого или нет. И теперь я точно знаю, что он храбр, а я нет.

– Так вот, вы спрашивали о голландском, – произнес Бебкотт, едва слушая себя и целиком сосредоточившись на своей работе. – Примерно с тысяча шестьсот сорокового года единственным чужеземным народом, с которым японцы имели контакты, не считая китайцев, были голландцы. Всем остальным было запрещено высаживаться в Японии, особенно это касалось испанцев и португальцев. Японцы не любят католиков, потому что те вмешивались в их политику где-то в тысяча шестисотых годах. В легендах говорится, что был момент, когда вся Япония чуть было не сделалась католической. Вы слышали что-нибудь об этом?

– Нет, сэр.

– Так вот, голландцев терпели по причине того, что они никогда не привозили сюда миссионеров, просто хотели торговать. – Он замолчал на мгновение, но его пальцы все так же продолжали накладывать маленькие аккуратные стежки. Потом его звучный голос снова загремел в маленькой комнате: – Поэтому нескольким голландцам, только мужчинам, никаких женщин, разрешили остаться, связав по рукам и ногам самыми жесткими ограничениями, и поселили их всех на созданном человеческими руками острове площадью три акра в бухте Нагасаки, который назывался Десима. Голландцы подчинялись любому закону, который вводили японцы, и приучились падать ниц перед кем нужно – изрядно тем временем богатея. Они привозили книги, когда им это разрешали, торговали, когда им это разрешали, и осуществляли торговлю с Китаем, которая всегда имела для Японии важнейшее значение – китайские шелка и серебро шли в обмен на золото, бумагу, лак, палочки для еды... вы, кстати, знаете, что это такое?

– Да, сэр. Я три месяца прожил в Пекине.

– Ах да, извините, я забыл. Ладно. Если верить голландским дневникам начала семнадцатого века, первый из сёгунов династии Торанага – сёгун для них то же самое, что для нас император, – решил, что иностранное влияние противоречит интересам Японии, поэтому он наглухо закрыл страну и объявил, что отныне японцы не имеют права строить морские суда или покидать родные берега – любой, кто это делал, уже не мог вернуться назад, а если возвращался, его должны были тут же убить. Этот закон до сих пор в силе. – Его пальцы вдруг замерли, потому что тонкая нить оборвалась на очередном стежке. Он выругался. – Подайте мне другую иглу. Нигде не могу раздобыть приличного кетгута^[4], хотя шелк здесь хороший. Попробуйте вдеть мне еще одну нить, только сначала вымойте руки, а потом вымойте их еще раз, когда закончите. Спасибо.

Тайрер был рад заняться чем-нибудь и отвернулся, но пальцы плохо его слушались. К горлу опять подкатывала тошнота, в голове стучал тяжелый молот.

– Вы говорили что-то... про голландцев.

– Ах да, ну так вот. Мало-помалу, с большой осторожностью голландцы и японцы начали учиться друг у друга, хотя голландцам официально запрещалось учить японский язык. Десять лет назад бакуфу открыло школу, где японских детей учат голландскому...

Оба мужчины одновременно услышали топот бегущих ног. Торопливый стук в дверь. Покрытый потом сержант-гренадер стоял на пороге, приученный никогда не входить в помещение во время операции.

– Прошу прощения, что прерываю вас, сэр, но по дороге к нам топают четыре этих вонючих пенька. Похоже на депутацию. Все они самураи, все четверо.

Доктор продолжал шить.

– Лим с ними?

– Так точно, сэр.

– Проводите их в приемную и скажите Лиму, пусть он за ними поухаживает. Я выйду к ним сразу же, как только смогу.

– Слушаюсь, сэр. – Сержант последний раз взглянул стеклянными глазами на стол и исчез.

Доктор наложил еще один шов, завязал узел, обрезал нить, промокнул подтекающую рану и принялся за новый.

– Лим – один из наших китайских помощников. Наши китайцы выполняют за нас бóльшую часть работы, когда нужно поработать ногами, – не то чтобы они говорили по-японски или... или заслуживали особого доверия.

– Мы... это было то же самое... мы обнаружили, что в Пекине все то же самое, сэр. Ужасающие лгуны.

– Японцы еще хуже, хотя, по-своему, сказать так тоже будет неверно. Они не то чтобы обманщики, просто правда для них очень подвижна и зависит от прихоти говорящего. Очень важно, чтобы вы научились говорить по-японски как можно скорее. У нас нет ни одного переводчика из наших собственных людей.

Тайрер посмотрел на него, разинув рот:

– Ни одного?

– Ни одного. Британский падре немного владеет их языком, но его мы использовать не можем: японцы люто ненавидят всех миссионеров и священников. Во всем Поселении есть только три человека, которые говорят на голландском: один голландец, один швейцарец, который сейчас служит у нас переводчиком, и один торговец из Капской провинции – ни одного англичанина. В Поселении мы общаемся со слугами на каком-то тарабарском варианте лингва франка, который называется «пиджин», как это делается в Гонконге, в Сингапуре и в других портах, открытых по договору с Китаем, а в делах прибегаем к услугам компрадоров, торговых посредников.

– В Пекине было то же самое.

Беккотт уловил раздражение в его голосе, но почуял что-то большее – притаившуюся за ним опасность. Он поднял глаза и с первого взгляда понял, что Тайрер на грани нервного срыва, что в любую секунду его снова вырвет.

– Вы держитесь молодцом, – произнес он ободряюще, потом выпрямился, разминая затекшую спину. Пот тек по нему ручьями. Он снова склонился над столом. Очень бережно он заправил кишку в полость и начал быстро зашивать другой порез, продвигаясь к поверхности. – Как вам Пекин? – спросил он. Не потому, что ему было интересно, – он просто хотел, чтобы Тайрер продолжал говорить. «Лучше это, чем истерика, – подумал он. – Мне некогда нянчиться с ним, пока этот бедолага на столе не заштопан до конца». – Я ни разу там не был. Вам понравился город?

– Я, ну... да, да, очень. – Тайрер попробовал собраться с мыслями, борясь с дикой головной болью, от которой темнело в глазах. – Маньчжуры сейчас вполне присмирели, так что мы могли появляться где угодно совершенно спокойно. – (Маньчжуры, кочевое племя из Маньчжурии, покорили Китай в 1644 году, и теперь страной правила их династия Цин.) – Мы могли ездить верхом повсюду без... без каких-либо проблем... китайцы были... не слишком дружелюбны, но... – Духота в комнате и тошнотворный запах стали невыносимы. Он согнулся пополам над тазом, и его снова вырвало, потом, все еще чувствуя тошноту, он вернулся к столу. – Извините.

– Вы рассказывали... про маньчжуров?

Тайреру вдруг захотелось закричать во все горло, что ему плевать на маньчжуров, на Пекин и вообще на все, захотелось убежать, скрыться от этой вони и собственной беспомощности.

– К дьяволу!..

– Говорите со мной! Говорите!

– Мы... Нам сказали, что... что обычно они очень грубы, высокомерны, и совершенно ясно, что китайцы их ненавидят смертельно. – Голос Тайрера звучал уныло, но чем больше он сосредоточивался на своем рассказе, тем дальше отступало это безотчетное желание бежать. Он неуверенно продолжил: – Э-э... похоже, все они боятся, что восстание тайпинов распространится за пределы Нанкина и захлестнет Пекин, и тогда настанет конец... – Он замолчал и внимательно прислушался. Привкус во рту был омерзительным, голова буквально раскалывалась на части.

– В чем дело?

– Я... Мне показалось, я услышал какие-то крики.

Беккотт напряг слух, но все как будто было тихо.

– Давайте дальше про маньчжуров.

– Ну... э-э... это восстание тайпинов. По слухам, за последние несколько лет были убиты или умерли от голода свыше десяти миллионов крестьян. Однако в Пекине все спокойно, – конечно, сожжение и разграбление Летнего дворца британскими и французскими войсками два года назад по приказу лорда Элджина как воздаяние за зверства тоже явилось для маньчжуров уроком, который они не скоро забудут. Теперь они знают, что убийство британских

подданных уже не сойдет им с рук. Наверное, сэр Уильям и здесь отдаст такой же приказ. Об ответных мерах.

– Если бы мы знали, против кого эти ответные меры проводить, уже давно бы начали. Но против кого? Нельзя же обстреливать Эдо из орудий только потому, что несколько неизвестных убийц...

Их прервали сердитые голоса за дверью: грубоватый английский сержанта и чей-то гортанный японский, споря, перекрывали друг друга. Затем дверь в операционную распахнулась, и они увидели самурая, а позади него еще двоих, которые грозно смотрели на сержанта, наполовину вытащив мечи из ножен. Два гренадера с ружьями на изготовку стояли в проходе. Четвертый самурай, старше остальных годами, вошел в комнату. Тайрер вжался спиной в стену, холодея от ужаса и заново переживая смерть Кентербери.

– *Киндзиру!* – проревел Бебкотт, и все замерли. Какое-то мгновение казалось, что старший из самураев, теперь окончательно взбешенный, выхватит меч и бросится на него. Но тут Бебкотт круто повернулся к ним: скальпель в огромном кулаке, забрызганные кровью руки и фартук – гигантская демоническая фигура. – *Киндзиру!* – снова приказал он и ткнул скальпелем в сторону двери. – *Убирайтесь! Дэтэ. Дэтэ... додзо.* – Он окинул их всех яростным взглядом, потом повернулся к ним спиной и продолжил шить и промокать рану. – Сержант, проводите их в приемную – вежливо!

– Есть, сэр. – Помогая себе жестами, сержант пригласил самураев следовать за ним; те сердито затараторили между собой. – *Додзо*, – сказал он, пробормотав: – Ну, пошли, пеньки поганые. – Он снова поманил их.

Старший самурай повелительно махнул рукой остальным и степенно двинулся за сержантом. Те тут же поклонились и поспешили следом.

Бебкотт неуклюже вытер каплю пота с подбородка тыльной стороной ладони и вернулся к работе; голова ныла, спину и шею сильно ломило.

– *Киндзиру* означает «запрещено», «нельзя», – сказал он, заставив голос звучать спокойно, хотя сердце бешено колотилось в груди, как бывало с ним всякий раз, когда рядом находились самураи с обнаженными или даже наполовину обнаженными мечами, а у него в руках не было ни пистолета, ни ружья со взведенным курком.

Слишком много раз его вызывали врачевать тела, над которыми поработал самурайский меч, вызывали как к европейцам, так и к ним самим – распри и поединки между самураями в Йокогаме, Канагаве и соседних селениях никогда не прекращались. – *Додзо* означает «пожалуйста», *дэтэ* – «выйдите». Когда разговариваешь с японцами, очень важно почаще повторять «пожалуйста» и «спасибо». «Спасибо» – это *домо*. Всегда говорите эти слова, даже если вы кричите на них. – Он посмотрел на Тайрера, который так и остался стоять у стены, дрожа всем телом. – В шкафу есть виски.

– Я... со мной все в порядке.

– Нет, не в порядке. Вы все еще в шоке. Плесните себе побольше. Пейте маленькими глотками. Как только я закончу, я дам вам чего-нибудь, чтобы вас больше не тошнило. Вам-не-о-чем-бес-покоиться! Понятно?

Тайрер кивнул. По его лицу вдруг побежали слезы, которые он не мог остановить, и, едва отойдя от стены, он обнаружил, что с трудом переставляет ноги.

– Что... Что это со... мной? – всхлипнул он.

– Просто шок, не переживайте. Это пройдет. На войне это нормальное явление, а мы здесь на войне. Я скоро закончу. Потом мы разберемся с этими сукиными детьми.

– А как... как вы будете с ними разбираться?

– Не знаю. – В голосе доктора появилась натянутость. Он промокнул кровь с раны свежим квадратиком белой ткани из быстро убывающей стопки – шить оставалось еще много. – Полагаю, как обычно. Буду размахивать руками и кричать им, что наш посланник устроит им кровавую баню. Попробую выяснить, кто на вас напал. Они, разумеется, заявят, что знать ничего не знают о случившемся, что, вероятно, будет правдой, – у меня такое чувство, что они вообще никогда ничего ни о чем не знают. Они не похожи ни на один другой народ, с которым мне приходилось встречаться. Уж не знаю, что это: глупы ли они как пробки или умны и скрытны до степени гениальности. Мы оказываемся не в состоянии проникнуть в их общество – наши китайцы тоже, – у нас нет союзников в их среде; сколько мы ни стараемся, мы не можем подкупить никого из них, чтобы он помогал нам. Мы даже не можем говорить с ними напрямую. Мы все так беспомощны. Ну как, вам лучше?

Тайрер выпил немного виски. Перед этим он, сгорая от стыда, вытер слезы, ополоснул рот и окатил голову водой.

– Не то чтобы очень... но спасибо. Я в порядке. Как там Струан?

Беккотт ответил не сразу:

– Не знаю. Наверняка никогда ничего нельзя сказать до самого конца.

Он вновь услышал шаги за дверью, и сердце глухо стукнуло у него в груди. Тайрер побледнел. В дверь постучали. Она немедленно открылась.

– Господи Иисусе! – выдохнул Джейми Макфей, приковавшись взглядом к залитому кровью операционному столу и огромной зияющей ране в боку Струана. – С ним все будет в порядке?

– Привет, Джейми, – сказал Беккотт. – Вы слышали о...

– Да, мы как раз едем с Токайдо, заглянули сюда наугад, разыскивая мистера Струана. Дмитрий остался снаружи. С вами все в порядке, мистер Тайрер? Эти ублюдки разрубили старину Кентербери на дюжину кусков и оставили их воронью... – Тайрер опять метнулся к тазу. Макфей обеспокоенно переминался с ноги на ногу у порога. – Ради Создателя, Джордж, мистер Струан поправится?

– Я не знаю! – вспыхнул Беккотт, без конца ломавший голову над тем, почему некоторые пациенты остаются жить, а другие, с ранениями более легкими, умирают, почему одни раны нагнаиваются, а другие заживают. Чувство полного бессилия перед непостижимостью, непредсказуемостью исхода выплеснулось наружу с потоком злобных слов. – Он потерял пинты крови, я ушил ему перерубленную кишку, три рассечения, остались еще три вены и две мышцы, рана закрыта, и один Господь знает, сколько гадости попало туда из воздуха, чтобы инфицировать ее, если именно это и является причиной осложнений или гангрены. Я не знаю! Черт меня подери, не знаю! А теперь выметайтесь отсюда к чертовой матери. Займитесь этими четыррьмя пакостниками-бакуфу и узнайте, чьих это рук дело, клянусь Богом.

– Да, Джордж, конечно, извините, – пробормотал Макфей, не находивший себе места от тревоги за Струана и потрясенный этой вспышкой гнева у Беккотта, который обычно был так невозмутим. Он торопливо добавил: – Мы постараемся... Дмитрий мне поможет... только мы уже знаем, кто это сделал: мы тут поднажали слегка на

одного китайского лавочника в деревне. Получается чертовски странная штука: все эти самураи были из Сацумы и...

– Где это, черт возьми?

– Он сказал, это на южном острове, рядом с Нагасаки, миль шестьсот или семьсот отсюда и...

– Так какого дьявола они делают здесь, спрашивается?

– Этого он не знал, но поклялся, что они собираются ночевать в Ходогайе. Филип, это что-то вроде почтовой станции на Токайдо, десяти миль отсюда не будет. И их правитель был с ними.

Глава 3

Сандзиро, правитель Сацумы, дородный бородатый мужчина сорока двух лет в голубой накидке из тончайшего шелка, владелец двух мечей, которые не имели цены, прищурившись, смотрел безжалостными глазами на своего самого доверенного советника.

– Так было это нападение полезно или вредно?

– Оно было полезно, господин, – ответил Кацумата, понизив голос: он знал, что шпионы прячутся повсюду.

Двое мужчин были одни, они сидели на коленях друг перед другом в лучших комнатах одной из гостиниц в Ходогайе, придорожной деревне на Токайдо на расстоянии едва двух миль от Поселения, если двигаться вглубь острова.

– Почему? – В течение шести столетий предки Сандзиро правили Сацумой, самым богатым и могущественным княжеством во всей Японии – не считая владений его ненавистных врагов из клана Торанага, – и он продолжал столь же ревностно оберегать его независимость.

– Оно поссорит сёгунат с гайдзинами, – сказал Кацумата. Это был худощавый, крепкий как сталь человек, непревзойденный мастер владения мечом и самый знаменитый из всех сэнсэев – наставников, преподававших воинские искусства в Сацуме. – Чем больше эти псы станут ссориться друг с другом, тем быстрее они вцепятся друг другу в глотки; чем скорее это произойдет, тем лучше, потому что это поможет нам наконец опрокинуть Торанага и всех их приспешников и позволит установить новый сёгунат, с новым сёгуном, новыми чиновниками, в котором Сацума займет главенствующее место, а вы сами станете одним из членов нового *родзю*. – (*Родзю* было вторым названием Совета пяти старейшин, который правил страной от имени сёгуна.)

«Одним из *родзю*? Почему только одним из пятерых, – подумал Сандзиро. – Почему не главой совета? Почему не сёгуном – мой род достаточно знатен для этого. Два с половиной столетия сёгунов из клана Торанага – этого больше чем достаточно. Нобусада, четырнадцатый в их ряду, должен стать последним – клянусь головой моего отца, он станет последним!»

Нынешний сёгунат был учрежден военачальником Торанагой в 1603 году после победы в битве у Сэкигахары, где его войска собрали сорок тысяч вражеских голов. Сэкигахара дала Торанаге возможность устранить практически всякую оппозицию, и, впервые за всю историю, он покорил Ниппон, Землю богов, как называли свою страну японцы, и объединил ее под своей властью.

Немедленно этот блестящий полководец и правитель, сосредоточивший в своих руках абсолютную светскую власть, с благодарностью принял титул сёгуна – высшее звание, какого дано достичь смертному, – от беспомощного императора, который утвердил его, утвердил законно, в качестве диктатора. Торанага быстро сделал власть сёгуна наследственной, тут же выпустив указ, что отныне все мирские вопросы будут находиться исключительно в ведении сёгуна, в то время как император останется главой духовной власти.

Последние восемь столетий император, Сын Неба, со своим двором жил в уединении в императорском дворце в Киото. Лишь один раз в год выходил он из высоких стен, окружавших дворец, чтобы посетить священную обитель Исэ, но и тогда он был скрыт от посторонних глаз; люди никогда не видели его лица. Даже внутри дворцовых стен ширма отгораживала его ото всех, кроме самых близких родственников, как того требовали древние мистические протоколы, за соблюдением которых ревностно следили особые чиновники, передававшие свою должность по наследству.

Таким образом, любой военачальник, в чьих руках находились Дворцовые Врата, единолично решал, кто в них войдет и кто выйдет; такой человек владел, по сути, самим императором и его ухом, а через них – его влиянием и властью. И хотя все японцы безусловно верили в божественное происхождение своего императора и почитали его как Сына Неба, ведущего свой род от богини Солнца – линия, не прерывавшаяся с начала времен, – по сложившейся исторической традиции император и его двор не держали своей армии и не получали иного дохода, кроме того, который назначал им военачальник, установивший свой контроль над Вратами; сумма менялась ежегодно по прихоти этого человека.

На протяжении десятилетий сёгун Торанага, его сын, а потом внук правили мудрой, хотя и безжалостной рукой. При последующих поколениях хватка сёгунов ослабела, менее значительные чиновники

стали забирать себе все большую и большую власть, постепенно тоже делая свои должности наследственными. Формально сёгун оставался верховным правителем, но вот уже больше века он являлся лишь марионеткой, – правда, его всегда избирали исключительно из ветвей рода Торанага, как и всех членов Совета старейшин. Нынешний сёгун Нобусада был избран четыре года назад, когда ему исполнилось двенадцать лет.

И ему недолго осталось жить на этой земле, пообещал себе Сандзиро, возвращаясь мыслями к текущей проблеме, которая его тревожила.

– Кацумата, эти убийства, сколь бы похвальны они ни были сами по себе, могут заставить гайдзинов зайти слишком далеко, а это было бы пагубно для Сацумы.

– Я не вижу никакого вреда, господин. Император хочет изгнать гайдзинов, как этого хотите вы, как этого хочет большинство даймё. То, что эти два самурая родом из Сацумы, также доставит удовольствие императору. Не забывайте, что ваше посещение Эдо увенчалось полным успехом.

Три месяца назад, действуя через посредников при императорском дворе в Киото, Сандзиро убедил императора Комэя лично подписать несколько «пожеланий», предложенных Сандзиро, и назначить его в сопровождение к императорскому посланнику, который должен был официально доставить свиток в Эдо и добиться его принятия сёгуном – «пожелание» императора, при условии, что оно попадало к тому, кому предназначалось, было крайне трудно проигнорировать. Последние два месяца он вел напряженные переговоры и, как ни выкручивались, какие отговорки ни придумывали старейшины и бакуфу, он возобладал над ними и теперь увозил с собой их письменное согласие на некоторые реформы, которые неизбежно должны были еще больше ослабить сёгунат. Важным было и то, что он заручился их официальным согласием отменить позорные Соглашения, подписанные вопреки желанию императора, изгнать ненавистных гайдзинов и полностью закрыть для них страну, как это было до незваного появления и насильственного вторжения в их воды кораблей Перри.

– Тем временем как нам следует поступить с этими двумя глупцами, которые нарушили строй и убили без приказанья? – спросил

Сандзиро.

– Любое действие, которое ставит бакуфу в затруднительное положение, полезно для вас.

– Я согласен, что гайдзины вели себя вызывающе. Эти подлые черви не имели никакого права находиться в такой близости от моей особы. Мое знамя и знамя императора были в первом ряду, они ясно запрещали это.

– Так пусть гайдзины пожинают плоды того, что сами же и посеяли: никто не звал их сюда, они высадились на наши берега силой и силой закрепились в Иокогаме. С теми людьми, что есть у нас сейчас, напав внезапно, среди ночи, мы без труда уничтожили бы их Поселение и сожгли окрестные деревни. Мы могли бы атаковать сегодня же, и тогда проблема гайдзинов была бы решена раз и навсегда.

– Иокогаму мы можем сравнить с землей, если нападение будет внезапным. Но их корабли недосыгаемы для нас, мы не можем уничтожить их и их пушки.

– Это так, господин. И поэтому гайдзины немедленно нанесут ответный удар. Их флот обстреляет Эдо и разрушит его.

– Я согласен, и чем скорее, тем лучше. Но сёгунат оправится от этого нападения, а после Эдо гайдзины выступят против меня и нападут на мою столицу Кагосиму. Я не могу пойти на такой риск.

– Я думаю, что разрушение Эдо удовлетворит их, господин. Если Поселение сжечь, им не останется ничего, кроме как вернуться на свои корабли и отплыть назад в Гонконг. Когда-нибудь в будущем они могут вновь появиться здесь, но тогда, чтобы построить новое Поселение, им придется высадиться на берег крупными силами. И что еще хуже для них, им потребуются сухопутные войска, чтобы охранять его.

– Они повергли в прах Китай. Их военная машина неуязвима.

– Здесь не Китай, и мы не сладкоречивые китайцы с трусливыми сердцами, чтобы позволить этой падали выпустить из нас всю кровь или запугать нас до смерти. Они говорят, что хотят лишь одного: торговать. Хорошо, вы тоже хотите торговать, в обмен на ружья, пушки и корабли. – Кацумата тонко улыбнулся и добавил: – Я предлагаю следующее: если мы сожжем и разрушим Иокогаму – а мы, разумеется, представим дело так, будто нападение было совершено по просьбе бакуфу, по просьбе сёгуна, – то впоследствии, когда гайдзины

вернутся, тот, кто будет править сёгунатом на момент их возвращения, с неохотой согласится выплатить им незначительную компенсацию, а в обмен на это гайдзины с радостью согласятся порвать нынешние позорные Соглашения и станут торговать на любых условиях, которые мы решим для них установить.

– Они нападут на нас в Кагосиме, – возразил Сандзиро. – Мы не сможем отразить их нападение.

– Наш залив опасен для кораблей, а не открыт и удобен, как в Эдо. У нас есть береговые батареи и голландские пушки, о которых никто не знает. Мы становимся сильнее с каждым месяцем. И потом, такой акт войны со стороны гайдзинов объединил бы всех даймё, всех самураев и всю страну в одну несокрушимую силу под вашим знаменем. Армии гайдзинов не могут победить на суше. Это Земля богов, боги тоже придут к нам на помощь, – воодушевленно проговорил Кацумата. Ни в какую помощь богов он не верил, в очередной раз манипулируя Сандзиро, как делал это годами. – Божественный ветер, ветер камикадзе, разметал армаду кораблей монгола Хубилай-хана шестьсот лет назад, почему не теперь?

– Верно, – сказал Сандзиро. – Боги заступились за нас тогда. Но гайдзины – это гайдзины, подлости их нет предела, кто знает, какую еще хитрость они придумают? Глупо напрашиваться на нападение с моря, пока у нас не будет своих боевых кораблей, хотя я согласен, боги на нашей стороне и защитят нас.

– Поселение гайдзинов сейчас для вас, как никогда, легкая добыча. Эти двое юношей, ожидающие вашего приговора, указали нам путь. Я молю, чтобы вы последовали им. – Секунду он раздумывал, колеблясь, потом заговорил еще тише: – По слухам, господин, они являются тайными сиси.

Глаза Сандзиро сузились еще больше.

Сиси – люди высокого духа, называемые так благодаря своей храбрости и подвигам, – были молодыми революционерами, которые стояли во главе невиданного доселе выступления против власти сёгуна. Они появились недавно, и предполагалось, что число их по всей стране не превышает полутора сотен.

Для сёгуната и большинства даймё они были безумными убийцами, бешеными псами, которых следовало уничтожить раз и навсегда.

Для большинства самураев, особенно рядовых воинов, они были верноподданными императора, ведущими смертельную войну со злом, стремящимися заставить клан Торанага упразднить сёгунат и вернуть всю власть императору, у которого, как сиси с жаром утверждали, она была незаконно отнята военачальником Торанагой два с половиной столетия назад.

Для простых японцев, крестьян, торговцев, и в особенности для гейш из Плывущего Мира и домов увеселения, сиси были героями из легенд, о которых слагались песни, по которым проливались слезы, которых обожали.

Все они были самураями, молодыми идеалистами, большинство происходили из ленных владений Сацумы, Тёсю и Тоса, некоторые фанатично ненавидели иностранцев, очень многие являлись ронинами — людьми-волнами, ибо были свободны, как волны, потому что лишились своего господина или же господин прогнал их за неповиновение или какое-либо преступление, заставив бежать из родного края, чтобы спастись от наказания; другие же отправились в изгнание добровольно, уверовав в новую безумную ересь, что для самурая может существовать долг превыше долга перед своим господином или перед своим родом — долг перед одним лишь правящим императором.

Несколько лет назад растущее движение сиси стало обретать форму небольших тайных групп, всецело посвящавших себя возрождению *бусидо* — древнего свода упражнений и обрядов, воспитывающих в самурае самодисциплину, чувство долга, чести, умение умирать, владеть мечом и другим оружием, — искусства, о котором все давно забыли, если не считать нескольких сэнсэев, не давших бусидо умереть окончательно. Забыли, потому что два с половиной века в Японии, где раньше столетиями длилась одна непрерывная гражданская война, царил мир, поддерживавшийся жесткими законами сёгуната, запрещавшими всякие воинственные увлечения.

Мало-помалу сиси начали собираться вместе, обмениваться мнениями, строить планы. Школы мастерского владения мечом стали центрами недовольства. В среде сиси появились свои фанатики и радикалы, некоторые из них были хорошими людьми, некоторые — плохими. Но одна общая нить связывала их всех — все они являлись

непримиримыми врагами сёгуната и выступали против открытия японских портов для чужеземцев и их торговли.

Преследуя свои цели, сиси на протяжении последних четырех лет время от времени устраивали нападения на гайдзинов и начали говорить вслух неслыханные вещи о всеобщем выступлении против законного правителя, сёгуна Нобусады, а также всеильного совета старейшин и бакуфу, которые в теории выполняли его волю, а на самом деле самостоятельно регулировали все стороны жизни в стране.

Сиси выдвинули емкий лозунг – *сонно-дзёи*: «Почитайте императора и изгоните варваров» – и поклялись устранять любого, кто встанет у них на пути, чего бы им это ни стоило.

– Даже если они сиси, – сердито сказал Сандзиро, – я не могу допустить, чтобы открытое неповиновение на глазах у сотен людей осталось безнаказанным, сколь похвально оно ни было, – я согласен, что гайдзины обязаны были спешиться и пасть ниц, как предписывает обычай, и вести себя как цивилизованные люди. Да, они, несомненно, спровоцировали моих людей на нападение. Но это не служит оправданием для этих двоих.

– Я согласен, господин.

– Тогда дайте мне ваш совет, – раздраженно произнес Сандзиро. – Если они сиси, как вы говорите, и я уничтожу их или прикажу им совершить сеппуку, меня убьют еще до истечения месяца, сколько бы телохранителей меня ни окружало... не пытайтесь отрицать это, я знаю. Отвратительно, что мощь их так велика, хотя большинство из них всего лишь простые гози.

– Возможно, в этом и заключается их сила, господин, – ответил Кацумата. Гози стояли на низшей ступени самурайской иерархии. Обычно они происходили из семей обнищавших сельских самураев, немногим отличавшихся от крестьян-ополченцев старых дней, и почти не имели надежды получить образование, а вместе с ним и возможности продвигаться по службе, не могли надеяться, что их соображения и советы будут учтены или даже хотя бы выслушаны мелкими чиновниками, не говоря уже о даймё. – Им нечего терять, кроме своей жизни.

– Если у кого-то есть жалоба, я всегда готов выслушать, конечно же, я всегда готов выслушать. Особо одаренные юноши заслуживают и получают особое образование, наиболее достойные из них.

– Почему бы не позволить им повести сегодня ночью атаку на гайдзинов?

– А если никакой атаки не будет? Я не могу выдать их бакуфу – это неслыханно – или гайдзинам!

– В большинстве своем сиси всего лишь юные идеалисты, без мозгов или серьезных намерений. Часть из них просто разбойники и смутьяны, которые не нужны на этой земле. Однако некоторые из них могут оказаться весьма полезны, если правильно ими воспользоваться. Шпион донес мне, что старший из них, Сёрин, был в той группе, которая убила первого министра Ии.

– *Со ка!* Надо же!

Это случилось четыре года назад. Вопреки всем советам Ии, стараниями и уловками которого сёгуном стал именно Нобусада, предложил, в нарушение всех приличий, брак между этим мальчиком и двенадцатилетней сводной сестрой самого императора, а также, что было хуже всего, обсудил с гайдзинами и подписал ненавистные Соглашения. О смерти его никто не сожалел, и меньше всех Сандзиро.

– Пошлите за ними.

В комнате для аудиенций прислужница подавала Сандзиро чай. Кацумата сидел рядом с ним. Вокруг стояли десять самураев из числа его личных телохранителей. Все были вооружены. Кроме двух юношей, сидевших на коленях перед даймё и чуть ниже, хотя их мечи лежали на татами так, что до них можно было легко дотянуться в любой момент. Их нервы были напряжены до предела, но ни тот ни другой этого не показывали. Девушка поклонилась и вышла, пряча свой страх.

Сандзиро не заметил ее ухода. Он поднял с подноса маленькую изящную чашечку тончайшего фарфора, сделал глоток. Вкус чая показался ему превосходным, и в этот миг он наслаждался ощущением того, что правит сам, а не им правят другие. Он притворился, что разглядывает чашечку и восхищается тонкостью работы, но на самом деле внимание его было приковано к юношам. Они ждали с бесстрастными лицами, понимая, что их час настал.

Он ничего не знал о них, кроме того, что рассказал ему Кацумата: что оба служили у него гози, солдатами-пехотинцами, как и их отцы до них. Каждый получал ежегодное жалованье в один *коку*^[5] – мера

сухого риса, около пяти бушелей, считавшаяся достаточной, чтобы прокормить одну семью в течение одного года. Оба были родом из деревень рядом с Кагосимой. Одному исполнилось девятнадцать, второму, который был ранен и сидел с перевязанной рукой, – семнадцать. Оба посещали школу для избранных самураев, которую он основал двадцать лет назад для тех, кто с детства проявлял незаурядные способности. Обучение в школе велось глубже и шире, чем обычно, и включало изучение тщательно отобранных голландских руководств. Оба были прилежными учениками, оба были не женаты, оба посвящали все свободное время учебе и оттачиванию своего мастерства во владении мечом. Обоих когда-нибудь в будущем могло ждать повышение по службе. Старшего звали Сёрин Анато, младшего – Ори Риёма.

Молчание сгустилось.

Вдруг Сандзиро заговорил, повернув голову к Кацумате, словно никаких юношей не было перед ним:

– Если бы кто-то из моих людей, сколь бы ни выделялись они своими достоинствами, как бы их ни провоцировали и какие бы оправдания себе они ни находили, затеял схватку, на которую я не давал разрешения, и эти люди остались бы потом досягаемы для меня, я бы непременно должен был покарать их самым строгим образом.

– Да, господин.

Он увидел, как сверкнули глаза его советника.

– Глупо выказывать неповиновение. Если бы такие люди хотели остаться в живых, их единственным спасением было бы бежать и стать ронинами, даже если бы им пришлось потерять при этом свое жалованье. Жаль было бы потратить их жизнь впустую, окажись они достойными воинами. – Он перевел взгляд на юношей, внимательно их рассматривая. К своему удивлению, он ничего не прочел на их лицах, кроме все той же тяжелой бесстрастности. Его настороженность усилилась.

– Вы совершенно правы, господин. Как всегда, – добавил Кацумата. – Могло бы оказаться так, что такие люди, будучи избранными людьми чести, поняли бы, что нарушили вашу внутреннюю гармонию и что у вас нет иного выбора, кроме как жестоко наказать их. Тогда эти особые люди, даже в качестве ронинов,

продолжали бы блюсти ваши интересы, возможно, даже способствовали бы их продвижению.

– Подобных людей не существует, – сказал Сандзиро, втайне радуясь, что его советник согласился с его решением. Он обратил свои безжалостные глаза на молодых людей. – Не так ли?

Оба юноши постарались выдержать этот взгляд, но это у них не получилось. Они опустили глаза. Сёрин, старший из двух, тихо произнес:

– Такие... такие люди есть, господин.

Молчание стало еще более гнетущим, пока Сандзиро ждал, когда и второй юноша выскажется перед ним. Ори чуть заметно кивнул, положил обе ладони на татами и поклонился еще ниже.

– Да, господин, я считаю так же.

Сандзиро был доволен: без всякой платы он заручился их верностью и приобрел двух шпионов в движении сиси, отвечать за которых будет Кацумата.

– Такие люди были бы очень полезны, если бы они существовали. – Его голос звучал резко и непререкаемо. – Кацумата, немедленно напишите письмо бакуфу. Сообщите им, что два гози, чьи имена... – он задумался на мгновение, не обращая внимания на поднявшийся в комнате шорох, – поставьте любые, какие сочтете нужными... нарушили строй и убили нескольких гайдзинов сегодня днем за их вызывающе оскорбительное поведение: гайдзины были вооружены пистолетами, которые они навели на мой паланкин. Эти два человека, спровоцированные, как и все мои остальные люди, бежали, прежде чем их удалось схватить и связать. – Он опять посмотрел на юношей. – Что же касается вас двоих, вы явитесь сюда с первой ночной стражей и выслушаете свое наказание.

Кацумата быстро добавил:

– Господин, осмелюсь предложить, чтобы вы добавили в письме, что вы изгнали их, объявили ронинами, лишили их жалованья и назначили награду за их головы.

– Два коку. Объявите об этом в их деревнях, когда мы вернемся. – Сандзиро повернулся к Сёрину и Ори и махнул рукой, отпуская их.

Оба юноши низко поклонились и вышли. Он с удовольствием отметил темные пятна пота на спинах их кимоно, хотя день отнюдь не был жарким.

– Кацумата, относительно Иокогамы, – тихо сказал он, когда они вновь остались одни. – Пошлите наших лучших шпионов, пусть выяснят, что там происходит. Прикажите им вернуться до наступления темноты. И прикажите всем самураям находиться в готовности к бою.

– Да, господин. – Кацумата не позволил улыбке искривить его губы.

После того как юноши вышли от Сандзиро и миновали все кольца телохранителей, Кацумата догнал их.

– Следуйте за мной. – Он провел их через лабиринт садов к боковой двери, которая не охранялась.

– Немедленно отправляйтесь в Канагаву, в гостиницу Полночных Цветов. Этот дом безопасен, там вы найдете других друзей. Торопитесь!

– Но, сэнсэй, – возразил Ори, – сначала мы должны забрать наши запасные мечи, доспехи, деньги и...

– Молчать! – Кацумата сердито запустил руку в широкий рукав своего кимоно и передал им маленький кошелек с несколькими монетами в нем. – Вот, возьмите. Вы вернете мне вдвое больше за свою дерзость. На закате я пошлю людей в погоню за вами с приказом убить вас, если вы будете пойманы в пределах одного ри.

Ри составляло примерно одну лигу, то есть около трех миль.

– Да, сэнсэй. Прошу извинить меня за грубость.

– Ваши извинения не принимаются. Вы оба глупцы. Вы должны были убить всех четверых варваров, а не только одного, – особенно девушку, потому что тогда все гайдзины сошли бы с ума от ярости! Сколько раз должен я повторять вам? Они не цивилизованные люди, как мы, и смотрят на мир, религию и женщин иначе! Вы показали себя неспособными учениками! Вы оба глупцы! Вы хорошо начали бой, но не сумели довести его до конца, отбросив жалость и страх за свою жизнь. Вы проявили нерешительность! Поэтому оказались побежденными! Глупцы! – повторил он снова. – Вы забыли все, чему я учил вас. – Вне себя от гнева, он наотмашь ударил Сёрина по лицу тыльной стороной ладони. Удар был жестоким.

Сёрин тут же поклонился, бормоча смиренные слова прощения за то, что своим поведением нарушил *ва*, внутреннюю гармонию, сэнсэя. Низко склонив голову, он отчаянно пытался справиться с болью. Ори

остался стоять прямо, как шест, ожидая второго удара. Пощечина оставила жгучий след на его лице. В тот же миг и он согнулся в поклоне, почтительно извиняясь и боясь хоть чуть-чуть приподнять голову, которая тут же наполнилась пульсирующей болью. Он был по-настоящему напуган. Однажды их товарищ по школе, лучший боси среди них всех, грубо ответил сэнсэю во время учебной схватки. Не колеблясь ни секунды, Кацумата вложил свой меч в ножны, напал на него с голыми руками, обезоружил, поверг на землю, сломал ему обе руки и навечно прогнал назад в его деревню.

– Пожалуйста, извините меня, сэнсэй, – произнес Сёрин с полной искренностью.

– Отправляйтесь в гостиницу Полночных Цветов. Когда я пришлю послание, выполните то, что я потребую от вас, безотлагательно, второго шанса у вас не будет! Безотлагательно, вы меня поняли?

– Да, да, сэнсэй, пожалуйста, прошу вас извинить меня, – пробормотали они хором, подоткнули свои кимоно и унеслись прочь, благодарные судьбе за избавление: Кацумата страшил их больше, чем Сандзиро. Много лет он был их основным наставником, как в воинских, так, тайно, и в других искусствах: стратегии прошлого, настоящего и будущего; он объяснял им, почему бакуфу и все Торанага, сколько их ни было, не сумели выполнить свой долг, почему необходимы перемены и как их осуществить. Кацумата был одним из немногих сиси, носивших звание хатамото – удостоенного высоких почестей вассала, в любое время имевшего прямой доступ к своему господину. Этот высокий титул обеспечивал ему личное годовое жалованье в тысячу коку.

– И-и-и-и, надо же, какой богатый, – прошептал Сёрин Ори, когда они впервые узнали об этом.

– Деньги – это ничто, ничто. Сэнсэй говорит, что когда у тебя есть власть, деньги становятся не нужны.

– Я согласен, но подумай о своей семье, о наших с тобой отцах, о деде, они могли бы купить себе немного земли, и тогда им не пришлось бы трудиться на чужих полях – и не пришлось бы время от времени искать еще и дополнительную работу, чтобы заработать хоть что-нибудь сверх самого необходимого.

– Ты прав, – согласился Ори.

Сёрин в тот раз рассмеялся:

– Нам-то нет нужды беспокоиться, мы никогда не получим даже сотни коку, а если бы и получили, то все равно потратили бы свою долю на девушек и саке и стали бы даймё Плывущего Мира. Тысяча коку – это все деньги, какие есть в мире!

– Нет, это не так, – возразил Ори. – Не забывай, что говорил нам сэнсэй.

Во время одной из тайных встреч Кацуматы с группой избранных учеников и последователей он сказал:

– Доход Сацумы составляет семьсот пятьдесят тысяч коку и принадлежит нашему господину, даймё, который делит его так, как считает нужным. Это еще одна традиция, которая изменится при новом правлении. Когда великие перемены произойдут, доход любого владения будет распределяться Государственным советом, в который сможет войти любой разумный самурай, любого звания, высокого или низкого, и любого возраста, при условии, что он наделен необходимой для этого мудростью и доказал, что является человеком чести. Этот закон будет единым для всех княжеств, поскольку страна будет управляться Верховным государственным советом в Эдо или Киото, избранным на равной основе из достойных самураев – под руководством Сына Неба.

– Сэнсэй, вы сказали, любой? Могу я спросить, включает ли это и самураев из рода Торанага? – спросил Ори.

– Никаких исключений не будет, если человек достоин избрания.

– Сэнсэй, пожалуйста, расскажите про род Торанага. Кто-нибудь знает счет их подлинному богатству, может исчислить земли, которыми они действительно правят?

– После Сэкигахары Торанага забрал у мертвых врагов земли, приносящие ежегодно пять миллионов коку, почти треть всего богатства Ниппона, забрал для себя и своей семьи. Навечно.

Среди потрясенного молчания, которое последовало за этими словами, Ори произнес то, о чем подумал каждый из них:

– С таким богатством мы могли бы иметь самый большой флот в мире, столько боевых кораблей, пушек и ружей, сколько нам нужно, мы могли бы создать лучшую армию, вооруженную лучшими ружьями, мы могли бы вышвырнуть всех гайдзинов с нашей земли!

– Мы даже могли бы вести войну на их территории и расширить наши пределы, – тихо добавил Кацумата, – и смыть позор минувших дней.

Они сразу поняли, что он имел в виду тайро, военачальника Накамуру, непосредственного предшественника Торанаги на посту верховного правителя и его господина, великого крестьянина-генерала, который в те времена был стражем Дворцовых Врат и поэтому, в знак признательности, получил от императора высочайший титул, на который только мог надеяться человек низкородный, титул тайро, означавший «диктатор», – не титул сёгуна, к которому стремился одержимо, но никогда не мог бы получить.

Подчинив себе всю страну, главным образом за счет того, что убедил своего главного врага Торанагу принести клятву вечной верности и покорности ему и его сыну-наследнику, Накамура собрал гигантскую армаду кораблей и начал широкую военную кампанию против страны Чосон, или Кореи, как ее иногда называли, с целью пролить свет высокой культуры на эту землю и использовать ее как первую ступень на пути к Трону Драконов Китая. Но его армии потерпели в битвах неудачу и вскоре с позором отступили – как много веков назад, в прошлые эпохи, окончились столь же сокрушительным поражением две другие попытки японцев закрепиться на континенте. Трон Китая по сию пору оставался для Японии самым притягательным магнитом.

– Подобный позор должен быть смыт навсегда – как тот позор, который Сынам Неба пришлось вытерпеть по вине Торанага, узурпировавших власть Накамуры после его смерти, погубивших его жену и сына, сровнявших с землей их замок в Осаке и уже больше чем достаточно грабящих наследство Сына Неба! *Сонно-дзёи!*

– *Сонно-дзёи!* – откликнулись юноши. Глаза их горели.

Стемнело. Оба юных самурая выбивались из сил: страх гнал их вперед без остановки, и долгий путь совсем измотал обоих. Но ни тот ни другой не хотел первым признаться в этом, поэтому они упорно продолжали бежать вперед, пока не достигли края леса. Теперь перед ними лежали покрытые водой рисовые поля, раскинувшиеся по обе стороны Токайдо, которая вела к окраине Канагавы, видневшейся невдалеке, и к дорожной заставе.

– Давай... давай остановимся ненадолго, – сказал Ори.

Его измучила пульсирующая боль в ране, голова болела, грудь болела, но он не показывал виду.

– Хорошо. – Сёрин дышал так же тяжело, голова и грудь у него болели ничуть не меньше, но он рассмеялся. – Ты немощен, как старуха. – Он нашел сухой клочок земли и с удовольствием опустился на него. С большой осторожностью он начал изучать окрестности, пытаясь отдышаться.

Токайдо была почти пуста, передвижение по ночам обычно запрещалось бакуфу, и любой путник подвергался суровому допросу и жестоко наказывался, если не имел достаточно веского оправдания. Несколько носильщиков и последние из путников спешили к заставе у Канагавы, все остальные принимали горячую ванну или бражничали в безопасности гостиниц и постоялых дворов – их в этом придорожном селении было великое множество. По всей стране дорожные заставы закрывались с наступлением темноты и не открывались до рассвета и всегда бдительно охранялись местными самураями.

По ту сторону залива Сёрин увидел масляные фонари на набережной и в некоторых домах в Поселении, а также на кораблях, стоявших на якоре. Яркая луна, вполовину круга, поднималась над горизонтом.

– Как твоя рука, Ори?

– Хорошо, Сёрин. Мы уже отошли от Ходогайи больше чем на ри.

– Да, но я не буду чувствовать себя в безопасности, пока мы не дойдем до гостиницы. – Сёрин принялся разминать шею, пытаясь унять ноющую боль в ней и в голове. Пощечина Кацуматы изрядно оглушила его. – Когда мы сидели перед господином Сандзиро, я подумал, что нам конец. Я решил, что он приговорит нас к смерти.

– Я тоже. – Произнеся эти слова, Ори почувствовал приступ дурноты, рука невыносимо болела, как и ходившая ходуном грудь, лицо все еще горело от пощечины. Он рассеянно махнул здоровой рукой, разгоняя облако ночных насекомых. – Если бы он... я был готов схватить свой меч и отправить его в дальний путь, чтобы указать нам дорогу.

– Я тоже, но сэнсэй наблюдал за нами очень тщательно и убил бы нас, прежде чем мы успели бы шевельнуться.

– Да, ты снова прав. – Ори вздрогнул всем телом. – Его удар чуть не снес мне голову с плеч. И-и-и-и, обладать такой силой, невероятно! Я рад, что он на нашей стороне, а не против нас. Это он спас нас, он один, он склонил господина Сандзиро к своему мнению. – Лицо Ори вдруг стало серьезным. – Сёрин, пока я ждал, я... чтобы укрепить себя, сложил свое предсмертное стихотворение.

Сёрин тоже посерьезнел.

– Могу я услышать его?

– Да.

Клич *сонно-дзёи* на закате,

Ничего не потрачено зря.

В ничто – мой прыжок.

Сёрин задумался о стихотворении, смакуя про себя его красоту, равновесие слов и третий уровень их значения. Потом сказал с торжественным видом:

– Самурай поступает мудро, сложив свое предсмертное стихотворение. Мне это пока еще не удалось, но я обязательно сложу его, тогда весь остаток жизни станет лишь нечаянной прибавкой к тому, что должно быть и уже исполнено. – Он повернул голову сначала в одну сторону, потом в другую, заводя вбок до предела, пока не захрустели позвонки и связки, и почувствовал себя лучше. – Знаешь, Ори, сэнсэй был прав, мы действительно проявили нерешительность и потому потерпели поражение.

– Я замешкался, в этом он прав, я легко мог бы убить ту девушку, но ее вид парализовал меня на мгновение. Я никогда... ее невообразимые одежды, лицо, как некий странный цветок, с этим огромным носом, больше похожее на чудовищную орхидею с двумя огромными голубыми пятнами, увенчанную желтыми тычинками... Эти невероятные глаза, глаза сиамской кошки, тростник и солома под этой нелепой шляпой – так отвратительно и вместе с тем так... так притягательно. – Ори нервно рассмеялся. – Я был околдован. Нет сомнения, она – ками из краев, где всегда царит мрак.

– Сорви с нее одежды, и она окажется такой же, как все, но вот насколько притягательной, я... я не знаю.

– Я тоже подумал об этом. Интересно, на что бы это было похоже. – Ори на мгновение поднял глаза и посмотрел на луну. – Если бы мне довелось повалить ее на подушки, думаю... думаю, я стал бы пауком-самцом для этой паучихи.

– Ты хочешь сказать, что она убила бы тебя потом?

– Да. Если бы я познал ее, силой или нет, эта женщина убила бы меня. – Ори опять замахал рукой, прогоняя насекомых, которые начали по-настоящему досаждать им. – Я никогда не видел таких, как она... да и ты тоже. Ты ведь тоже это заметил, *neh*?

– Нет, все произошло так быстро, я пытался убить того большого урода с пистолетом, а потом она уже умчалась.

Ори не отрываясь смотрел на далекие огоньки Йокогамы.

– Я спрашиваю себя, как ее зовут, что она делала, когда добралась туда. Я никогда не встречал... она была так безобразна и вместе с тем...

Сёрин забеспокоился. Обычно Ори почти не обращал внимания на женщин, просто пользовался ими, когда это было ему нужно, позволял им развлекать его, прислуживать ему. Сёрин не помнил, чтобы, за исключением сестры, которую Ори обожал, тот когда-нибудь заговаривал хоть об одной из них.

– Карма.

– Да, карма. – Ори поправил повязку на ране, пульсирующая боль стала сильнее. Из-под повязки выступила кровь. – Но даже и в этом случае я не уверен, что мы потерпели поражение. Мы должны выждать, должны проявить терпение и посмотреть, что будет дальше. Мы всегда планировали напасть на гайдзинов при первой же возможности – я был прав, когда выступил против них в тот момент.

Сёрин поднялся:

– Я устал от серьезных разговоров о ками и о смерти. Со смертью мы и так встретимся, и очень скоро. Сэнсэй дал нам жизнь для *сонно-дзёи*. Из ничего – в ничто, но сегодня у нас есть еще один вечер, которым мы можем насладиться. Горячая ванна, саке, ужин, потом настоящая Повелительница Ночи, мягкая, сладкопахнущая, влажная... – Он тихо рассмеялся. – Нежный цветок, а не орхидея, с прекрасным носом и нормальными глазами. Пойдем...

Глава 4

Баркас с флагом королевского флота на корме выскользнул из вечернего полумрака и устремился к причалу Канагавы. В отличие от других причалов, которыми пестрел берег, этот был построен на редкость основательно, из дерева и камня, щит на высоких столбах горделиво возвещал на английском и японском: «Собственность ее величества британской дипломатической миссии в Канагаве. Посторонним вход воспрещен». Баркас был битком набит морскими пехотинцами; матросы ловко орудовали веслами. Тонкая багровая полоса еще окаймляла горизонт на западе. По морю гуляла крупная зыбь, луна красиво вставала в темном небе, свежий ветер разгонял облака.

На самом конце причала баркас поджидал один из гренадеров, охранявших миссию. Рядом с ним стоял круглолицый китаец в длинном глухом халате под горло, в руке он держал шест с масляным фонарем.

– Суши весла! – крикнул боцман.

Все весла были немедленно подняты, сидевший на носу матрос прыгнул на причал и закрепил носовой конец. За ним быстро, но без толкотни и шума, на причал выбрались морские пехотинцы, тут же построившиеся в оборонительный порядок с ружьями наготове, пока их сержант внимательно изучал местность. На корме сидел морской офицер. И Анжелика Ришо. Он помог ей сойти на берег.

– Добрый вечер, сэр, мэм, – сказал гренадер, отдавая честь офицеру. – Это вот Лун, он состоит при миссии помощником.

Лун во все глаза таращился на девушку.

– Доб'лая вечила, са', васа за моя ходить сильна быстла лаз-лаз, хейя? Мисси моя ходить ладна.

Охваченная тревогой, Анжелика нервно посматривала кругом. Она была в капоре и голубом шелковом платье с турнюром, на плечи была наброшена шаль того же цвета, которая изумительно оттеняла ее бледность и светлые волосы.

– Мистер Струан, как он себя чувствует?

– Не знаю, мэм, мисс, – доброжелательно ответил солдат. – Док Бебкотт, он лучший в этих водах, так что с беднягой все будет в порядке, ежели будет на то воля Божья. Он прямо страсть как обрадуется, увидев вас, – всё тут про вас спрашивал. Мы-то вас раньше утра и не ждали.

– А мистер Тайрер?

– Здоровехонек, мисс, рана пустяковая. Нам бы пора трогаться.

– Далеко идти?

– Ай-йа, нет далекий чоп-чоп ладна, – раздраженно проговорил Лун. Он поднял шест с фонарем и выставил его в ночь, что-то озабоченно бормоча на кантонском.

«До чего наглый сукин сын», – подумал офицер. Он был высокого роста, лейтенант королевского флота, звали его Джон Марлоу. Он и Анжелика двинулись следом. Морские пехотинцы тотчас же развернулись, прикрывая их со всех сторон, дозорные вышли вперед.

– С вами все в порядке, мисс Анжелика? – спросил он.

– Да, благодарю вас. – Она плотнее закуталась в шаль, осторожно ступая в темноте. – Какой ужасный запах!

– Боюсь, это испражнения, которые здесь используют как удобрение, да еще отлив добавляет.

У Марлоу были песочного цвета волосы и серо-голубые глаза. В свои двадцать восемь лет он являлся капитаном двадцатипушечного парового фрегата ее величества «Жемчужина». Правда, последнее время он исполнял обязанности флаг-адъютанта при адмирале Кеттерере, командовавшем военноморскими силами Японии.

– Может быть, вам было бы удобнее в носилках?

– Благодарю вас, нет, все и так очень хорошо.

Лун шел чуть впереди по узким пустынным улочкам деревни, освещая им путь. Бóльшая часть Канагавы лежала погруженная в глубокую тишину, хотя изредка они слышали шумный пьяный смех мужчин и женщин, доносившийся из-за высоких стен, в которых время от времени попадались маленькие дверцы с зарешеченными окошечками. На каждом шагу им встречалось множество разукрашенных вывесок на японском.

– Это постоянные дворы, гостиницы? – спросила она.

– Видимо, – осторожно ответил Марлоу.

Лун тихо хихикнул, услышав вопрос и ответ. По-английски он говорил совершенно свободно – язык он выучил в миссионерской школе. Однако, следуя приказу, тщательно скрывал это, всегда говорил только на пиджин, притворялся глупым и в итоге знал много секретов, которые имели огромную ценность и для него, и для руководителей его тонга, и для их общего вождя, светлейшего Чэня, Гордона Чэня, компрадора компании Струана. Компрадор, обычно им был высокородный евразиец, являлся незаменимым посредником между европейскими и китайскими торговцами, он свободно говорил на английском и нескольких китайских диалектах, и к его рукам прилипало по меньшей мере десять процентов от каждой сделки.

«А, заносчивая юная мисси, питающаяся чужой неудовлетворенной страстью, – с бесконечным весельем размышлял Лун, зная о ней много всего, – интересно, который же из этих дурнопахнущих круглоглазых первым распятит тебя на подушках и войдет в твои столь же дурнопахнущие Нефритовые Врата? К тебе в самом деле еще никто не прикасался, как ты притворяешься, или внук Зеленоглазого Дьявола Струана уже познал с тобой Облака, Пролившиеся Дождем? Клянусь всеми богами, великими и малыми, я узнаю это совсем скоро, потому что твоя горничная является дочерью третьей двоюродной сестры моей сестры. Я уже знаю, что твои короткие волоски не ухожены и нуждаются в выщипывании, они такие же светлые, как на голове, и растут слишком густо, чтобы это могло понравиться цивилизованному человеку, но, полагаю, варвар этого просто не заметит. Ха!

Ай-йя, до чего интересна жизнь. Готов поспорить, это нападение и убийство доставят и дьяволам-варварам, и Пожирателям Нечистот с этих островов много неприятностей. Вот и чудесно! Пусть все они захлебнутся в собственных испражнениях!

Интересно получается, что внук Зеленоглазого Дьявола был так жестоко ранен, – стало быть, скверный йосс всех мужчин этого рода простирается и на него; интересно, что новость об этом уже тайно летит в Гонконг с нашим самым быстрым курьером. Ах, до чего я мудр и предусмотрителен! Но опять же, я родился в Серединном Царстве и потому, разумеется, стою выше их всех.

Однако встречный ветер для одного всегда надувает паруса другого. Это известие, несомненно, резко понизит стоимость акций

Благородного Дома. Зная об этом наперед, я и мои друзья получим большую прибыль. Клянусь всеми богами, я поставлю десятую часть своей прибыли на первую же лошадь на скачках в Счастливой Долине, которая побежит под четырнадцатым номером – сегодняшней датой по варварскому исчислению».

– Хоу! – воскликнул он, вытянув вперед руку.

Центральные башенки храма темнели над улицами и переулками крошечных одноэтажных домов, стоявших каждый отдельно, но при этом кучками, как в сотах.

Два гренадера под началом сержанта охраняли ворота храма, хорошо освещенные масляными фонарями. Рядом с ними стоял Бебкотт.

– Привет, Марлоу, – произнес он с улыбкой. – Поистине неожиданное для меня удовольствие, мадемуазель, добрый вечер. В чем...

– Извините, доктор, – прервала его Анжелика. Она глядела на него снизу вверх, широко раскрыв глаза, пораженная размерами англичанина. – Но Малкольм... мистер Струан... мы слышали, он был опасно ранен.

– Он получил довольно неприятный удар мечом, но рана зашита, и сейчас он крепко спит, – как можно более легким тоном произнес Бебкотт. – Я дал ему успокоительное. Я отведу вас к нему через секунду. В чем дело, Марлоу, зачем...

– А Филип Тайрер? – снова прервала его она. – Он... Его тоже серьезно ранили?

– Просто поверхностная рана, мадемуазель, вы в данный момент ничего не можете для них сделать, оба приняли снотворное.

– С ним все в порядке?

– Да, в полном порядке, – терпеливо ответил он. – Пойдемте, вы убедитесь сами. – Он повел их через внутренний двор. Стук копыт и звяканье уздечек остановили их. Обернувшись, они с удивлением увидели въезжающий во двор разъезд драгун. – Святой Боже, да это же Паллидар. Что он тут делает?

Они наблюдали, как драгунский офицер отдал честь морским пехотинцам и гренадерам и спешился.

– Продолжайте, – сказал Паллидар, не замечая Марлоу, Бебкотта и Анжелику. – Эти чертовы джапские ублюдки попытались, черт возьми,

загородить нам дорогу, клянусь Господом! Жаль только, что эти ублюдки изменили свое, в господ-бога-мать, растреклятое решение, а то сейчас бы они у меня уже кормили червей, будь я проклят, и... – Он увидел Анжелику и замолчал, похолодев от ужаса. – Господи Иисусе! О... послушайте, я... я самым искренним образом извиняюсь, мадемуазель, я... э... я никак не предполагал, что здесь могут быть дамы... э... привет, Джон, доктор.

– Привет, Сеттри, – сказал Марлоу. – Мадемуазель Анжелика, позвольте представить вам нашего просторечного капитана Сеттри Паллидара из восьмого драгунского полка ее величества. Мадемуазель Анжелика Ришо.

Она холодно кивнула, он деревянно поклонился:

– Я... э-э... приношу свои глубочайшие извинения, мадемуазель. Док, меня прислали для охраны миссии на случай эвакуации.

– Адмирал уже направил нас сюда для этой цели, – резко заметил Марлоу. – С отрядом морских пехотинцев.

– Теперь, когда мы прибыли, вы можете отпустить их.

– Пош... Предлагаю вам запросить новых распоряжений. Завтра. Тем временем я как старший офицер беру командование на себя. Старший род войск, старина. Доктор, возможно, вы проводите леди навестить мистера Струана.

Беккотт озабоченно посмотрел, как они, выкатив грудь, сверлили друг друга глазами. Оба офицера нравились ему. Внешне они оставались дружелюбными, но под этой маской скрывалась готовность драться насмерть. Эти два молодых бычка когда-нибудь сцепятся по-настоящему – да поможет им Бог, если ссора выйдет из-за женщины.

– Я увижу вас обоих попозже, – сказал он, взял Анжелику под руку и увел ее.

Бар клуба Йокогамы, самое вместительное помещение во всем Поселении и потому неизменное место всех собраний, сотрясался от людского рева, заполненный почти всеми принятыми в обществе обитателями Поселения, – отсутствовали только те, кто упился в стельку или был очень болен. Собрание орало на разных языках, многие были вооружены, многие размахивали кулаками и кричали ругательства маленькой группе хорошо одетых людей, сидевших за столом на небольшом возвышении в дальнем конце бара; большинство

из этих последних кричали что-то в ответ, генерал и адмирал были близки к апоплексии.

– Повторите это еще раз, и, клянусь Господом, я вызову вас прогуляться!

– Иди к черту, недоносок!

– Ет' война, Уильям должен бы...

– Развернуть армию и флот, черт подери, и обстрелять Эдо...

– Сровнять эту ихнюю паскудную столицу с землей, клянусь Богом...

– Кентербери должен быть отомщен, Вельям обязан...

– Верно! Увиллим во всем виноватый, Джон Кент, он же мне все равно как брат родной...

– Послушайте, наконец. – Один из сидевших за столом принялся колотить деревянным молотком по столешнице, призывая всех к молчанию. – Меня зовут Уильям, черт побери! Уильям. Не Уильям, не Увиллим, не Вульем и не Выльем! Уильям Айлсбери, сколько раз должен я вам повторять! Уильям!

Три бармена, отпускавшие напитки за огромной стойкой, расхохотались.

– До чего жаркое дело эти собрания, народ прямо помирает от жажды, а, приятель? – весело крикнул один из них, протирая стойку грязной тряпкой. Бар был гордостью Поселения, его стойка была намеренно построена на фут длиннее, чем стойка бара шанхайского жокей-клуба, считавшегося до этого самым большим в Азии, и вдвое длиннее стойки бара гонконгского клуба. Стена за их спиной была уставлена рядами бутылок с вином, спиртными напитками, бочонками с пивом. – Дайте же бедолаге сказать, ради бога!

Сэр Уильям Айлсбери, человек с деревянным молотком, вздохнул. Он являлся британским посланником в Японии, старшим сотрудником дипломатического корпуса. Остальные представляли за столом Францию, Россию, Пруссию и Америку. Его терпение лопнуло, и он сделал знак молодому офицеру, стоявшему позади стола. Тот, явно готовый к этому, – как и люди за столом, – немедленно достал револьвер и выстрелил в потолок. Кусочки штукатурки посыпались на пол среди разом наступившего молчания.

– Благодарю вас. Итак, – начал сэр Уильям голосом, полным сарказма, – если вы, джентльмены, угомонитесь на минутку, мы

сможем продолжить. – Это был высокий представительный мужчина на исходе четвертого десятка, с худым лицом и торчащими ушами. – Я повторяю, поскольку принятое нами решение затронет всех вас, мои коллеги и я желали бы предварительно обсудить, как нам отреагировать на этот инцидент, – обсудить вместе с вами. Если вы, друзья мои, не хотите слушать или если у вас спросят ваше мнение, а вы не поделитесь им с минимальным количеством бранных слов и выражений – мы рассмотрим все дело в узком кругу, а потом, когда решим, что же БУДЕТ ДАЛЬШЕ, то с удовольствием сообщим вам об этом.

Ворчливое недовольство в толпе, но никакой открытой враждебности.

– Прекрасно. Мистер Макфей, вы говорили?

Джейми Макфей стоял в первых рядах, Дмитрий – рядом с ним. Поскольку Джейми возглавлял японское отделение компании Струана, крупнейшей в Азии, обычно именно он выступал от лица торговцев, кто имел собственные флоты вооруженных клиперов и торговых кораблей.

– Что же, сэр, мы знаем, что эти из Сацумы остановились на ночь в Ходогайе, это к северу отсюда, совсем недалеко, и их король вместе с ними, – сказал он, хмурясь, сильно встревоженный состоянием Малкольма Струана. – Его имя Садзирро, или как-то вроде этого, и я полагаю, нам сле...

– Я голосую за то, чтобы окружить сегодня ночью этих ублюдков и вздернуть содомита! – крикнул кто-то.

Грянул гром аплодисментов, который скоро утих посреди нескольких невнятных чертыханий и призывов «ради бога, давайте дальше».

– Прошу вас, продолжайте, мистер Макфей, – устало произнес сэр Уильям.

– Нападение, как всегда, было неспровоцированным, Джона Кентербери подло и зверски убили, один Господь Бог знает, сколько времени уйдет на то, чтобы мистер Струан поправился. Но это первый случай, когда мы можем назвать убийц, – по крайней мере, их правитель может это сделать, и так же верно, как то, что Господь сотворил райские яблочки, этот правитель обладает достаточной властью, чтобы схватить этих мерзавцев и выдать нам, а также

заплатить за урон... – (Новые рукоплескания.) – Они недалеко ушли, и с теми войсками, что у нас есть, мы сможем добиться у них правды.

Одобрительный рев и призывы к отмщению. Анри Бонапарт Сератар, французский посланник в Японии, громко произнес:

– Я бы хотел обратиться к мсье генералу и мсье адмиралу с вопросом, что они думают на этот счет.

– У меня на кораблях пятьсот морских пехотинцев... – тут же выпалил адмирал.

Генерал Томас Огилви прервал его, твердо, но учтиво:

– Данный вопрос касается сухопутной операции, мой дорогой адмирал. Мистер Серятард... – Седеющий краснолицый англичанин тщательно исковеркал имя француза и употребил слово «мистер», чтобы оскорбление было полным, – в нашем распоряжении тысяча британских солдат в палаточных лагерях, два отряда кавалерии, три батареи самых современных орудий, а также возможность вызвать еще восемь-девять тысяч британских и индийских пехотинцев со вспомогательными войсками с Гонконга в течение двух месяцев. – Он поиграл золотым галуном своего мундира. – Невозможно представить себе проблему, которую войска ее величества под моим командованием были бы не в силах разрешить самым оперативным образом.

– Я согласен, – кивнул адмирал, его голос потонул в одобрительных выкриках.

Когда они утихли, Сератар мягко спросил:

– Значит, вы выступаете за объявление войны?

– Ничего подобного, сэр, – ответил генерал. Их неприязнь была взаимной. – Я просто сказал, что мы в состоянии выполнить все, что от нас потребуется, когда потребуется и когда мы будем обязаны это сделать. Я также склонен считать, что все решения по данному инциденту следует принимать посланнику ее величества совместно с адмиралом и мною без неподобающих дебатов и обсуждений.

Некоторые поддержали его, большинство же недовольно загудели, а кто-то крикнул:

– Это наше серебро и налоги идут в уплату за всю вашу шайку-лейку, так что мы в своем праве говорить что и как. Про такую штуку, как парламент-то, слышали, клянусь Богом?

– Нападение совершено и на французскую подданную, – горячась, повысил голос Сератар, – следовательно, затронута честь Франции. –

(Свист, улюлюканье, сальные замечания в адрес девушки.)

Снова сэр Уильям прибег к помощи молотка.

– Доктор Беккотт уже поставил бакуфу в известность в Канагаве, – с раздражением произнес сэр Уильям, – и они уже заявили, что ничего не знают о случившемся и, по всей вероятности, станут придерживаться своей обычной тактики, неизменно заявляя то же самое и впредь. Один британский подданный был зверски убит, другой – опасно ранен, наша восхитительная юная иностранная гостья, к нашему стыду, была напугана чуть не до смерти – эти действия, как правильно указал мистер Макфей и как я еще раз хочу подчеркнуть, впервые были совершены преступниками, личности которых мы можем установить. Правительство ее величества не оставит это безнаказанным... – На мгновение его голос покрыла ревущая волна приветственных выкриков, потом он добавил: – Единственное, что нам предстоит определить, это меру наказания, а также то, как мы должны действовать дальше и какие назначить сроки. Мистер Адамсон? – обратился он к американскому посланнику.

– Поскольку американцы не подвергались нападению, я воздерживаюсь от официальных рекомендаций.

– Граф Сергеев?

– Мой официальный совет, – осторожно произнес русский, – напасть на Ходогайю, разнести ее в клочья и всех этих сацумов вместе с нею. – Граф был сильным, рослым мужчиной тридцати с небольшим лет, с благородным лицом и аккуратной бородой; он возглавлял посольство царя Александра II. – Сила, немедленная, могучая и беспощадная, – вот единственная дипломатия, которую японцы способны понять. Я почти за честь, если мой боевой корабль поведет это наступление.

Его слова были встречены неожиданным молчанием.

«Я полагал, что ваш совет окажется именно таким, – подумал про себя сэр Уильям. – И я не так уж уверен, что вы ошибаетесь. Ах, Россия, прекрасная, поразительная страна, какой стыд, что мы враги. Лучшее время своей жизни я провел в Санкт-Петербурге. Но все равно вам не утвердиться в этих водах, в прошлом году мы остановили ваше вторжение на японские острова Цусимы, а в этом году мы не дадим вам украсть их Сахалин».

– Благодарю вас, любезный граф. Герр фон Хаймрих?

Пруссак был пожилым и говорил кратко и отрывисто:

– Я не могу советовать вам в этом вопросе, герр генеральный консул. Могу лишь официально сказать, что мое правительство сочло бы данный инцидент делом только вашего правительства, а не второстепенных сторон.

– Благодарю вас за ваши советы, джентльмены, – твердо произнес сэр Уильям, прерывая ссору, готовую вспыхнуть между ними. – Прежде чем принять решение, – сухо заговорил он, – раз уж мы все собрались здесь и мне впервые предоставляется такая возможность, я думаю, нам следует сформулировать нашу проблему: мы имеем законодательно утвержденные Соглашения с Японией. Мы здесь для того, чтобы торговать, а не завоевывать новые земли. Нам приходится иметь дело с местной бюрократией, этими бакуфу, которые весьма напоминают губку: в один момент они притворяются всесильными, в другой – беспомощно пасуют перед их отдельными королями. Нам так и не удалось добраться до подлинного средоточия власти, тайкуна или сёгуна – мы даже не знаем, существует ли он на самом деле.

– Он должен существовать, – холодно вставил фон Хаймрих, – потому что наш знаменитый немецкий путешественник и врач доктор Энгельберт Кемпфер, который жил на Десиме с тысяча шестьсот девяностого года по тысяча шестьсот девяносто третий, выдавая себя за голландца, писал о своем посещении сёгуна в Эдо во время их ежегодного паломничества.

– Это не доказывает того, что он существует сейчас, – язвительно заметил Сератар. – Однако я согласен с тем, что сёгун у японцев есть, и Франция одобряет попытку прямого контакта.

– Ваша идея восхитительна, мсье. – Сэр Уильям покраснел. – И как же нам следует ее осуществить?

– Пошлите флот против Эдо, – тут же вставил русский, – потребуйте немедленной аудиенции, грозя в противном случае уничтожить город. Имей я в своем распоряжении такой прекрасный флот, как ваш, я бы сначала сровнял половину города с землей, а уже потом требовал бы аудиенции... даже лучше, я бы приказал этому тайкуну-сёгуну прибыть на рассвете следующего дня на борт моего флагмана и вздернул бы его. – (Буря одобрительных выкриков.)

– Это, бесспорно, один из действенных способов, – ответил сэр Уильям, – но правительство ее величества предпочло бы несколько

более дипломатичное решение. Далее: мы практически не располагаем достоверной информацией о том, что происходит в этой стране. Я был бы признателен всем коммерсантам, если бы вы помогли нам собрать сведения, которые могли бы оказаться полезными для нас. Мистер Макфей, из всех торговцев вы должны быть наиболее информированным, вы можете что-то сказать?

— Ну, несколько дней назад, — начал Макфей, тщательно взвешивая слова, — один из наших японских поставщиков шелка сказал нашему китайскому компрадору, что некоторые из княжеств — он употребил слово «княжества», а князей называл «даймё», наверное, так звучит «князь» по-японски — восстали против бакуфу, в особенности Сацума, и еще какие-то другие, Тоса и Тёсю...

Сэр Уильям заметил интерес, тут же вспыхнувший в глазах остальных дипломатов, и спросил себя, разумно ли было задавать такой вопрос при всех.

— Где они находятся? — спросил он.

— Сацума — рядом с Нагасаки на Южном острове, который японцы называют Кюсю, — сказал Адамсон, — но вот Тёсю и Тоса?..

— Ну, в общем так, ваша честь, — вызвался из толпы американский моряк, и англичане с удовольствием услышали его ирландский выговор. — Тоса — это часть Сикоку, большого такого острова во внутреннем море. Тёсю лежит далеко на западе, на главном острове, мистер Адамсон, сэр, прямо там, где пролив. Мы через этот пролив часто ходили, в самой узкой части там никак не более мили. Это лучший, самый короткий путь из Шанхая и Гонконга досюда. Туземцы зовут его пролив Симоносеки, и мы там разок покупали у них рыбу и воду в городке, только нас там не больно жаловали.

Много других голосов подтвердили его слова, заявляя, что тоже часто пользовались этим проливом, но никогда не знали, что тамошнее княжество называлось Тёсю.

— Ваше имя, пожалуйста? — обратился сэр Уильям к американцу.

— Пэдди О'Флагерти, боцман американского китобоя «Альбатрос» из Сиэтла, ваша честь.

— Благодарю вас, — сказал сэр Уильям и мысленно пометил для себя, что нужно будет потом послать за О'Флагерти и расспросить его обо всем поподробнее, а также выяснить, существуют ли карты этого района, и если карт нет, то немедленно приказать флоту изготовить

их. – Продолжайте, мистер Макфей, – повернулся он к торговцу. – Восстали, вы говорите?

– Да, сэр. Этот торговец шелком – уж не знаю, насколько ему можно верить, – сказал, что идет этакая борьба за власть против главного тайкуна, которого он называл сёгуном, а также против бакуфу и какого-то князя или, как они говорят, даймё по имени Торанага.

Сэр Уильям увидел, как глаза на почти азиатском лице русского сузились еще больше.

– Да, мой дорогой граф?

– Нет, ничего, сэр Уильям. Но не это ли имя правителя упоминал Кемпфер?

– Действительно-действительно. – «Интересно, почему вы раньше не упоминали при мне, что знакомы с этими очень редкими, но весьма поучительными дневниками, которые были написаны на немецком языке. Вы по-немецки не говорите, следовательно, они должны существовать в русском переводе». – Возможно, «Торанага» и означает «правитель» на их языке. Пожалуйста, продолжайте, мистер Макфей.

– Это все, что тот парень рассказал моему компрадору, но я обязательно постараюсь разузнать побольше. А теперь, – произнес Макфей вежливо, но твердо, – будем мы разбираться с правителем Сацумы в Ходогайе сегодня ночью или нет?

Табачный дым колыхнулся в наступившем молчании.

– Может кто-нибудь добавить что-либо – про это восстание японцев?

– До нас тоже дошли слухи о нем, – сказал Норберт Грейфорт, глава японского отделения компании «Брок и сыновья», главного соперника компании Струана. – Но я полагал, это каким-то образом связано с их верховным жрецом, этим микадо, который, судя по всему, живет в Киото, это такой город рядом с Осакой. Я тоже наведу справки. Тем временем, касательно сегодняшней вылазки, я присоединяю свой голос к предложению Макфея: чем скорее мы приструним этих мерзавцев, тем скорее обретем мир и покой. – Он был выше Макфея ростом и открыто ненавидел его.

Когда крики одобрения утихли, сэр Уильям с видом судьи, выносящего приговор, произнес:

– Итак, произойдет следующее. Во-первых, никакого нападения сегодня ночью не будет, и...

Крики: «Подавайте в отставку, мы и без вас обойдемся, клянусь Богом, давай, ребята, покажем этим ублюдкам... Мы не можем, без поддержки войск нам...»

– Успокойтесь и слушайте, клянусь Богом! – прокричал сэр Уильям. – Если у кого-то мозги съехали набекрень настолько, что он отправится сегодня ночью в Ходогайю, ему придется отвечать не только перед японским, но и перед нашим законом. Я запрещаю это! Завтра я официально потребую – потребую! – от бакуфу и от сёгуна принести официальные извинения, принести немедленно, передать нам обоих убийц для суда и повешения и столь же незамедлительно выплатить денежное возмещение в размере ста тысяч фунтов стерлингов, а иначе пусть пеняют на себя.

Некоторые поддержали его, большинство – нет, собрание закончилось, и народ ринулся к стойке бара, многие уже были готовы взорваться, по мере того как споры становились все более пьяными и горячими. Макфей и Дмитрий протолкались на свежий воздух.

– Господи, как здесь хорошо! – Макфей сдвинул шляпу на затылок и промокнул лоб платком.

– Можно вас на два слова, мистер Макфей?

Джейми обернулся и увидел Грейфорта:

– Разумеется.

– Наедине, если вам угодно.

Эти два человека крайне редко говорили друг с другом о делах.

– Каковы последние новости о молодом Струане?

– Когда я видел его час назад, выглядел он неважно.

– Он умрет?

– Нет. Доктор заверил меня в этом. – Холодная улыбка.

– Откуда, черт побери, они могут знать наперед? Но если бы он умер, это могло бы стать концом Благородного Дома.

– Ничто и никогда не в состоянии разрушить Благородный Дом. Дирк Струан позаботился на этот счет.

– Не будьте так уверены. Дирк уже больше двадцати лет как мертв, его сын Кулум вот-вот последует за ним, и если Малкольм не выживет, кто тогда станет во главе компании? Не его же младший брат, которому всего десять лет. – В глазах его появился странный блеск. – Может, Старiku Броку и семьдесят три, но ни ума, ни хватки он пока не растерял.

– Однако мы по-прежнему Благородный Дом, а Кулум по-прежнему тайпан, – добавил Макфей, не отказав себе в удовольствии загнать Грейфорту колючку под кожу. – А Старик Брок по-прежнему не стюард жокей-клуба в Счастливой Долине и никогда им не будет.

– Это скоро придет, Джейми, это и все остальное. Кулуму Струану уже недолго осталось контролировать выборы стюардов в жокей-клубе, а если его сын и наследник тоже сыграет в ящик, что ж, посчитай нас и наших друзей, и ты увидишь, что мы без труда соберем необходимое количество голосов.

– Этого не будет.

Выражение лица Грейфорта стало жестким.

– Может статья, Старик Брок вскоре почтит нас здесь своим присутствием вместе с сэром Морганом.

– Морган в Гонконге? – Макфей постарался не выдать того, как ошеломила его эта новость.

Сэр Морган Брок был старшим сыном Старика Брока и с большим успехом руководил конторой компании в Лондоне. Насколько Джейми знал, раньше Морган никогда не бывал в Азии. Если Морган вот так вдруг появился в Гонконге... какие новые козни затекает эта парочка на сей раз, спрашивал он себя в тревоге. Морган специализировался на торгово-банковских операциях и искусно протянул щупальца Броков в Европу, Россию и Северную Америку, постоянно беспокоя клиентов компании Струана и ставя препоны на торговых путях Благородного Дома. С тех пор как в прошлом году началась Гражданская война в Америке, Макфей, вместе с другими директорами компании, стал получать тревожные донесения о неудачах в реализации обширных американских планов Благородного Дома, как на Севере, так и на Юге, планов, в которые Кулум Струан вложил огромные суммы.

– Если Старик Брок и его сын осчастливят нас своим приездом, можете не сомневаться, что мы почтем за честь накормить их ужином.

Грейфорт хохотнул, но как-то невесело:

– Не думаю, что у них будет время. Разве что они захотят проверить ваши книги, когда мы вас проглотим.

– Это у вас никогда не получится. Если я услышу что-нибудь о восстании японцев, я дам вам знать. Пожалуйста, поступите таким же образом. А теперь – спокойной ночи. – С подчеркнутой вежливостью Макфей приподнял шляпу и зашагал прочь.

Грейфорт рассмеялся про себя. Он был в восторге: семена как будто легли в благодарную почву. Старик будет счастлив собрать урожай, подумал он, выдрав побеги с корнем.

Доктор Бебкотт устало двигался по полутемному коридору миссии в Канагаве. В руке он держал масляный фонарь; поверх его шерстяной пижамы был наброшен ночной халат. Где-то внизу часы пробили два раза. Он рассеянно опустил руку в карман и сверился со своими часами-луковицей, зевнул, потом постучал в дверь.

– Мисс Анжелика?

Через мгновение ее сонный голос спросил:

– Да?

– Вы просили сказать вам, когда мистер Струан проснется.

– А, благодарю вас. – Прошло еще несколько секунд, потом он услышал звук отодвигаемого засова, и Анжелика вышла к нему. Волосы немного в беспорядке, еще не окончательно проснувшись, в плотном халате, надетом на ночную рубашку. – Как он?

– Его подташнивает, и он как в дурмане, – ответил Бебкотт, провожая ее назад по коридору и вниз, в операционную, где находились палаты для больных. – Температура и пульс у него подскочили немного, но иного, разумеется, трудно было ожидать. Я дал ему наркотик, чтобы унять боль, но он крепкий молодой человек, и все должно быть в порядке.

Когда она побывала у Малкольма в первый раз, мертвенная бледность его черт поразила ее, а стоявшее кругом зловоние вызвало непреодолимое отвращение. Ей никогда раньше не доводилось бывать в больнице, или операционной комнате, или в настоящей больничной палате. Помимо чтения статей в парижских газетах и журналах о смерти, болезнях, о волнах чумы и других смертельных заболеваний – кори, оспы, тифа, холеры, пневмонии, менингита, коклюша, скарлатины и прочих, – которые время от времени прокатывались по Парижу, Лиону, другим городам, большим и малым, она не сталкивалась с болезнью лицом к лицу. Здоровье у нее всегда было отменное; ее дядя, тетя и брат были в равной степени благословенны.

Дрожа всем телом, она коснулась рукой его лба, убрав с лица намокшие от пота волосы, но, не в силах вынести тяжелый смрад, окружавший его кровать, тут же отпрянула и торопливо вышла.

В соседней комнате спокойно спал Тайрер. К ее громадному облегчению, здесь не пахло. Она подумала, каким приятным было во сне его лицо, тогда как лицо Малкольма выражало муку.

– Филип спас мне жизнь, доктор, – сказала она. – После мистера... мистера Кентербери я была... мне... я... меня парализовало, а Филип, он встал со своей лошастью на пути убийцы и дал мне время спастись. Я была... я не могу описать, как ужасно...

– Как выглядел тот человек? Вы могли бы узнать его?

– Не знаю, это был просто туземец, кажется, совсем молодой, но я, право, не знаю, определить их возраст так трудно, а он был... был первым, которого я увидела так близко. Он был одет в кимоно, за поясом торчал короткий меч, а длинный, весь в крови и снова поднятый, чтобы... – Ее глаза наполнились слезами.

Беккотт успокоил ее, проводил в отведенную ей комнату, дал чаю с каплей лауданума и пообещал разбудить сразу же, как только Струан проснется.

«И вот теперь он проснулся, – думала она, чувствуя, как ноги наливаются свинцом, к горлу подступает тошнота, голову начинает ломить и ее наполняют мерзкие картины. – Я жалею, что приехала; Анри Сератар советовал мне подождать до завтра, капитан Марлоу был против этой поездки, все были против, так почему же я так страстно умоляла адмирала отпустить меня? Не знаю. Ведь мы всего лишь добрые друзья, мы не любовники, и не помолвлены, и не...

Или я начинаю любить его? Или мною руководила одна только бравада, стремление сыграть роль до конца, потому что весь этот ужасный день так похож на мелодраму Дюма, и не было на самом деле ни кошмара на дороге, ни бурлящего Поселения, ни записки Малкольма, которую принесли на закате: „Пожалуйста, приезжайте и навестите меня сразу, как только сможете“, написанной доктором по его просьбе. И я была не настоящая, я просто актриса, играющая роль героини в какой-то пьесе...» Беккотт остановился.

– Вот мы и пришли. Вы найдете его изрядно утомленным, мадемуазель. Я зайду на секунду, чтобы убедиться, что с ним все в порядке, потом оставлю вас наедине на минуту или две. Он может впасть в забытие из-за наркотика, но вы не волнуйтесь. Если я вам понадоблюсь, я буду в операционной, это соседняя комната. Не

переутомляйте его и не переутомляйтесь сами, и главное – ни о чем не тревожьтесь. Не забывайте, что вам сегодня тоже здорово досталось.

Она собралась с духом, изобразила на лице улыбку и вошла в комнату за ним следом.

– Хеллоу, Малкольм, *мон шер*.

– Хеллоу. – Струан был очень бледен, лицо его постарело, но взгляд очистился и просветлел.

Доктор с приятной улыбкой произнес несколько ничего не значащих фраз, прищурившись, внимательно посмотрел на него, быстро взял пульс, потрогал лоб, слегка кивнул в ответ каким-то своим мыслям, сказал, что состояние больного не внушает опасений, и вышел.

– Вы так прекрасны, – проговорил Струан, его обычно задорный голос звучал теперь чуть слышно. Он чувствовал себя странно: словно плыл куда-то и вместе с тем был накрепко прибит к кровати и влажному от пота соломенному матрацу.

Она подошла ближе. Тошнотворный запах никуда не исчез, как ни старалась она не замечать его.

– Как вы себя чувствуете? Мне так жаль, что вы ранены.

– Йосс, – ответил он, употребив китайское слово, которое означало неудачу, удачу и волю богов. – Вы так прекрасны.

– Ах, *chéri*, как бы я хотела, чтобы этого никогда не случилось, я так корю себя за то, что попросила вас об этой прогулке верхом. И зачем мне вообще захотелось увидеть эту Японию?

– Йосс. Сегодня... сегодня уже следующий день, не так ли?

– Да, нападение произошло вчера днем.

Ему казалось, что его мозг лишь с большим трудом способен переводить ее слова в понятную для него форму; столь же трудно было и ему самому составлять слова и произносить их. А ей приходилось все сильнее напрягать волю, чтобы остаться.

– Вчера? Будто целая жизнь прошла. Вы видели Филипа?

– Да, да, я была у него вчера вечером, но он спал. Я зайду к нему сразу, как выйду от вас, *chéri*. Вообще-то, мне уже пора, доктор сказал, чтобы я не утомляла вас.

– Нет, не уходите пока, пожалуйста. Послушайте, Анжелика, я не знаю, когда я... когда я буду готов к путешествию, поэтому... – Он почувствовал острую резь в животе, его глаза закрылись на мгновение,

но боль отпустила его. Когда ее лицо снова возникло перед ним, он прочел на нем страх, но неправильно истолковал его. – Не волнуйтесь, Макфей позаботится, чтобы вас со... сопроводили назад в Гонконг в целости и сохранности, поэтому прошу вас, не волнуйтесь.

– Спасибо, Малкольм, да, я думаю, мне так и нужно сделать. Я отправлюсь туда завтра или через день. – Она увидела его мгновенное разочарование и торопливо добавила: – Разумеется, вы к этому времени будете чувствовать себя лучше, и мы сможем поехать вместе, ах да, Анри Сератар передает свои соболезнования...

Она в ужасе замолчала, увидев, как его лицо искривилось от приступа дикой боли. Он попытался согнуться пополам, но не смог, внутренности его сжались, стараясь изгнать из тела тошнотворный яд эфира, который словно напитал собой все поры, каждую клеточку мозга, но все усилия были напрасны: желудок и кишечник уже опустели от всего, что только могло там находиться, – каждый спазм отзывался невыносимой резью в швах, каждый новый приступ кашля надрывал их чуть больше, чем предыдущий, и только малое количество зловонной жидкости изошло из него после всех этих адских мук.

В панике она метнулась к двери, чтобы бежать за доктором, и принялась лихорадочно шарить по ней, отыскивая ручку.

– Все в порядке, Анже... Анжелика, – произнес голос, который она едва узнала. – Оставайтесь еще... на мгновение.

Он увидел ужас на ее лице и снова ошибся, приняв его за проявление тревоги, глубокого сострадания – и любви. Страх покинул его, и он обмяк на подушке, собираясь с силами.

– Моя дорогая, я так надеялся, так горячо надеялся... конечно же, вы знаете, что я полюбил вас с самого первого взгляда. – Боль унесла с собой его силу, но полная уверенность, что он прочел в ее глазах именно то, о чем молил Господа все это время, наполнила его душу великим покоем. – Кажется, я не могу сейчас нормально соображать, но я хотел... увидеть вас... сказать вам... Господи, Анжелика, пока я не увидел вас снова, я боялся этой операции, боялся снотворного, боялся умереть, уснуть и больше не проснуться, мне еще никогда не было так страшно, никогда.

– Мне тоже было бы страшно... о Малкольм, все это так ужасно. – Ее кожа сделалась липкой, голова болела еще больше, и она боялась,

что ее вот-вот вырвет. – Доктор уверил меня и всех, что вы скоро поправитесь!

– Теперь, когда я знаю, что вы любите меня, это не имеет никакого значения. Если я умру, таков мой йосс, а в нашей семье мы знаем, что нам... что никто из нас не избежит своего йосса. Вы – моя счастливая звезда, венец моих желаний, я... понял это в самый первый миг. Мы поженимся... – Слова замерли у него на губах. В ушах зазвенело, глаза слегка затуманились, ресницы затрепетали – опиум начал действовать, и Струан заскользил вниз, в преисподнюю, где боль не то чтобы переставала существовать, но преображалась в невесомую безболезненность. – ...Поженимся весной...

– Малкольм, послушайте, – быстро проговорила она, – вы не умрете, и я... *alors*^[6], я должна быть с вами откровенна... – И тут слова хлынули из нее сплошным потоком: – Я пока не хочу выходить замуж, я не уверена, что люблю вас, просто не уверена, вы должны набраться терпения, и в любом случае, люблю я вас или нет, мне кажется, я никогда не смогу жить в этом ужасном месте или в Гонконге, если честно, я даже знаю, что не смогу, я не буду, это выше моих сил, я знаю, что умру здесь, сама мысль о том, чтобы жить в Азии, приводит меня в ужас, эта вонь, эти мерзкие люди. Я намерена вернуться в Париж при первой же возможности, там мой дом, и я никогда не вернусь сюда, никогда, никогда, никогда.

Но Малкольм не слышал ничего из того, что она говорила. Он витал в своих мечтах, не видя ее, и бормотал:

– ...много сыновей, вы и я... так счастлив вашей любовью... молился... навсегда поселимся в Большом доме на Пике. Ваша любовь прогнала страх, страх смерти... я всю жизнь боялся смерти, она всегда так близко... близнецы, сестренка Мэри умерли такими маленькими, мой брат, отец на краю могилы... дедушка тоже умер жестокой смертью, но теперь... теперь... все по-другому... поженимся весной. Да?

Его глаза открылись. На мгновение он отчетливо увидел ее, увидел ее вытянувшееся лицо, заломленные руки, отвращение, и ему захотелось кричать: «Ради бога, в чем дело, это всего лишь больничная палата, да, я знаю, что одеяло намокло от пота и под меня натекло немного мочи и испражнений, и все кругом смердит, но это потому, что

меня ранили, черт побери, меня только ранили, и вот теперь я защит и снова здоров, снова здоров, снова здоров...»

Но ни единого слова не слетело с его губ. Он увидел, как она сказала что-то, распахнула дверь и убежала, но это был всего лишь кошмар, и хорошие, добрые сны звали его за собой. Дверь закачалась на петлях, и звук, который она издавала, бесконечным эхо отзывался в его голове: «Снова здоров, снова здоров, снова здоров...»

Она прислонилась спиной к двери в сад, жадно глотая свежий ночной воздух, пытаясь вернуть себе самообладание. «Матерь Божья, укрепи меня, даруй покой этому человеку и позволь мне поскорее уехать из этого места».

Беккотт приблизился к ней сзади.

– С ним все в порядке, не волнуйтесь. Вот, выпейте это, – произнес он сочувственно, протягивая ей опиат. – Это вас успокоит и поможет уснуть.

Она подчинилась. Вкус у жидкости не был ни противным, ни приятным.

– Он теперь мирно спит. Пойдемте. Вам тоже пора в постель. – Он помог ей подняться к себе. У двери в ее комнату он на секунду задержался. – Спите спокойно. Вы будете спать спокойно.

– Я боюсь за него. Очень боюсь.

– Не бойтесь. Утром ему будет уже лучше. Вот увидите.

– Благодарю вас, теперь со мной все хорошо. Он... мне кажется, Малкольм думает, что он умрет. Это возможно?

– Совершенно точно нет. Он молод и полон сил, и я уверен, скоро он будет здоровее прежнего. – Уже, наверное, в тысячный раз Беккотт повторял эту затасканную фразу, скрывая правду: я не знаю, этого никто никогда не может сказать наперед, теперь он в руках Господа. – Спокойной ночи, и ни о чем не тревожьтесь.

– Благодарю вас.

Она закрыла дверь на задвижку, подошла к окну и распахнула тяжелые ставни. Усталость накатилась на нее вязкой волной. Ночной воздух был теплым и ласковым, луна взошла уже высоко. Анжелика разделась и, с трудом шевеля руками, вытерлась насухо. Ее ночная рубашка намочла от пота и прилипла к телу. Она с удовольствием бы переделась, но не захватила с собой второй на смену. Внизу под

окном раскинулся сад, большой и весь прочерченный тенями: деревья там и здесь, крошечный мостик над таким же игрушечным ручейком. Легкий бриз ласковой рукой пробежал по верхушкам деревьев. Множество теней, черных в ярком лунном свете.

Некоторые из них время от времени меняли место.

Глава 5

Оба юноши заметили ее сразу же, как только она появилась из двери в сад в сорока шагах от них. Место для засады было выбрано удачно, отсюда они могли обозревать весь сад, а также главные ворота, караульное помещение и двух часовых, за которыми вели наблюдение. Они сразу же отползли поглубже в листву, пораженные ее появлением и еще больше тем, что по ее щекам струились слезы.

– Что там случи... – начал было Сёрин и тут же умолк. Пеший патруль из сержанта и двух солдат, первый, который должен был попасться в их ловушку, появился из-за угла самого дальнего строения и направился в их сторону по тропинке, тянувшейся вдоль стены. Оба японца приготовились, потом замерли неподвижно; их черные, плотно облегающие тело одеяния, покрывавшие их целиком – была оставлена только прорезь для глаз, – делали их почти невидимыми.

Патруль прошел в двух шагах от них, и сиси могли бы легко и безопасно напасть на него из засады. Сёрин, как охотник, воин и предводитель в сражении, тогда как Ори скорее мыслитель и стратег, высказывался за то, чтобы напасть на первых же, кого увидят, но Ори решил, что они нападут лишь на патруль из одного или двух человек, если только не поднимется тревога и никто не помешает им проникнуть в оружейную комнату.

– Что бы мы ни делали на этот раз, мы должны действовать тихо, – говорил он перед вылазкой. – И осмотрительно.

– Почему?

– Это их миссия. По их обычаю это означает, что это их земля, их территория – она охраняется настоящими солдатами, поэтому мы вторгаемся в их владения. Если наш замысел удастся, мы напугаем их очень сильно. Если они поймают нас, значит мы опять потерпим поражение.

Из своей засады они смотрели в спину удаляющемуся патрулю, отмечая, как тихо и осторожно двигались эти люди. Ори встревоженно прошептал:

– Мы никогда не видели таких раньше: эти солдаты очень хорошо обучены и дисциплинированы. В большом сражении нам придется

трудно против них и их ружей.

– Мы всегда будем побеждать, – возразил Сёрин. – Тем или другим способом, но мы скоро раздобудем ружья, да и в любом случае бусидо и наше мужество сметут их, как ураган. Мы легко справимся с ними. – Он был очень уверен в себе. – Нам следовало уничтожить этот патруль и захватить ружья.

– Если бы не наша одежда, они бы нас заметили. – Его взгляд вернулся к девушке.

– Мы легко могли бы убить всех троих. Легко. Потом захватили бы их карабины и снова перебрались бы через стену.

– Эти люди очень хорошие воины, Сёрин, они не похожи на тупоголовых торговцев. – Ори следил, чтобы его голос не выдавал его опасений, не желая обижать друга или задевать его чувствительную гордость. Он нуждался в качествах Сёрина не меньше, чем тот нуждался в его собственных, – он не забыл, что на Токайдо Сёрин спас его от пули, которая неминуемо убила бы его. – Времени у нас много. До рассвета еще по меньшей мере две свечи. – Две свечи составляли примерно четыре часа. Он показал рукой на дверь. – Да и в любом случае она подняла бы тревогу.

Сёрин со свистом втянул в себя воздух, проклиная свою опрометчивость.

– И-и-и-и, глупый! Я глупый. Ты прав, снова прав. Прошу простить.

Теперь Ори обратил на нее все свое внимание. «Что же такое есть в этой женщине, что она так тревожит меня и так завораживает», – спрашивал он себя.

Тут они заметили, что рядом с ней появился настоящий великан. Судя по той информации, которую они получили в гостинице, это и был тот знаменитый английский врач, который чудесным образом исцелял любого, кто просил его о помощи, будь то японец или его соотечественник. Ори многое бы дал, чтобы понять, что огромный англичанин говорил девушке. Она вытерла слезы, покорно выпила то, что он ей подал, потом он проводил ее назад в дом, закрыв и заперев за собой дверь.

– Поразительно... этот великан и эта женщина, – пробормотал Ори.

Сёрин искоса взглянул на него, уловив в голосе друга нотки, которые еще больше насторожили его. Он все еще злился на себя за то, что забыл о девушке, когда патруль оказался рядом. Он мог видеть только глаза Ори, и они ничего ему не сказали.

– Давай подберемся к оружейной, – нетерпеливо прошептал он, – или нападём на следующий патруль, Ори.

– Жди! – Очень осторожно, избегая резких движений, которые могли бы быть замечены, Ори поднес к лицу руку в черной перчатке – больше для того, чтобы успокоить боль, нежели отереть пот. – Кацумата учил нас терпению, Хирага сегодня вечером дал нам тот же совет.

Вечером, достигнув наконец гостиницы Полночных Цветов, они, к своей радости, обнаружили, что Хирага, их друг и глава всех сиси княжества Тёсю, вызывавший всеобщее и огромное восхищение, тоже остановился там. Новость о нападении на Токайдо уже дошла до него.

– Момент для нападения был выбран как нельзя более удачно, хотя вы и не могли знать об этом, – с теплотой сказал им Хирага. Это был красивый мужчина двадцати двух лет, высокого для японца роста. – Оно станет тем прутлом, который воткнется в осиное гнездо Июкогамы. Теперь гайдзины как рассерженные шершни, они обязательно выступят против бакуфу, которые не будут, не могут сделать ничего, что успокоило бы их. Если бы только гайдзины нанесли ответный удар по Эдо! Если бы они сделали так и разрушили город, это послужило бы нам сигналом к тому, чтобы захватить Дворцовые Врата! Едва лишь император будет свободен, все даймё восстанут против сёгуната и уничтожат его и всех Торанага. *Сонно-дзёи!*

Они выпили за *сонно-дзёи* и за Кацумату, своего спасителя, который был наставником большинства из них и служил делу *сонно-дзёи* тайно и мудро. Ори шепотом рассказал Хираге об их плане украсть карабины.

– И-и-и-и, Ори, это хорошая мысль. И главное – осуществимая, – задумчиво произнес Хирага, – если вы проявите терпение и выберете подходящий момент. Такое оружие может быть очень полезно в некоторых операциях. Лично мне ружья внушают отвращение. Удавка, меч или нож мне больше по душе: они надежнее, тише и нагоняют

куда больше страха, кто бы ни был жертвой – даймё или варвар. Я помогу. Я дам вам план миссии и одежду ниндзя.

Глаза Ори и Сёрина загорелись.

– Вы можете раздобыть ее для нас?

– Конечно.

Ниндзя были тайной сектой мастерски подготовленных наемных убийц, действовавших почти исключительно под покровом ночи; черные одеяния, в которых они появлялись, помогали поддерживать в народе легенду об их способности становиться невидимыми.

– Одно время мы собирались сжечь здание миссии. – Хирага рассмеялся и опорожнил еще одну бутылочку саке; подогретое вино делало его более разговорчивым, чем обычно. – Но потом решили, что будет полезнее просто держать ее под наблюдением. Часто я отправлялся туда, переодевшись садовником или ночью в одежде ниндзя, – удивительно, какие вещи можно там узнать, владея даже самым простым английским.

– И-и-и-и, Хирага-сан, мы и не знали, что вы говорите по-английски, – произнес Ори, пораженный этим открытием. – Где вы научились их языку?

– Где еще можно научиться качествам гайдзинов, как не у самих гайдзинов? Мой учитель был голландцем с Десимы. Он изучал языки и говорил на японском, голландском и английском. Мой дед послал прошение нашему даймё, полагая, что следует разрешить одному такому человеку прибыть в Симоносеки, за собственный счет, для преподавания голландского и английского в течение одного пробного года, потом, возможно, разрешить им торговать. Благодарю вас, – сказал Хирага Ори, который наполнил его чашечку. – Гайдзины так легковёрны, но при этом так отвратительно любят деньги. Идет уже шестой год этого «эксперимента», а мы по-прежнему покупаем у них только то, что нам нужно, когда в состоянии заплатить их цену, – ружья, пушки, боеприпасы, картечь и некоторые книги.

– Как здоровье вашего почтенного деда?

– Он чувствует себя очень хорошо. Благодарю, что спросили. – Хирага поклонился в знак признательности.

Их ответный поклон был ниже.

«Какое счастье иметь такого деда, – подумал Ори, – такая защита и опора для всех поколений в семье – у нас все по-другому, нам

каждодневно приходится бороться за выживание, мы постоянно голодаем, выбиваемся из сил, чтобы заплатить налоги. Что теперь подумают обо мне отец и дедушка: я – ронин, мое столь нужное семье содержание в один коку потеряно».

– Я почел бы за честь встретиться с ним, – сказал он. – Наш сёя не похож на него.

Вот уже много лет дед Хираги, зажиточный крестьянин из деревни неподалеку от Симоносеки и тайный сторонник *сонно-дзёи*, был сёей. Сёя, назначенный или потомственный староста одной или нескольких деревень, имел огромное влияние среди крестьян: он был облечен судебной властью и отвечал за исчисление и сбор налогов и в то же время являлся их единственным защитником от произвола того феодала, на чьей земле стояла их деревня или деревни.

Земля находилась в собственности у фермеров и некоторых из крестьян, которые обрабатывали ее, но по закону не могли с нее уйти. Самураям принадлежало все, что производилось в их ленном владении, а также исключительное право на ношение оружия, но вот земель по закону они владеть не могли. Таким образом, и те и другие зависели друг от друга, из века в век раскручивая бесконечную спираль подозрительности и недоверия: соотношение того, какая часть урожая должна была пойти в этом году на уплату налога, а какая – остаться, всегда являло собой невероятно тонкий компромисс.

Сёя и должен был сохранять это шаткое равновесие. К советам лучших из них, и в делах куда более серьезных, чем дела деревни, иногда прислушивался и их прямой господин, и тот, что стоял над ним, а порой и сам даймё. Дед Хираги и был одним из таких.

Несколько лет назад в знак благоволения со стороны даймё ему было позволено купить низший самурайский титул госи для себя и своих потомков – традиционный способ для всех владетельных князей, как правило, погрязших в долгах, получить дополнительный доход с достойных такой чести просителей. Даймё Тёсю не был исключением.

Хирага громко рассмеялся, вино ударило ему в голову.

– Меня выбрали, чтобы я ходил в школу этого голландца, и много раз я жалел об оказанной мне чести, потому что английский – очень трудный язык и звучит он омерзительно.

– А много вас ходило в эту школу? – спросил Ори.

В затуманенном саке сознании прозвучал сигнал опасности, и Хирага понял, что рассказывает гораздо больше, чем следовало бы знать его собеседникам. Сколько учеников Тёсю ходили в эту школу, было делом Тёсю и являлось тайной; хотя Сёрин и Ори ему нравились и он восхищался ими, они по-прежнему оставались сацума, чужаками, которые лишь иногда были союзниками, часто же врагами и всегда потенциальными противниками.

– Всего три человека, мы учили английский, – сказал он, понизив голос, словно делился с ними секретом, и сократив настоящее число в десять раз. Внутренне держась настороже, он добавил: – Послушайте, теперь, когда вы стали ронинами, как я и большинство моих товарищей, мы должны сплотиться теснее, делая наше общее дело. Я планирую кое-что через три дня, вы могли бы помочь нам.

– Благодарим вас, но сначала мы должны дожждаться известий от Кацуматы.

– Разумеется, он ваш вождь и наставник в Сацуме. Но в то же время, Ори, – рассуждал Хирага, – не забывайте, что вы ронины и будете ронинами до тех пор, пока мы не победим, помните, что мы – острие копья *сонно-дзёи*, мы выполняем всю работу, Кацумата же ничем не рискует. Мы должны – должны! – забыть, что я тёсю, а вы оба сацума. Нам необходимо помогать друг другу. Ваш план продолжить сегодняшнее нападение на Токайдо и украсть ружья очень хорош. Если удастся, убейте одного или двух охранников внутри миссии, это почти наверняка выведет гайдзинов из себя! Если вы сумеете проделать это тихо и не оставите никаких следов – тем лучше. Годится все, лишь бы хорошенько раздражить их.

Сведения, полученные от Хираги, позволили им без труда проникнуть в храм, пересчитать драгун и солдат и найти отличное место для засады. Потом неожиданно появилась девушка, следом за ней великан-доктор, потом они вернулись в дом, и с тех самых пор оба сиси не сводили одурманенного взгляда с двери, ведущей в сад.

– Ори, что мы будем делать теперь? – спросил Сёрин дрожащим от волнения голосом.

– Будем действовать по первоначальному плану.

Минуты проходили в тревожном ожидании. Когда отворились ставни во втором этаже и она появилась в окне, оба юноши поняли,

что в их будущее прочно вошло нечто новое. Теперь она расчесывала волосы расческой с серебряной ручкой. Устало и равнодушно.

– В лунном свете она выглядит не так уродливо. Но посмотри на ее грудь, и-и-и-и, если упасть на такую, тебя тут же подбросит еще выше.

Ори не ответил, прикованный взглядом к образу в окне.

Вдруг на лице девушки отразилось замешательство, и она посмотрела вниз. Прямо на них. Хотя она никак не могла увидеть или услышать их, сердца у обоих гулко застучали в груди. Они ждали, затаив дыхание. Она опять устало зевнула. Еще несколько раз провела расческой по волосам, потом положила ее. Ори казалось, будто она так близко, что, стоит ему протянуть руку, он сможет коснуться ее. В свете лампы, стоявшей на столе позади нее, Ори видел кружевную вышивку на шелковой ночной рубашке, набухшие соски под тонкой тканью и ту отрешенность на лице, которую заметил еще вчера – неужели это было только вчера? – и которая остановила его руку, готовую отнять у нее жизнь.

Последний взгляд на луну, невидящий и отстраненный, еще один полуприкрытый ладонью зевок, и она потянула ставни на себя. Но не закрыла их полностью. И не заперла.

Сёрин нарушил молчание и произнес вслух то, о чем оба они подумали в одно и то же мгновение:

– Влезть к ней было бы совсем нетрудно.

– Да, но мы пришли сюда, чтобы украсть оружие и посеять панику. Нам... – Ори замолчал, течение его мыслей вдруг приняло новое удивительное направление и впереди засверкала другая возможность, новый план, еще более заманчивый, чем первый.

– Сёрин, – прошептал он, – если бы ты заткнул ей рот, взял ее силой, но не убивал потом, просто оставил бы лежать без сознания, чтобы она смогла всем рассказать об этом, и начертал бы рядом знак, который связал бы нас с нападением на Токайдо, а потом мы вместе убили бы одного или двух солдат и исчезли бы с их ружьями или без – и все это на территории их миссии... Разве они не сошли бы с ума от ярости?

Короткий выдох с шипением вырвался из сжатых губ Сёрина, восхищенного красотой этого плана.

– Да, да, непременно. Но лучше все-таки перерезать ей горло и написать «Токайдо» ее кровью. Иди ты, я постерегу здесь, так безопаснее. – И когда Ори заколебался, он добавил: – Кацумата сказал, что причиной нашего поражения была нерешительность. В прошлый раз ты проявил нерешительность. Зачем повторять ту же ошибку снова?

Решение было принято в долю секунды, и Ори бегом бросился к зданию, легкая тень среди множества других теней. Он достиг стены, слился с нею и начал карабкаться вверх.

Снаружи караульного помещения один из солдат тихо произнес:

– Не оборачивайся, Чарли, но я, кажется, видел, как кто-то пробежал к зданию миссии.

– Господи, зови сержанта, только осторожно.

Солдат потянулся, притворяясь, что разминает затекшую спину, потом не спеша вошел в казарму. Там он быстро разыскал сержанта Тауэри, тихонько потряс его за плечо и, когда тот проснулся, повторил ему свой рассказ о том, что видел или думал, что видел.

– Как выглядело это чучело?

– Я только уловил какое-то движение, сержант, – по крайней мере, так мне думается, – так что я вроде как бы и не уверен даже, может, это просто чертова тень какая или мне померещилось.

– Ладно, парень, пойду-ка я сам взгляну. – Сержант Тауэри разбудил капрала и еще одного солдата и расставил их по местам. Потом взял с собой двух остальных и вышел в сад.

– Это было примерно вон там, сержант.

Сёрин видел, как они приближались. Он ничего не мог предпринять, чтобы предупредить Ори, который уже почти добрался до окна, неразличимый в своем черном облачении на фоне стены. Он видел, как его друг уцепился за подоконник, приоткрыл пошире одну из ставен и исчез внутри. Ставня медленно вернулась на место. «Карма», – подумал он и сосредоточил все свое внимание на той ситуации, в которой очутился сам.

Сержант Тауэри остановился посреди тропинки и теперь тщательно осматривал кусты и дом. Многие из ставен верхнего этажа были открыты или не заперты, поэтому он не обратил на них никакого

внимания. Одна из них поскрипывала на легком ветру. Дверь в сад была заперта.

Через некоторое время он сказал:

– Чарли, возьми на себя ту сторону. – Он показал рукой туда, где прятался Сёрин. – Ноггер, ты осмотришь все напротив. Если там кто прячется, вытряхивайте его из кустов. И, черт подери, держите глаза открытыми. Примкнуть штыки!

Команда была исполнена мгновенно.

Сёрин ненадолго вытащил меч из ножен – клинок тоже был зачернен перед ночной вылазкой, – потом встал в атакующую позицию, чувствуя, как сжалось все внутри.

Едва проскользнув в комнату, Ори проверил единственную дверь и убедился, что она закрыта на задвижку и что девушка крепко спит. Он извлек из ножен короткий меч, которым можно было пользоваться как кинжалом, и метнулся к кровати. Кровать была с балдахином, он впервые видел такую, все в ней было для него непривычно и удивительно: ее высота, тяжелая основательность, столбы, занавеси, простыни. На мгновение он попытался представить себе, что чувствует человек, когда спит на такой кровати, так высоко над полом, потому что все японцы спали на футонах – легких квадратных матрасах, набитых соломой, – которые раскладывали на ночь и убирали утром.

Сердце бешено колотилось в груди, и он старался дышать как можно тише, не желая пока будить ее, он не знал, что она приняла большую дозу снотворного. В комнате было темно, однако лунный свет проникал внутрь через неплотно прикрытые ставни, и он видел ее длинные золотистые волосы, рассыпавшиеся по плечам, округлость ее груди, очертания бедер, проступавшие под тканью.

Тонкий запах духов окутывал ее, он почувствовал, как у него закружилась голова.

В этот момент из сада донеслись приглушенные голоса и клацанье штыков... На какую-то долю секунды он испытал ужас. Ничего не видя перед собой, он поднял меч, чтобы прикончить ее, но она не шевельнулась. Ее дыхание осталось таким же ровным.

Он замер в нерешительности, потом бесшумно подошел к ставням и выглянул наружу. И увидел внизу солдат. «Кого они заметили: меня,

когда я бежал, или Сёрина? – в панике спрашивал он себя. – Если так, то я в ловушке; только это не имеет значения, я все еще могу совершить то, за чем сюда пробрался, а может быть, они сами уйдут. У меня два пути для отступления: дверь и окно. Терпение, всегда советовал Кацумата. Думай головой, спокойно жди, потом без колебаний наноси удар и спасайся, когда придет подходящий момент – он всегда приходит. Твое самое верное оружие – внезапность!»

Его желудок сжался в тугой комок. Один из солдат направлялся как раз туда, где они прятались. Хотя Ори точно знал, в каком именно месте находится Сёрин, он все равно не мог разглядеть его. Затаив дыхание, он ждал, что будет дальше. Может быть, Сёрин отвлечет их. «Что бы ни случилось, она умрет», – пообещал он себе.

Сёрин смотрел на приближающегося солдата, безнадежно пытаясь придумать, как ему выбраться из западни, и проклиная Ори. Они наверняка заметили его! «Если я убью эту гайдзинскую собаку, мне никак не успеть добраться до остальных: меня пристрелят. До стены тоже не добежать незамеченным. Ори поступил глупо, изменив план; конечно, они его заметили. Говорил же я ему, что эта женщина нас погубит, – он должен был убить ее еще там, на дороге... Может быть, этот варвар пройдет мимо и даст мне время добежать до стены».

Лунный свет вспыхивал и гас на длинном штыке, когда солдат осторожно прощупывал им кустарник, приподнимая ветви то тут, то там, чтобы заглянуть поглубже.

Ближе, еще ближе. Шесть футов, пять, четыре, три...

Сёрин оставался недвижим, маска на лице теперь практически закрывала ему глаза, он задержал дыхание. Солдат почти коснулся его, проходя мимо, потом двинулся дальше, остановился на мгновение, прошел еще несколько шагов, опять потыкал штыком в листву, отошел еще дальше, и Сёрин начал тихо дышать. Он чувствовал, как взмокла от пота спина, но знал, что теперь он в безопасности и через несколько секунд благополучно перемахнет через стену.

Со своего места сержант Тауэри мог наблюдать за обоими солдатами. Он свободно держал в руках ружье со взведенным курком, но пребывал в той же неуверенности, что и они, не желая поднимать ложную тревогу. Ночь была ясная, легкий ветер, яркий свет луны. «Совсем нетрудно принять тень за врага в этой вонючей стране, –

подумал он. – Господи, хорошо бы сейчас оказаться в добром старом Лондоне».

В этот момент ближайший к месту засады солдат круто обернулся, выставив ружье перед собой.

– Сержант! – крикнул он, охваченный волнением и ужасом. – Здесь он, этот сукин сын!

Сёрин уже нападал на него, занеся длинный меч высоко над головой, но выучка спасла солдата в этот миг, и штык уверенно удержал Сёрина на расстоянии. Остальные тут же бросились к ним. Сёрин попробовал атаковать еще раз, и опять длина ружья со штыком не позволила ему приблизиться. Он поскользнулся, увернулся от ответного выпада и бросился напролом через кусты к стене. Молодой солдат ринулся за ним следом.

– Береги-и-ись! – закричал Тауэри, когда увидел, как юноша вломился в кустарник, потеряв контроль над собой и одержимый одним слепым желанием убить.

Но солдат не услышал его окрика, он побежал дальше и погиб, пронзенный почти насквозь ударом короткого меча. Сёрин выдернул меч из груди поверженного врага, уверенный теперь, что спастись не удастся – англичане были уже в нескольких шагах от него.

– *Наму Амида Буцу* – Во имя Амиды-буцу, – выдохнул он сквозь собственный страх, посвящая дух свой Будде, и крикнул: – *Сонно-дзёи!* – не для того, чтобы предупредить Ори, но как свой предсмертный клич. Затем со всей силой отчаяния вонзил короткий меч себе в шею.

Ори видел бóльшую часть того, что произошло, но не самый конец. Когда солдат закричал и вступил в поединок с Сёрином, он, обезумев, метнулся к кровати, уверенный, что она сейчас вздрогнет и проснется, но, к его изумлению, она даже не пошевелилась, продолжая дышать все так же ровно и спокойно. Поэтому он замер над девушкой, чувствуя, как дрожат колени, и ожидая, что ее глаза вот-вот откроются, подозревая какую-нибудь хитрость с ее стороны. Ему хотелось, чтобы она увидела его, увидела его меч, прежде чем он им воспользуется. Потом раздался пронзительный вопль «сонно-дзёи!», и он понял, что Сёрин окончил свой земной путь; вслед за этим из сада донесся еще какой-то шум. Но девушка по-прежнему лежала неподвижно. Его губы

дрожа поползли в стороны, зубы оскалились, дыхание перехватило. Он вдруг почувствовал, что не в силах долее выносить это напряжение, поэтому зло потряс ее раненой рукой, не обращая внимания на боль, и приставил клинок к горлу, готовый в ту же секунду пресечь ее крик. Она не пошевелилась и теперь.

Для него все это было похоже на сон; словно откуда-то со стороны он смотрел, как его рука трясет ее снова, – и опять ничего. Тут он вдруг вспомнил, что врач дал ей какое-то питье, и подумал: «Это одно из этих лекарств, новых лекарств варваров, о которых нам рассказывал Хирага». Ори шумно вдохнул от изумления, пытаясь как-то уложить в голове это новое открытие. Для верности он потряс ее еще раз, но она лишь невнятно забормотала во сне и глубже уткнулась в подушку.

Он вернулся к окну. Какие-то люди выносили тело солдата из кустарника. Потом он увидел, как они вытащили на открытое место Сёрина, волоча его за одну ногу, словно тушу какого-нибудь животного. Теперь оба тела лежали рядом, до странности похожие друг на друга в смерти. К ним подходили еще солдаты, и он слышал, как из некоторых окон раздались громкие голоса: люди спрашивали, что случилось. Над телом Сёрина стоял офицер. Один из солдат сорвал с головы мертвого самурая черный тесный капюшон и маску. Глаза Сёрина были открыты, лицо искажено, рукоять короткого меча торчала из шеи. До Ори донеслись новые голоса, солдат внизу стало еще больше.

Он услышал шум внутри самого дома, шаги в коридоре. Его внутреннее напряжение выросло до предела. Уже, наверное, в десятый раз он убедился, что дверь надежно заперта и снаружи ее не открыть, затем отошел и спрятался за пологом кровати, достаточно близко, чтобы дотянуться до девушки при любом повороте событий.

Шаги стали громче. Стук в дверь. Полоса света под ней от масляной лампы или свечи. Стук повторился, более настойчивый на этот раз, послышались громкие голоса. Он поднял меч и приготовился.

– Мадемуазель, с вами все в порядке? – Это был Бебкотт.

– Мадемуазель! – крикнул Марлоу. – Откройте нам!

Снова удары в дверь, теперь уже изо всей силы.

– Это мое снотворное, капитан. Она была очень расстроена, бедняжка, и нуждалась в сне. Я сомневаюсь, что она проснется.

– Если не проснется, я сломаю дверь к чертям собачьим, но все равно осматрю комнату. Ее ставни открыты, клянусь Богом!

Опять тяжелые удары в дверь.

Анжелика с трудом разомкнула веки.

– *Que se passe-t-il?*^[7] Что это? – пробормотала она, не проснувшись окончательно.

– С вами все в порядке? *Tout va bien?*^[8]

– *Bien? Moi? Bien sûr... Pourquoi? Qu'arrive-t-il?*^[9]

– Откройте нам дверь на минуту. *Ouvrez la porte, s'il vous plaît, c'est moi*^[10], капитан Марлоу.

Ворча что-то себе под нос и ничего не соображая, она села на постели. Потрясенный, сжимая в руке меч, Ори смотрел, как он позволяет ей беспрепятственно перекатиться на край кровати и, покачиваясь, добрести до двери. Ей потребовалось некоторое время, чтобы отодвинуть засов и приоткрыть дверь; ручку она не отпустила, боясь потерять равновесие.

Беккотт, Марлоу и морской пехотинец держали в руках свечи. Их пламя танцевало и потрескивало на сквозняке. Все трое уставились на нее, разинув рот. Ее ночная рубашка была очень французской, очень тонкой и прозрачной.

– Мы... э-э... мы просто хотели убедиться, что с вами все в порядке, мадемуазель. Мы... э-э... поймали человека, который прятался в кустарнике, – торопливо произнес Беккотт, – пустяки, беспокоиться не о чем. – Он видел, что она не понимает почти ничего из того, что он говорит.

Марлоу оторвал ошеломленный взгляд от ее тела и заглянул поверх ее плеча в комнату.

– *Excusez moi, мадемуазель, s'il vous plaît*^[11], – смущенно пробормотал он на довольно сносном французском и осторожно протиснулся мимо нее, чтобы осмотреть комнату. Под кроватью ничего, кроме ночной вазы. Занавеси позади с этой стороны тоже никого не скрывали. – Боже, какая женщина! – Прятаться больше было негде: ни дверей, ни шкафов. Ставни скрипнули на ветру. Он широко распахнул их. – Паллидар! Обнаружили там внизу еще что-нибудь?

– Нет, – откликнулся Паллидар. – Никаких следов кого-то еще. Вполне возможно, что он был здесь один и солдат заметил его, когда

он бегал по саду. Проверьте, однако, все комнаты по этой стороне!

Марлоу кивнул и, чертыхнувшись, пробормотал себе под нос:

– А чем еще, по-твоему, я тут занимаюсь?

Позади него занавеси балдахина шевельнулись от легкого дуновения ветра, приоткрыв ноги Ори в черных таби, японских носках на толстой подошве. Свеча Марлоу затрещала и погасла, и когда он задвинул запор ставень и повернулся назад в комнату, он не заметил таби в густой тени за кроватью. Он вообще мало что замечал, кроме силуэта Анжелики в свете свечей у порога. Девушка так и не проснулась окончательно. Он мог видеть каждый изгиб ее тела, и от этой картины у него захватило дух.

– Все нормально, – сказал он, смущаясь еще больше оттого, что рассматривал ее, наслаждался ее красотой, когда она была совершенно незащитна. Напустив на себя деловитый вид, он быстро прошагал к двери. – Пожалуйста, закройте дверь и... э-э... спите спокойно, – попрощался он, страстно желая остаться.

Еще больше сбита с толку, она что-то невнятно пробормотала и закрыла за ними дверь. Они подождали снаружи, пока не услышали, как засов со скрежетом встал на место. Бебкотт нерешительно произнес:

– Сомневаюсь, что завтра она вспомнит даже то, что открывала нам дверь.

Морской пехотинец вытер пот, увидел, что Марлоу смотрит на него, и не удержался от широкой ухмылки.

– Чему это вы, черт подери, так радуетесь? – спросил Марлоу, прекрасно зная причину.

– Я, сэр? Я ничего, сэр, – тут же выпалил солдат; ухмылка исчезла, сменившись выражением туповатого простодушия.

«Дьявол заberi этих офицеров, все они одинаковы, – подумал он. – Красавчик Марлоу пускает слюни, как и все мы, вон как гляделки-то повылезли, так бы, поди, и слопал ее вместе с кудряшками и всем, что у нее там ни есть под рубашкой. Надо же, черт, какая везуха: в жизни не видывал таких сисек! Ребятам рассказать, так ни за что не поверят, про сиськи-то».

– Есть, сэр. Так точно, сэр. Нем как рыба, – с благочестивым видом пообещал он, когда Марлоу, хмуря брови, приказал ему держать язык за зубами насчет того, что они видели. – Вы правы, сэр. Еще раз,

сэр: никому ни словечка, – заверил он молодого офицера и пошел за ним к следующей комнате, думая о той, что осталась позади.

Анжелика стояла, прислонившись спиной к двери, и пыталась разобраться в том, что происходит, – так трудно выстроить все по порядку: «Человек в саду, что за сад, да ведь это был Малкольм, Малкольм в саду Большого дома, нет, он внизу, раненый, опять не то, это же сон, а он говорил что-то про жизнь в Большом доме и о женитьбе... Малкольм, это он был тем мужчиной, который касался меня? Нет, он говорил мне, что умрет. Глупый, ведь доктор же сказал, что с ним все прекрасно, все говорят, что прекрасно, только почему прекрасно? Почему не хорошо, или отлично, или неплохо? Почему?»

Она сдалась – желание заснуть пересилило все остальное. Луна сияла через щели в ставнях, Анжелика, пошатываясь, дотащила через полосы бледного света до кровати и с удовольствием рухнула на пуховую перину. Со вздохом глубокого удовлетворения она до половины натянула на себя простыню и повернулась на бок. Через несколько секунд она уже спала.

Ори неслышно выскользнул из своего укрытия, поражаясь тому, что он до сих пор еще жив. Даже несмотря на то, что он вжался в стену вместе с мечами, его нельзя было не обнаружить при любом маломальски прилежном осмотре. Он увидел, что дверь и ставни заперты, а девушка тяжело дышит, положив одну руку под подушку, а другую поверх простыни.

«Хорошо. Она может подождать, – подумал он. – Сначала посмотрим, как мне выбраться из этой ловушки. Через окно или через дверь?»

Ничего не увидев сквозь щели ставень, он осторожно отодвинул запор и чуть-чуть приоткрыл одну половинку, потом другую. Внизу, в саду, все так же сновали солдаты. До рассвета оставалось почти три часа. Облака, густея, тянули к луне свои космы. Тело Сёрина бесформенной кучей лежало на тропе, напоминая подстреленного зверя. В первый момент Ори удивился, что ему не отрубили голову, потом вспомнил, что у гайдзинов не было обычая собирать головы врагов для подсчета или выставлять их на обозрение.

Трудно бежать этим путем и остаться незамеченным. Если они не ослабят бдительность, придется открыть дверь и попробовать

выбраться через дом. Это означает, что дверь останется открытой. Лучше все же уходить через окно, если это будет возможно.

Он осторожно высунулся наружу и увидел под окном узкий уступ стены, который проходил и под другим окном, а потом поворачивал за угол — комната, в которой находился Ори, была угловой. Он почувствовал, как его охватывает возбуждение. «Скоро облака полностью закроют луну. Тогда я убегу. Я выберусь отсюда! *Сонно-дзёи!* Теперь она».

Действуя бесшумно, он установил задвижку так, чтобы ставни были слегка приоткрыты, потом вернулся к кровати.

Его длинный меч оставался в ножнах, и он положил его рядом на смятое покрывало из белого шелка. «Белое, — подумал он. — Белая простыня, белая кожа, белый цвет — цвет смерти. То, что нужно. На белом удобно писать. Что это будет? Мое имя?»

Он неторопливо стянул с нее простыню. Ночная рубашка не укладывалась в сознании: странный предмет одежды, предназначенный скрывать все и ничего. Руки, ноги, грудь такие большие в сравнении с теми немногими женщинами, которые делили с ним ложе. Ноги длинные и прямые, ни намек на привычную для него изящную изогнутость голени от многолетнего сидения на коленях. Вновь он уловил запах ее духов. Его взгляд скользил по ней, и он чувствовал, как в нем загорается желание.

С другими все было совсем не так. Он почти ничего не испытывал. Много легких и пустых разговоров и уверенный профессионализм. Его быстро доводили до оргазма, обычно после щедрых возлияний саке, чтобы был не так заметен их возраст. Теперь время принадлежало ему безраздельно. Она была юна — гостья из чужого мира. Боль в чреслах усилилась. И пульсирующий жар.

Ветер скрипнул ставнями, но это его не испугало, не ждал он опасности и изнутри дома. Все погрузилось в тишину. Она лежала на боку, чуть завалившись на живот. Мягкий уверенный толчок, потом другой, и она послушно перевернулась на спину, ее голова удобно лежала щекой на подушке, волосы рассыпались волнами. Глубокий вздох в уютных объятиях перины. Маленький золотой крестик на шее.

Он наклонился над ней и просунул кончик острого как бритва короткого меча под тонкие кружева на вороте рубашки, приподнял их

чуть-чуть и развернул меч вертикально, натянув ткань. Материя легко разошлась и упала. До самых пят.

Никогда еще Ори не видел, чтобы женщина так открывала перед ним свои тайны. Страсть сдавила горло, не давая дышать. Пульсирующая боль в чреслах сделалась почти невыносимой. Крошечный крестик посверкивал. Во сне ее рука произвольно шевельнулась, лениво легла между ног и осталась там. Он поднял ее и убрал в сторону, потом развел тонкие щиколотки. Нежно.

Глава 6

Перед самым рассветом она пробудилась. Но не до конца.

Наркотик еще действовал, и сны не отпускали ее, странные, неистовые сны, эротические, сокрушительные, волшебные, мучительно-чувственные, ужасные – никогда раньше она не видела таких и не переживала их столь сильно. Через наполовину открытые ставни она увидела кроваво-красное небо на востоке; причудливые фигуры облаков, казалось, повторяли фантастические образы, проплывавшие в ее голове. Когда она передвинулась, чтобы получше их рассмотреть, она почувствовала легкую боль внизу живота, но не обратила на нее внимания, а вместо этого застыла взглядом на небесной картине и позволила мыслям соскользнуть назад в сон, который необоримо манил ее к себе. На самом пороге сна она почувствовала, что лежит нагая, томно запахнулась в рубашку, натянула на себя простыню. И заснула.

Ори стоял рядом с кроватью. Он только что выбрался из теплой постели. Его одеяние ниндзя лежало на полу. Вместе с набедренной повязкой. Мгновение он смотрел на девушку, задумавшись о ней в последний раз. «Как печально, – подумал он. – Все, что бывает в последний раз, так печально». Он взял с кровати свой короткий меч и вытащил его из ножен.

В комнате на первом этаже Филип Тайрер открыл глаза. Обстановка была ему незнакома, потом он сообразил, что все еще находится в храме в Канагаве, и вспомнил, что вчерашний день был ужасным, операция – жуткой, его поведение во время нее достойно презрения.

– Бебкотт сказал, что я был в шоке, – пробормотал он. Язык с трудом ворочался в пересохшем, наполненном горечью рту. – Господи, может это служить мне оправданием?

Ставни в его комнате были приоткрыты, ветер пошевеливал их, скрипя петлями. Он мог видеть рассветное небо за окном. «Небо красное с утра, пастухам не ждать добра». Интересно, будет сегодня шторм или нет, спросил он себя, потом сел на походной койке и

осмотрел перевязанную руку. Повязка была чистой, без свежих пятен крови, и он испытал огромное облегчение. Если не считать головной боли и легкого озноба, он снова чувствовал себя вполне здоровым.

— О господи, как жаль, что я не проявил себя получше!

Он попытался вспомнить, чем кончилась операция, но все в голове было так расплывчато и нечетко. «Помню, я плакал. Плакать не хотелось, но слезы лились сами собой».

Усилием воли он прогнал от себя мрачные мысли. Потом выбрался из постели и настежь распахнул ставни; сегодня он снова твердо стоял на ногах и испытывал волчий голод. Под рукой оказался кувшин с водой, он побрызгал из него себе на лицо, ополоснул рот и сплюнул на кусты под окном. После этого сделал несколько глотков и почувствовал себя бодрее. В саду никого не было, в воздухе пахло гниющими растениями, обнажившимися на берегу после отлива. Из окна ему были видны часть стены храма и сад, но мало что еще, кроме этого. Через просвет в деревьях он заметил караульное помещение и двух солдат рядом с ним.

Теперь он видел, что его уложили в постель в рубашке и длинных шерстяных кальсонах. Его разорванный, перепачканный кровью сюртук висел на стуле, рядом лежали его брюки и сапоги для верховой езды, все в грязи после бегства через рисовые поля.

«Ладно, мне еще повезло, что я остался в живых. — Он начал одеваться. — Что со Струаном? И Бебкотт — скоро мне придется встретиться с ним».

Бритвы он не нашел, поэтому побриться не смог. Не было нигде и расчески. Ладно, это тоже пустяки. Он натянул сапоги. Из сада доносилось пение птиц, его ухо улавливало какое-то движение снаружи, редкие покрикивания японцев вдалеке, лай собак. Но не было звуков нормального города, английского города, просыпавшегося каждое утро от криков вроде: «Горячие булочки!», «А вот водица, свежая водица!», «Устрицы из Колчестера, покупайте, покупайте!» или «Только что из-под пресса, новая глава романа мистера Диккенса, всего один пенни, один пенни!», «Покупайте „Таймс“, читайте все о грандиозном скандале вокруг мистера Дизраэли, все о скандале...».

«А что, если меня теперь уволят со службы? — спрашивал он себя, и сердце его сжималось при мысли о возвращении домой в бесчестье. Он уже видел себя всеми презираемым неудачником, с позором

изгнанным из ее королевского величества министерства иностранных дел, переставшим быть представителем величайшей империи, какую когда-либо знал мир. – Что подумает обо мне сэр Уильям? И что скажет она? Анжелика? Хвала Создателю, она благополучно доскакала до Йокогамы – захочет ли она знать меня после того, как услышит о моем недостойном поведении?

О боже, что же мне теперь делать?»

Малкольм Струан тоже проснулся. Несколько секунд назад какое-то шестое чувство опасности, неясный шум снаружи разбудили его, хотя сейчас он чувствовал себя так, словно не спал уже много часов. Он лежал на походной кровати, помня о прошедшем дне, об операции, о том, что он жестоко ранен и что, скорее всего, не выживет. Каждый вдох отзывался резкой болью. Как и малейшее движение.

«Но я не буду сейчас думать о боли, только об Анжелике и о том, что она любит меня... Вот только откуда взялся этот кошмарный сон? Мне снилось, что я ей противен и она убегает прочь. Ненавижу сны, потому что они неподвластны моей воле, ненавижу эту слабость и беспомощность, ведь я всегда был так силен, всегда воспитывался в тени моего героя, великого Дирка Струана, Зеленоглазого Дьявола. О, как бы я хотел, чтобы у меня были зеленые глаза, чтобы я был так же могуч. Он мой кумир, и я буду таким же, как он. Обязательно.

Как всегда, наш враг Тайлер Брок отслеживает нас, ждет удобного момента. Отец и мать стараются многое скрыть, но до меня, разумеется, доходят слухи, и я знаю больше, чем они думают. Старая А Ток, которая для меня больше чем мать, разве не вскармливала она меня, пока мне не исполнилось два года, не учила кантонскому диалекту и жизни вообще, не нашла мне мою первую девушку? Она шепотом пересказывает мне все сплетни и пересуды, то же самое делает мой дядя Гордон Чэнь, только он сообщает мне факты. Благородный Дом шатается.

Ладно, мы справимся с ними со всеми. Я справлюсь. Именно к этому меня готовили, именно для этого я трудился всю свою жизнь».

Он откинул одеяло в сторону и поднял ноги, чтобы встать, – и не смог из-за боли. Попробовал еще раз, опять безрезультатно.

– Ничего, – сказал он себе слабым голосом. – Ничего страшного, я сделаю это позже.

– Еще яиц, Сеттри? – предложил Марлоу.

Одного роста с драгунским офицером, он был не так широк в плечах. Оба являлись аристократами, сыновьями старших офицеров действительной службы, оба имели красивые, мужественные лица, у Марлоу оно обветрилось несколько сильнее.

– Нет, спасибо, – отказался Сеттри Паллидар. – Два – это мой предел. Должен признаться, готовят здесь, по-моему, отвратительно. Я сказал слугам, что люблю яйца хорошо прожаренными, без этой слизи, но у них в головах песок вместо мозгов. Да и вообще, черт меня подери, не могу я есть яйца, когда они не лежат на кусочке доброго английского поджаренного хлеба. У них просто не тот вкус. Как вы думаете, чем все это кончится, я о Кентербери?

Марлоу помолчал в нерешительности. Они сидели в столовом зале миссии за большим дубовым столом, за которым могли бы разместиться двадцать человек и который был привезен из Англии специально для этой цели. Угловая комната была просторной и приятной, окна, распахнутые в сад, впускали в дом белесый рассвет. Им двоим прислуживали трое слуг-китайцев в ливреях. Стол был накрыт человек на шесть. Яичница с беконом на серебряных подносах, подогреваемых снизу свечами, запеченный цыпленок, холодный окорок и пирог с грибами, почти прогоркший говяжий бок, галеты, пирог с сушеными яблоками. Пиво, портер и чай.

– Послушайте, Марлоу... – Паллидар замолчал, потому что открылась дверь и в комнату вошел Тайрер. – О, привет, вы, должно быть, Филип Тайрер из миссии. – Он представился сам, представил Марлоу и продолжил с оживленным лицом: – Очень жаль, что вам так не повезло вчера, но я горжусь возможностью пожать вашу руку. И мистер Струан, и мисс Ришо сказали Бебкотту, что, если бы не вы, они бы погибли.

– Они так сказали? О! – Тайрер не мог поверить своим ушам. – Это... это случилось так быстро. В один миг все было нормально, а в следующий мы уже спасаемся бегством. Я перепугался до смерти.

Теперь, когда он произнес все это вслух, он почувствовал себя лучше, тем более что они отмахнулись от этого заявления, сочтя его за проявление скромности, помогли ему сесть и приказали слугам подавать его завтрак.

– Когда я зашел к вам ночью, вы спали как убитый, Бебкотт сказал, что дал вам снотворное, поэтому вы, наверное, еще не слышали о пойманном убийце.

У Тайрера похолодело в животе.

– Убийце?

Они рассказали ему о ночном происшествии. И об Анжелике.

– Она здесь?

– Да, и как отважна эта леди!

На мгновение голову Марлоу заполнили мысли о ней. У него не было девушки, которой он отдавал бы предпочтение перед другими, ни дома, ни где-либо еще, – так, несколько кузин, могущих составить подходящую партию, но ни одной истинной дамы сердца. И он впервые был рад этому обстоятельству. Может быть, Анжелика останется здесь, и тогда... и тогда мы посмотрим.

Его охватило волнение. Как раз перед тем, как год назад они, дымя трубой, вышли из родного порта Плимут, его отец, капитан королевского флота Ричард Марлоу, сказал:

– Тебе двадцать семь, сынок, и у тебя теперь свой корабль – пусть даже он больше похож на ночной горшок, – ты старший сын в семье, и пришло тебе время жениться. Когда ты вернешься из этого похода на Дальний Восток, тебе уже будет за тридцать. Если удача будет и впредь сопутствовать нам, я к тому времени стану вице-адмиралом и... ну, я смогу выделять тебе немного больше денег, только, ради бога, не говори об этом своей матери или братьям и сестрам. Пора тебе принять решение! Как насчет твоей кузины Дельфи? Ее отец – офицер, пусть даже и в индийской армии.

Он пообещал отцу, что по возвращении сделает выбор. Теперь ему, возможно, не придется довольствоваться второй, третьей или четвертой кандидатурой в его матримониальном списке.

– Мисс Анжелика подняла тревогу в Поселении, потом настояла на том, чтобы вернуться сюда – мистер Струан попросил ее срочно увидеться с ним. Похоже, дела у него не слишком хороши. Если честно, ранение весьма серьезное, поэтому я привез ее. Она держалась как настоящая леди.

За столом повисло странное молчание; каждый знал, о чем сейчас думает другой. Молчание нарушил Филип Тайрер:

– Зачем этому убийце понадобилось забираться сюда?

Оба офицера уловили в его голосе нервную дрожь.

– Полагаю, для каких-нибудь новых пакостей, – ответил Паллидар. – Волноваться, впрочем, нет причин, мы поймали этого сукина сына. Вы видели сегодня утром мистера Струана?

– Я заглянул к нему, но он спал. Надеюсь, с ним все будет в порядке. Операция прошла не слишком успешно, и... – Тайрер замолчал, услышав сердитые голоса снаружи.

Паллидар подошел к окну, остальные последовали за ним.

Сержант Тауэри кричал полуголому японцу с дальнего конца сада, подзывая его к себе:

– Эй, ты, подойди сюда!

Японец, судя по всему садовник, был молод и хорошо сложен. Он стоял шагах в двадцати от них. Весь его наряд состоял из набедренной повязки, на плече он держал охапку веток и палок, часть которых была обернута в грязную черную материю, и, неуклюже согнувшись, собирал другие. На мгновение он выпрямился, потом начал сгибаться и выпрямляться, как заводной, униженно кланяясь в сторону сержанта.

– Господи, этим содомитам просто неведомо чувство стыда, – скривившись, произнес Паллидар. – Даже китайцы так не одеваются... и индусы тоже. У него же вся срамота наружу.

– Мне говорили, они одеваются так даже зимой, некоторые из них, – сказал Марлоу, – похоже, они совсем не чувствуют холода.

Тауэри опять крикнул японцу и махнул рукой, приказывая подойти. Тот продолжал кланяться, быстро-быстро кивая, но вместо того, чтобы идти к англичанину, он, очевидно неправильно истолковав его жест, послушно повернулся и с тем же полупоклоном засеменил прочь, направляясь к углу здания. Проходя мимо окна столовой, он на миг поднял на них глаза, потом снова раболепно согнулся пополам, выказывая полную покорность, заторопился дальше к помещениям, где жили слуги, почти скрытый листвой, и пропал из виду.

– Странно, – пробормотал Марлоу.

– Что?

– Да просто все эти поклоны и угодничанье показались мне наигранными. – Марлоу повернулся и увидел белое как мел лицо Тайрера. – Господь милосердный, что с вами?

– Я... я... этот человек, мне показалось, что он... я не уверен, но, кажется, он был одним из них, одним из убийц на Токайдо, тот самый,

которого подстрелил Струан. Вы не видели его плеча, оно не было перевязано?

Паллидар среагировал первым. Он выпрыгнул в окно, Марлоу, успевший схватить саблю, выпрыгнул следом за ним. Вместе они бросились к деревьям. Но никого не нашли, хотя обыскали все вокруг.

Солнце стояло уже высоко. Снова раздался мягкий стук в дверь, снова голос Бебкотта позвал из коридора: «Мадемуазель? Мадемуазель?» Голос звучал тихо, он не хотел будить ее понапрасну. Она не ответила. Анжелика, плотно закутавшись в пеньюар, застыла как изваяние посреди комнаты, едва дыша и не сводя глаз с запертой двери. Ее лицо было мертвенно-бледным. Крупная дрожь опять начала сотрясать ее тело.

– Мадемуазель?

Она ждала. Через минуту шаги в коридоре затихли, она протяжно выдохнула, отчаянно пытаюсь остановить дрожь, и опять принялась мерить шагами комнату: от окон с закрытыми ставнями к кровати, потом опять к окнам, – она ходила так уже несколько часов.

«Я должна принять решение», – думала она в отчаянии.

Когда она проснулась во второй раз, не помня, как просыпалась в первый, голова у нее была ясной, и она осталась неподвижно лежать в смятых простынях, довольная тем, что уже не спит, отдохнувшая, проголодавшаяся, с нетерпением ожидающая первую за день и самую восхитительную чашку кофе со свежей хрустящей французской булочкой, которые шеф-повар французской миссии в Иокогаме выпекал каждое утро. «Только я не в Иокогаме. Я в Канагаве, и сегодняшний день начнется с чашки отвратительного английского чая с молоком.

Малкольм! Бедный Малкольм, я так надеюсь, что ему лучше. Мы вернемся в Иокогаму сегодня же, там я сяду на ближайший пароход до Гонконга, а оттуда – в Париж... но, боже, что я видела во сне, что видела!»

Ночные фантазии все еще были ярки в ее сознании, смешавшись с другими картинками: Токайдо, Кентербери с отрубленной рукой, Малкольм, такой странный, эти его слова о том, что они поженятся. Воображаемый запах хирургической палаты хлынул ей в ноздри, но

она прогнала его из головы, зевнула и протянула руку за маленькими часами, которые лежали на прикроватном столике.

Шевельнувшись, она почувствовала, как ее больно кольнуло внизу живота. В первую секунду она приняла это за признак того, что месячные у нее опять начнутся раньше времени, потому что не всегда они приходили регулярно, однако тут же отбросила это предположение как невозможное.

Часы показывали десять часов двадцать минут. Они были отделаны ляпис-лазурью – подарок отца, он преподнес его ей в Гонконге восьмого июля, в день ее восемнадцатилетия, немногим более двух месяцев назад. «Сколько всего произошло с тех пор, – подумала она. – О, я буду так счастлива уехать назад в Париж, к цивилизации, чтобы никогда не возвращаться сюда, никогда, никогда, ни...»

Она вдруг поняла, что лежит под простыней почти нагая. К своему изумлению, она обнаружила, что ночная рубашка покрывала только ее руки и плечи, а спереди была распорота сверху донизу и скомкалась под ней. Она недоуменно приподняла оба края. Желая рассмотреть все получше, она выскользнула из постели, чтобы подойти к окну, но опять ощутила легкое жжение в промежности. И теперь, при свете дня, заметила на простыне предательский мазок крови и нашла ее следы у себя между ног.

– Как мои месячные могут...

Она принялась считать и пересчитывать дни, но получалась полная ерунда. Последнее кровотечение прекратилось две недели назад. Потом она заметила, что в добавление ко всему она еще и немного влажная внизу, а уж этого она никак не могла объяснить... тут сердце ее провалилось куда-то, и она едва не потеряла сознание, когда собственный мозг прокричал ей, что ее сны были вовсе не снами, а реальностью – ею овладели силой, пока она спала.

– Это невозможно! Ты сошла с ума – это невозможно, – ошеломленно выдохнула она, чувствуя, как стены душат ее, сжимаются вокруг нее. – О боже, пусть это будет сон, часть того сна. – Шаря перед собой руками, она добралась до кровати. Сердце тяжело стучало в висках. – Ты не спишь, это не сон, ты не спишь!

Она снова лихорадочно осмотрела себя, потом осмотрела еще раз, уже более тщательно. Ее знаний хватило, чтобы пропали последние

сомнения насчет происхождения этой влаги и насчет того, что ее девственная плева порвана. Она не ошиблась. Ее изнасиловали.

Комната закружилась у нее перед глазами. «О боже, я погибла, жизнь кончена, впереди лишь мрак и ужас, ибо ни один порядочный мужчина, ни один подходящий жених не назовет меня своей женой теперь, когда я осквернена, а брак – единственный способ для девушки подняться выше по социальной лестнице, обеспечить себе счастливое будущее, вообще какое-нибудь будущее, другого просто нет...»

Когда смятение немного улеглось и она снова смогла видеть и соображать, Анжелика обнаружила, что лежит поперек кровати. Дрожа и путаясь, она стала восстанавливать события этой ночи. «Я помню, что заперла дверь на задвижку».

Она повернула голову к двери. Засов был на месте.

«Я помню Малкольма, мерзкий запах в его комнате, помню, как выбежала от него, помню спокойно спящего Филипа Тайрера. Потом доктор Бебкотт дал мне питье, и я пошла наве...»

Питье! О боже, меня одурманили! Если Бебкотт может даже оперировать, давая людям эти лекарства, то, конечно, все это вполне могло бы случиться, естественно, я была беспомощна, но что мне сейчас толку от этого объяснения! Это случилось! Что, если у меня будет ребенок?!»

Ее опять охватила паника. Слезы хлынули из глаз, и она едва не зарыдала в голос.

– Прекрати! – пробормотала она, прилагая все силы, чтобы взять себя в руки. – Прекрати! Тебе нельзя издавать ни звука, нельзя! Ты одна, больше никто не может тебе помочь, только ты, тебе необходимо сосредоточиться. Что ты теперь будешь делать? Думай! – Она несколько раз глубоко вдохнула, чувствуя, как ноет сердце, и попыталась заставить свой расстроенный мозг работать. – Кто это был?

«Дверь на запоре, значит никто не мог войти в комнату через нее. Погоди минутку, смутно припоминаю... или это было лишь частью сна, перед тем как... кажется, я вспоминаю, что открывала дверь, открывала дверь Бебкотту и... и этому морскому офицеру Марлоу... потом заперла ее снова. Да, все правильно! По крайней мере, я думаю, что так все и было. Он еще говорил по-французски... да, говорил, но

плохо, потом они ушли, и я заперла дверь на задвижку, я уверена, что заперла. Но зачем они стучались ко мне среди ночи?»

Она вновь и вновь пыталась найти ответ, но безуспешно, не уверенная до конца, что все это действительно происходило на самом деле; ночные картины уплывали во мрак. Некоторые из них.

«Сосредоточься!

Раз дверь заперта, значит он пробрался в комнату через окно. — Она изогнулась на кровати и посмотрела туда: деревянный брусок, которым запирались ставни, валялся на полу под окном. — Значит, кто бы это ни был, он проник в комнату через окно! Кто же? Марлоу, этот Паллидар или даже сам добрый доктор — я знаю, что все они хотят меня. Кто знал, что я приняла снотворное? Бебкотт. Он мог сказать об этом остальным, но никто из них, конечно же, не осмелился бы на такое злодейство, не рискнул бы отвечать потом за то, что забрался ко мне из сада, потому что, разумеется, я буду кричать на каждом углу...»

Крик, пронзительный и беззвучный, сотряс ее тело изнутри, предупреждая: «Будь осторожна. Твое будущее зависит от того, насколько осторожно и умно ты себя поведешь. Будь осторожна».

«Ты уверена, что это действительно происходило сегодня ночью? Как же быть со снами? Возможно... нет, пока я не стану думать о них, но только врач может сказать мне наверняка, что со мной в действительности произошло, значит идти следует к Бебкотту. Погоди, ты могла... ты могла надорвать этот крошечный кусочек кожи во сне, когда металась в кошмаре — ведь это был всего лишь кошмар, не правда ли? Такое случалось с некоторыми девушками. Да, но они по-прежнему оставались девственными, и это не объясняет того, что у тебя там все влажно.

Вспомни Жанетту из монастыря, бедную глупенькую Жанетту, которая влюбилась в одного из торговцев и позволила ему все, а потом возбужденно рассказывала нам об этом во всех деталях. Она не забеременела, но про нее стало известно настоятельнице, и на следующий же день она исчезла из монастыря навсегда. Позже мы узнали, что ее выдали замуж за какого-то деревенского мясника, единственного мужчину, который согласился взять ее.

Я никому ничего не позволяла, но это мне не поможет, доктор мог бы дать точный ответ, но и это мне не поможет, да и сама мысль о том, что Бебкотт или любой другой врач заглянет мне в душу, наполняет

меня ужасом, к тому же Бебкотт в этом случае узнает мою тайну. Как я могу доверить ему такой секрет? Если об этом станет известно... Я должна сохранить все в тайне! Но как, как тебе это удастся и что потом?

Ответ на это я найду позже. Сначала надо решить, кто был этот дьявол. Нет, сначала смой с себя это зло, тогда мысли твои прояснятся. Ты должна ясно мыслить».

С отвращением она стряхнула с плеч рубашку и отшвырнула ее в сторону, потом помылась тщательно и глубоко, стараясь вспомнить все известные ей способы предотвращения беременности, которыми с успехом воспользовалась Жанетта. Затем она надела халат и расчесала волосы. Почистила зубы зубным порошком. И только потом подошла к зеркалу. Очень внимательно рассмотрела лицо. Ни единого пятнышка, синяка или царапины. Она развязала пояс халата. Никаких следов на руках, ногах и груди – соски немного покраснели. Она опять подняла глаза и заглянула глубоко в свое отражение.

– Никаких изменений, ничего. И вместе с тем все.

Тут она заметила, что маленький золотой крестик, который она носила всю жизнь, не снимая даже на ночь, пропал. Она тщательно обыскала кровать, заглянула под нее, осмотрела все вокруг. Его не оказалось ни в простынях, ни под подушками, ни в складках полога. Последняя надежда – кружева покрывала. Она подняла его с пола и прошла по ним пальцами. Ничего.

И в этот момент она увидела три японских иероглифа, грубо начертанных на белом шелке покрывала кровью.

Солнечный свет играл золотыми гранями крестика. Ори смотрел на него, сжав в кулаке тонкую цепочку, замороженный.

– Зачем ты взял его? – спросил Хирага.

– Не знаю.

– Не убить эту женщину было ошибкой. Сёрин был прав. Это была ошибка.

– Карма.

Они сидели в безопасности в гостинице Полуночных Цветов. Ори принял ванну, побрился. Он смотрел на Хирагу, не пряча глаз, и думал: «Ты не мой господин – я скажу тебе только то, что захочу сказать, не больше».

Он поведал ему о смерти Сёрина и о том, что забрался к ней в комнату, что она крепко спала и его появление не разбудило ее, но не стал рассказывать остального, сказал только, что спрятался там и переждал опасность, а потом снял одежду ниндзя, понимая, что в ней его непременно схватят, завернул в нее свои мечи, соскользнул в сад, где едва успел собрать немного сухих веток, чтобы притвориться садовником, прежде чем его заметили, и как, даже после встречи с человеком с Токайдо, он все равно сумел убежать. Но ни слова больше о ней.

«Как смогу я выразить на языке смертных и рассказать всем, что благодаря ей я почувствовал себя равным богам, что когда я широко раздвинул ее ноги и увидел ее, я опьянел от желания, что когда я вошел в нее, я вошел в нее как любовник, а не как насильник, — не знаю почему, но это так, — медленно, нежно, и ее руки обвились вокруг меня, она задрожала и прижалась ко мне, хотя так до конца и не проснулась, и держала меня так крепко, что я сдерживался и сдерживался, сколько мог, а потом излился в наслаждении невообразимом.

Я даже не подозревал, что это может быть так чудесно, так чувственно, приносить такое удовлетворение и самому ощущать такую полноту внутри. Другие были ничто по сравнению с ней. С нею я поднялся к звездам, но не по этой причине я оставил ей жизнь. Я очень много думал о том, чтобы убить ее. Потом — себя, там, в ее комнате. Но это было бы лишь проявлением себялюбия — умереть, достигнув вершины счастья, в таком мире с собой.

О, как я желал умереть! Но моя смерть принадлежит *сонно-дзёи*. Только *сонно-дзёи*. Не мне».

— Не убить ее было ошибкой, — снова повторил Хирага, прерывая течение мысли Ори. — Сёрин был прав, ее смерть помогла бы нам осуществить наш план лучше, чем что-либо другое.

— Да.

— Тогда почему?

«Я оставил ее жить из-за богов, если боги существуют, — мог бы сказать он, но не сказал. — Боги вошли в меня и заставили сделать то, что я сделал, и я благодарен им. Теперь я исполнен. Я познал жизнь; все, что мне остается познать, это смерть. Я был у нее первым, и она запомнит меня навсегда, хотя для нее это был сон. Проснувшись, она

увидит иероглифы, написанные моей собственной, а не ее, кровью, и она поймет. Я хочу, чтобы она жила вечно. Сам я умру скоро. Карма».

Ори спрятал крестик в потайной карман в рукаве кимоно и сделал еще несколько глотков освежающего зеленого чая, испытывая глубокое удовлетворение и неведомую доселе наполненность жизнью.

– Вы говорили, что готовите налет?

– Да. Мы намереваемся сжечь британскую миссию в Эдо.

– Хорошо. Пусть это произойдет поскорее.

– Это будет скоро. *Сонно-дзёи!*

В Иокогаме сэр Уильям сердито произнес:

– Скажите им снова, в последний раз, клянусь Богом, правительство ее величества требует немедленных репараций в размере ста тысяч фунтов стерлингов золотом за попустительство этому неспровоцированному нападению и убийству английского подданного – убийство англичан киндзиру, клянусь Богом! Мы также требуем выдачи нам этих убийц из Сацумы в течение трех дней, в противном случае мы примем надлежащие меры!

Он находился по другую сторону залива в небольшой душной комнате для аудиенций британской миссии. По обе стороны от него расположились прусский, французский и русский посланники, оба адмирала, британский и французский, и генерал – все в равной степени раздраженные и негодующие.

Напротив них с торжественным видом восседали на стульях два местных представителя бакуфу, начальник самурайской стражи Поселения и губернатор Канагавы, в чьей юрисдикции находилась и Иокогама. Они были одеты в широкие штаны, кимоно и поверх них мантии с широкими, похожими на крылья плечами; мантии были перехвачены в талии поясами, за которые у каждого были заткнуты два меча. С первого взгляда было ясно, что все они чувствовали себя неловко и внутренне кипели от возмущения. На рассвете вооруженные солдаты с беспрецедентной злобой забарабанили прикладами в двери таможен Иокогамы и Канагавы, вызывая высших чиновников и губернатора в миссию для безотлагательной беседы, назначенной на полдень, – спешка также до сих пор невиданная.

Между двумя сторонами сидели переводчики: японец – на коленях, а швейцарец Иоганн Фаврод – скрестив ноги под собой. Их

общим языком был голландский.

Встреча длилась уже два часа – английский переводился на голландский, голландский – на японский, тот – опять на голландский, потом на английский. Все вопросы сэра Уильяма понимались неправильно, оставались без прямого ответа или требовали многократного повторения; дюжиной различных способов «испрашивалась» отсрочка для того, чтобы «посоветоваться с вышестоящими властями о проведении рассмотра и расследования», и «О да, в Японии рассмотрение весьма отличается от расследования. Его превосходительство губернатор Канагавы объясняет в деталях, что...», и «О, его превосходительство губернатор Канагавы желает подробно объяснить, что его юрисдикция не распространяется на Сацуму, которая является отдельным княжеством...», и «О, но насколько известно его превосходительству губернатору Канагавы, обвиняемые с угрозами выхватили пистолеты и признаны виновными в несоблюдении древних японских традиций...», и «Сколько, вы говорили, иностранцев находились в этой группе и должны были пасть на колени?.. но наши обычаи...».

Скучные, долгие, запутанные лекции на японском, которые произносил губернатор, прилежно переводившиеся на отнюдь не беглый голландский, а потом переводившиеся еще раз на английский.

– И не церемоньтесь с ними, Иоганн. Все, как я сказал, слово в слово.

– Я так и переводил, сэр Уильям. Каждый раз. Но я уверен, что этот кретин переводит неточно – и то, что говорите вы, и то, что говорят джапы.

– Ради бога, мы все это знаем. Разве когда-нибудь было по-другому? Прошу вас, заканчивайте с этим.

Иоганн с предельной точностью перевел его слова. Японский переводчик вспыхнул, попросил объяснить ему значение слова «немедленный», затем осторожно, в приличествующих выражениях, выдал вежливый, приблизительный перевод, который, по его мнению, мог бы быть приемлем. Даже в этом случае губернатор с шумом втянул в себя воздух от такой неслыханной грубости. Молчание сгустилось. Его пальцы долго без остановки выбивали нервную дробь на рукоятке меча, потом он отрывисто произнес три или четыре слова. Их перевод оказался гораздо длиннее.

– Если отбросить все *merde*, – бодро объявил Иоганн, – губернатор говорит, что передаст вашу «просьбу» соответствующим инстанциям в соответствующее время.

Сэр Уильям заметно покраснел, адмирал и генерал покраснели еще больше.

– «Просьба», вон как? Скажи этому сукину сыну следующее: это не просьба, это требование! И еще добавь: мы требуем немедленной аудиенции у сёгуна в Эдо через три дня! Три дня, клянусь Господом! И я, черт побери, прибуду туда на боевом корабле!

– Браво, – пробормотал едва слышно граф Сергеев.

Иоганн, не менее других уставший от этой бесконечной игры, придал словам английского посланника утонченную прямолинейность. Японский переводчик разинул рот и без всякой паузы разразился потоком желчного голландского, на который Иоганн с любезной улыбкой ответил двумя словами, мгновенно вызвавшими потрясенное и почти осязаемое молчание.

– *Нан дзя?* Что это, что он сказал? – сердито спросил губернатор, не заблуждаясь насчет враждебности этих слов и не скрывая своей собственной.

Взволнованный переводчик тут же с извиняющимся видом передал ему смягченный вариант того, что услышал, однако и этого было достаточно, чтобы губернатор в бешенстве разразился угрозами, угрозами, отказом и новыми угрозами, которые его переводчик изложил в такой форме, в какой, по его мнению, иностранцы хотели бы их услышать, потом, все еще не придя в себя, выслушал еще одну порцию и снова начал переводить.

– Что он говорит, Иоганн? – Сэру Уильяму пришлось повысить голос: японский переводчик без конца отвечал то губернатору, то чиновникам бакуфу, которые быстро переговаривались между собой и обращались к нему с вопросами. – Какого дьявола, о чем они все говорят?

Теперь Иоганн был счастлив. Он знал, что через несколько секунд встреча закончится и он сможет вернуться к своему обеду и шнапсу.

– Не знаю, кроме того, что губернатор повторяет, будто он в состоянии лишь передать вашу просьбу и так далее в соответствующую и так далее, но сёгун ни под каким видом не

удостоит вас такой чести и так далее, потому что это противно их обычаям и так далее...

Ладонь сэра Уильяма с треском врезалась в стол. В наступившей от потрясения тишине он показал пальцем на губернатора, потом на себя.

– *Ватаси...* я... – Он ткнул пальцем в окно в направлении Эдо. – *Ватаси* иду в Эдо! – Он поднял три пальца. – Три дня, на боевом корабле, черт побери!

Он встал и стремительно вышел из комнаты. Остальные последовали за ним. Он прошел через приемную в свой кабинет, подошел к горке с хрустальными графинами и налил себе виски.

– Никто не желает ко мне присоединиться? – беззаботно спросил он, когда все, кто присутствовал при беседе, окружили его. Механически он налил виски обоим адмиралам, генералу и пруссаку, кларета Сератару и солидную порцию водки графу Сергееву. – Полагаю, встреча прошла по плану. Сожалею, что она так затянулась.

– Я думал, вас сейчас удар хватит, – сказал Сергеев, залпом выпивая водку и наливая себе еще.

– Вот еще. Просто нужно было закончить встречу с подобающим драматическим эффектом.

– Стало быть, Эдо через три дня?

– Да, мой любезный граф. Адмирал, отдайте распоряжения, чтобы флагман в любой день был готов выйти в море с рассветом, посвятите несколько следующих дней приведению всего в образцовый порядок, палубы очистить и приготовить к боевым действиям, да не прячьтесь, пусть все видят; пушки зарядить, учебные тревоги для всего флота, и прикажите остальным кораблям быть в готовности сопровождать нас в боевом построении, если понадобится. Генерал, полагаю, пятисот алых мундиров должно быть достаточно для моего почетного караула. Мсье, согласится ли французский флагман присоединиться к нам?

– Разумеется, – ответил Сератар. – Конечно, я буду сопровождать вас, но предлагаю в качестве штаб-квартиры избрать французскую миссию, а солдатам надеть парадные мундиры.

– Без парадных мундиров. Это карательная операция, а не вручение верительных грамот, – парадные мундиры мы оставим на потом. И первое предложение я тоже отклоняю. Был убит английский

подданный, и – как бы это выразиться? – наш флот является решающим фактором.

Фон Хаймрих весело хмыкнул:

– Он бесспорно является решающим в этих водах, в данное время. – Немец взглянул в сторону Сератар. – Жаль, что у меня нет здесь дюжины полков прусской кавалерии, тогда мы поделили бы Японию, даже не икнув при этом, и разом покончили бы со всей их изворотливой тупостью и невоспитанностью, отнимающей такую кучу времени.

– Всего дюжины? – вежливо осведомился Сератар, сопровождая вопрос испепеляющим взглядом.

– Этого было бы достаточно, герр Сератар, на всю Японию – наши солдаты лучшие в мире... разумеется, после солдат ее королевского величества, – любезно добавил он. – По счастью, Пруссия в состоянии позволить себе послать двадцать, даже тридцать полков в этот маленький уголок земли, и у нее еще останется более чем достаточно, чтобы справиться с любой проблемой, которая могла бы возникнуть у нас в любом другом месте, особенно в Европе.

– Н-да, ну что же... – вмешался сэр Уильям, видя, как лицо Сератара наливается кровью. Он допил свой виски. – Я отправляюсь в Канагаву, чтобы отдать кое-какие распоряжения. Адмирал, генерал, возможно короткое совещание, когда я вернусь? Я поднимусь на борт флагмана. О мсье Сератар, как нам быть с мадемуазель Анжеликой? Если хотите, я привезу ее с собой.

Она вышла из своей комнаты поздно днем и пошла по залитому мягким солнечным светом коридору, потом спустилась по главной лестнице в холл парадного входа. Сейчас на ней было вчерашнее длинное платье с турнюр, и она снова выглядела элегантной, более воздушной, чем когда-либо: волосы расчесаны и уложены в высокую прическу, глаза подведены. Тонкий запах духов и шелест нижних юбок.

Часовые у двери отдали честь и смущенно поздоровались с ней, пораженные ее красотой. Она с улыбкой кивнула им издалека и свернула к операционной. Китайский мальчик-слуга уставился на нее, разинув рот, потом испуганно проскользнул мимо.

Она уже дошла до двери, когда та неожиданно открылась. Из операционной вышел Бебкотт и остановился, увидев ее.

– О, здравствуйте, мисс Анжелика, честное слово, вы выглядите просто обворожительно, – проговорил он, едва не запинаясь.

– Благодарю вас, доктор. – Ее улыбка была доброй, голос звучал мягко. – Я хотела спросить... мы не могли бы поговорить... это недолго.

– Конечно. Входите. Будьте как дома.

Бебкотт захлопнул дверь операционной, усадил ее в лучшее кресло и прошел к себе за стол, в полном смятении от ее светящейся красоты, от того, как подчеркивала прическа безукоризненную линию ее длинной шеи. Веки у него покраснели, и он очень устал. «Но, с другой стороны, иной жизни я не знаю», – подумал он, наслаждаясь видом своей гостьи.

– Это питье, которое вы дали мне вчера ночью, это было какое-то снотворное?

– Да, именно. Я сделал его довольно сильным, поскольку вы... вы были изрядно расстроены.

– Все это так неясно, так перепуталось, Токайдо, мой приезд сюда и встреча с Малкольмом. Это снотворное было очень сильным?

– Да, но не опасным для вас, ничего такого. Сон – это лучшее лекарство, а такой сон был бы наиболее полезным и глубоким. И клянусь Юпитером, вы хорошо поспали, сейчас уже почти четыре. Как вы себя чувствуете?

– Все еще немного уставшей, благодарю вас. – Опять легкая, как тень, улыбка, проникавшая в самую его душу. – Как чувствует себя мсье Струан?

– Без изменений. Я как раз собирался навестить его еще раз, вы можете пойти со мной, если желаете. Дела у него обстоят неплохо, принимая во внимание все обстоятельства. О, кстати, этого парня поймали.

– Парня?

– Того самого, о котором мы рассказывали вам прошлой ночью. Он проник в сад.

– Я не запомнила ничего из вчерашней ночи.

Он рассказал ей о том, что случилось у ее двери и в саду, как один грабитель был застрелен, а второго заметили рано утром, но ему

удалось скрыться, и, слушая его, она напрягала все силы, чтобы сохранить спокойствие на лице и не закричать вслух того, что кричал ее мозг: «Ты, сын Сатаны, со своим дурманящим отваром и своей бестолковостью. Два грабителя? Значит, один из них должен был прятаться в моей комнате, когда ты был там, а ты не сумел найти его и спасти меня, ты и этот второй идиот, Марлоу, вы оба виновны в равной степени.

Благословенная Дева Мария, дай мне силы, помоги отомстить им обоим. И ему, кем бы он ни был! Матерь Божья, об отмщении молю тебя. Но зачем ему понадобилось красть мой крест, ведь другие драгоценности остались нетронутыми, и эти иероглифы, почему он их написал и что они означают? И почему кровью, его кровью?»

Она увидела, что он смотрит на нее, ожидая ответа.

– *Oui?*

– Я спросил, не хотите ли вы увидаться с мистером Струаном прямо сейчас?

– О! Да, да, пожалуйста. – Она тоже поднялась, полностью овладев собой. – О, боюсь, я пролила кувшин с водой на простыни. Вы не попросите горничную, чтобы она занялась ими?

Он рассмеялся:

– Горничных у нас здесь нет. Против джапских правил. Их работу выполняют мальчишки-китайцы. Не беспокойтесь, как только вы вышли из комнаты, они тут же начали уборку... – Он замолчал, увидев, как она вдруг побледнела. – Что с вами?

На мгновение силы оставили ее, и она мысленно перенеслась назад в свою комнату, где терла и отмывала пятна, изнывая от страха, что они не сойдут. Но они сошли, и она вспомнила, как проверяла и перепроверяла это снова и снова, чтобы сохранить свою тайну, – ничего не осталось на простынях, ни семени, ни крови, ее тайна останется с ней навечно, если она будет сильной и не отступит от своего плана, она должна держаться плана и должна вести себя разумно и осмотрительно, должна.

Беккотт был поражен ее внезапной бледностью; ее пальцы нервно мяти ткань юбки. В одну секунду он оказался рядом с девушкой и мягко взял ее за плечи.

– Не тревожьтесь, вам нечего опасаться, совершенно нечего.

– Да, извините, – испуганно ответила она. Ее голова покоилась на его груди, она вдруг почувствовала, что плачет. – Я просто... мне... я вспомнила несчастного Кентербери.

Она смотрела на себя откуда-то сбоку, словно покинув свое тело, смотрела, как позволяет ему успокоить себя, твердо уверенная, что ее план был единственно верным, единственно мудрым: «Ничего не произошло. Ничего, ничего, ничего.

Ты будешь верить в это до следующих месячных. А потом, если они наступят, ты согласишься в это навсегда.

А если они не наступят?

Я не знаю, я не знаю, я не знаю».

Глава 7

Понедельник, 15 сентября

– Гайдзины – низкие твари, не ведающие приличий, – изрек Нори Андзё, трясась от гнева. Этот приземистый круглолицый человек в богатых одеждах был главой родзю, Совета пяти старейшин. – Они высокомерно отвергли наши учтивые извинения, которые должны были бы исчерпать этот случай на Токайдо, и теперь, какая наглость, официально просят аудиенции у сёгуна – каллиграфия ниже всякой хулы, слова выбраны неверно, да вот, почитайте сами, это только что принесли.

С плохо скрытым нетерпением он протянул свиток сидевшему напротив него Торанаге Ёси, своему главному противнику, который был гораздо моложе его годами. Они были вдвоем в одной из больших комнат для приемов в центральной башне замка Эдо, приказав всем своим телохранителям остаться за дверью. Их разделял низкий лакированный столик алого цвета с черным чайным подносом, на котором стояли изящные чашки и чайник из тонкого, как яичная скорлупа, фарфора.

– Что бы ни говорили гайдзины, это не имеет никакого значения. – Ёси встревоженно принял свиток, но читать его не стал. В отличие от Андзё, одет он был просто, и мечи за поясом были боевыми, а не церемониальными, которые использовались только для торжественных случаев. – Тем или иным способом мы должны добиться, чтобы они поступали так, как нам нужно.

Он был даймё Хисамацу, небольшого, но очень важного княжества неподалеку от Эдо, и являлся прямым потомком первого сёгуна из рода Торанага. По сделанному недавно «предложению» императора и вопреки яростному противодействию Андзё, он был только что назначен опекуном наследника, юного сёгуна, и занял свободное место в Совете старейшин. Ему исполнилось двадцать шесть лет. Высокий, с тонкими чертами лица, изящными руками и длинными пальцами.

– Что бы ни случилось, их встреча с сёгуном не должна состояться, – заметил он. – Это подтвердило бы законность

существующих Соглашений, которые пока еще не ратифицированы надлежащим образом. Мы откажем им в их оскорбительной просьбе.

– Я согласен с тем, что она оскорбительна, но тем не менее нам придется считаться с ней и решить, что делать с этим псом из Сацумы, Сандзиро.

Оба устали от этой новой проблемы с гайдзинами, которая вот уже в течение двух дней нарушала их *ва*, их внутреннюю гармонию, обоим не терпелось поскорее закончить эту беседу: Ёси спешил вернуться в свои апартаменты внизу, где его ждала Койко, Андзё торопился на тайную встречу со знахарем.

День снаружи был солнечным и тихим, через открытые ставни легкий бриз заносил в комнату запах моря и плодородной почвы. Ничто не предвещало пока скорого наступления грозной зимы.

«Но зима не за горами, – думал Андзё; боль в кишечнике постоянно отвлекала его, мешая сосредоточиться. – Я ненавижу зиму, это пора смерти, пора печали, печальное небо, печальное море, печальная земля, уродливая и промерзшая, голые деревья и холод, который выворачивает суставы, напоминая тебе о том, как ты стар». Андзё, даймё Микавы, было сорок шесть, и он уже начинал седеть. Он являлся средоточием власти родзю с тех самых пор, как четыре года назад был убит тайро Ии.

«Тогда как ты, щенок, – злобно подумал он, – всего лишь два месяца в Совете и четыре недели как опекун – оба назначения политически вредны и опасны, оба состоялись вопреки нашим протестам. Пришло время подрезать тебе крылышки».

– Разумеется, ваш совет очень ценен для всех нас, – елеинно произнес он, вовсе так не считая, как они оба хорошо понимали, потом добавил: – Вот уже два дня гайдзины готовят свой флот к сражению, войска открыто проводят боевую учебу, и завтра сюда прибывает их глава. Каково будет ваше решение?

– Оно останется тем же, что и вчера, их официальное послание ничего не меняет: мы направим им еще одно извинение «за это печальное недоразумение», приправив его сарказмом, который они никогда не поймут. Извинение будет послано от чиновника, имя которого они услышат в первый и в последний раз, и доставить его нужно перед тем, как главный гайдзин покинет Иокогаму. К извинению будет приложена просьба о дальнейшей отсрочке,

необходимой для «сбора сведений». Если это не удовлетворит его и он прибудет в Эдо, один или с остальными, пусть их. Мы, как обычно, пошлем к ним в миссию для переговоров мелкого чиновника, чьи слова нас ни к чему не обязывают, и станем потчевать их жидким супом, не давая ни кусочка рыбы. Мы будем тянуть и тянуть время.

– Нам пора прибегнуть к нашему наследственному праву сёгуната и приказать Сандзиро передать нам убийц для наказания, безотлагательно заплатить за нанесенный ущерб, опять же через нас, безотлагательно... сложить с себя полномочия правителя Сацумы и жить, не выходя за пределы своего дома, безотлагательно. Мы прикажем ему! – хрипло произнес Андзё. – Вы не имеете опыта в высших делах сёгуната.

Сдерживая раздражение и жалея, что он не может заставить Андзё немедленно сложить с себя полномочия за глупость и невоспитанность, Ёси сказал:

– Если мы прикажем это Сандзиро, наш приказ не будет выполнен, следовательно, мы будем вынуждены начать войну, а Сацума слишком сильна и имеет слишком много союзников. Уже двести пятьдесят лет мы не вели ни одной войны. Мы не готовы к войне. Война...

В следующий миг в комнате повисло странное молчание. Оба мужчины невольно схватились за рукоятки мечей. Чашки и чайник задребезжали на подносе. Где-то далеко земля глухо заворчала, вся огромная башня слегка сдвинулась, потом еще и еще. Землетрясение продолжалось около тридцати секунд. Потом все стихло, так же внезапно, как и началось. С непроницаемыми лицами они ждали, наблюдая за чашками.

Второго толчка не последовало.

Еще минута – все тихо.

Новые минуты ожидания, во всем замке и в Эдо. Все живые существа затаили дыхание и ждали. Ничего. Усилием воли он обуздал свой страх.

– Война была бы сейчас крайне неразумным решением. Сацума слишком сильна, войска Тоса и Тёсю открыто встанут на ее сторону. Мы недостаточно могущественны, чтобы сокрушить их в одиночку.

Тоса и Тёсю были княжествами далеко от Эдо, оба издревле считались врагами сёгуната.

– Самые влиятельные из даймё соберутся под наши знамена, если мы призовем их, а остальные последуют их примеру. – Андзё постарался скрыть, каких усилий ему стоило разжать пальцы на рукоятке меча. Он еще не окончательно пришел в себя от ужаса.

Ёси, хорошо подготовленный и всегда начеку, заметил этот промах и отложил его в своей памяти, чтобы использовать в будущем, довольный тем, что сумел заглянуть в сердце своего противника.

– Они не придут на наш зов, пока еще нет. Они станут медлить, громко заявляя о своей преданности нам и при этом скуля и жалуясь на всякие трудности, они не смогут помочь нам раздавить Сацуму. Они трусы.

– Если не сейчас, то когда же? – Ярость Андзё прорвалась наружу, подстегиваемая страхом и ненавистью к землетрясениям.

Ребенком он пережил одно поистине ужасное: его отец у него на глазах превратился в пылающий факел, а потом он увидел обугленные трупы матери и двух братьев. С тех пор даже самый легкий подземный гул заставлял его заново переживать тот день, в ноздри ударял запах горелого мяса, в ушах стояли их вопли.

– Рано или поздно, но мы должны привести эту собаку к покорности. Почему не сейчас?

– Потому что мы должны ждать, пока не будем лучше вооружены. Они – Сацума, Тоса и Тёсю – имеют современное оружие, немного пушек и ружей, мы не знаем сколько. И несколько пароходов.

– Проданных им гайдзинами вопреки желаниям сёгуната!

– Купленных ими благодаря проявленной сёгуном слабости.

Лицо Андзё побагровело.

– Это не моя вина!

– И не моя! – Пальцы Ёси крепче сжали рукоять меча. – Эти княжества вооружены лучше нас, каковы бы ни были причины. Прошу прощения, но нам придется ждать. Плод, который представляет из себя Сацума, еще недостаточно сгнил, чтобы мы рискнули ввязаться в войну, которую нам своими силами не выиграть. Мы в одиночестве, Сандзиро – нет. – Его голос стал резче. – Но я согласен, что сведение счетов должно скоро состояться.

– Завтра я попрошу Совет отдать приказ, о котором говорил.

– Ради сёгуната, ради вас самих и всех ветвей рода Торанага я надеюсь, что остальные члены Совета послушают меня!

– Завтра мы это увидим... Голова Сандзиро должна торчать на шесте в назидание всем предателям.

– Я согласен, что Сандзиро отдал приказ убить этих людей на Токайдо только для того, чтобы поставить нас в трудное положение, – кивнул Ёси. – Это способно привести гайдзинов в неистовство. Наше единственное решение – это попытаться выиграть время. Возвращения нашего посольства из Европы теперь можно ожидать со дня на день, и тогда все наши затруднения должны разрешиться.

Восемью месяцами раньше, в январе, сёгунат отправил первую официальную делегацию из Японии в Америку и Европу. Она отбыла на пароходе с тайным поручением добиться пересмотра Соглашений – для родзю Соглашения были лишь «предварительными договоренностями между лицами, не имевшими надлежащих полномочий» – от правительств Англии, Франции и Америки, а также отменить или задержать дальнейшее открытие любых портов на японском берегу.

– Полученные ими приказы были ясны. К настоящему времени Соглашения, наверное, уже утратили силу.

– Итак, если не война, – зловеще произнес Андзё, – вы согласны, что пришло время отправить Сандзиро в дальний путь.

Молодой человек был слишком осторожен, чтобы согласиться открыто. Какие планы строит Андзё, спрашивал он себя, или, может быть, уже выстроил? Поправив мечи за поясом, он притворился, что обдумывает вопрос, находя при этом, что ему очень нравится его новое назначение. «Вновь я в центре власти. Это правда, Сандзиро помог мне утвердиться здесь, но преследовал он лишь свои цели: уничтожить меня, сделав до конца ответственным в глазах всех жителей Ниппона за те проблемы, которые принесли с собой проклятые гайдзины, и превратив таким образом в главную мишень для проклятых сиси, а затем присвоить себе потом наши наследственные права, наши богатства и сёгунат.

Ладно, я знаю, что замышляют он и его гончий пес Кацумата, каковы его истинные намерения в борьбе с нами, а также намерения его союзников из кланов Тоса и Тёсю. У него ничего не выйдет, я клянусь в этом своими предками».

– Как бы вы устранили Сандзиро?

Лицо Андзё потемнело, когда он вспомнил заключительную жестокую ссору с даймё Сацумы всего несколько дней назад.

Вспоминая об этом столкновении, Андзё покрылся потом, тем более что внутренне он признавал справедливость многого из того, что говорил Сандзиро.

— Сандзиро, возможно, считает, что нам до него не добраться, но это не так, — сказал он с непреложностью. — Поразмыслите и вы над этим, Ёси-доно, наш юный, но столь мудрый советник, как устранить его, или ваша голова может оказаться на пике гораздо скорее, чем вы думаете.

Ёси решил не обращать внимания на оскорбление и улыбнулся:

— Что советуют другие старейшины?

Андзё хохотнул, скривив рот:

— Они проголосуют так, как я скажу.

— Если бы вы не были родственником, я бы предложил вам удалиться от дел или совершить сеппуку.

— Какая жалость, что вы не ваш славный тезка и не можете на самом деле отдать такого распоряжения, а? — Андзё тяжело поднялся. — Я сейчас же пошлю ответ гайдзинам, чтобы задержать их. Завтра мы проведем официальное голосование о том, чтобы поставить Сандзиро на место... — Он в гневе повернулся к телохранителю, услышав, что дверь распахнулась. Ёси уже наполовину выдернул меч из ножен. — Я приказал...

Часовой взволнованно пробормотал:

— Прошу простить, Андзё-сама...

Гнев Андзё мигом улетучился, когда он увидел юношу, который оттолкнул часового с дороги и быстро вошел в комнату. Следом за ним вошла девушка едва пяти футов роста. И он, и она были в богатых одеяниях, на лицах читалось оживление. Четыре вооруженных самурая сопровождали их, отстав на несколько шагов. Позади самураев шествовали наставница и придворная дама из числа приближенных. Андзё и Ёси тут же опустились на колени и низко поклонились, коснувшись лбом татами. Пришедшие поклонились в ответ. Кроме юноши, сёгуна Нобусады. И девушки, принцессы императорского двора Иядзу, его супруги. Им обоим было по шестнадцать лет.

– Это землетрясение, оно уронило мою любимую вазу, – возбужденно заговорил юноша, нарочито не замечая Ёси. – Мою любимую вазу! – Он махнул рукой, чтобы закрыли дверь. Его телохранители остались, как и женщины из окружения его жены. – Я хотел сообщить вам, что мне пришла в голову замечательная мысль.

– Примите мои сожаления по поводу вазы, господин. – Голос Андзё звучал мягко. – Вам пришла в голову мысль?

– Мы... я решил, что мы, моя жена и я, мы... я решил, что мы поедem в Киото, дабы увидеть императора и спросить его совета, что нам делать с гайдзинами и как вышвырнуть их из страны! – Юноша с радостной улыбкой посмотрел на свою жену, и она кивнула ему в счастливом согласии. – Мы отправляемem в следующем месяце – государственный визит!

Андзё и Ёси почувствовали, как в мозгу у них полыхнула молния, обоим захотелось прыгнуть вперед и придушить этого мальчишку за его скудоумие. Но оба сдержали этот порыв, привыкшие уже к его высокомерной тупости и вспышкам раздражительности. И оба в тысячный раз проклинали тот день, когда был задуман и осуществлен брак этих детей.

– Это очень интересная мысль, господин, – осторожно заговорил Андзё, незаметно наблюдая за девушкой и отмечая про себя, что сейчас все ее внимание сосредоточилось на нем и что, хотя губы ее улыбались, глаза, как обычно, оставались серьезными. – Я передам это предложение Совету старейшин, и мы посвятим ему все наше время.

– Хорошо, – с важностью ответил Нобусада, худой, низкорослый молодой человек, который всегда носил гэта, сандалии на толстой подошве, чтобы казаться выше своих пяти с половиной футов. Его зубы были выкрашены в черный цвет, как то предписывала придворная мода Киото, хотя в сёгунате и не было такого обычая. – Три или четыре недели должны быть достаточным сроком, чтобы все приготовить. – Он с хитрым видом улыбнулся своей жене. – Я ничего не забыл, Иядзу-тян?

– Нет, господин, – ответила она с милой улыбкой, – как вы можете забыть что-нибудь?

Ее тонкое изящное лицо было раскрашено в классическом стиле императорского двора: собственные брови тщательно выщипаны, вместо них по беленой коже нарисованы высокие черные дуги, зубы

вычернены, густые волосы цвета воронова крыла убраны в высокую причёску и закреплены большими декоративными заколками. Пурпурное кимоно с богатым узором из осенних листьев, оби, широкий, тонко расшитый пояс, отливающий золотом. Принцесса императорского двора Иядзу, сводная сестра Сына Неба, ставшая супругой Нобусады шесть месяцев тому назад, чьей руки для него попросили, когда ей было двенадцать, с кем ее помолвили в четырнадцать и чьей женой она стала в шестнадцать.

– Конечно, ваше решение – это решение, а не предложение.

– Разумеется, высокочтимая принцесса, – быстро сказал Ёси. – Но прошу простить меня, господин, такие важные приготовления не могут быть закончены за четыре недели, это невозможно. Осмелюсь посоветовать вам учесть, что скрытый смысл такого визита может быть неправильно истолкован.

Улыбка исчезла с лица Нобусады.

– Скрытый смысл? Советовать? Какой скрытый смысл? Неправильно истолкован кем? Вами? – грубо произнес он.

– Нет, господин, не мной. Я лишь хотел указать, что еще ни разу сёгун не отправлялся в Киото, чтобы обратиться к императору за советом, и что подобное событие может стать гибельным для вашего правления.

– Почему? – сердито спросил Нобусада. – Я не понимаю.

– Потому что, как вы помните, высший долг сёгуна, который он передает по наследству, состоит в том, чтобы принимать решения за императора, вместе с Советом старейшин и сёгунатом. – Ёси старался, чтобы его голос звучал мягко. – Это позволяет Сыну Неба проводить все свое время, молясь богам за всех нас. И сёгунату надлежит следить за тем, чтобы мирская суeta не нарушала его *ва*.

– То, что говорит Торанага Ёси-сама, справедливо, муж мой, – раздался сладкий голосок принцессы Иядзу. – К сожалению, гайдзины уже нарушили его *ва*, как всем нам известно, поэтому испросить совета у моего брата, Подпирающего Главою Небо, несомненно, было бы проявлением одновременно вежливости и сыновней почтительности и не нарушило бы ничьих исторических прав.

– Да. – Юноша выкатил грудь. – Да будет так!

– Совет немедленно рассмотрит ваши пожелания, – сказал Ёси.

Лицо Нобусады исказила уродливая гримаса.

– Пожелания? – вскричал он. – Это мое решение! Можете сообщить им о нем, если желаете, но я его принял! Сёгун – я, а не вы! Я! Я принял решение! Я был избран, а вас они отвергли – все верные долгу даймё отвергли вас. Сёгун – я, родич!

Все пришли в ужас от такой несдержанности. Кроме девушки. Она улыбнулась про себя и подумала, не поднимая глаз: «Наконец-то моя месть начинает осуществляться».

– Это так, господин, – говорил между тем Ёси. Голос его звучал ровно, хотя кровь отхлынула от лица. – Но я являюсь опекуном и должен подать вам совет пересмотреть...

– Мне не нужны ваши советы! Никто меня не спрашивал, нужен ли мне опекун. Я не нуждаюсь в опекуне, родич, особенно в таком, как вы.

Ёси смотрел на юношу, который весь дрожал от гнева. «Когда-то я был совсем как ты, – холодно подумал он, – безвольной куклой, которой можно было приказывать одно, потом другое, которую можно было услатить прочь от собственной семьи, чтобы его усыновила другая, женить, изгнать, едва не погубить шесть раз, и все потому, что боги позволили мне родиться сыном моего отца, так же как и ты, жалкий глупец, родился сыном своего. Между нами много общего, но я никогда не был глупцом, всегда был воином, всегда знал, что меня используют, и теперь между нами огромная разница. Я перестал быть куклой. Сандзиро из земли Сацума еще не знает об этом, но он своими стараниями сделал меня кукольником».

– Покуда я опекун, я буду охранять и защищать вас, господин, – сказал он. Его глаза скользнули по девушке, такой крошечной и хрупкой внешне. – И вашу семью.

Она не встретила с ним взглядом. Это было излишне. Оба поняли, что война объявлена.

– Мы рады быть под вашей защитой, Торанага-сама.

– А я нет! – взвизгнул Нобусада. – Вы были моим соперником, теперь вы ничто! Через два года мне исполнится восемнадцать, и тогда я буду править один, а вы... – Его трясущийся палец нацелился в бесстрастное лицо Ёси, все вокруг стояли потрясенные – кроме девушки. – Если вы не научитесь покорности, я... вы будете изгнаны на Северный остров навечно. Мы-отправляемся-в-Киото!

Он круто повернулся. Стражник поспешно распахнул дверь. Нобусада торопливо вышел, провожаемый поклонами. Принцесса Иядзу последовала за ним, потом вышли все остальные. Когда они вновь остались одни, Андзё вытер пот с шеи.

– Она... она источник всего этого... возбуждения и «блестящих идей», – едко проговорил он. – С тех пор как она прибыла, этот идиот поглупел еще больше, и отнюдь не потому, что етит ее каждую ночь до умопомрачения.

Ёси был глубоко изумлен тем, что Андзё произнес столь очевидную, хотя и опасную вещь вслух, но виду не подал.

– Чай? – предложил он.

Андзё кивнул с мрачной миной, снова завидуя его красоте, уверенной невозмутимости и силе. «Кое в чем Нобусада не такой уж и дурак, – подумал он. – Я согласен с ним в отношении тебя, чем скорее убрать тебя с дороги, тем лучше, тебя и Сандзиро – от вас обоих жди беды. Интересно, не смог бы Совет проголосовать за то, чтобы ограничить твою власть опекуна или вовсе изгнать тебя? Ни для кого не секрет, что стоит этому глупому мальчишке увидеть тебя, как он сходит с ума от ярости – и она тоже. Не будь тебя, я сумел бы держать эту сучку в узде, сестра она там императору или нет. И подумать только, мало того что я сам в свое время выступал за этот брак, я еще довел до конца замысел тайро Ии, даже невзирая на сопротивление императора их союзу. Разве мы не отвечали отказом, когда он с неохотой предложил нам сначала свою тридцатилетнюю дочь, потом годовалого младенца, пока в конце концов он не уступил давлению и не согласился отдать за сёгуна свою сводную сестру?

Конечно, родственная связь Нобусады с императорской семьей укрепляет наши позиции против Сандзиро и других влиятельных даймё с окраин страны, а также против Ёси и всех тех, кто хотел, чтобы именно его избрали сёгуном. Эта связь станет могучим оружием в наших руках, как только она родит ему сына – это заодно смягчит ее и выпустит из нее яд. Она уже давно должна была бы забеременеть. Врач мальчика увеличит ему дозу женьшеня или даст ему немного особого снадобья, чтобы увеличить его силу, ужасно быть таким неспособным в его возрасте. Да, чем скорее она понесет от него, тем лучше». Он допил свой чай.

– Мы встретимся завтра на заседании Совета. – Оба небрежно поклонились друг другу.

Ёси вышел из комнаты и поднялся на стены башни. Ему был нужен свежий воздух и время, чтобы все обдумать. Внизу под собой он видел огромные каменные укрепления с тремя опоясывающими их рвами, один внутри другого, несокрушимые форпосты и подъемные мосты. Стены поражали своей чудовищной высотой. В замке свободно размещались пятьдесят тысяч самураев и десять тысяч лошадей, вместе с просторными павильонами, дворцами для избранных, преданных семей – при этом в кольце внутреннего рва жили только семьи рода Торанага – и садами повсюду.

В центральной башне, над и под ним, находились наиболее охраняемые жилые помещения и святая святых – апартаменты правящего сёгуна, его семьи, придворных и вассалов. А также сокровищница. В качестве опекуна Ёси тоже жил здесь – нежеланный сосед, которого постарались отселить подальше, но все же в безопасности и со своей собственной стражей.

За внешним рвом начинался первый пояс княжеских дворцов, охранявших подступы к замку. Это были огромные, богатые, широко раскинувшиеся резиденции, за которыми тянулся пояс дворцов поскромнее, потом еще один – из совсем уже скромных. Каждый из даймё в стране имел здесь свой дворец. Место для каждого определил сам сёгун Торанага и приказал возвести их в соответствии с новым введенным им законом санкин-котай.

«Что бы он сейчас посоветовал мне?

Во-первых, терпение, потом он процитировал бы Сунь-цзы: „Знай своего врага так, как ты знаешь себя самого, и тебе не страшны сто битв; если ты знаешь себя, но не знаешь врага, за каждую одержанную победу ты потерпишь также и поражение; если же ты не знаешь ни себя, ни врага, ты уступишь во всех битвах до единой“.

Я знаю кое-что о своем противнике, но недостаточно.

Я снова благословляю отца за то, что он заставил меня понять ценность образования, за то, что долгие годы он приставлял ко мне многих разных и необычных учителей, как японцев, так и иностранцев. Печально, что у меня не было дара к изучению языков, поэтому учиться приходилось через посредников: голландские купцы учили меня истории мира, английский матрос помог проверить

истинность того, что говорили голландцы, и открыл мне глаза – так же и Торанага использовал Андзин-сана в свое время, – и сколько их еще было.

Китайцы, которые рассказывали мне о науке управлять, о литературе, об „Искусстве войны“ Сунь-цзы; старый французский священник-ренегат из Пекина, который провел у нас полгода, знакомя меня с Макиавелли, он кропотливо переписывал его труды китайскими иероглифами, за что ему было позволено жить во владениях отца и вволю наслаждаться утехами Ивового Мира, который он обожал; американский пират, высаженный со своего корабля на берег в Идзу, который рассказал мне о пушках, об океанах травы под названием прерии, о главной твердыне американцев, которую он называл Белый дом, и о войнах, в которых они уничтожали туземцев, населявших раньше те земли; русский эмигрант, бежавший из края страшного холода под названием Сибирь, он утверждал, что он князь, владелец десяти тысяч рабов, и рассказывал удивительные истории про какие-то города, которые он называл Москва и Санкт-Петербург; и все остальные – некоторые проводили со мной всего несколько дней, другие оставались на месяцы, но никто не пробыл дольше года, никто из них не знал, кто я такой, и мне тоже было запрещено им говорить, отец всегда был так осторожен и скрытен и так ужасен в гневе».

В то время он не знал, что его прочат в сёгуны, да никто и не говорил ему об этом. Потом, четыре года назад, когда сёгун Иэси умер от оспы, а ему исполнилось двадцать два и он был готов, отец выдвинул его кандидатуру, но тайро Ии выступил против и победил – личная охрана Ии владела Дворцовыми Вратами.

Так сёгуном стал его двоюродный брат Нобусада. Сам Ёси, его семья, его отец и все их влиятельные сторонники оказались под строгим домашним арестом. Только когда Ии был убит, Ёси освободили и вернули ему его земли и титулы, ему и тем, кто остался в живых. Его отец умер, заключенный в стенах своего дома.

«Я должен был стать сёгуном, – подумал он уже в стомиллионный раз. – Я был готов к этому и сумел бы остановить распад сёгуната, смог бы по-новому привязать к нему всех даймё и устранил бы проблему гайдзинов. Я должен был бы получить в жены эту принцессу, я никогда не подписал бы Соглашений и не позволил бы переговорам складываться не в нашу пользу. Я сумел бы договориться

с Таунсендом Харрисом и начал бы новую эру осторожных изменений, с тем чтобы Япония смогла принять внешний мир в свою жизнь, двигаясь к этому своим шагом, а не понукаемая чужаками!

Однако пока что я не сёгун, Нобусадэ избрали сёгуном по всем правилам, Соглашения существуют, принцесса Иядзу существует, существуют Сандзиро, Андзё, и гайдзины бьют тараном в наши ворота».

Он поежился. «Мне нужно быть еще осторожнее. Отравление ядами – древнейшее искусство; днем ли, ночью, в воздухе может просвистеть стрела; за стенами замка сотни наемных убийц-ниндзя, готовых продать свое мастерство кому угодно. Да еще эти сиси. На все это должен быть какой-то ответ! В чем он заключается?»

Морские птицы, кружившие, перекликаясь между собой, над городом и замком, нарушили мозаику его мыслей. Он пристально посмотрел в небо. Ничто не предвещало смены погоды или бури, хотя это был месяц перемен, когда прилетают большие ветра и вместе с ними зима. Зима будет тяжелой в этом году. Пусть не такой голодной, как три года назад, но урожай собрали бедный, даже беднее, чем прошлой осенью...

«Погоди-ка! Что там говорил сегодня Андзё? Это еще напомнило мне о чем-то?»

Он повернулся и знаком подозвал одного из своих телохранителей, чувствуя, как его охватывает возбуждение.

– Приведите сюда этого соглядатая, рыбака, как его имя? Ах да, Мисамото. Тайно и без промедления доставьте его в мои покои – он содержится в караульном помещении Восточной стражи.

Глава 8

Вторник, 16 сентября

С первыми лучами солнца орудия флагмана с ревом салютовали сэру Уильяму одиннадцатью залпами, когда его катер подошел к трапу корабля. С берега ветер донес обрывки приветственных криков, все трезвое население собралось там, чтобы проводить флот, отплывающий в Эдо. Ветер набирал силу, море слегка рябило, небо покрывали редкие облака. Под свист боцманской дудки сэр Уильям торжественно поднялся на борт, Филип Тайрер за ним следом – остальные сотрудники миссии уже находились на сопровождающих их военных кораблях. Оба дипломата были во фраках и в цилиндрах. Тайрер держал руку на перевязи.

Они увидели адмирала Кеттерера, ожидавшего их на главной палубе, и рядом с ним Джона Марлоу. Оба офицера были в парадных формах – треуголки, синие мундиры с золотым позументом и пуговицами, белые рубашки, жилеты, панталоны и чулки, туфли с пряжками, до блеска начищенные сабли, – и у Филипа Тайрера сразу же мелькнула мысль: «Черт, каким красивым и элегантным и вместе с тем мужественным всегда выглядит Джон Марлоу в своем мундире, точно так же, как и Паллидар в своем. Дьявол меня заberi, если у меня есть парадная одежда, вообще любая одежда, если уж на то пошло, чтобы соперничать с ними! В сравнении с ними я беден как церковная мышь, даже еще не заместитель секретаря. Черт! Ничто так не льстит мужчине, как мундир, и не придает ему такого веса в женских глазах...»

Он едва не налетел на сэра Уильяма, который остановился на верхней ступеньке, когда адмирал и Марлоу вежливо отдали ему честь, не обратив на Тайрера никакого внимания. «Черт, – подумал он, – будь внимательнее, ты тоже на службе, тоже на побегушках у Великого Человека! Будь осторожен, стань просто частью окружающей обстановки, как все остальные. С того момента, когда ты прибыл вчера в Иокогаму, Крошка Вилли Винки ведет себя словно кот, которого ужалила в зад пчела».

– Доброе утро, сэр Уильям, добро пожаловать на борт.

– Благодарю вас. Доброе утро, адмирал Кеттерер. – Сэр Уильям приподнял шляпу, то же самое сделал за его спиной Тайрер, ветер играл фалдами их фраков. – Поднимайте паруса, если вам угодно. Остальные посланники находятся на французском флагмане.

– Хорошо. – Адмирал сделал знак Марлоу.

Марлоу тут же отдал честь, подошел к капитану, стоявшему на открытом мостике чуть впереди единственной трубы и грот-мачты, и отдал честь еще раз.

– Адмирал передает вам свое почтение, сэр. Берите курс на Эдо.

Команды начали быстро передаваться по цепочке вниз, матросы трижды выкрикнули здравицу, через мгновения якоря с размеренным пением были подняты, а в тесной котельной тремя палубами ниже бригады кочегаров, голых по пояс, затаили свою песню и стали чаще подбрасывать уголь в топки, кашляя и хрипло, с присвистом вдыхая никогда не оседавшую угольную пыль. С другой стороны перегородки, в машинном отделении, главный механик поставил машину на «средний вперед», и огромные поршни начали вращать вал гребного винта.

Деревянный крейсер-фрегат военно-морского флота ее величества «Эвриал» водоизмещением три тысячи двести тонн был построен в Чатеме восемь лет назад и имел три мачты и одну трубу, а также гребной винт. Он нес тридцать пять пушек и обычно имел команду из трехсот пятидесяти офицеров, матросов и морских пехотинцев, к которым добавлялись девяносто человек кочегаров и работников машинного отделения. Сегодня все паруса остались на реях, палубы были подготовлены к бою.

– Славный сегодня денек, адмирал, – говорил между тем сэр Уильям.

Они стояли на четвердеке, Филип Тайрер и Марлоу, молча поприветствовавшие друг друга, держались неподалеку.

– Пока что, – ворчливо согласился адмирал. Он всегда чувствовал себя скованно рядом со штатскими, особенно такими, как сэр Уильям, который был старше его по званию. – Моя каюта внизу в вашем распоряжении, если пожелаете.

– Благодарю вас. – Морские чайки перекликались у них за кормой, то кружа, то вдруг стремительно падая к самой воде. Сэр Уильям некоторое время наблюдал за ними, пытаясь побороть в себе

депрессию. – Благодарю вас, но я бы предпочел побыть на палубе. Полагаю, вы еще не знакомы с мистером Тайрером? Он наш новый ученик-переводчик.

Адмирал в первый раз взглянул на Тайрера.

– Добро пожаловать на борт, мистер Тайрер, кто-кто, а люди, говорящие на японском языке, нам здесь наверняка понадобятся. Как ваша рана?

– Не слишком плохо, сэр, благодарю вас, – ответил Тайрер, стараясь стать незаметным.

– Хорошо. Гнусное было дело. – Бледно-голубые глаза адмирала пробежали по морю и по его кораблю. Лицо с тяжелыми щеками было красным и обветренным, сзади на крахмальном воротнике лежала толстая складка кожи, наливавшаяся кровью по малейшему поводу. Адмирал Кеттерер повернулся к сэру Уильяму. – Так вы говорили? По вашему мне... – Порыв ветра тенькнул натянутыми снастями, мачты и реи скрипнули. Оба офицера подняли головы на такелаж, потом осмотрели небо и море вокруг, пробуя ветер. Пока никаких признаков опасности, хотя оба знали, что погода в этом месяце непредсказуема и шторм в этих водах часто налетает внезапно. – Так вы говорили? По вашему мнению, туземные власти, эти бакуфы, не выполняют наших требований?

– Без той или иной формы давления – нет. В полночь я получил от них еще одно извинение с просьбой об отсрочке на месяц, чтобы они могли «проконсультироваться с верховной властью», и всякой прочей ерундой в том же духе – бог мой, что-что, а влиять и тянуть время они умеют. Я отослал их чертова посланника назад с суровой отповедью и коротким, довольно грубым письменным требованием дать нам полное удовлетворение или пенять на себя.

– Совершенно правильно.

– Когда мы встанем на якорь у Эдо, не сможете ли вы произвести как можно больше приветственных залпов, дабы погромче обставить свое появление?

– Мы дадим королевский салют в двадцать один залп. Полагаю, эту экспедицию можно рассматривать как официальный визит к их королю. – Не поворачивая головы, адмирал рявкнул: – Мистер Марлоу, передайте приказ всем кораблям флота и спросите французского адмирала, не поступит ли он таким же образом.

– Слушаюсь, сэр. – Марлоу снова отдал честь и заспешил прочь.

– План для Эдо остается пока тем, на котором мы сошлись?

Сэр Уильям кивнул:

– Да. Я и мои люди сойдем на берег и поселимся в миссии – сотни солдат почетной стражи должно быть достаточно, это будут шотландские гвардейцы, их военная форма и волынки произведут наибольшее впечатление. Остальное все по утвержденному плану.

– Хорошо. – Адмирал встревоженно устремил взгляд вперед. – Мы увидим Эдо, когда обогнем вон тот мыс. – Его выражение лица стало жестче. – Побряцать оружием и дать несколько холостых залпов – одно дело, но я против того, чтобы обстреливать и жечь город без официального объявления войны.

– Будем надеяться, – осторожно сказал сэр Уильям, – что мне не придется просить лорда Палмерстона объявлять ее или самому официально отвечать на ее объявление японской стороной. Полный отчет находится сейчас на пути в Лондон. Ответ, однако, мы получим лишь через четыре месяца, а посему, как обычно, нам придется самостоятельно распорядиться ситуацией наилучшим образом. Эти убийства должны прекратиться, бакуфу необходимо поставить на место тем или иным способом. Момент сейчас для этого самый подходящий.

– Инструкции Адмиралтейства предписывают сохранять благоразумие.

– С той же почтой я послал срочную депешу губернатору Гонконга, извещая его о своих планах, спрашивая, на какие подкрепления в кораблях и солдатах мы могли бы рассчитывать в случае необходимости, и сообщая ему о состоянии мистера Струана.

– О? И когда это было, сэр Уильям?

– Вчера. У компании Струанов был здесь клиппер, мистер Макфей согласился, что дело не терпит ни малейших отлагательств.

– Весь этот инцидент, – ядовито заметил Кеттерер, – похоже, лишь прибавил Струанам известности, а вот о парне, которого убили, почти не упоминают, только и слышно: Струан, Струан, Струан.

– Губернатор является личным другом этой семьи, и сама семья... э-э... имеет очень хорошие связи и очень важна для торговых интересов ее величества в Азии и Китае. Очень.

– Мне они всегда казались бандой пиратов, торгующих опиумом, оружием, чем угодно, лишь бы это приносило прибыль.

– И то и другое – легальные предприятия, мой дорогой адмирал. Струаны – весьма достойное семейство, и у них есть весьма влиятельные друзья в парламенте.

На адмирала это не произвело никакого впечатления.

– Там тоже полным-полно олухов, клянусь Создателем! Уж извините за резкое выражение. Чертовы идиоты, которые большей частью пытаются сократить ассигнования на флот и урезать число кораблей – несусветная глупость, когда Англия всецело зависит от морской мощи.

– Я согласен. Для осуществления имперской политики нам необходим лучший флот и самые подготовленные и способные офицеры, – сказал сэр Уильям.

Марлоу, стоявший рядом с адмиралом, уловил в его словах не слишком завуалированную колкость. Быстрый взгляд на воротник начальника сзади подтвердил, что колючка вошла под кожу. Он приготовился к неизбежному.

– Имперская политика? Сдается мне, – резко произнес адмирал, – что Королевский флот большую часть времени проводит, вызволяя гражданских лиц и торговцев из всяких там вонючих капканов, когда их собственная алчность или двурушничество заводит их туда, куда им, прежде всего, и соваться было нечего. А что до этих ублюдков, – его толстый короткий палец показал через левый борт на Йокогаму, – так худшей толпы мошенников и негодяев я в своей жизни еще не видел.

– Некоторые из них действительно таковы, большинство же – нет. – Подбородок сэра Уильяма пополз вверх. – Без торговцев и торговли не было бы ни денег, ни империи, ни флота.

Пресловутая багровая складка на шее стала лиловой.

– Это без флота не было бы никакой торговли и Англия не стала бы величайшей державой на земле – самой богатой, самой великой империей, какую знавал мир, клянусь Богом.

Хрена с два, едва не крикнул ему в лицо сэр Уильям, но он знал, что если сделает это здесь, на четвердеке флагманского судна, адмирала хватит апоплексический удар, а Марлоу и каждый моряк, который его услышит, без чувств рухнут на палубу. Эта мысль

развеселила его и поубавила в нем желчности, скопившейся после бессонных ночей, проведенных в тревожных раздумьях о происшествии на Токайдо и его последствиях, в итоге ответ его прозвучал вполне дипломатично:

– Военно-морской флот – это старший род войск, адмирал. И многие разделяют ваше мнение. Полагаю, мы прибудем на место вовремя?

– Да, да, обязательно.

Адмирал расслабленно повел плечами, несколько смягчившись. У него болела голова от бутылки портвейна, которую он выпил после обеда, портвейну предшествовало сухое красное бордо. Корабль делал около семи узлов, это против ветра, что доставляло ему удовольствие. Он проверил походный порядок кораблей. Французский флагман, трехмачтовый двадцатипушечный колесный фрегат с обшитым металлическими листами корпусом, небрежно болтался справа по борту.

– Их рулевого следовало бы заковать в кандалы! А сам корабль не мешало бы заново покрасить, сменить такелаж, обкурить, чтобы избавиться от запаха чеснока, хорошенько выскоблить, черт подери, и протащить всю команду под килем. Вы не согласны, мистер Марлоу?

– Согласен, сэр.

Когда адмирал полностью удовлетворился осмотром, он снова повернулся к сэру Уильяму:

– Эти... эти Струаны и этот их так называемый Благородный Дом, неужели они действительно так влиятельны?

– Да. Их торговый оборот огромен, с их могуществом в Азии, особенно в Китае, не может сравниться никто, кроме «Брока и сыновей».

– Я, разумеется, видел их клиперы. Отменные красавцы, и все очень хорошо вооружены. – Адмирал добавил без экивоков: – Как перед Богом, надеюсь, они не сунутся сюда с опиумом или оружием.

– Лично я разделяю вашу точку зрения, хотя это и не противоречит существующему закону.

– Противоречит, если взять китайский закон. Или японский.

– Да, но есть ряд смягчающих обстоятельств, – устало проговорил сэр Уильям. Ему приходилось повторять все это уже десятки раз. – Я уверен, вам известно, что китайцы принимают только наличные

деньги, золото или серебро, за чай, который мы должны импортировать, и больше ничего. Это очень печально.

— Тогда пусть торговцы, парламент и дипломаты сами распутывают ими же завязанные узлы. Последние двадцать лет флот ее величества только и делал, что насаждал в Азии несправедливые законы, обстреливал китайские города и порты, совершал всевозможные военные акции, гнусные акции, в моем представлении, с единственной целью поддержать торговлю опиумом — это пятно на нашей репутации!

Сэр Уильям вздохнул. Его инструкции от постоянного заместителя министра были ясны: «Ради всего святого, Вилли, вы впервые становитесь посланником, вам теперь придется одному отвечать за все, поэтому будьте осторожны, воздерживайтесь от поспешных, опрометчивых решений, не рубите сплеча, если только это не будет продиктовано необходимостью. Вы редкий счастливчик, телеграфная линия уже достигла Багдада, поэтому мы можем посылать и принимать депеши оттуда за невообразимо короткие семь дней, добавьте еще шесть с небольшим недель парохомом до Йокогамы через Персидский залив, Индийский океан, с заходом в Сингапур и в Гонконг, и наши инструкции будут у вас через два месяца — это неслыханно. Каких-нибудь десять лет назад на это уходило от года до года с четвертью. Поэтому если вам понадобятся наставления, а в них вы будете нуждаться все время, если вы разумный человек, то с нашего повода вы соскочите месяца на четыре, и ваше благоразумие — это единственное, что будет защищать тогда вашу шею и нашу империю. Ясно?» — «Да, сэр». — «Правило первое: с военным начальством обращайтесь аккуратно, в бархатных перчатках, и не прибегайте к давлению на них слишком часто, ибо ваша жизнь и жизнь всех англичан в вашем регионе зависит от них. Они склонны быть толстолобыми, что само по себе прекрасно, потому что нам, разумеется, нужно много таких ребят, которые пойдут на край света и дадут убить себя, защищая нашу... э-э... политику нашей империи. Не раскачивайте лодку. Япония значения не имеет, но находится в нашей сфере влияния, и мы затратили значительное время и деньги, не давая протиснуться туда русским, американцам и французам. Не растревожьте нашего японского гнездышка, у нас и без того забот хватает с непокорными индийцами, афганцами, арабами,

африканцами, персами, карибийцами, китайцами, не говоря уже о чертовых европейцах, американцах, русских и так далее. Мой милый, милый Вилли, будьте дипломатом и не накормите нас дерьмом, а то!..»

Сэр Уильям еще раз вздохнул, запрятал поглубже свое раздражение и повторил то, что говорил уже десятки раз, – правду:

– Многое в ваших словах справедливо, но мы, к сожалению, должны быть практичны, без доходов, которые приносит чай и чайная торговля, вся британская экономика рухнет. Давайте же будем надеяться, что через несколько лет поля опиумного мака в нашей Бенгалии можно будет выжечь дотла. Пока же нам необходимо запастись терпением.

– Пока же я предлагаю наложить здесь эмбарго на всю торговлю опиумом, любым современным вооружением, современными боевыми кораблями и рабами.

– Насчет работорговли я, разумеется, согласен, она вне закона еще с тридцать третьего года! – Голос сэра Уильяма заметно напрягся. – Американцев давно об этом проинформировали. Что же касается остального, это будет решать Лондон.

Подбородок адмирала задрался еще выше.

– Что же, сэр, я наделен некоторой властью в этих водах. Можете принять к сведению, что я ввожу такое эмбарго с сего момента. До меня дошли тревожные слухи о том, что компания Струана заказала большую партию ружей и пушек для продажи, они уже продали здешним туземцам три или четыре парохода с пушками на борту, и джапы оказались слишком толковыми учениками, чтобы мне это нравилось. С завтрашней почтой я пошлю официальное донесение в Адмиралтейство с просьбой настоять на том, чтобы мои приказания получили силу закона.

Лицо посланника пошло пятнами, он потверже уперся ногами в палубу.

– Восхитительная идея, – произнес он ледяным тоном. – Я отправлю свою депешу с той же почтой. А пока что вы не можете отдать такой приказ без моего одобрения, и до получения указаний из министерства иностранных дел статус-кво останется статус-кво!

Оба их помощника побледнели. Адмирал уперся взглядом в сэра Уильяма, который был одного с ним роста. Любой из офицеров и

большинство людей вообще сникли бы под этим взглядом, но сэр Уильям лишь не мигая посмотрел на него в ответ.

– Я... я подумаю над вашими словами, сэр Уильям. А сейчас извините, мне нужно заняться делами. – Адмирал повернулся и, громко топая, направился к капитанскому мостику. Марлоу на негнущихся ногах двинулся за ним. – Ради Создателя, Марлоу, перестаньте вы бегать за мной, как собачонка! Если вы мне понадобится, я вам крикну. Будьте там, где до вас можно докричаться!

– Слушаюсь, сэр. – Когда адмирал отошел достаточно далеко, Марлоу сделал выдох.

Сэр Уильям тоже выдохнул, промокнул вспотевший лоб и пробормотал:

– Я просто до жути рад, что не служу в Королевском флоте.

– Я тоже, – сказал Тайрер, пораженный мужеством посланника.

Сердце бешено колотилось в груди у Марлоу, он не выносил, когда на него орали, даже если это был адмирал, однако он не забыл о чести мундира.

– Я... э-э... прошу прощения, сэр, но флот чувствует себя очень уверенно в его руках, сэр, и в ходе этой экспедиции тоже. И мы все считаем, что он совершенно прав касательно продажи кораблей, пушек, ружей и опиума. Японцы уже строят свои корабли и изготавливают небольшие пушки, в этом году их первый железный пароход, трехсоттонный «Канрин Мару», добрался до Сан-Франциско. Капитан и вся команда – одни японцы. Они покорили океан. Это замечательное достижение для такого короткого срока.

– Да, да, я знаю.

Сэр Уильям ненадолго задумался о том, как пошли дела в Вашингтоне у японской делегации, отправившейся на этом пароходе, и какие новые козни затеет теперь против нашей славной империи президент Линкольн.

«Разве не очевидно, что мы нуждаемся в хлопке Конфедерации для наших ткацких фабрик в Ланкашире, которые разоряются одна за другой? В то же время разве мы не впадаем во все бóльшую и бóльшую зависимость от обильных поставок пшеницы, кукурузы, мяса и других товаров из Северных Штатов? – Его передернуло. – Черт бы побрал эту войну! А также всех политиков, и Линкольна – первого. Это же надо сказать такое, и не где-нибудь, а в мартовской речи по

случаю вступления на пост президента: „...эта страна принадлежит ее народу, и всякий раз, когда он устанет от своего правительства, он может воспользоваться своим конституционным правом, чтобы сменить его, либо своим революционным правом, чтобы распустить или свергнуть его...“

Звучит по меньшей мере как подстрекательство! Если эта идея распространится в Европе!.. Бог мой! Ужасно! Война с Америкой может вспыхнуть в любой день, уж определенно на море. Хлопок нам просто необходим».

Марлоу тем временем натянуто говорил:

– Надеюсь, вы не попеняете мне, сэр, что я изложил вам свое мнение о позиции адмирала Кеттерера.

– О нет, что вы. – Сэр Уильям сделал над собой усилие, пытаясь прогнать тревогу. – Я постараюсь избежать войны, но если ее не миновать, мы будем драться. Вы совершенно правы, мистер Марлоу, и я, разумеется, считаю честью для себя работать с адмиралом Кеттерером, – сказал он и сразу же почувствовал себя лучше. – Наше расхождение во взглядах касается вопросов протокола. Да, но в то же время мы должны поощрять японцев к индустриализации и мореходству, один корабль или даже два десятка – не повод для беспокойства. Мы должны поощрять их. Мы здесь не для того, чтобы колонизировать их страну, но именно мы должны стать их учителями, не голландцы и не французы. Спасибо, что напомнили мне: чем сильнее наше влияние, тем лучше. – Он чувствовал в себе подъем. Ему редко представлялась возможность вот так свободно побеседовать с кем-то из молодых, но быстро продвигающихся по службе капитанов, а Марлоу произвел на него очень хорошее впечатление, и здесь, и в Канагаве. – Скажите, а все офицеры с таким презрением относятся к торговцам и штатским лицам?

– Нет, сэр. Но я не думаю, что многие из нас хорошо их понимают. У нас иная жизнь, иные ценности. Иногда это бывает для нас сложно. – Основное внимание Марлоу было приковано к адмиралу, который разговаривал с капитаном на мостике, – вообще все стоявшие поблизости, кто спиной, кто боком, ощущали его присутствие. Солнце прорвалось сквозь неплотную завесу облаков, и в ту же секунду день как-то повеселел. – Служить во флоте – это... ну, это всегда было единственным желанием в моей жизни.

– Служба во флоте ваша семейная традиция?

– Да, сэр, – тут же с гордостью ответил Марлоу.

«Мой отец – капитан, – хотелось добавить ему, – служит дома, как и его отец, мой дед, который был флаг-адъютантом при адмирале Коллингвуде на „Королевском сюзерене“ у Трафальгара. Все мои предки служили во флоте с тех самых пор, как у нас вообще появился флот. А до этого, как повествует легенда, они выходили в море на каперах из Дорсета, откуда происходит мой род. Мы живем там, в одном и том же доме, уже более четырехсот лет». Но он не сказал ни слова: полученное воспитание говорило ему, что это будет звучать как хвастовство. Он просто добавил:

– Наша семья родом из Дорсета.

– А моя – с севера Англии, из Нортамберленда, мы живем там из поколения в поколение, – рассеянно произнес сэр Уильям, взгляд его все так же был устремлен на мыс, мысли заняты бакуфу. – Отец мой умер, когда я был еще молод. Он был членом парламента, имел деловые интересы в Сандерленде и Лондоне, занимался балтийской торговлей и русскими мехами. Моя мать была русской, поэтому я вырос, зная два языка, и это поставило меня на первую ступеньку в министерстве иностранных дел. Она была... – Он спохватился как раз вовремя, удивляясь тому, что так разоткровенничался.

Он собирался сказать, что она была урожденной графиней Свевской и доводилась родственницей Романовым, что она до сих пор жива и одно время являлась фрейлиной королевы Виктории. «Мне действительно необходимо сосредоточиться – история моей семьи вовсе не их ума дело».

– Э-э... а вы, Тайрер?

– Лондон, сэр. Отец – стряпчий, как и его отец до него. – Филип Тайрер рассмеялся. – После того как я получил степень в Лондонском университете и сказал ему, что хочу поступить на службу в министерство иностранных дел, с ним едва удар не сделался! А когда я подал прошение назначить меня переводчиком в Японию, он заявил, что я совсем ополоумел.

– Возможно, он был прав. Вы здесь всего две недели, а вам уже, можно сказать, чертовски повезло, что вы остались в живых. Вы не согласны, Марлоу?

– Да, сэр. Это так. – Марлоу решил, что подходящий момент наступил. – Филип, кстати, как себя чувствует мистер Струан?

– По выражению Джорджа Бебкотта, ни хорошо ни плохо.

– От души надеюсь, что он все-таки поправится, – сказал сэр Уильям, ощутив внезапную резь в животе.

– Оглянуться не успеете, сэр, как мы подойдем к Эдо. Ваше прибытие будет самым впечатляющим, такого они в своей жизни не видели. Вы получите убийц, компенсацию – вообще все, что пожелаете, – уловив беспокойство на лице сэра Уильяма, произнес Марлоу.

– Да. Ну, я, пожалуй, спущусь вниз ненадолго... нет, благодарю вас, мистер Марлоу, я знаю дорогу.

Оба молодых человека с огромным облегчением проводили его взглядом. Марлоу нашел глазами адмирала и убедился, что пока ему не нужен.

– Что произошло в Канагаве после того, как я уехал, Филип?

– Это было, ну, потрясающе... она была потрясающей, если вы об этом спрашиваете.

– Как это?

– Около пяти часов она сошла вниз и сразу направилась к Малкольму Струану. Она пробыла у него до самого ужина – как раз за столом я ее и увидел. Она показалась... показалась мне старше... нет, это слово тоже не вполне подходит, не старше, а как-то серьезнее, что ли, чем раньше, словно кто-то управлял ее телом помимо ее воли. Джордж говорит, что она еще не вполне оправилась от шока. За ужином сэр Уильям сказал, что отвезет ее назад в Иокогаму, но она лишь поблагодарила его и отказалась ехать, сказала, что сначала должна быть уверена, что с Малкольмом все будет хорошо, и ни он, ни Джордж, никто из нас не смогли убедить ее уехать. Она почти ничего не ела и сразу же вернулась к нему в палату, оставалась с ним весь вечер и даже попросила устроить ей там постель, чтобы иметь возможность подойти к нему, если он ее позовет. По сути, следующие два дня, до вчерашнего, когда я вернулся в Иокогаму, она не отходила от него ни на шаг, и мы едва обменялись с ней десятком слов.

– Должно быть, она любит его. – Марлоу скрыл тяжелый вздох.

– Вот в этом-то и заключается главная странность. Я не думаю, что причиной этому любовь, и Паллидар тоже так не считает.

Впечатление такое, будто она... ну, сказать «опустошена изнутри» было бы слишком сильно. Она, скорее, живет наполовину во сне, а рядом с ним, видимо, чувствует себя в безопасности.

– Господь милосердный! А что говорит наш костолом?

– Он просто пожал плечами, когда мы спросили, и сказал, что надо подождать и не беспокоиться понапрасну и что она помогает Малкольму Струану лучше любых лекарств.

– Могу себе представить. Как он, если откровенно?

– Большую часть времени как в дурмане – доктор дает ему свое питье. Сильно мучается, его много рвет, и он ходит под себя какой-то жижей... не представляю, как она выносит всю эту вонь, хотя окна в палате постоянно открыты.

Мысль о том, что любой из них может получить такое тяжелое ранение и оказаться таким беспомощным, наполнила обоих страхом. Тайрер отвернулся и посмотрел вперед, чтобы глаза не выдали его. В глубине его души еще таились тягостные думы о том, что рана на руке пока не затянулась и еще может нагноиться и что по ночам его до сих пор мучают кошмарные видения: самураи, окровавленные мечи и она.

– Всякий раз, когда я заходил, чтобы проведать Струана – и, если честно признаться, увидеть ее, – продолжал он, – она отвечала мне лишь короткими «да», «нет», «не знаю», так что через некоторое время я сдался. Она... она все так же привлекательна.

Марлоу задумался: не будь Струана, так ли недостижима была бы для него Анжелика? Насколько серьезным соперником может оказаться Тайрер? Паллидара он заранее сбросил со счетов: класс не тот – не может же ей в самом деле нравиться этот помпезный олух.

– Господи, смотрите! – воскликнул Тайрер.

Корабль обогнул мыс, и им открылась широкая панорама залива Эдо: справа – море до самого горизонта, слева – окутанный, как саваном, дымом кухонных костров огромный город и возвышающийся над ним замок. К их крайнему удивлению, залив был почти пуст: ни паромов, ни сампанов, ни рыбацких лодок, которых в обычное время было здесь великое множество. Те немногие, что оставались, спешили к берегу.

Тайрер почувствовал глубокую тревогу:

– Будет война?

Помолчав недолго, Марлоу сказал:

– Ну, предупреждение они получили. Большая часть офицеров думает, что нет, полномасштабной войны пока не будет, на этот раз – нет. Так, отдельные стычки... – Потом, поскольку Тайрер ему нравился и он восхищался его мужеством, он открыл ему свои мысли: – Будут отдельные стычки и инциденты, малые и большие, некоторые из наших погибнут, другие обнаружат, что они трусы, третьи станут героями, большинство время от времени будет охватывать ужас, кого-то представят к награде, но мы, разумеется, победим.

Тайрер задумался над его словами, вспоминая уже пережитый им страх и слова Бебкотта, убедившие его, что первый раз всегда самый трудный, вспоминая, как храбро бросился Марлоу в погоню за убийцей, как ослепительна была Анжелика и как чудесно быть живым, молодым, здоровым и уверенно стоять одной ногой на первой ступени лестницы, на верху которой его ждет пост министра. Он улыбнулся. Теплота его улыбки согрела и Марлоу тоже.

– В любви и на войне все средства хороши, не так ли? – сказал он.

Анжелика сидела у окна в больничной палате Канагавы, неподвижно глядя в пространство. Солнце время от времени пробивалось сквозь белые пушистые облака, похожие на пуховку из ее пудреницы. У носа она держала сильно надушенный платочек. Позади нее Струан лежал на постели, наполовину во сне, наполовину бодрствуя. В саду постоянно ходили патрули. После ночного нападения бдительность была удвоена, из лагеря под Йокогамой прибыли подкрепления; Паллидар временно исполнял обязанности начальника гарнизона.

Легкий стук в дверь заставил ее очнуться от грез.

– Да? – отозвалась она, пряча платок в ладони.

Это был Лим. Рядом с ним стоял китаец с подносом.

– Кушать для масса. Мисси кушать хочет, хейя?

– Поставьте туда! – приказала она, указав рукой на прикроватный столик. Она уже собиралась распорядиться, чтобы и ее поднос принесли сюда, как обычно, потом передумала, считая, что ничего страшного не случится, если она поест в другом месте. – Сегодня... сегодня вечером мисси кушать столовая. Твоя понимает, хейя?

– Понимаит. – Лим рассмеялся про себя, зная, что она пользуется платком, когда думает, что остается одна. «Ай-йя, интересно, нос у нее

такой же маленький и изящный, как и другая ее часть? Запах? Что это за запах, на который все они жалуются? Здесь пока нет запаха смерти. Следует ли мне сказать сыну тайпана, что новости из Гонконга скверные? Ай-й-йа, нет, пусть он лучше сам узнает». – Понимает. – Лим широко улыбнулся и вышел.

– *Chéri?* – Механически она поднесла к его лицу чашку с куриным супом.

– Потом, спасибо, дорогая, – ответил Малкольм Струан, как она и ожидала. Голос его звучал слабо.

– Попробуй съесть немного, – настаивала она, как обычно, но он снова отказался.

Она вернулась к своему стулу у окна и к своим мечтам... она снова дома, в Париже, в полной безопасности, в огромном особняке дяди Мишеля и ее обожаемой тети Эммы, высокородной англичанки, которая заменила ей мать и воспитала ее и ее брата, когда их отец так много лет назад уехал в Гонконг; Эмма устраивает званые обеды и совершает верховые прогулки по Булонскому лесу на своем знаменитом жеребце, предмете всеобщей зависти, чаруя многочисленных аристократов, выслушивая в ответ комплименты и принимая ухаживания, а потом, о, так изящно склоняется перед императором Луи Наполеоном, племянником Наполеона Бонапарта, и императрицей Евгенией, которые с благосклонной улыбкой кивают ей.

Ложи в театрах, «Комеди Франсез», лучшие столики у «Труа Фрер Прованс», ее совершеннолетие, непрекращающиеся разговоры о ней как о главном открытии года, дядя Мишель, повествующий о своих приключениях за игорным столом и на скачках, шепотом рассказывающий рискованные анекдоты о своих друзьях из высшего света, о своей любовнице, графине Бофуа, такой прекрасной, обворожительной и преданной.

Все это, разумеется, не более чем мечты, ибо он всего-навсего один из младших заместителей в министерстве обороны, а Эмма, хотя и англичанка, да, но всего лишь актриса бродячей шекспировской труппы, дочь простого клерка, и у них нет таких денег, чтобы дать Анжелике все внешние атрибуты преуспевания, столь необходимые ей в столице мира, нет денег на красивую лошадь или лошадиную пару с коляской, в которых она так отчаянно нуждалась, чтобы пробиться в настоящее общество, в подлинный высший свет, где можно встретить

человека, который женится на ней, а не просто сделает ее своей содержанкой, чтобы вскоре бросить, перелетев на более юный, более свежий цветок.

– Пожалуйста, пожалуйста, ну пожалуйста, дядя Мишель, это так важно!

– Я знаю, моя капусточка, – печально сказал он в день ее семнадцатилетия, когда она умоляла его купить ей заранее присмотренного мерина и подходящий костюм для верховой езды. – Я больше ничего не могу сделать, мне уже не к кому обратиться за услугой, я не знаю, кому еще можно попробовать выкрутить руки, каких ростовщиков еще можно уговорить дать мне ссуду. Я не знаю государственных тайн, которые можно было бы продать, у меня нет знакомых принцев, которых я мог бы возвести на престол. Я должен думать и о твоём младшем брате, и о нашей дочери.

– Но пожалуйста, дядя, дорогой.

– У меня есть одна идея, последняя, и достаточно франков, чтобы оплатить скромный проезд на другой конец света к твоему отцу. Купить тебе кое-что из одежды, не больше.

Потом ей шили гардероб – у превосходной портнихи, – потом были примерка, подгонка, переделка и, о да, зеленое шелковое платье сверх первоначального заказа – дядя Мишель, конечно, не станет возражать, – потом захватывающее путешествие по железной дороге в Марсель, первое в ее жизни, потом пароходом до Александрии в Египте, дальше сушей до Порт-Саида, мимо Суэца и первых котлованов канала, который задумал мсье де Лессепс и который, как считали все знающие, разумные люди, являлся просто еще одним способом выкачать денежки из акционеров и посему никогда не будет достроен, а если и будет, то частично осушит Средиземное море, ибо его уровень выше, чем уровень моря на юге. Потом – дальше; и с самого начала – мольбами, уговорами, хитростью, все, как положено, – первым классом:

– На самом деле разница ведь такая крохотная, дорогой, дорогой дядя Мишель...

Сладко пахнущие ветра, новые лица, экзотические ночи и ясные дни – начало большого приключения, а на том конце этой радуги – красивый богатый муж, такой как Малкольм. И вот теперь все рухнуло из-за какого-то грязного туземца!

«Почему я не могу просто думать о чем-нибудь хорошем? – вдруг с болью спросила она себя. – Почему все приятные мысли перетекают в плохие, плохие – в ужасные, и тогда я начинаю думать о том, что действительно произошло, и плачу?

Прекрати, – приказала она себе, прогоняя слезы. – Держи себя в руках. Будь сильной!

Прежде чем выйти тогда из комнаты, ты приняла решение: ничего не случилось, ты будешь вести себя как обычно, пока не наступят месячные. Когда они наступят – они наступят, – ты будешь в безопасности.

А если... если не наступят?

Не думай об этом. Господь не допустит, чтобы твое будущее было разорвано в клочья, это было бы несправедливо. Ты будешь молиться и останешься подле Малкольма, молясь и за него тоже, ты будешь изображать Флоренс Найтингейл, и тогда, возможно, ты выйдешь за него замуж».

Она повернула к нему голову, глядя поверх платочка. К ее удивлению, он лежал с открытыми глазами и смотрел на нее.

– Запах все такой же отвратительный? – печально спросил он.

– Нет, *chéri*, – ответила она, довольная тем, что эта ложь звучала с каждым разом все искреннее и требовала все меньше усилий. – Немного супа, да?

Он устало кивнул, сознавая, что ему необходимо поесть, но что любая пища неизбежно извергнется обратно, терзая швы внутри его и снаружи, и боль, приходившая вслед за этим, снова заставит его стонать и корчиться, лишая достоинства, как бы он ни пытался справиться с ней.

– *Дью не ло мо*, – пробормотал он кантонское ругательство. Кантонский был его первым языком.

Она поднесла чашку, он сделал глоток, она вытерла ему подбородок, и он выпил еще. Половина его существа хотела приказать ей уйти и не появляться, пока он снова не встанет на ноги, вторая половина смертельно боялась, что она уйдет и никогда не вернется.

– Извините за все это... я так счастлив, что вы здесь.

Вместо ответа она лишь нежно коснулась его лба: ей хотелось уйти, хотелось вдохнуть свежего воздуха, поэтому она боялась открыть

рот. «Чем меньше ты будешь говорить, тем лучше, – решила она с самого начала. – Тогда ты не угодишь в ловушку».

Она смотрела, как ее руки ухаживают за ним, помогают ему поудобнее устроиться на подушке, успокаивают его, и все это время возвращалась мыслями к привычной для себя жизни, в Гонконге или в Париже, большей частью в Париже. Ни разу не позволяла она себе останавливаться на полуяви-полусне той ночи. Днем – никогда, слишком опасно. Только ночью, заперев дверь на засов, одна, в безопасности своей кровати, открывала она плотину в своем сознании и выпускала неистовый поток мыслей и воспоминаний на свободу.

Стук в дверь.

– Да?

В комнату вошел Бебкотт. Она почувствовала, что краснеет под его взглядом. «Почему мне кажется, что он всегда может прочесть мои мысли?»

– Вот зашел проведать, как дела у моих пациентов, – бодро произнес он. – Ну-с, мистер Струан, как вы себя чувствуете?

– Примерно так же, благодарю вас.

Острый глаз Бебкотта подметил, что чашка с супом наполовину опустела, но рвоты еще не было, простыня была чистой. Хорошо. Он взял кисть Струана. Пульс учащенный, но ровнее, чем вчера. Лоб все еще липкий от пота, и температура пока держится, но и она упала по сравнению со вчерашним днем. «Осмелюсь ли я надеяться, что он действительно выкарабкается?» Его рот тем временем говорил, насколько лучше идут сегодня дела у больного, что все это заслуга юной леди, ее внимательный уход, что он тут ни при чем, – каждый раз одно и то же. «Да, но больше говорить почти нечего, так много еще остается в руках Господа, если Он вообще существует. Почему я всегда добавляю это слово? Если».

– Если дела и дальше пойдут так же хорошо, я думаю, нам нужно будет перевезти вас назад в Йокогаму. Может быть, завтра.

– Это неразумно, – тут же вырвалось у нее. Мысль о том, что она может лишиться своего убежища, напугала ее, и слова прозвучали резче, чем ей бы хотелось.

– Прошу прощения, но как раз наоборот, – мягко возразил Бебкотт, тут же стараясь успокоить ее, восхищаясь ее стойкостью и заботой о Струане. – Я не стал бы этого советовать, будь это связано с

риском, но переезд в самом деле был бы наиболее разумным решением. Дома мистеру Струану было бы гораздо удобнее, он получал бы больше помощи.

– *Mon Dieu*, что еще я могу делать? Он не должен уезжать, пока еще рано, рано.

– Послушайте, дорогая, – сказал Струан, стараясь, чтобы его голос звучал твердо. – Если доктор полагает, что я могу вернуться, это и вправду было бы хорошо. Это освободило бы вас и все бы упростило.

– Но я не хочу, чтобы меня освобождали. Я хочу, чтобы мы остались здесь, чтобы все было так же, как сейчас, без... без всякой спешки.

Она чувствовала гулкие удары сердца в груди и понимала, что все это похоже на истерику, но переезд не входил в ее планы, она даже не задумывалась о нем. «Дура, какая же ты дура! Ты должна была сообразить, что им, конечно же, придется перевезти его. Думай! Что ты можешь сделать, чтобы помешать этому?»

Но оказалось, что мешать ничему не нужно. Пока разум ее метался в поисках решения, Струан говорил, что ей не из-за чего переживать, в Поселении гораздо лучше, там она будет в большей безопасности, да и ему будет спокойнее, там десятки слуг, а в фактории Струанов полным-полно комнат, и, если она пожелает, ей отведут комнату рядом с его апартаментами, и она сможет жить там, приходить или уходить, когда ей будет угодно, и к нему она будет иметь доступ в любое время дня и ночи.

– Прошу вас, не волнуйтесь, я хочу, чтобы вы тоже были всем довольны, – заверил он ее. – Вам там будет удобнее, я обещаю, а когда я поправлюсь, я...

Он схватился руками за живот, и его вырвало.

Вымыв его и дав ему снотворное, Бебкотт тихо сказал ей:

– В Поселении ему действительно будет лучше. Там у меня больше помощников, больше материалов, здесь почти невозможно содержать все в чистоте. Ему нужен... извините, но ему нужен более сильный помощник. Вы делаете для него больше, чем можете себе представить, но с некоторыми вещами его китайские слуги справятся лучше. Извините за прямоту.

– Вам не к чему извиняться, доктор. Вы правы, и я все понимаю.

Ее мозг лихорадочно работал. «Комната рядом с комнатой Малкольма станет идеальным решением, и там будут слуги и будет во что переодеться. Я найду портниху и закажу ей красивые платья, рядом со мной всегда будет горничная, как того требуют приличия, и там я смогу все держать в руках – и Малкольма, и свое будущее».

– Для меня важно лишь то, что лучше для него, – сказала она и добавила, понизив голос, потому что ей нужно было знать: – Сколько он еще пробудет вот так?

– Прикованным к постели и относительно беспомощным?

– Да. Пожалуйста, скажите мне правду. Прошу вас.

– Я не знаю. По меньшей мере две или три недели, возможно, дольше, и он будет не слишком подвижен месяц или два после этого. – Доктор бросил короткий взгляд на неподвижное тело на кровати. – Я бы предпочел, чтобы вы не говорили ему об этом. Это лишь понапрасну его расстроит.

Она кивнула в ответ своим мыслям, довольная и успокоившаяся: все устроилось как нельзя лучше.

– Не волнуйтесь, я не скажу ни слова. Я буду молиться, чтобы он скорее поправился, и обещаю помогать всем, что в моих силах.

Покидая ее, доктор повторял про себя снова и снова: «Боже, какая удивительная женщина! Будет Струан жить или умрет, ему уже повезло, что его так любят».

Глава 9

Салют из двадцати одного залпа со всех шести кораблей, пришедших с флагманом и стоявших теперь на якоре у Эдо, громовым эхом перекатывался над заливом и над городом. Весь личный состав флота охватило радостное возбуждение и чувство гордости от осознания своей мощи и того, что время расплаты пришло.

– Дальше этого нам идти не придется, сэр Уильям, – ликовал Филип Тайрер, стоя рядом с ним у борта; запах кордита ударял ему в голову.

Город был неогляден. Затаился в молчании. Громада замка царила над ним.

– Посмотрим.

На капитанском мостике флагмана адмирал тихо говорил генералу:

– Это должно окончательно убедить вас, что наш Крошка Вилли всего лишь надувшийся попугай, одержимый манией величия. Королевский салют может идти ко всем чертям. Нам теперь лучше смотреть в оба, пока нас не обошли с флангов.

– Вы правы, клянусь Юпитером! Да. Я добавлю это к своему докладу, который ежемесячно отсылаю в военное министерство.

На палубе французского флагмана Анри Сератар попыхивал своей трубкой и смеялся вместе с русским посланником.

– *Mon Dieu*, мой дорогой граф, сегодня поистине счастливый день! Честь Франции будет восстановлена посредством обычного английского высокомерия. Сэр Уильям неминуемо потерпит поражение на переговорах. Ха, никогда еще коварный Альбион не был так коварен.

– Да. Отвратительно, что это их флот, а не наш.

– Но скоро ваши эскадры и наши заменят их здесь.

– Да. Так, значит, наше тайное соглашение принято? Когда англичане уйдут, мы забираем себе Северный остров плюс Сахалин, Курилы и все острова, соединяющие Японию с русской Аляской, а Франция – все остальное.

– Принято. Как только Париж получит мой меморандум, я уверен, он будет ратифицирован на самом высоком уровне, тайно. – Сератар улыбнулся. – Когда образуется вакуум, наш долг дипломатов состоит в том, чтобы заполнить его...

Вместе с канонадой в воздухе над Эдо разорвался и повис великий страх. Все остававшиеся скептики присоединились к толпам людей, запружавшим каждую дорогу, мост и улицу: жители покидали город, прихватив с собой те немногие пожитки, что могли унести на себе, – разумеется, нигде никаких колес. Все ожидали, что разрывающиеся снаряды и ракеты, о которых они слышали, но которых никогда не видели, вот-вот прольют огонь с неба, и их город запылает и будет гореть, гореть, гореть, и они сгорят вместе с ним.

«Смерть гайдзинам», – было на устах у всех.

«Скорее... дайте дорогу... скорее!» – кричали люди, то тут, то там вспыхивала паника, кого-то давили под ногами, сталкивали с мостов, втискивали в двери домов, большинство же стоически продолжало двигаться вперед, но всегда в противоположную от моря сторону. «Смерть гайдзинам!» – повторяли они, оставляя свои жилища.

Великий исход начался сегодня утром, едва лишь флот успел поднять якоря в бухте Йокогамы, хотя наиболее дальновидные торговцы еще три дня назад потихоньку наняли лучших носильщиков и исчезли вместе со своими семьями и всеми ценностями, когда первые слухи о печальном происшествии и о возмущении и требованиях иностранцев, которые за ним последовали, пронеслись по городу.

Только самураи в замке и гарнизоны наружных оборонительных укреплений и форпостов оставались на месте. И, как всегда и везде, отбросы городских улиц – как на четырех, так и на двух ногах – крались, принохиваясь, среди незапиравшихся домов в поисках всего, что можно было бы украсть и потом продать. Крали очень мало. Мародерство считалось особенно страшным преступлением, и с незапамятных времен всех, кто нарушил этот закон, упорно преследовали и, поймав, распинали. Любая форма воровства каралась таким же образом.

В центральной башне замка сёгун Нобусада и принцесса Иядзу, дрожа, притаились за тонкой ширмой, обняв друг друга. Их стража,

прислужницы и двор были готовы немедленно покинуть замок и ожидали только разрешения опекуна. Повсюду в замке воины готовили глубокую оборону, другие седлали лошадей и навьючивали на них наиболее ценное имущество старейшин для отправки вглубь страны вместе с самими владельцами сразу же, как только начнется обстрел или Совету донесут, что войска противника высаживаются на берег.

В зале Совета на спешно созванной встрече старейшин Ёси говорил:

– Повторяю, я не верю, что они нападут на нас крупными силами или об...

– А я не вижу никаких причин ждать. Оставить замок – разумное решение, они могут начать обстрел города в любой момент, – перебил его Андзё. – Первая канонада была предупреждением с их стороны.

– Я так не думаю. По моему мнению, с их стороны это было лишь высокомерное возвещение о своем прибытии. Ни один снаряд не разорвался в городе. Флот не станет обстреливать нас, и я повторяю, завтрашняя встреча произойдет, как и было условлено. На этой встрече...

– Как вы можете быть так слепы? Если бы мы были на их месте и вы командовали этим флотом и обладали такой сокрушительной мощностью, неужели вы колебались бы хоть одно мгновение? – Андзё был вне себя от гнева. – Ну, отвечайте.

– Нет, разумеется, нет! Но они не мы, и мы не они, и только с этих позиций мы можем управлять ими.

– Ваш образ мыслей непостижим! – Андзё в отчаянии повернулся к трем другим членам Совета. – Сёгун должен быть доставлен в безопасное место. Мы также должны уехать, чтобы продолжать управлять страной. Это все, что я предлагаю, – временное отсутствие. За исключением нашей личной охраны, все остальные самураи остаются, бакуфу остается. – Он снова обратил горящий взгляд на Ёси. – Вы можете остаться, если желаете. Сейчас мы будем голосовать: временное отсутствие одобрено!

– Подождите! Если вы сделаете это, сёгунат навсегда потеряет лицо, мы никогда больше не сможем контролировать даймё и их противодействие нам или бакуфу. Никогда!

– Мы просто принимаем разумное решение! Бакуфу остается на месте. Как и все воины. В качестве главного члена Совета я имею

право назначить голосование, поэтому голосуйте! Я голосую «за»!

– Я говорю «нет»! – сказал Ёси.

– Я согласен с Ёси-саном, – произнес Утани, низкорослый худой человек с добрыми глазами и высохшим лицом. – Я согласен, что, если мы уедем, мы навсегда потеряем лицо.

Ёси улыбнулся ему в ответ, Утани нравился ему – даймё земли Ватаса были старинными союзниками его клана, еще с времен, предшествовавших Сэкигахаре. Он перевел взгляд на двух других членов Совета, тоже глав кланов рода Торанага. Ни один из них не посмотрел ему в лицо.

– Адати-сама?

Наконец Адати, даймё земли Мито, маленький шарообразный человечек, нервно произнес:

– Я согласен с Андзё-сама, что нам нужно уехать, и сёгуну, разумеется. Но я также согласен и с вами, что тогда мы можем многое потерять, даже если многое приобретем. Со всем уважением я голосую против!

Последний старейшина, Тояма, седой самурай на середине шестого десятка – глубокий старик по японским меркам, – с отвисшими щеками, потерявший один глаз на охоте, даймё земли Кии, отец юного сёгуна, сказал:

– Меня совсем не беспокоит, останемся ли мы в живых или умрем и погибнет ли мой сын, нынешний сёгун, – его место всегда займет другой. Но меня очень беспокоит то, что мы отступаем только потому, что гайдзины бросили якорь у нашего берега. Я голосую против отступления и за нападение, я голосую за то, чтобы спуститься к морю и, если эти шакалы сойдут на берег, убить их всех до единого, невзирая на их корабли, пушки и ружья!

– У нас здесь недостаточно войск для этого, – возразил Андзё. Его мутило от этого старика и его воинственности, которую он так нигде и не доказал. – Сколько раз мне нужно повторять: мы не имеем достаточно войск, чтобы удержать замок и помешать им высадиться крупными силами. Сколько раз мне нужно повторять: наши шпионы доносят, что у них на кораблях и в Поселении две тысячи солдат, вооруженных ружьями, и вдесятеро больше в Гонконге и...

– У нас здесь было бы больше чем достаточно самураев и их даймё, – гневно прервал его Ёси, – если бы вы не отменили санкин-

котай!

– Таково было пожелание императора, переданное в письменном виде принцем его двора. У нас не было иного выхода, кроме как подчиниться. Вы подчинились бы точно так же.

– Да... если бы позволил вручить себе этот документ! Но я бы никогда его не принял, я бы отсутствовал сам или задержал бы принца, способов сотни, или договорился бы с Сандзиро, который подстроил все эти «просьбы», или попросил бы одного из наших сторонников при дворе передать императору прошение взять их назад, – резко парировал Ёси. – Любое прошение сёгуната должно быть удовлетворено – таков был закон испокон века. Мы по-прежнему контролируем суммы, выделяемые на содержание двора! Вы предали наши наследственные интересы!

– Вы называете меня предателем?

Все потрясенно смотрели, как рука Андзё сжалась на рукоятке меча.

– Я говорю, что вы позволили Сандзиро обвести себя вокруг пальца, – ответил Ёси, не шелохнувшись. Он оставался внешне спокоен и надеялся, что Андзё первым сделает роковое движение, тогда он сможет убить его и раз и навсегда покончить с его тупостью. – Не было еще случая, чтобы мы пошли против Завещания. Это было бы предательство.

– Все даймё, кроме ближайших родственников Торанага, желали этого! Все члены бакуфу согласились, родзю согласился, лучше было согласиться, чем заставлять всех даймё переметнуться в лагерь дальних князей и тут же выступить против нас, как непременно поступили бы в этом случае Сандзиро, все Тоса и Тёсю. Мы оказались бы в полной изоляции. Разве это не правда? – обратился Андзё к остальным. – Нет?

– Разумеется, это правда, что я согласился, – тихо произнес Утани. – Но теперь я думаю, что это было ошибкой.

– Наша ошибка была в том, что мы не перехватили Сандзиро и не убили его, – сказал Тояма.

– Он находился под защитой императорского мандата, – напомнил ему Андзё.

Губы старика искривились, обнажив желтые зубы.

– Ну так и что?

– Все сацума поднялись бы против нас, и с полным основанием, к ним присоединились бы княжества Тоса и Тёсю, и мы развязали бы всеобщую гражданскую войну, которую сейчас не в состоянии выиграть. Голосуйте! Да или нет?

– Я голосую за нападение, только за нападение, – упрямо повторил старик. – Сегодня – при любой их попытке высадиться на берег, завтра – на Иокогаму.

Издаലെка донеслись звуки волюнок.

Еще четыре катера направились к причалу, три из них были битком набиты шотландскими пехотинцами, которые должны были присоединиться к своим товарищам, уже построившимся на берегу. Барабаны гремели, волюнки нетерпеливо завывали. Сэр Уильям, Тайрер, Лун и три его помощника находились в последнем катере.

Когда они сошли на берег, капитан, командовавший отрядом, отдал честь.

– Все готово, сэр. Наши люди патрулируют этот причал и его окрестности. Морские пехотинцы сменят нас здесь через час.

– Хорошо. Тогда выдвигаемся к миссии.

Сэр Уильям со своей свитой уселся в карету, которую для них с таким трудом перевезли и на руках вытащили на берег. Двадцать матросов взялись за постромки. Капитан отдал приказ начать движение, и кортеж тронулся: флаги развевались, солдаты окружали их со всех сторон, впереди шествовал тамбурмажор двухметрового роста в великолепном мундире, замыкали процессию китайские носильщики из Иокогамы, которые, изрядно нервничая, волочили за собой тележки с тюками и чемоданами.

Узкие улочки между приземистыми одноэтажными лавками и домами были пугающе безлюдны. Как и неизбежное заграждение у первого деревянного моста, переброшенного через канал, заполненный гнилой водой. Как и следующее за ним. Из проулка выскочила собака, рыча и скаля зубы. Сильный пинок тут же подбросил ее в воздух и отшвырнул шагов на десять, после чего она поднялась и захромала прочь. Новые улицы и мосты, столь же пустынные. Однако продвижение кортежа к миссии было мучительным из-за кареты и из-за того, что все улицы были приспособлены исключительно для пешеходов. Карета снова застряла.

– Может быть, нам стоит пойти пешком, сэр? – спросил Тайрер.

– Нет, клянусь Богом, я въеду в миссию в карете! – Сэра Уильяма душила злость на самого себя. Он забыл, какие узкие здесь улочки. В Иокогаме он тайно решил взять с собой карету просто потому, что колеса были запрещены, желая таким образом еще раз выразить бакуфу свое неудовольствие. Он выглянул в окно и крикнул: – Капитан, если вам понадобится снести дом-другой, пусть это вас не останавливает.

Но до этого дело не дошло. Матросы, привыкшие обращаться с тяжелыми пушками в тесноте нижних палуб, добродушно чертыхаясь, поддерживали, подталкивали и наполовину проносили карету через все узкие места.

Миссия располагалась на небольшом возвышении в предместье Готеньяма, рядом с буддийским храмом. Это было двухэтажное, все еще не законченное строение в британском стиле, окруженное высокой стеной с воротами. Строительные работы начались уже через три месяца после подписания Соглашений.

Строительство шло мучительно медленно отчасти потому, что англичане настаивали на использовании привычных для них строительных материалов, например стекла для окон и кирпича для несущих стен, – их приходилось доставлять из Лондона, Гонконга или Шанхая, – а также на строительстве фундамента и других подобных элементов, которых японские дома, как правило, не имели, будучи деревянными, намеренно легкими в постройке и ремонте из-за частых землетрясений и по той же причине поднятыми над землей на столбах. Основные проволочки, однако, объяснялись нежеланием бакуфу иметь какие бы то ни было иностранные здания вне иокогамского Поселения.

Но даже недостроенная, миссия была заселена, и ежедневно на верхушку высокого флагштока взвивался британский флаг, вызывая еще большее раздражение у бакуфу и местных жителей. В прошлом году миссия была временно оставлена по приказу предшественника сэра Уильяма, после того как ронины ночью убили двух охранников у двери его спальни, чем привели британцев в бешенство и доставили огромную радость японцам.

– О, мы искренне сожалеем... – сказали бакуфу.

Но само место, отданное англичанам в бессрочную аренду – по ошибке, как заявляло бакуфу с тех самых пор, – было выбрано удачно.

Вид, открывавшийся со двора миссии, был лучшим во всей округе, и отсюда они могли видеть флот, ставший на якорь в боевом порядке на безопасном удалении от берега.

Кортеж прибыл, ошестинившись ружьями, чтобы снова вступить во владение. Сэр Уильям решил переночевать в миссии, дабы подготовиться к завтрашней встрече, и, суется, бегал туда-сюда, когда его остановил капитан, поднеся руку к треуголке.

– Да?

– Поднять флаг, сэр? Обеспечить охрану миссии?

– Немедленно. Все по плану, побольше шума: барабаны, волынки и так далее. На закате пусть волынщики проиграют отбой, и заставьте их и барабанщиков разок пройти с музыкой взад-вперед.

– Слушаюсь, сэр. – Капитан подошел к флагштоку.

Торжественно, под гром барабанов и звуки волынок «Юнион Джек» снова взлетел на верхушку мачты и заплескался там, наполняя души гордостью. В тот же момент, как было условлено заранее, с флагмана грянул приветственный бортовой залп. Сэр Уильям взял шляпу на отлет и вместе с остальными трижды прокричал здравицу королеве.

– Отлично, вот так-то лучше. Лун!

– Хейя, масса?

– Погоди-ка минутку, ты не Лун!

– Я Лун Два, масса, Лун Один приходит ночью, чоп-чоп.

– Хорошо, Лун Два. Ужин на закате, ты делать каждый масса очень удобный, ладно.

Лун Два угрюмо кивнул, ему было крайне не по себе в таком уединенном месте, открытом для нападения, в окружении тысячи притаившихся враждебных глаз, на которые никто не обращал внимания, хотя почти каждый должен был чувствовать на себе их взгляд, – поразительное легкомыслие. «Я никогда не пойму варваров», – подумал он.

В ту ночь Филип Тайрер не мог заснуть. Он лежал на одном из соломенных матрацев, брошенных поверх потертого ковра на полу, устало переворачиваясь с боку на бок каждые несколько минут. В его голове неприятно путались мысли о Лондоне и Анжелике, нападении, завтрашней встрече, ноющей боли в руке и сэре Уильяме, который весь день раздражался по пустякам. В маленькой комнате было холодно,

этот холод напоминал, что скоро наступит зима. Застекленные окна выходили на большой, красиво спланированный парк позади здания миссии. Второй матрас в той же комнате предназначался капитану, но тот еще не вернулся с обхода.

Не считая возни собак, рыскавших в поисках пищи, и редкого мяуканья бродячих кошек, город был погружен в тишину. Время от времени он слышал далекое звяканье корабельных колоколов флота, отбивавших склянки, да гортанный хохот размещенных там солдат и чувствовал себя спокойнее. «Эти бойцы не знают себе равных, – думал он. – Мы здесь в полной безопасности».

В конце концов он встал, зевнул, на цыпочках подошел к окну, открыл его и облокотился на подоконник. Снаружи была сплошная темень, плотные облака заволокли все небо. Ни одной тени нельзя было различить, но он видел много шотландцев, патрулировавших сад с масляными фонарями. За забором с одной стороны в темноте проступали неясные очертания буддийского храма. На закате, когда волынки проиграли отбой и «Юнион Джек» был по обычаю спущен на ночь, монахи затворили тяжелые ворота храма, прозвонили в колокол, а потом наполнили ночь своим странным песнопением: «Ом-м-ммани-и-и падми-и-ихум-м-м...», повторяя эти слова снова и снова. На Тайрера пение действовало успокаивающе, в отличие от многих других, которые встретили его свистом, улюлюканьем и грубыми криками монахам, чтобы те заткнулись.

Он зажег свечу, стоявшую у постели. Его часы показывали два тридцать. Снова зевнув, он подтянул одеяло, привалился к стене, подложив под спину жесткую подушку, открыл маленький дипломат со своими инициалами на тисненой коже – прощальный подарок его матери – и достал оттуда свою тетрадь. Читая глазами столбик японских слов и фраз, записанных им на слух, он вполголоса произносил их английский перевод. Перевернул страницу, следующую, потом еще одну. Потом проделал то же самое наоборот: читал английский перевод и произносил вслух японские слова. Он с удовольствием отметил, что не ошибся ни разу.

– Их так мало, я не знаю, правильно ли я их произношу, не хватает времени, и я еще даже не начал изучать письмо, – пробормотал он.

Вчера днем он случайно встретил француза в одной из лавок в японской деревне, которая обслуживала Поселение. Эти лавки тянулись вдоль главной улицы деревни, находившейся в стороне от моря позади Хай-стрит, главной улицы Поселения, и примыкавшей к Пьяному Городу. Все лавки казались одинаковыми, все торговали одним и тем же набором местных товаров от снеди до рыбацкого снаряжения, от дешевых мечей до предметов старины. Он копался на полке с японскими книгами – бумага очень высокого качества, многие прекрасно отпечатаны и иллюстрированы гравюрами – и старался как-то изъясниться перед вежливо улыбавшимся во весь рот владельцем.

– *Pardon, Monsieur*, – сказал незнакомец, – но вам нужно назвать род книг, которые вас интересуют. – Ему было лет тридцать с небольшим. Чисто выбритое лицо с карими глазами и тонким галльским носом, выющиеся каштановые волосы, хорошо одет. – Вам следует сказать: «*Ватаси хосии хон, ингэриги нихонго, додзо*. – Я бы хотел книгу, в которой есть английский и японский». – Он улыбнулся. – Разумеется, таких книг нет, хотя этот парень ответит вам с раболепной искренностью: «*А со дэсу ка, гомэн насай* и так далее. – Ах, очень жаль, сегодня у меня ее нет, но если вы придете завтра...» Конечно, он не говорит вам правды, он говорит только то, что вы, по его мнению, хотите услышать – старейшая японская привычка. Боюсь, японцы вообще не слишком щедры на правду, даже между собой.

– Но, мсье, позвольте тогда спросить, как вам удалось выучить японский – совершенно очевидно, что вы свободно говорите на этом языке.

Человек приятно рассмеялся:

– Вы слишком добры. Нет, далеко не свободно, хотя я стараюсь. – Беспечно веселое пожатие плечами. – Терпение. Помогло еще и то, что некоторые из наших святых отцов говорят на нем.

Филип Тайрер нахмурился:

– Боюсь, я не католик, моя церковь англиканская, и... э-э... я ученик-переводчик при британской дипломатической миссии. Меня зовут Филипп Тайрер, я только что приехал и пока еще не совсем здесь освоился.

– А, ну конечно, молодой англичанин с Токайдо. Пожалуйста, извините меня, я должен был бы узнать вас, мы все были в ужасе,

когда слышали об этом происшествии. Позвольте представиться, Андре Понсен, уроженец Парижа, я негоциант.

– *Je suis enchanté de vous voir*^[12], – сказал Тайрер, легко переходя на французский, на котором говорил бегло, хотя и с чуть заметным английским акцентом.

По всему миру за пределами Британии французский был признанным языком дипломатии, а также лингва франка для большинства европейцев, что делало знание его необходимым атрибутом каждого чиновника министерства иностранных дел – так же как и для всякого, кто считал себя человеком образованным. По-французски же он добавил:

– Как вы думаете, возмутся святые отцы обучить меня или хотя бы позволят мне посещать их занятия?

– Не думаю, чтобы кто-то из них вел занятия как таковые. Я мог бы спросить. Завтра вы отправляетесь вместе с флотом?

– О да, непременно.

– Я тоже. С мсье Сератаром, нашим посланником. Вы работали в миссии в Париже до приезда сюда?

– К сожалению, нет. В Париже я провел всего две недели, мсье, когда у меня был отпуск. Япония – мое первое назначение.

– О, но ваш французский превосходен, мсье.

– Боюсь, что нет, право, вы преувеличиваете, – произнес Тайрер, опять переходя на английский. – Я полагаю, вы тоже переводчик?

– О нет, всего лишь предприниматель, но иногда я стараюсь помочь мсье Сератару, когда его официальный переводчик с голландского бывает болен, – я говорю по-голландски. Стало быть, вы желаете выучить японский как можно скорее, а? – Понсен подошел к полке и выбрал книгу. – Вам еще не попадалась одна из таких? Это книга Хиросигэ «Пятьдесят три станции на дороге Токайдо». Не забывайте, что начало книги там, где для нас конец, они пишут справа налево. Картины изображают придорожные станции до самого Киото. – Он полистал книгу. – Смотрите, вот Канагава, а вот Ходогаяя.

Четырехцветные ксилографии были изумительны, превосходя все, что Тайреру доводилось видеть раньше, мельчайшие детали были выполнены с поразительной точностью.

– Они просто чудесны.

– Да. Автор умер четыре года назад. Очень жаль, потому что он действительно был чудом. Некоторые из их художников – поразительные мастера: Хокусай, Масанобу, Утамаро и еще с десятков других. – Андре рассмеялся и вытащил другую книгу. – Вот, это вещь для вас просто необходимая, введение в японский юмор и каллиграфию, как они называют свое письмо.

У Филипа Тайрера отвисла челюсть. Порнография была пристойной и абсолютно откровенной: страница за страницей мужчины и женщины в великолепных одеяниях – их обнаженные гениталии чудовищно увеличены и выписаны с величавой подробностью, до последнего волоска – совокуплялись энергично и изобретательно.

– О мой Бог!

Понсен громко расхохотался:

– А, значит, я познакомил вас с новым удовольствием. Как эротика, эти книги уникальны, у меня их целая коллекция, я с радостью вам ее покажу. Одни называются сюнга-э, другие – юкиё-э, картины Ивового Мира, или Плывающего Мира. Вы еще не бывали ни в одном из их борделей?

– Я... я, нет... нет, я... я... э-э... не бывал.

– О, в таком случае вы позволите мне быть вашим гидом?

Теперь Тайрер вспоминал их разговор и то тайное смущение, которое он испытал в тот момент. Он попытался изображать из себя светского человека под стать французу, но в то же время в ушах его не умолкая звучал суровый голос отца и многократно повторенное им напутствие: «Послушай, Филип, французы – народ подлый и верить им нельзя ни на грош. Парижане – первые подонки во всей Франции, а Париж, без сомнения, самый греховный город цивилизованного мира – похотливый, вульгарный и... французский!»

«Бедный папа, – подумал Филип, – он ошибается насчет стольких вещей, но вряд ли его можно винить в этом: он жил во времена Наполеона и уцелел в кровавой бане Ватерлоо. Как ни велика была эта победа, она не могла не ужаснуть десятилетнего мальчишку-барабанщика. Неудивительно, что он никогда не простит, никогда не забудет, никогда не сможет принять новую эру. Ну да ладно, у папы своя жизнь, и как бы я ни любил и ни восхищался им за все, что он

сделал, я должен прокладывать свой путь. Франция теперь почти наш союзник – нет ничего плохого в том, чтобы слушать и учиться».

Он покраснел, вспомнив, как ухватился за слова Андре – втайне стыдясь своего жадного влечения.

Француз объяснил, что в Японии бордели, лучшие из них, являлись местами большой и утонченной красоты, а про куртизанок, дам Плывающего, или Ивового, Мира, как их здесь называли, он без преувеличения мог сказать, что лучших он не встречал нигде в мире.

– Разумеется, существуют градации, и в большинстве городов есть и уличные проститутки. Но здесь у нас имеется наш собственный квартал удовольствий, он называется Ёсивара. Это снаружи ограды, по ту сторону моста. – Вновь приятный хохоток. – Мы называем его Мостом в Рай. О да, и вам следует знать, что... о, простите, я увлекся и мешаю вам делать покупки.

– Да нет, что вы, совсем нет, – тут же выпалил Филип. Сердце у него упало при мысли, что этот поток информации сейчас иссякнет и такая редкая возможность будет безвозвратно упущена, и он добавил на своем самом цветистом и изысканном французском: – Я счел бы для себя честью, если бы вы не отказали мне в любезности продолжать, нет, в самом деле, это так важно – узнавать новое, как можно больше нового, и учиться, а я боюсь, люди, в кругу которых я вращаюсь, с которыми беседую, не... к сожалению, не парижане, они большей частью скучноваты и лишены французской утонченности. В ответ на вашу доброту я могу предложить вам чашку чая или бокал шампанского в английской чайной или, возможно, что-нибудь более крепкое в отеле Иокогамы – сожалею, но я пока еще не член клуба.

– О, вы слишком добры, да, я с удовольствием принимаю ваше предложение.

С благодарным видом Филип подозвал лавочника и с помощью Понсена расплатился за книгу, удивившись про себя тому, как мало она стоила. Они вышли на улицу.

– Вы говорили об Ивовом Мире?

– В нем нет ничего грязного и отвратительного, как в большинстве наших борделей, да и почти во всех борделях в любой другой части света. Здесь, как в Париже, но в еще большей степени, половой акт является формой искусства, столь же изысканной и неповторимой, как приготовление пищи. Его рассматривают,

практикуют, наслаждаются им именно как искусством, без всякого... прошу извинить меня, без всякого англосаксонского «чувства вины», совершенно неоправданного.

Инстинктивно Тайрер напрягся и выпятил грудь. Какое-то мгновение он испытывал искушение поправить своего собеседника и указать ему, что существует огромная разница между «чувством вины» и здоровым отношением к морали и всем добрым викторианским ценностям. И добавить, что, к сожалению, французы никогда не обладали способностью к такому разграничению из-за своей склонности к распущенной жизни, сбивающей с истинного пути даже таких августейших особ, как принц Уэльский, который открыто считал Париж своим домом. («Источник крайней озабоченности в самых высоких английских кругах, – гневно писала «Таймс». – Вульгарность французов не знает предела, взять хотя бы их дешевое стремление к показной роскоши и новые крайне предосудительные танцы, такие как, например, канкан, где, по рассказам заслуживающих доверия лиц, танцовщицы специально не надевают – их даже просят об этом! – никакого нижнего белья абсолютно».)

Но он промолчал, понимая, что будет лишь, как попугай, повторять слова своего отца. «Бедный папа», – подумал он снова, целиком переключая внимание на Понсена. Они шли по Хай-стрит, солнце приятно грело лица, воздух бодрил, все обещало прекрасный день завтра.

– Но здесь, в Ниппоне, мсье Тайрер, – с радостью увлеченно продолжал француз, – существуют замечательные правила и традиции как для клиентов, так и для девушек. Например, они никогда не выставляются напоказ все в один раз, за исключением самых низкосортных заведений, но даже и там вы не можете просто войти и сказать: «Я хочу вот эту».

– Не могу?

– О нет, она всегда имеет право отказать вам без всякой потери лица с ее стороны. Существуют особые протоколы – позже я могу объяснить подробнее, если вы пожелаете, – но каждый дом управляется мадам, которую зовут здесь мама-сан, «сан» – это суффикс, который означает «господин», «госпожа» или «мадам». И эта мама-сан больше всего на свете гордится элегантностью своего заведения и своих леди. Нет нужды говорить, что все дома разнятся в

цене и утонченности. В самых лучших мама-сан осматривает вас, как ветеринар лошадь, это очень подходящее сравнение. Она старается убедиться, достойны ли вы того, чтобы почтить своей милостью ее дом и все, что он содержит, – в сущности, решает, в состоянии или нет вы оплатить счет. В этой стране хороший клиент может пользоваться огромным кредитом, мсье Тайрер, но да сжалится над вами Небо, если вы не заплатите или хоть раз опоздаете с оплатой, когда вам скромно представят счет. Каждый дом в Японии в этом случае ни под каким видом не позволит вам войти внутрь.

Тайрер нервно хохотнул над игрой слов.

– Как они все узнают об этом, я не представляю, но узнают. Отсюда до самого Нагасаки. Поэтому, мсье, в определенном смысле это рай. Мужчина может наслаждаться девушками в кредит целый год, если ему так удобнее. – Лицо Понсена неуловимо изменилось. – Но мудрый человек покупает контракт дамы и оставляет ее исключительно для своего собственного удовольствия. Они поистине так... так очаровательны и недороги, если учесть ту огромную прибыль, которую мы получаем при обмене денег.

– Вы... ну-у... вы именно это мне советуете?

– Да, советую, да.

Потом они пили чай. Потом шампанское в клубе, где Андре совершенно очевидно хорошо знали и принимали. Расставаясь, Андре сказал:

– Ивовый Мир заслуживает любви и внимания. Я почти за честь быть в нем одним из ваших проводников.

Филип поблагодарил его, зная, что никогда не воспользуется преимуществами этого предложения. «Я имею в виду, а как же Анжелика? И ведь можно... можно заразиться одной из этих гнусных болезней, гонореей, к примеру, или французской болезнью, которую французы называют английской болезнью, а врачи зовут сифилисом и которая, как упирал на это Джордж Бебкотт в разговоре со мной, процветает под любым именем во всех азиатских и индийских портах, открытых для иностранцев, „или вообще в любом порту, если уж на то пошло, Филип. Я отмечаю здесь много случаев этой болезни среди японцев, и не всегда они заразились ею от европейцев. Если вы имеете такого рода наклонности, надевайте чехольчик; чехольчики, правда, не

всегда безопасны, и большого добра от них ждать не приходится. Лучше вообще не стоит, если вы понимаете, о чем я говорю“».

Филип Тайлер вздрогнул всем телом. С женщиной он был только однажды. Два года назад после сдачи последних экзаменов они с друзьями-студентами устроили шумную попойку в пабе «Звезда и Подвязка» на Понт-стрит. «Пришло время, Филип, старина. Мы обо всем договорились, она сделает это за два пенса, ведь правда, Флосси?» Она разливала пиво у стойки, разбитная девчонка лет эдак четырнадцати. Соитие произошло второпях, в крохотной, пропахшей потом и еще бог знает чем комнатенке наверху – пенни ей и пенни хозяину паба. Несколько следующих месяцев он прожил в смертельном страхе, что заразился.

– В нашей Ёсиваре к нашим услугам более пятидесяти чайных домиков, как их называют, или гостиниц, все они имеют лицензию и подчиняются властям, каждый день строятся новые. Но будьте осторожны, не ходите никуда в Пьяном Городе. – (Пьяным Городом называлась менее презентабельная часть Поселения с низкосортными барами и дешевыми постоялыми дворами, лепившимися вокруг единственного европейского борделя.) – Это место для солдат, матросов, неудачников, игроков, искателей приключений, вообще всякого сброда, они собираются там, потому что там их терпят. В каждом порту есть такие люди, потому что у нас еще нет полиции, нет законов об иммигрантах. Может быть, Пьяный Город и служит нам своего рода перепускным клапаном, но бывать там с наступлением темноты неразумно. Если вам дорога ваша записная книжка и личные вещи, не берите их туда. Мусуко-сан заслуживает лучшего.

– Что?

– А, очень важное слово. Мусуко означает «сын», или «мой сын». Мусуко-сан дословно означает «достойный сын» или «господин мой сын», но на местном жаргоне – «мужской член», или «мой досточтимый член», просто и хорошо. Девушек называют мусуме. Само по себе слово означает «дочь», или «моя дочь», но на языке Ивового Мира это влагилице. Вы говорите своей девушке: Конбанва, мусуме-сан. Добрый вечер, *chérie*. Но если вы скажете это с искоркой в глазах, она поймет, что вы имеете в виду: «Как она? Как поживает твоя Золотая Ложбина?» – так китайцы иногда называют эту дорогу мужчины в рай – они очень мудры, эти китайцы, потому что стенки ее

и впрямь выстланы золотом, она питается золотом и открыть ее может, так или иначе, только золото...

Тайрер откинулся на подушку, забыв о своей тетради. Мысли теснились в его голове. Прежде чем он осознал это, маленькая книжечка юкиё-э, которую он прятал в портфеле, оказалась открытой у него на коленях, а сам он увлеченно рассматривал картинки. Спohватившись, он захлопнул ее и убрал назад.

«Что толку любоваться на грязные картинки», – подумал он, снедаемый отвращением к самому себе. Свеча оплывала. Он задул пламя и улегся в темноте, ощущая знакомую боль внизу живота.

«Какой же Андре счастливчик! Совершенно ясно, что у него есть любовница. Это должно быть восхитительно, даже если только половина из того, что он говорил, правда.

Интересно, смог бы и я занять такую же? Смог бы купить контракт? Андре уверял, что многие здесь так поступают, снимают маленький частный домик в Ёсиваре, о котором, если таково будет ваше желание, никто не узнает: „Ходят слухи, что у всех посланников есть любовницы-японки; сэр Уильям-то уж точно ходит туда по крайней мере раз в неделю – он думает, что для всех это тайна, но все шпионят за ним и смеются. Не ходит голландец, про которого говорят, что он импотент, и русский, который открыто предпочитает наведываться в разные дома...“»

Стоит ли мне рискнуть, если это окажется мне по карману? В конце концов, Андре дал мне особый повод: „Чтобы быстро выучить японский, мсье, обзаведитесь спящим словарем – это единственный способ“».

Однако его последней мыслью, перед тем как сон завладел им, было: «Интересно, почему это Андре был так добр ко мне, так разговорчив со мной? Редко француз ведет себя столь открыто с англичанином. Очень редко. И как странно, что он ни разу не упомянул об Анжелике...»

Время близилось к рассвету. Ори и Хирага, вновь облаченные с головы до пят в одежду ниндзя, вышли из своего укрытия в строениях храма, откуда была хорошо видна вся миссия, и молча побежали вниз с холма, через деревянный мост, потом свернули в узкую улочку, добежали до ее конца, свернули в другую. Хирага бежал впереди. Их

заметила бродячая собака, зарычала, бросилась им наперерез и умерла. Уверенная короткая дуга, которую описал меч Хираги, была почти неуловима глазу. Он заспешил дальше с обнаженным мечом в руке, почти не спотыкаясь в темноте, углубляясь все дальше и дальше в лабиринт городских улиц. Ори осторожно следовал за ним. Сегодня ночью его рана начала нагнаиваться.

У стены какой-то лачуги на безопасном перекрестке Хирага остановился.

– Здесь все тихо, Ори! – прошептал он.

Торопливо оба самурая выскользнули из одежды ниндзя, затолкали ее в мягкую котомку, которую Хирага нес за спиной, и переоделись в ничем не примечательные кимоно. С огромной тщательностью Хирага вытер меч куском шелка, который все самураи носили специально для этой цели, чтобы предохранить клинки от ржавления, потом убрал его в ножны.

– Готов?

– Да.

Хирага снова пустился в путь, уверенно выбирая дорогу, держась в тени, где это было возможно, останавливаясь перед каждым открытым пространством до тех пор, пока не убеждался, что им ничего не грозит, не видя ни души и ни с кем не сталкиваясь, потом бежал дальше, направляясь к их убежищу.

Они следили за миссией с раннего утра. Бонзы – буддийские монахи – делали вид, что не замечают их, после того как уверились, что эти двое не были ворами, и Хирага назвал им себя и свою цель: следить за гайдзинами.

Буддийские монахи фанатично ненавидели всех иноземцев, отождествляя их с иезуитами, которые до сих пор оставались их самыми ненавистными и грозными врагами.

– А, так вы сиси, тогда добро пожаловать вам обоим, – сказал один старый монах. – Мы никогда не забудем, что иезуиты погубили нас и что сёгуны из династии Торанага – наш бич.

С середины XV века до начала XVI португальцы были единственными в Европе, кто знал путь в Японию. Папским эдиктом все острова были отданы им в безраздельное пользование, и португальские иезуиты, единственные из всех католических священников, получили право нести туземцам слово Христово. В

течение нескольких лет они обратили в христианство столько даймё, и, естественно, всех их вассалов, что диктатор Горуда воспользовался этим как предлогом, чтобы вырезать тысячи буддийских монахов, которые в то время имели свои вооруженные отряды, считались влиятельной силой в стране и противостояли ему.

Тайро Накамура, унаследовавший его власть, расширил ее до огромных пределов и повел тонкую игру, поддерживая то монахов, то иезуитов, льстя, уговаривая, преследуя, убивая. Потом пришел Торанага.

Торанага, терпимо относившийся ко всем религиям, правда не иноземного происхождения, заметил, что все обращенные в христианство даймё первоначально сражались на стороне его врагов у Сэкигахары. Три года спустя он стал сёгуном, а еще через два года отрекся от этого титула в пользу своего сына Судары, хотя и продолжал удерживать в своих руках реальную власть, что было старинной японской традицией.

В годы своего правления он жестоко преследовал иезуитов и буддистов и устранил или нейтрализовал всех князей-католиков. Его сын, сёгун Судара, еще туже затянул аркан, а сын Судары, сёгун Хиронага, завершил осуществление плана, с такой дальновидной осмотрительностью заложенного в Завещании, когда официально объявил христианство вне закона и запретил исповедовать его под страхом смерти. В 1638 году сёгун Хиронага разрушил последний оплот христианства в Симбаре, неподалеку от Нагасаки, где собрались восставшие против него несколько тысяч ронинов и тридцать тысяч крестьян со своими семьями. Всех, кто отказывался отречься от своей веры, немедленно распинали или предавали мечу, как обыкновенных преступников. Отступников набралось всего несколько человек. После этого он переключил все свое внимание на буддистов. Буквально через несколько дней он благосклонно принял в дар все их земли, сковав их таким образом по рукам и ногам.

— Мы рады вам, Хирага-сан, Ори-сан, — снова повторил старый монах. — Мы за сиси, за *сонно-дзёи* и против сёгуната. Вы можете свободно приходить и уходить по своему желанию. Если вам понадобится помощь, скажите нам.

— Тогда ведите счет количеству солдат, сколько их прибывает, сколько убывает, какие комнаты и кем заняты.

Теперь они почти достигли своего убежища – гостиницы, которая лежала к востоку от замка.

Глава 10

Пять представителей бакуфу неторопливо проследовали через ворота во внутренний двор миссии в своих паланкинах. Они опоздали на час. Перед ними шли самураи со знаменами, на которых были изображены их официальные гербы, со всех сторон их окружала стража. Сэр Уильям стоял на верху широкой лестницы, которая вела к представительному парадному входу в миссию. Рядом с ним находились французский, русский и прусский посланники – их помощники, Филип Тайрер и другие сотрудники миссии расположились чуть поодаль – и почетный караул из шотландских горцев и нескольких французских солдат, на которых настоял Сератар. Адмирал Кеттерер и генерал остались на борту флагмана, в резерве.

С большой церемонией японцы поклонились, сэр Уильям и все остальные приподняли шляпы. Они торжественно проводили японцев в большой зал для приемов, стараясь не показать, насколько нелепым они находили их наряд: маленькие черные лакированные шапочки, сидевшие посередине выбритой части головы и аккуратно подвязанные под подбородком, верхняя мантия с огромными плечами, разноцветные парадные кимоно из шелка, просторные штаны, сандалии на ремешках и толстые носки с отделенным от остальных большим пальцем – таби, – веер за поясом и неизменные два меча.

– В эти их шапчонки даже не помочиться толком, – заметил русский.

Сэр Уильям опустился на центральный из пяти стульев в окружении других посланников, с одного края вместе с ними сел Филип Тайрер, чтобы число участников со стороны европейцев тоже равнялось пяти, бакуфу сели на стулья напротив, переводчики расположились на подушках посередине. После продолжительного обсуждения участники переговоров сошлись на пяти охранниках с каждой стороны. Эти люди встали позади своих хозяев, с подозрением поглядывая друг на друга.

Следуя строгому протоколу, противные стороны представились друг другу. Торанага Ёси был последним.

– Томо Ватанабэ, младший чиновник второго класса, – сказал он, изображая смирение, которого не испытывал, и занял наименее почетное место с краю.

Его одежда была не так богата, как у остальных членов делегации, которые вместе со всеми стражниками получили приказ под страхом наказания относиться к нему как к самому незначительному из пяти чиновников.

Он устроился на стуле, чувствуя себя странно. «Как отвратительны эти враги, – думал он, – как смешны и убоги эти их высокие шляпы, невообразимые сапоги и уродливые черные одежды из толстой материи – неудивительно, что от них так смердит!»

Сэр Уильям сказал осторожно и просто:

– Английский подданный был убит самураями Сацумы...

К пяти часам европейцы были готовы взорваться, японцы же по-прежнему оставались вежливыми, улыбающимися, внешне невозмутимыми. Десятком различных способов их представитель заявлял, что... очень жаль, но их юрисдикция не распространяется на Сацуму, они ничего не знают об убийцах и о том, как их можно было бы изловить, но да, это происшествие достойно всяческого сожаления, но нет, они не представляют, как можно было бы получить репарации, но да, при определенных условиях вопрос о возмещении мог бы быть обсужден, но нет, сёгун пока в отсутствии, но да, сёгун был бы рад принять их, когда вернется, но нет, не в обозримом будущем, но да, мы немедленно подадим прошение назначить точный день, но нет, в этом месяце невозможно, потому что его нынешнее местопребывание никому не известно, но да, они выяснят это как можно скорее, но нет, следующая встреча и все другие встречи не должны проходить в Эдо, но да, в Канагаве, но очень жаль, не в этом месяце, возможно, в следующем, но нет, очень жаль, мы не имеем полномочий...

Каждый пункт приходилось переводить с английского на голландский, потом на японский. За этим обычно следовало пространное обсуждение. Затем ответ прилежно переводился на голландский и снова на английский с неизбежными наставлениями и всегда с вежливыми просьбами пояснить суть самых тривиальных деталей.

Ёси находил всю процедуру крайне интересной для себя. Он никогда еще не присутствовал при таком скоплении гайдзинов и ни

разу не участвовал в переговорах, где низшие по званию, неслыханное дело, обсуждали вопросы политики, вместо того чтобы слушаться и подчиняться.

Трое из остальных четырех японцев были настоящими, хотя и незначительными, чиновниками бакуфу. Все представились под вымышленными именами – общепринятая традиция на переговорах с иностранцами. Переодетый под бакуфу самозванец, тайно говоривший по-английски, сидел рядом с Ёси. Его звали Мисамото. Ёси приказал ему запоминать все и украдкой сообщать ему, если что-нибудь важное не будет переведено правильно, в остальном же держать рот на замке. Этот человек был преступником, ожидавшим смертной казни.

Когда Ёси послал за ним позавчера, Мисамото тут же пал ниц перед ним, трясаясь от страха.

– Поднимись и сядь сюда. – Ёси показал веером на край платформы из татами, на которой сидел сам.

Мисамото мгновенно подчинился. Это был маленький человечек с узкими глазами-щелками, длинными сальными волосами и бородой. По его лицу струился пот. Одежда его была груба и почти превратилась в лохмотья, руки покрывали мозоли, а кожа приобрела цвет темного меда.

– Ты будешь говорить мне правду: чиновники, допрашивавшие тебя, доносят, что ты говоришь по-английски?

– Да, господин.

– Ты родился в Андзиро в провинции Идзу и побывал в стране, которая зовется Америкой?

– Да, господин.

– Как долго ты там пробыл?

– Почти четыре года, господин.

– Где именно в Америке?

– В Сан-Франциско, господин.

– Что такое Санфрансиска?

– Большой город, господин.

– Только там?

– Да, господин.

Ёси изучающе посмотрел на него, информация была нужна ему быстро. Он видел, что человек отчаянно пытается быть полезным, но в то же время смертельно боится, боится его и стражников, которые

грубо втащили его в комнату и ткнули лицом в пол. Поэтому Ёси решил попробовать другой подход. Он отпустил стражу, встал и облокотился на подоконник, глядя на город.

– Расскажи мне, быстро, своими словами, что произошло с тобой.

– Я был рыбаком в деревне Андзиро в Идзу, господин, где и родился тридцать три года назад, – тут же начал Мисамото. Было видно, что этот рассказ он повторяет уже, наверное, в сотый раз. – Девять лет назад я вышел в море на своей лодке с шестью другими рыбаками. Мы были всего в нескольких ри от берега, но попали в неожиданно поднявшуюся бурю, которая вскоре превратилась в страшный ураган, он гнал нас перед собой на восток в открытое море тридцать дней или больше, нас снесло на сотни ри, может быть, на целую тысячу, господин. За это время троих моих спутников смыло за борт. Потом море успокоилось, но наши паруса были изодраны в клочья, кончилась вода и все запасы пищи. Мы втроем попытались рыбачить, но ничего не поймали, воды взять было негде... Один из нас сошел с ума. Он прыгнул в воду и поплыл к острову, который ему привиделся, и быстро утонул. Мы не видели ни земли, ни корабля, кругом одна вода. Много дней спустя последний из моих спутников, мой друг Исии, умер, и я остался один. Потом наступил день, когда подумал, что уже умер, потому что увидел этот странный корабль, который двигался вперед без парусов и дымил, словно охваченный пожаром, но это был всего лишь колесный пароход, американский, следовавший из Гонконга в Сан-Франциско. Они спасли меня, накормили, обращались со мной как с одним из них, – я был очень испуган, господин, но они поделились со мной водой и пищей, дали мне одежду...

– Этот американский корабль отвез тебя в этот город Сан? Что было дальше?

Мисамото рассказал ему, как его определили к брату капитана того судна, который содержал мелочную лавку для моряков, чтобы он учил язык и выполнял разную мелкую работу, пока власти не решат, что с ним делать. Он прожил с этой семьей около трех лет, работая у них в магазинчике и в порту. Однажды его отвели к важному чиновнику, которого звали Натоу, и подробно допросили, а потом сказали, что посылают его с военным кораблем «Миссури» в Симоду, где он будет переводчиком при консуле Таунсенде Харрисе, который

уже находился в Японии, подготавливая Соглашения. К этому времени он уже одевался на западный манер и усвоил некоторые из их привычек и обычаев.

– Я согласился с радостью, господин, уверенный, что окажусь полезным здесь, особенно полезным для бакуфу. В девятый день восьмого месяца тысяча восемьсот пятьдесят седьмого года по их летоисчислению, пять лет назад, господин, мы бросили якорь у Симоды в Идзу, моя родная деревня находилась совсем недалеко, чуть севернее, господин. Едва попав на берег, я добился отпуска на один день, чтобы навестить родные места, и сразу же направился, господин, к ближайшей заставе, чтобы разыскать ближайшего чиновника бакуфу, полагая, что меня примут с радостью из-за тех знаний, которые я приобрел... Но стражники... – лицо Мисамото исказилось от боли, – они не стали слушать меня, господин, не попытались понять... они связали меня и приволокли в Эдо... это было пять лет назад, господин, и с тех самых пор со мной обращались как с преступником, держа в заключении, хотя и не в тюрьме, а я все объясняю и объясняю, что я не согладатай, а верный своей стране житель Идзу и то, что случилось со мной...

Ёси с отвращением увидел, что по лицу человека побежали слезы. Он резко оборвал эти причитания:

– Прекрати! Ты знаешь или не знаешь, что закон запрещает покидать Ниппон без разрешения?

– Да, господин, но я ду...

– А знаешь ли ты, что по тому же закону любому, кто преступил его, какова бы ни была причина и кем бы ни был этот мужчина или женщина, запрещено возвращаться назад под страхом смерти?

– О да, господин, да, да, я знал об этом, но я не думал, что это включает и меня, господин. Я думал, я смогу принести пользу и мне будут рады, и меня ведь унесло в море не по моей воле. Это был ураган...

– Закон есть закон. Этот закон – хороший закон. Он сохраняет страну чистой. Ты считаешь, что с тобой поступили несправедливо?

– Нет-нет, господин, – торопливо произнес Мисамото, вытирая слезы в еще большем страхе и касаясь лбом татами. – Пожалуйста, извините меня, я умоляю вас о прощении, пожалуйста, из...

– Просто отвечай на вопросы. Насколько свободно ты говоришь по-английски?

– Я... я немного понимаю и говорю на американском английском, господин.

– Это тот же язык, на котором говорят здешние гайдзины?

– Да, господин, да, более или ме...

– Когда ты встречался с этим американцем Харрисом, ты был выбрит или нет?

– Нет, господин, я носил подстриженную бороду, как большинство матросов, господин, а волосы отпустил длинные, как у них, и заплетал их сзади в косичку, скрепляя смолой.

– Кого ты еще видел у этого гайдзина Харриса?

– Только его самого, господин, – я пробыл там всего час или около этого – и одного из его помощников, я не помню имени.

Ёси вновь взвесил всю опасность своего плана: отправиться на переговоры переодетым, не спрашивая одобрения Совета, и использовать этого человека как шпиона, который сможет тайно подслушать, о чем будет говорить враг. «Возможно, Мисамото уже шпион, шпион гайдзинов, – мрачно подумал он, – как считают все, кто его допрашивал. Нет сомнения, что он лжет: рассказ его звучит слишком уж гладко, глаза у него слишком хитрые и он становится похож на лисицу, если застать его врасплох».

– Очень хорошо. Позже я хочу узнать все, чему ты научился, все и... ты умеешь читать и писать?

– Да, господин, но по-английски – совсем немного.

– Хорошо. Ты можешь мне пригодиться. Если ты будешь исполнять все в точности и я останусь доволен, я пересмотрю твое дело. Если же ты подведешь меня, сколь бы незначителен ни был твой промах, ты-пожалеешь-что-совершил-его.

Он объяснил ему, что от него требовалось, приставил к нему учителей, и когда его охранники вчера доставили к нему Мисамото гладко выбритым, с волосами, уложенными, как у самурая, и в одежде чиновника с двумя мечами, хотя это и были всего лишь рукоятки, торчавшие в пустых ножнах, он не узнал его.

– Хорошо. Пройдись, я хочу посмотреть.

Мисамото подчинился, и Ёси был поражен тем, как быстро этот человек освоил горделивую осанку воина, которую показал ему

учитель, оставив подобающую ему смиренную и услужливую походку рыбака. «Слишком быстро», – подумал он, убежденный теперь, что Мисамото представлял собой нечто большее, чем хотел показать.

– Ты ясно понимаешь, что от тебя требуется?

– Да, господин, клянусь, я не подведу вас, господин.

– Я знаю. Моя стража получила приказ убить тебя, если ты хоть на шаг отделишься от меня, станешь вдруг неуклюжим или... несдержанным.

– Мы прервемся на десять минут, – устало произнес сэр Уильям. – Переведи им, Иоганн.

– Они спрашивают зачем? – Иоганн Фаврод, переводчик-швейцарец, зевнул. – Прошу прощения. Похоже, они считают, что обсудили все вопросы и так далее, и так далее, и теперь могут передать ваше послание и так далее, и так далее, и встретиться снова в Канагаве, получив ответ сверху и так далее, и так далее, примерно через шестьдесят дней, как было предложено ранее, и так далее, и так далее.

– Дайте мне ваш флот на один день, – пробормотал русский, – и я живо разберусь с этими паскудниками и со всей этой проблемой.

– Да уж, – согласился сэр Уильям и добавил на беглом русском: – Извините, мой дорогой граф, но мы прибыли сюда, чтобы решить проблему средствами дипломатии, предпочтительно. – Затем на английском: – Проводите их туда, где они могут подождать, Иоганн. Итак, джентльмены? – Он поднялся, деревянно поклонился и первым прошел в гостиную. Проходя мимо Филипа Тайрера, он бросил, не останавливаясь: – Побудьте с ними, держите глаза и уши открытыми.

Все посланники первым делом направились к высокому ночному горшку, стоявшему в углу приемной.

– Фу-у-уф, господи! – благодарно выдохнул сэр Уильям. – Я уже думал, мой чертов пузырь сейчас лопнет.

Вошел Лун, за ним следовали слуги с подносами.

– Хейа, масса. Чай-йа, сам'вича! – Он презрительно ткнул большим пальцем в направлении другой комнаты. – Такой же малтышки давать, хейа?

– Клянусь Богом, тебе стоило бы говорить потише! Вдруг кто-нибудь из них говорит на пиджине.

Лун тупо уставился на него:

– Что масса говорить?

– А, ладно.

Лун вышел, умирая про себя от хохота.

– Итак, джентльмены, как и ожидалось, прогресс равен нулю.

Сератар раскуривал трубку, беспечно наслаждаясь замешательством сэра Уильяма. Андре Понсен сидел рядом с ним.

– Что вы предлагаете делать, сэр Уильям?

– А каков будет ваш совет?

– Это британская проблема и лишь отчасти французская. Если бы мне пришлось заниматься ею целиком, я бы уже разрешил ее с обычной для французов стремительностью – в тот же день, когда она возникла.

– Но сначала, *mein Herr*, вам, разумеется, понадобился бы такой же прекрасный флот, – довольно резко произнес фон Хаймрих.

– Разумеется. В Европе их у нас довольно, как вам известно. И если бы политика императорской Франции была такова, что мы должны быть представлены здесь крупными силами, как наши английские союзники, мы имели бы у берегов Японии один-два своих флота.

– Да, следовательно... – Сэр Уильям устал. – Мне ясно, что ваш общий совет – держаться с ними жестко.

– Жестко и непоколебимо, – сказал граф Сергеев.

– *Ja*.

– Безусловно, – кивнул Сератар. – Я полагал, именно к этому решению вы уже и пришли, сэр Уильям.

Британский посланник пожевал бутерброд и допил свой чай.

– Хорошо. Тогда сейчас я объявлю сегодняшнюю встречу законченной, назначу повторную на завтра, на десять часов, с ультиматумом: аудиенция у сёгуна не позже чем через неделю, выдача убийц, выплата репарации или... С вашего общего одобрения, разумеется.

– У меня есть предложение, сэр Уильям, – сказал Сератар. – Принимая во внимание, что им, очевидно, сложно устроить эту встречу с сёгуном, почему не оставить ее на потом, когда придут подкрепления и у нас появится действительный повод для встречи с ним. В конце концов, цель настоящей экспедиции –

продемонстрировать нашу способность к исправлению зла, а не осуществлять политику империи, вашей или нашей.

– Разумно, – с неохотой признал пруссак.

Сэр Уильям задумался над причинами такого предложения, но не смог отыскать в нем ни изъянов, ни скрытых опасностей.

– Очень хорошо. Мы потребуем «скорейшей встречи» с сёгуном. Вы согласны?

Они кивнули.

– Извините меня, сэр Уильям, – вежливо вмешался Андре Понсен, – могу я предложить, чтобы о вашем решении им доложил я? Если вы возобновите встречу, а потом тут же ее закроете, это может быть истолковано как известная потеря лица. Да?

– Весьма мудрое замечание, Андре, – кивнул Сератар.

Для всех остальных Понсен был лишь средней руки торговцем, который обладал некоторым знанием японских обычаев, мог художественно изъясняться на японском, являлся его личным другом и время от времени переводчиком. На самом же деле Андре Понсен был высокооплачиваемым шпионом, которого наняли с целью вскрывать и нейтрализовывать любые происки британцев, немцев и русских на Японских островах.

– А, сэр Уильям?

– Да, – задумчиво произнес сэр Уильям. – Да, вы правы, Андре, благодарю вас, самому мне этого делать не стоит. Лун!

Дверь тут же отворилась.

– Хейа, масса?

– Приведи молодой масса Тайрер, быстро раз-раз! – Он повернулся к остальным. – Тайрер сделает это за меня. Раз уж это британская проблема.

Вернувшись в зал для аудиенций, выходящий окнами на передний двор, Филип Тайрер приблизился к Иоганну со всем достоинством, на какое был способен. Чиновники бакуфу не обратили на него внимания и продолжали переговариваться. Ёси сидел чуть поодаль, Мисамото рядом с ним – из японцев хранили молчание только эти двое.

– Иоганн, сэр Уильям передает им свое почтение и объявляет, что сегодняшняя неудовлетворительная встреча откладывается. Они

должны прибыть сюда снова завтра в десять часов утра, с тем, что, как он ожидает, явится удовлетворительным разрешением сего недопустимого инцидента, а именно: с убийцами, денежной компенсацией и гарантиями скорейшей встречи с сёгуном. Или пусть пеняют на себя.

Иоганн побледнел:

– Прямо так и переводить?

– Да, слово в слово. – Тайрер тоже устал от всех этих бесконечных препирательств, постоянно напоминавших ему о страшной кончине Джона Кентербери, жестоком ранении Малкольма Струана и об ужасе, пережитом Анжеликой. – Переводите!

Он смотрел, как Иоганн передает короткий ультиматум на гортанном голландском. Японский переводчик вспыхнул и начал свой пространный перевод услышанного. Тайрер внимательно наблюдал за чиновниками, но так, чтобы это не было заметно. Четверо прилежно слушали, а вот пятый – нет, коротышка с узкими глазами и грубыми руками, покрытыми мозолями, – руки остальных бакуфу были хорошо ухоженными. Снова этот человек начал что-то шептать на ухо самому молодому и красивому чиновнику, Ватанабэ, как делал это время от времени в течение всего дня.

«Господи, как бы я хотел понимать, о чем они говорят», – раздраженно подумал Тайрер, решительнее, чем когда-либо, настроившись на то, чтобы сделать все возможное и выучить язык быстро.

Когда потрясенный и смущенный переводчик умолк, наступила глубокая тишина, нарушаемая лишь свистящим всасыванием воздуха через стиснутые зубы, хотя лица у всех оставались бесстрастными. Во время перевода Тайрер заметил, как двое из чиновников украдкой бросили взгляд на Ватанабэ.

Почему?

Теперь они, казалось, ждали чего-то. Ватанабэ опустил глаза, прикрылся веером и пробормотал что-то. В ту же секунду его узкоглазый сосед неловко поднялся и что-то коротко сказал. Все поднялись, с облегчением вздохнув, и без поклонов молча вышли, Ватанабэ – последним, не считая лишь переводчика.

– Иоганн, на этот раз они всё поняли как надо, – радостно произнес Тайрер.

– Да. И при этом изрядно взбеленились.

– Совершенно очевидно, что именно этого сэр Уильям и добивался.

Иоганн промокнул вспотевший лоб. Он был среднего роста, худой, сильный, с твердым, изрезанным морщинами лицом и темно-каштановыми волосами.

– Чем скорее вы станете переводчиком, тем лучше. Пора мне возвращаться домой, к своим горам и снегам, пока голова цела. Слишком много тут этих кретинов и слишком уж они непредсказуемы.

– Как переводчик, вы ведь пользуетесь многими преимуществами, – встревоженно проговорил Тайрер. – Узнаёте обо всем первым.

– И к тому же разношу дурные вести! Все вести теперь дурные, *top vieux*. Они ненавидят нас и ждут не дождутся, когда смогут выкинуть нас отсюда. Я подписал контракт с вашим министерством иностранных дел, подлежащий возобновлению по взаимному согласию. Так вот, срок контракта истекает через два месяца и три дня, и мой английский может идти к черту. – Иоганн подошел к буфету у окна и сделал большой глоток пива, которое заказал себе вместо чая. – Никакого продления, чем бы меня ни соблазняли. – Он вдруг широко улыбнулся. – *Merde*, это единственное, что мне будет жаль здесь оставить.

Тайрер рассмеялся, глядя на его хитрое, как у гнома, лицо.

– *Мусуме*? Вашу девушку?

– Вы быстро учитесь.

Во дворе чиновники рассаживались по паланкинам. Вся работа в саду прекратилась, с полдюжины садовников замерли на коленях, уткнувшись головой в землю. Мисамото ждал рядом с Ёси, сознавая, что достаточно одной ошибки, и ему уже никогда не стоять прямо, и отчаянно надеясь, что благополучно прошел первое испытание. «Так или иначе, я буду полезен этому ублюдку, – думал он на английском, – я буду служить ему, пока не смогу попасть назад на американский корабль, в мой рай, где я расскажу капитану, что эти подлые мерзавцы похитили меня из свиты Харриса...»

Он поднял глаза и окаменел. Ёси пристально смотрел на него.

– Господин?

– О чем ты думал сейчас?

– Я надеялся, что был вам полезен, господин. Я... Оглянитесь, господин! – вдруг прошептал он.

Андре Понсен спускался по ступеням миссии, направляясь к Ёси. В тот же миг телохранители образовали заслон вокруг своего господина. Не испугавшись, Понсен вежливо поклонился и сказал на сносном, хотя и несколько нетвердом японском:

– Господин, пожалуйста, извините, могу передать послание от моего господина, французского повелителя, пожалуйста?

– Какое послание?

– Он говорит, пожалуйста, возможно, вам нравится видеть пароход внутри, машину, пушки. Смиренно просит пригласить вас и чиновников. – Понсен подождал. Единственной реакцией был повелительный взмах веера, приказывающий ему удалиться. – Благодарю вас, господин, пожалуйста, извините меня.

Он зашагал назад к миссии, уверенный, что не ошибся. На нижней ступеньке он заметил Тайрера, наблюдавшего за ним из окна зала для приемов, стиснул зубы, чтобы не чертыхнуться, и махнул ему рукой. Тайрер помахал ему в ответ.

Когда последний самурай покинул двор миссии, садовники осторожно вернулись к работе. Один из них вскинул лопату на плечо и захромал прочь. Хирага, голова которого была обмотана какой-то грязной тряпкой, в рваном и вымазанном землей кимоно, был очень доволен успехом своего переодевания. Теперь он знал, как, когда и где должно будет произойти завтрашнее нападение.

На обратном пути к замку, вновь в безопасности своего паланкина – с Мисамото, который по его приказанию сидел в дальнем углу, – Ёси предался свободному течению мыслей. Он был все еще поражен невоспитанностью, с которой их выпроводили; не взбешен, как остальные, просто терпелив: «Месть свершится, я сам выберу время и способ.

Приглашение взглянуть на машины боевого корабля, осмотреть его весь? И-и-и-и, такой возможностью нельзя пренебречь. Опасно принимать такое предложение, но оно будет принято. – Его глаза остановились на Мисамото, который неподвижно смотрел в узкое окошко. Нет сомнения, этот преступник Мисамото был пока что

полезен ему. – Переводчики поступают глупо, не давая точного перевода. Глупо со стороны русского угрожать нам. Глупо повели себя все они, проявив такую грубость. Слуга-китаец совершил глупость, когда назвал нас мартышками. Очень большую глупость. Что ж, я разберусь с каждым из них, с одними раньше, с другими позже.

Но как быть с их вождями и с их флотом?»

– Мисамото, я решил не отсылать тебя назад в караульное помещение. В течение двадцати дней ты будешь жить с моими вассалами и будешь и дальше учиться вести себя как самурай.

Голова Мисамото немедленно коснулась пола паланкина.

– Благодарю вас, господин.

– Если останусь тобой доволен. А теперь, что произойдет завтра?

Мисамото заколебался, похолодев от ужаса. Первое правило выживания гласило: никогда не приноси самураю дурную вест, не открывай рта, держи все, что знаешь, при себе, но если тебя заставят сказать, говори любому только то, что он, по-твоему, хочет услышать. Совсем не так, как там, в Америке, в этом рае на земле.

«Ответ очевиден, – хотел выкрикнуть он, возвращаясь к своей привычке думать на английском – единственное, что не дало ему сойти с ума за годы его заточения, – если бы ты видел, как относятся гайдзины друг к другу в семье, где я жил, как они обращались со мной, слугой, конечно, но и в этом случае как с человеком – я даже представить себе не мог, что ко мне могут так относиться; как каждый человек в их стране может ходить с высоко поднятой головой и иметь при себе нож или пистолет, исключая только большинство черных; с каким нетерпением они стараются решить одну проблему, чтобы скорее взяться за следующую, – решить, если нужно, кулаком, пулей или пушками – и почти все они равны перед своим законом, и нет у них ни вонючих даймё, ни самураев, которые могут убить тебя когда вздумается...»

– Отвечай мне правду всегда, если тебе дорога жизнь, – тихо произнес Ёси, угадав его опасения.

– Конечно, господин, всегда. – Замирая от ужаса, Мисамото подчинился и сказал, зажмурив глаза, словно прыгнул в пропасть: – Мне очень жаль, господин, но если они не получают то, что хотят, я думаю, они... они сровняют Эдо с землей.

«Я согласен, но только в случае, если мы окажемся полными глупцами», – подумал Ёси.

– Их пушки в состоянии сделать это?

– Да, господин. Замок они не разрушат, но город сожгут.

«А это было бы глупой растратой запасов рода Торанага. Нам лишь пришлось бы заменить их всех: крестьян, ремесленников, куртизанок, торговцев, чтобы они продолжали обслуживать нас, как обычно».

– Тогда как бы ты дал им немного супа, но ни кусочка рыбы? – спросил Ёси.

– Прошу извинить меня, я не знаю, господин, не знаю.

– В таком случае подумай. И дай мне свой ответ на рассвете.

– Но... слушаюсь, господин.

Ёси откинулся на шелковые подушки и сосредоточился на вчерашнем заседании старейшин. «В конце концов Андзё принужден был отменить свой приказ об оставлении замка, ибо без неоспоримого большинства этот приказ все равно не имел бы силы, поэтому Ёси, как официальный опекун, наложил запрет на отъезд сёгуна.

Я победил на этот раз, но только потому, что этот упрямый старый дурень Тояма настоял на том, что голосует за свой безумный план нападения, и, таким образом, не проголосовал ни за меня, ни против меня. Андзё прав: обычно остальные двое голосуют вместе с ним против меня. Не потому, что признают его заслуги, а потому, что я – это я, тот Торанага, который должен был бы стать сёгуном вместо этого глупца-мальчишки».

Поскольку Ёси чувствовал себя в паланкине в безопасности – он был один, не считая Мисамото, который не мог знать его сокровенных мыслей, – он позволил своему разуму приоткрыть ячейку, помеченную «Нобусада», тайную из тайных, такую изменчивую, такую опасную и постоянно хранящуюся в его голове.

«Как мне быть с ним?

Я не могу долее сдерживать его. Он беспомощен, как птенец, и сейчас попал в самые губительные когти из всех – коготки принцессы Иядзу, шпионки императора, которая смертельно ненавидит сёгуна, расстроивший ее помолвку с обожаемым другом детства, с ее принцем, таким красивым и завидным женихом; сёгунат вынудил ее навсегда оставить Киото, всех своих родных и друзей, и выйти замуж за хилого

мальчишку, чей орган, едва восстав, никнет, как знамя на летней жаре, и может на всю жизнь оставить ее бездетной.

Теперь она задумала этот государственный визит в Киото, чтобы поклониться императору, – блестящий замысел, который нарушит тонкий баланс, поддерживавшийся веками: „Власть подчинять себе всю империю даруется императорским указом сёгуну и его наследникам, он назначается также главой Сыскного ведомства, следящего за исполнением законов. Таким образом, приказы, отдаваемые сёгуном всей стране, являются ее законами“.

За первым визитом обязательно последует второй, – подумал Ёси, – и тогда править будет император, а не мы. Нобусада никогда не поймет этого, его взгляд затуманен ее коварными уловками.

Что же делать?»

Вновь Ёси пустился в путь по исхоженной взад и вперед, но такой потайной для всех тропинке: «Он мой законный господин и повелитель. Я не могу убить его своей рукой. Его слишком хорошо охраняют, так что, убив его, я должен быть готов отдать и свою жизнь, а такой готовности у меня пока еще нет. Другие средства? Яд. Но тогда меня заподозрят, и с полным основанием, и даже если я смогу вырваться из пут, удерживающих меня в этих стенах – ведь я такой же пленник, как этот Мисамото, – страна будет ввергнута в нескончаемую гражданскую войну, в выигрыше останутся только гайдзины и, что хуже всего, я нарушу клятву верности, которую принес сёгуну, кто бы им ни был, и Завещанию.

Я должен позволить другим убить его для меня. Сиси? Я мог бы помочь им, но помогать врагам, которые поклялись уничтожить тебя самого, опасно. Есть еще и другая возможность. Боги».

Ёси закрыл эту ячейку до следующего раза и снова задумался о Совете. «Что я скажу им? Сейчас они, конечно, уже знают, что я встречался с гайдзинами. Я буду настаивать на соблюдении в будущем одного абсолютного правила: мы должны посылать только умных людей на эти встречи. Что еще? Обязательно расскажу им о солдатах гайдзинов: все гигантского роста, в этих своих алых мундирах, коротких юбках и огромных шапках с перьями, каждый вооружен замковым ружьем, начищенным до блеска, – они заботятся о них так же, как мы о своих клинках.

Стоит ли мне говорить им, что эти враги глупы, не имеют понятия об утонченности и ими можно манипулировать, используя их собственные нетерпение и ненависть, – Мисамото сообщил мне достаточно, чтобы заключить, что они капризны и полны ненависти не меньше, чем любой из наших даймё? Нет, это я оставлю при себе. Но я скажу им, что завтра наша делегация не справится со своей задачей, если мы не изобретем отсрочки, на которую гайдзины с радостью согласятся.

Что же это будет?»

– Этот посланный, Мисамото, – лениво произнес он, – высокий человек с большим носом, почему он говорил как женщина, использовал слова женской речи? Он что, наполовину мужчина, наполовину женщина?

– Я не знаю, господин. Может быть, и так. На кораблях у них много таких, господин, хотя они это скрывают.

– Зачем?

– Не знаю, господин. Их трудно понять. Они не говорят о совокуплении так открыто, как мы, не обсуждают, какая поза лучше или кто им нравится больше, мальчик или женщина. В отношении же того, что он говорит как женщина: на их языке мужчины и женщины говорят одинаково, то есть используют одни и те же слова, господин, не как японцы. Те немногие матросы, которые умели сказать несколько слов на нашем языке, – я встречал таких, это были люди, побывавшие в Нагасаки, – все они говорили так же, как этот длинноносый, потому что единственными японцами, с кем они общались здесь, были шлюхи, они учили наши слова у шлюх. Они не подозревают, что наши женщины говорят не так, как мы, мужчины, господин, и используют другие слова, отличные от наших, как и пристало цивилизованным людям.

Ёси скрыл внезапно охватившее его волнение. «Наши продажные женщины – их единственная реальная связь с нашим миром, – подумал он. – И своя шлюха, разумеется, есть у каждого из них. Поэтому в качестве одного из способов управлять ими, даже нападать на них, мы можем использовать тех, с кем они делят ложе, женщин или мальчиков».

– Я не отдам приказа своему флоту открыть огонь по Эдо без официального письменного приказа Адмиралтейства или министерства иностранных дел, – сказал адмирал. Лицо его покраснело. – Мои инструкции требуют быть осмотрительным, так же как и ваши. Это не карательная экспедиция.

– Ради бога, произошло убийство, и мы обязаны отреагировать. Конечно же, это карательная экспедиция!

Сэр Уильям был зол не в меньшей степени. Только что пробили восемь склянок, полночь, они сидели за круглым столом в адмиральской каюте на флагмане. Кроме них, за столом присутствовал лишь генерал Томас Огилви. Каюта была просторная, с низким потолком и тяжелыми балками, через кормовые окна были видны штаговые огни других кораблей.

– Повторяю, по моему мнению, их можно сломить только силой.

– Клянусь Богом, заручитесь приказом, и я сломя их! – Адмирал вновь наполнил свой бокал портвейном из почти пустого хрустального графина. – Томас?

– Благодарю. – Генерал протянул ему свой бокал.

Стараясь сдержаться, сэр Уильям произнес:

– Лорд Рассел уже отдал нам распоряжение вытребовать у бакуфу двадцать пять тысяч фунтов репараций за убийства, совершенные в миссии в прошлом году, когда погибли сержант и капрал, – он будет еще более возмущен этим новым инцидентом. Я знаю его, вы – нет, – добавил он, преувеличив немного для вящего эффекта. – Его одобрение я получу не раньше чем через три месяца. В этот раз мы должны получить полное удовлетворение, иначе убийства будут продолжаться. Без вашей поддержки я не могу маневрировать на переговорах.

– Я вас поддерживаю полностью, исключая лишь войну, клянусь Господом! Обстрел их столицы автоматически вовлекает нас в войну с ними. Сейчас мы не готовы к этому. Томас? Вы согласны со мной?

– Окружить деревню вроде Ходогайи, – осторожно произнес генерал, – уничтожить несколько сотен дикарей и заковать мелкого туземного царька в цепи – это совсем не то, что занять и удерживать этот огромный город и блокировать замок.

– Как же тогда быть с вашим заявлением, что «невозможно вообразить себе операцию, которую силы под моим командованием не

в состоянии осуществить в кратчайшие сроки»? – заметил сэр Уильям, испепеляя его взглядом.

Генерал побагровел:

– То, что говорится при всех, как вам хорошо известно, имеет мало общего с практикой, как вам хорошо известно! Эдо – задача иного масштаба.

– Совершенно верно. – Адмирал осушил свой бокал.

– Тогда что вы предлагаете? – Молчание сгущалось. Ножка бокала сэра Уильяма вдруг хрустнула у него в пальцах, заставив всех вздрогнуть от неожиданности. – Черт! – воскликнул он. Это, однако, отвлекло его и до некоторой степени остудило его гнев. Небрежным жестом он взял салфетку и промокнул вино. – Я здесь посланник. Если я сочту необходимым отдать такой приказ, а вы откажетесь подчиниться, на что, разумеется, имеете право, я, как вы сами понимаете, подам прошение о вашей немедленной замене на этом посту.

Шея адмирала стала лиловой.

– Я уже представил все факты в Адмиралтейство. Но, пожалуйста, не поймите меня превратно: я более чем всегда готов искать отмщения за убийство Джона Кентербери и нападение на остальных. Если речь пойдет об Эдо, мне необходим только письменный приказ, как я уже говорил. Какая разница, сейчас или через три месяца, спешить нам некуда, эти дикари заплатят все, что с них причитается, этим городом или сотней других.

– Да, заплатят обязательно, клянусь Богом. – Сэр Уильям поднялся.

– Прежде чем вы уйдете, у меня есть для вас еще кое-какая важная информация: я не могу обещать, что флот так долго простоит на якоре. Мои корабли беззащитны, морское дно здесь мелкое, это чревато большими неприятностями, погода обещает испортиться, в Иокогаме мы в большей безопасности.

– Как долго вы еще сможете здесь находиться?

– День... не знаю, я не управляю погодой, которая в этом месяце очень изменчива, как вы, вероятно, и сами знаете.

– Да, я это знаю. Ну что же, позвольте мне откланяться. Прошу вас обоих прибыть к десяти часам на завтрашнюю встречу. Будьте добры, произведите салют на рассвете при поднятии флага. Томас,

пожалуйста, переправьте на берег две сотни драгун и оцепите район вокруг пристани.

– Могу я поинтересоваться, зачем вам понадобились еще двести человек? – тут же спросил генерал. – Я уже высадил на берег целую роту.

– Возможно, я решу взять заложников. Спокойной ночи. – Он тихо прикрыл за собой дверь.

Двое оставшихся за столом долго смотрели на нее, не отрывая взгляда.

– Он это серьезно?

– Не знаю, Томас. Но с нашим достопочтенным порывистым Уильямом, черт бы его побрал, Айлсбери, никогда ничего не знаешь наперед!

Глава 11

Четверг, 18 сентября

Гостиница Сорока Семи Ронинов стояла в грязном проулке недалеко от замка Эдо. От немощной дороги ее отделяла высокая, неприглядная с виду ограда, которая почти целиком скрывала ее от глаз прохожих. С улицы гостиница казалась бедной и ничем не примечательной. Внутреннее же ее убранство отличалось роскошью и богатством, а ограда была прочной. Заботливо ухоженные сады окружали широко раскинувшееся одноэтажное здание гостиницы, а также ее многочисленные, отдельно стоящие домики с одной-единственной комнатой, поднятые невысоко над землей на низких столбах и предназначенные для особых гостей и уединения. Постоянными клиентами гостиницы были богатые купцы, но она также служила тайным приютом для некоторых из сиси.

Сейчас, перед самым рассветом, в гостинице было тихо: все клиенты, куртизанки, мама-сан, прислужницы и слуги мирно спали. Кроме сиси. Они бесшумно вооружались.

Ори сидел на веранде одного из маленьких домиков, спустив кимоно до пояса. С огромным трудом он менял повязку на простреленном плече. Рана воспалилась и теперь была огненно-красной, горела и на любое прикосновение отвечала пронзительной болью. Вся рука пульсировала, и он понимал, что ему срочно необходим врач. Однако, невзирая на это, он сказал Хираге, что приводить врача в гостиницу или самому идти к нему было опасно.

— Меня могут выследить. Мы не можем так рисковать, Эдо — главное убежище всех Торанага, и тут слишком много шпионов.

— Я согласен. Возвращайся в Канагаву.

— Когда закончим дело здесь.

Его палец соскользнул и царапнул нагноившуюся рану, боль пронзила его до самых внутренностей. Пока можно не спешить, доктор еще успеет разрезать ее и выпустить яд, думал он, лишь наполовину веря в это. Карма. И если после вскрытия рана все равно будет продолжать нагнаиваться, это тоже карма. Он был так поглощен

своим занятием, что не слышал, как через ограду в сад проскользнул ниндзя и подкрался к нему сзади.

Его сердце подпрыгнуло от страха, когда рука в черном зажала ему рот, чтобы он не мог крикнуть.

– Это я, – сердито прошептал Хирага, потом отпустил его. – Я мог бы убить тебя двадцать раз.

– Да. – Ори с трудом изобразил на лице улыбку и показал рукой. В кустах прятался другой самурай, стрела лежала на его поднятом луке. – Но охрану несет он, а не я.

– Хорошо. – Хирага приветствовал охранника и, смягчившись, стянул с головы маску. – Остальные внутри и готовы, Ори?

– Да.

– А как твоя рука?

– Прекрасно.

Ори судорожно хватил ртом воздух и лицо его исказилось от боли, когда рука Хираги, как черная змея, метнулась вперед и сжала его плечо. На глазах выступили слезы, но он не проронил ни звука.

– Ты будешь нам помехой. Тебе нельзя идти с нами сегодня. Ты возвращаешься в Канагаву.

Хирага поднялся на веранду и вошел внутрь. Вне себя от отчаяния, Ори последовал за ним. Одиннадцать сиси сидели на тонком татами, все были вооружены. Девять соотечественников Хираги из Тёсю. Два новичка из земли Мори, они убежали и вымолили у Хираги разрешение присоединиться к ним.

– Я не смог подобраться к храму или к миссии ближе чем на двести шагов, – устало сообщил им Хирага. – Поэтому мы не сможем сжечь ее и убить князя Ёси вместе с остальными бакуфу, когда они придут. Это невозможно. Мы должны устроить на него засаду где-то в другом месте.

– Извините меня, Хирага-сан, но вы уверены, что это был князь Ёси? – спросил один из людей Мори.

– Да, я уверен.

– Я по-прежнему не могу поверить, что он рискнул выйти из замка с небольшой охраной только для того, чтобы встретиться с какими-то вонючими гайдзинами, даже переодевшись. Он слишком умен и, без сомнения, знает, что является главной мишенью для сиси, не считая сёгуна, большей даже, чем предатель Андзё.

– Он вовсе не так хитер, я узнал его, однажды я оказался рядом с ним в Киото, поэтому я знаю его в лицо, – ответил Хирага, в глубине души не доверяя ни одному из самураев Мори. – Какая бы ни была тому причина, он мог рискнуть посетить миссию без охраны один раз, но не два. Я уверен, именно поэтому самураи бакуфу там сейчас кишмя кишат. Но завтра он снова выйдет из замка. Для нас это возможность, которую мы не можем упустить. Где бы мы могли устроить засаду? Знает кто-нибудь?

– Это зависит от количества самураев, которые будут сопровождать кортеж, – сказал опять один из Мори. – Если встреча вообще состоится, как того хотят гайдзины.

– Если? Ты думаешь, князь Ёси стал бы прибегать к уловке?

– Я бы прибег, будь я на его месте. Не зря ему дали прозвище Лисица.

– И как бы ты поступил?

Человек поскреб ногтями подбородок:

– Придумал бы какую-нибудь отговорку, перенес встречу.

Хирага нахмурился:

– Но если он все же отправится в миссию, как и вчера, в каком месте пути он был бы наиболее уязвим?

– При выходе из паланкина. На переднем дворе гайдзинов.

– Туда нам не пробраться, даже если мы предпримем отчаянный бросок, заранее обрекая себя на смерть.

Молчание стало еще более глубоким. Потом Ори тихо сказал:

– Чем ближе к воротам замка, тем спокойнее будут чувствовать себя его военачальники, следовательно, тем меньше телохранителей будет находиться в непосредственной близости от него и тем ниже будет их бдительность, на пути из замка... или при возвращении в него.

Хирага удовлетворенно кивнул и улыбнулся ему, потом сделал знак одному из своих соотечественников.

– Когда все проснутся, скажи маме-сан, пусть приведет Ори врача, тайно и без промедления.

– Мы ведь уже решили, что это рискованно, – тут же возразил Ори.

– Все, что имеет ценность, следует оберегать. Ваша идея безупречна.

Ори благодарно поклонился:

– Тогда мне лучше самому к нему пойти, *neh*?

С первыми лучами солнца Филип Тайрер быстрым шагом спустился к причалу с двумя шотландцами, сержантом и рядовым, за спиной.

– Господь милосердный, Филип, двух человек охраны больше чем достаточно, – сказал ему сэр Уильям минуту назад. – Если джапо затевают недоброе, всего нашего гарнизона не хватит, чтобы защитить вас. Мое послание должно быть доставлено адмиралу Кеттереру, и посланник – вы. До свидания!

Как и сэру Уильяму, ему пришлось пройти сквозь сотни хранящих молчание самураев, которые собрались у миссии перед самым рассветом. Никто не угрожал ему и, казалось, даже не замечал его присутствия, удостаивая его самое большее коротким взглядом. Теперь впереди лежало море. Он ускорил шаг.

– Стой, кто идет, а то снесу голову, к чертям собачьим! – произнес голос из белесой мглы, и он встал как вкопанный, неловко взмахнув руками.

– Разрази меня гром! – ответил Тайрер, чувствуя, как от страха колотится сердце. – Кто еще, черт подери, это может быть, по-вашему, если не я?! У меня срочное послание к адмиралу и генералу.

– Виноват, сэр.

Тайрер быстро прыгнул в катер, и матросы налегли на весла, держа курс на флагман. Он был готов плакать от радости, что выбрался из ловушки, в которую превратилась миссия, и всю дорогу подгонял гребцов, а потом взлетел по трапу, прыгая через две ступеньки.

– Привет, Филип! – Марлоу был вахтенным офицером на главной палубе. – Что там, дьявол меня задери, стряслось?

– Хеллоу, Джон, где адмирал? У меня к нему срочная депеша от сэра Уильяма. Наша миссия окружена целыми тысячами этих ублюдков.

– Господи! – Марлоу торопливо повел его вниз по трапу и к корме. – Как же, черт побери, тебе удалось выбраться?

– Просто спустился пешком. Они пропустили меня через свои ряды, не проронив ни словечка. Представляешь, ни один из них даже рта не раскрыл, просто расступились и дали мне пройти. Не боюсь

признаться, что я чуть не рехнулся от страха, – они там повсюду, кроме территории самой миссии и причала.

Морской пехотинец, стоявший в карауле перед дверью каюты, отдал честь:

– Доброе утро, сэр.

– Срочная депеша адмиралу.

В тот же миг знакомый голос прорезал дверь каюты, как стальной клинок занавеску:

– Так давайте же ее сюда, Марлоу, ради бога! Депеша от кого?

Марлоу вздохнул и открыл дверь:

– От сэра Уильяма, сэр.

– Какого черта этот идиот натворил на... – Адмирал Кеттерер замолчал, заметив Тайрера. – О, вы его помощник, не так ли?

– Ученик-переводчик, сэр, Филип Тайрер. – Он протянул ему письмо. – Э-э, сэр Уильям шлет вам свое почтение, сэр.

Адмирал вскрыл пакет. Кеттерер был в длинной фланелевой ночной рубашке и мятом ночном колпаке, на носу сидели очки в тонкой оправе, которыми он пользовался при чтении. Поджав губы, он прочитал следующее:

Я почитаю за лучшее отменить Ваше присутствие на сегодняшней встрече, так же как и присутствие генерала и всех министров. Мы полностью окружены сотнями, если не тысячами до зубов вооруженных самураев. До этих пор они не предприняли никаких враждебных действий и не препятствовали никому покидать миссию, пока. Разумеется, японцы в полном праве располагать свои войска везде, где им заблагорассудится, – возможно, все это просто спектакль, имеющий целью вывести нас из равновесия.

Из соображений безопасности, однако, я встречусь с бакуфу один – если они появятся, как мы того потребовали. (Если это случится, я подниму на мачте голубой вымпел и приложу все силы, чтобы известить Вас о том, какой оборот принимают события.) Если бакуфу не появятся, я буду ждать еще день или два, потом, возможно, мне придется отдать приказ о позорном отступлении. Тем временем, если Вы увидите, что флаг над миссией спущен, это будет означать, что она взята штурмом. В таком случае Вы можете

предпринимать любые действия, какие сочтете нужными. Остаюсь, сэр, Вашим покорнейшим слугой...

Адмирал внимательно перечитал письмо, потом, приняв решение, распорядился:

– Мистер Марлоу, попросите капитана и генерала немедленно зайти ко мне. Передайте на все корабли следующий приказ: «Безотлагательно занять места по боевому расписанию. Всем капитанам прибыть на флагман в полдень». Далее, просигнальте всем посланникам просьбу не отказать в любезности появиться здесь, у меня, как можно скорее. Мистер Тайрер, позавтракайте чем-нибудь на скорую руку и будьте готовы отправиться назад с ответом через несколько минут.

– Но, сэр, вам не кажется, что...

Адмирал уже ревел во всю глотку на закрытую дверь:

– Джонсон!

Его денщик тут же появился на пороге.

– Цирюльник уже направляется к вам, сэр, ваш мундир заново отутюжен, завтрак готов, подадут сразу же, как только вы сядете за стол, овсянка горячая!

Взгляд Кеттерера упал на Марлоу и Тайрера.

– Какого дьявола вы еще ждете?

В Иокогаме катер Струанов – единственное во всей Японии судно такого размера с гребным винтом и паровой машиной, – качнувшись, уперся бортом в причал. Свежий порывистый ветер поднял небольшую волну на море, сереющем под низко нависшими облаками. Джейми Макфей проворно поднялся по ступеням и быстро зашагал вдоль причала к двухэтажному зданию компании, которое горделиво возвышалось над остальными домами на Хай-стрит. Едва минуло восемь часов, но он уже успел побывать на почтовом пакетботе, появлявшемся здесь два раза в месяц, – корабль пришел на рассвете, – где забрал почту, депеши и свежие газеты, которые его слуга-китаец теперь выгружал из катера в тележку. Два конверта Макфей нес зажатыми в руке: один был вскрыт, другой запечатан.

– Доброе утро, Джейми. – Габриэль Неттлсмит выступил ему наперерез, отделившись от группы сонных торговцев, ожидавших,

когда подойдут их катера и баркасы. Неттлсмит, низкий, круглый, неопрятный человечек, распространявший вокруг себя запах чернил, нестираной одежды и сигар, которые он курил постоянно, являлся редактором и издателем «Иокогама гардиан», единственной газеты Поселения, одной из многих газет в Азии, принадлежавших дому Струанов, тайно или открыто. – Ну что там?

– Много всего... будь так добр, зайди ко мне, позавтракаем вместе. Извини, сейчас должен бежать.

Даже в отсутствие флота гавань имела оживленный вид: катера сновали между полусотней торговых судов, другие облепили пакетбот, третьи спешили к нему или уже возвращались. Джейми прибыл на берег первым, для него это было делом принципа, а также давало известные преимущества в бизнесе, ибо цены на основные продукты, которых всегда не хватало, могли колебаться просто бешено, в зависимости от последних известий. Прямой путь от Гонконга до Иокогама на паровом пакетботе занимал девять дней, с заходом в Шанхай – около одиннадцати, и это при хорошей погоде. Почта из дома, то есть из Англии, шла восемь-двенадцать недель, если позволяла погода и пираты, и дни ее прибытия всегда были днями общего оживления – для кого-то радостными, для кого-то ужасными, для кого-то чем-то средним между тем и другим, но, несмотря ни на что, всегда желанными, всегда долгожданными, всегда с жаром поминавшимися в молитвах.

Норберт Грейфорт, глава японского отделения компании «Брок и сыновья», главного соперника компании Струана, все еще находился в сотне ярдов от берега. Он удобно расположился в середине баркаса, наблюдая за Макфеем в подзорную трубу; гребцы изо всех сил налегали на весла. Макфей знал, что на него смотрят, но сегодня это его не беспокоило. «Этот сукин сын и так скоро все узнает, если уже не узнал», – подумал он, испытывая страх, обычно ему несвойственный. Страх за Малкольма Струана, за компанию, за себя самого, за будущее и за свою ай-дзин – возлюбленную, которая столь же терпеливо, как и он, ждала встречи с ним в их крошечном домике в Ёсиваре за оградой, по ту сторону канала.

Он ускорил шаг. Трое или четверо пьяных лежали в канаве на Хай-стрит, похожие на старые мешки с углем, другие валялись тут и там по всему берегу. Он перешагнул через одного, избежал встречи с

буйной компанией подвыпивших матросов с торгового корабля, ковылявших на нетвердых ногах к своим лодкам, взбежал по ступеням в просторный холл фактории Струанов, поднялся по лестнице на площадку второго этажа и прошел по коридору, который вел к анфиладе комнат, тянувшейся на всю длину товарного склада вниз и разбитой на несколько покоев.

Он осторожно открыл одну из дверей и заглянул внутрь.

– Привет, Джейми, – произнес Малкольм Струан с постели.

– О, привет, Малкольм, доброе утро. Я не был уверен, что ты проснулся.

Он вошел, закрыв за собой дверь, отметил про себя, что дверь в соседнюю комнату была приоткрыта, и подошел к огромной кровати из тика под балдахином на четырех столбах, которая, как и вся остальная мебель, прибыла сюда с Гонконга или из Англии. Малкольм Струан полулежал, опираясь на подушки, с бледным вытянутым лицом – вчерашний переезд морем из Канагавы отнял у него еще больше драгоценных сил, хотя доктор Бебкотт дал ему лауданум и они постарались, чтобы его как можно меньше трясло и качало по дороге.

– Как ты себя чувствуешь сегодня?

Струан лишь посмотрел на него в ответ, его голубые глаза словно выцвели и глубоко запади в потемневших глазницах.

– Новости с Гонконга неважные, да? – Слова были сказаны в упор, и их прямота лишила Макфея возможности как-то смягчить ответ.

– Да, извини. Ты услышал сигнальный выстрел?

Всякий раз, когда на горизонте появлялся пакетбот, начальник гавани давал выстрел из пушки, чтобы оповестить об этом Поселение, – обычай, который соблюдался по всему миру, везде, где только имелись Поселения.

– Да, – ответил Струан. – Прежде чем ты расскажешь мне о плохих новостях, закрой дверь в ее комнату и дай мне горшок.

Макфей подчинился. С другой стороны двери находилась гостиная, а за ней – спальня, лучшая комната во всем здании, которую обычно оставляли исключительно для тайпана, отца Малкольма. Вчера, по настоянию Малкольма и с ее счастливого согласия, там разместили Анжелику. Тотчас же эта новость разнеслась по всему Поселению, питая слухи и сообщения о том, что их Анжелика стала новой Леди с Лампой. Повсюду заключались пари на тот счет,

ухаживала ли она за Струаном только как сестра милосердия, и не было ни одного мужчины, который не хотел бы поменаться с ним местами.

Макфей вздохнул, вспоминая: несколько пьяных оплеух, пара разбитых бутылок, потом обоих драчунов вышвырнули на улицу, но не прошло и часа, как они вползли обратно и были встречены приветственным смехом и шутками. Вчера ночью, перед тем как самому лечь спать, он осторожно заглянул сюда: Малкольм спал, она клевала носом в кресле у его кровати. Он разбудил ее, мягко коснувшись плеча:

– Будет лучше, если вы пойдете ляжете, мисс Анжелика. Он теперь не проснется до утра.

– Да, спасибо, Джейми.

Макфей смотрел, как она в полудреме сладко потянулась всем телом, словно молодая довольная кошечка. Ее волосы рассыпались по обнаженным плечам, талия платья была поднята высоко, и оно падало свободными складками, которые так нравились императрице Жозефине полвека тому назад и которые парижские модельеры опять пытались ввести в моду. Все ее существо пульсировало, напоенное столь притягательной для мужчин жизненной силой. Его собственные апартаменты располагались дальше по коридору. Он долго не мог уснуть в ту ночь.

Струан весь покрылся потом. Усилие, которое ему требовалось сделать, чтобы оправиться, было огромным. И ничтожным был результат этих адских мучений: никакого кала и лишь чуть-чуть мочи с кровью.

– Теперь, Джейми, что там за скверные новости?

– Ну, видишь ли...

– Ради бога, да говори же!

– Твой отец скончался девять дней назад, в тот самый день, когда пакетбот вышел из Гонконга прямо к нам, не через Шанхай. Похороны должны были состояться тремя днями позже. Твоя мать просит меня устроить твоё возвращение, немедленно. Пакетбот отсюда с известием о твоём... о том, как тебе не повезло, прибудет в Гонконг не раньше чем через четыре-пять дней. Мне очень жаль, – неловко добавил он.

Струан услышал только первое предложение. Новость не была неожиданной, и все же она резанула его так же яростно, как удар меча

в бок. Он испытал огромную радость и глубокую печаль, эти чувства перемешались, его охватило возбуждение при мысли о том, что после стольких лет ожидания он по-настоящему сможет управлять компанией – не к этому ли его готовили всю его жизнь? – компанией, которая годами истекала кровью, которую годами спасала от развала его мать, мягко убеждая, уговаривая, направляя, поддерживая отца в трудные времена. А трудные времена никогда не проходили, главным образом потому, что отец пил – это было единственное, что помогало ему выносить дикие головные боли и приступы лихорадки Счастливой Долины, малярии, гнилого воздуха, таинственной смертельной болезни, которая была бичом первых поселенцев в Гонконге, но с которой теперь иногда удавалось справиться с помощью настоя из какой-то коры, который назывался хинин.

«Не могу вспомнить ни одного года, когда на отца по крайней мере дважды не нападала бы трясучка, приковывавшая его к постели на месяц, а то и больше; он терял сознание и бредил целыми днями кряду. Даже вливания бесценного настоя хинной корки, которую дед привез из Перу, не излечивали его полностью, хотя и не давали лихорадке убить его, возвращая к жизни, как и почти всех остальных, кто ею болел. Однако этот настой не помог бедной крошке Мэри, четыре годика ей тогда было, мне – семь, и с тех пор я постоянно помню о смерти, о ее значении и непреложной окончательности».

Он тяжело вздохнул. «Хвала Создателю, ничто не коснулось моей матери – ни болезни, ни лихорадка, ни возраст, ни удары судьбы. Она все еще молода – ей нет и тридцати восьми, – все так же стройна после семи детей, негибкая опора для всех нас, способная вынести любую бурю, любую катастрофу, даже яростную, незатухающую ненависть и вражду между ней и ее родным отцом Тайлером Броком, будь он проклят!.. Даже трагедию прошлого года, когда любимцы семьи, близнецы Роб и Данросс, утонули в море у Шек-О, где стоит наш летний дом. И вот теперь бедный отец. Столько смертей.

Тайпан. Теперь я тайпан Благородного Дома».

– Что? Ты что-то сказал, Джейми?

– Я просто сказал, что мне очень жаль, тайпан, и... и вот письмо от твоей матери.

Струан, с трудом подняв руку, принял конверт:

– Какой способ вернуться в Гонконг для меня самый быстрый?

– «Морское облако», но клипер будет здесь не раньше чем через две-три недели. Те торговые суда, что стоят в заливе сейчас, медлительны, и ни одно из них не пойдет в Гонконг раньше чем через неделю. Пакетбот был бы быстрее всего. Мы могли бы устроить так, что он без задержки отправится в обратный путь, но он заходит в Шанхай.

После вчерашнего переезда мысль об одиннадцатидневном путешествии по морю, скорее всего бурному – возможно, они даже попадут в тайфун, – ужаснула Малкольма. Но и в этом случае он сказал:

– Поговори с капитаном. Убеди его идти прямо в Гонконг. Что еще пришло с почтой?

– Я не все просмотрел, но вот здесь... – Сильно встревоженный внезапной бледностью Струана, Макфей протянул ему номер «Гонконг обсервер». – Боюсь, ничего, кроме новых неприятностей: Гражданская война в Америке набирает силу, идет с переменным успехом, десятки тысяч погибших – сражения у Шайло, Фер-Оукс, в дюжине других мест, еще одно сражение у Булл-Рана, в котором армия северян потерпела жестокое поражение. С изобретением замковых ружей, пулеметов и пушек с нарезным стволом война навсегда стала другой. Цены на хлопок взлетели до небес, флот северян по-прежнему блокирует все порты Юга. Очередная паника на фондовых биржах Лондона и Парижа, вызванная слухами о том, что прусские войска вот-вот вторгнутся во Францию. С тех пор как в декабре умер принц-консорт, королева Виктория еще не появлялась на людях – говорят, она тоскует так, что может умереть. Мексика: мы вывели оттуда свои войска теперь, когда стало ясно, что этот психопат Наполеон Третий решительно настроен сделать ее французским владением. Голод и бунты по всей Европе. – Макфей нерешительно помолчал. – Могу я принести тебе что-нибудь?

– Новый желудок. – Струан бросил взгляд на конверт, который сжимал в руке. – Джейми, оставь мне газету, просмотри почту, потом возвращайся, и мы решим, что нужно сделать здесь до того, как я уеду...

Раздался легкий шорох, и они оглянулись на дверь в соседнюю комнату, которая оказалась наполовину открытой. На пороге стояла

Анжелика. Поверх ночной рубашки был наброшен элегантный пеньюар.

– Привет, *chéri*, – тут же произнесла она. – Мне показалось, я слышала голоса. Как ты себя сегодня чувствуешь? Доброе утро, Джейми. Малкольм, ты выглядишь гораздо лучше. Тебе нужно что-нибудь? Скажи, я принесу.

– Нет, спасибо. Входи. Присаживайся, ты выглядишь восхитительно. Тебе хорошо спалось?

– Не слишком, но это не важно, – ответила она, хотя спала превосходно. Благоухая духами, она с милой улыбкой коснулась его и села рядом. – Позавтракаем вместе?

Макфей заставил себя оторвать от нее взгляд и сосредоточиться на делах.

– Я вернусь, когда со всеми договорюсь и все устрою. Джорджа Бебкотта я предупрежу.

Когда дверь закрылась за ним, Анжелика провела ладонью по нахмуренному лбу Струана, и он поймал ее руку, с любовью глядя на нее. Конверт соскользнул на пол. Она подняла его. Слегка сдвинула брови.

– Почему ты такой печальный?

– Отец умер.

Его печаль вызвала слезы у нее на глазах. Ей всегда было очень легко расплакаться, слезы появлялись почти что по желанию, и она с раннего детства знала, какое действие они оказывают на других, особенно на ее тетю и дядю. Все, что ей для этого нужно было сделать, – это вспомнить, как ее мама умерла, подарив жизнь ее брату.

– Но, Анжелика, – всегда говорила ей тетя страдающим голосом, – бедный крошка Жерар твой единственный брат, другого настоящего брата у тебя уже никогда не будет, даже если этот твой никчемный отец женится во второй раз.

– Я ненавижу его.

– Он не виноват в этом, бедный мальчик, его роды были ужасными.

– Мне все равно, он убил маман, убил ее!

– Не плачь, Анжелика...

И вот сейчас Струан повторял те же самые слова – слезы пришли легко, потому что ей действительно было жаль его. «Бедный

Малкольм, надо же, потерять отца — его отец был милым человеком, милым со мной. Бедный Малкольм, он старается быть мужественным. Ладно, скоро ты поправишься, и сейчас быть рядом уже гораздо легче: запах пропал, то есть почти пропал». Неожиданно в ее сознании возник призрак ее собственного отца: «Не забывай, что этот Малкольм скоро унаследует все: корабли, власть и...» — «Я не стану думать об этом. Или... или о той, другой, вещи».

Она вытерла слезы:

— Ну вот, а теперь расскажи мне все.

— Рассказывать особенно нечего. Отец умер. Похороны прошли много дней назад, и я должен немедленно возвращаться в Гонконг.

— Конечно-конечно, но не раньше, чем ты достаточно окрепнешь для этого. — Она наклонилась вперед и легко коснулась его щеки губами. — Что ты будешь делать, когда мы туда приедем?

После секундной паузы он твердо сказал:

— Я наследник. Я тайпан.

— Тайпан Благородного Дома? — Она постаралась, чтобы ее удивление выглядело искренним, потом деликатно добавила: — Малкольм, дорогой, все это так ужасно, я говорю о твоём отце, но... но, по-своему, это ведь не было неожиданностью, нет? Папа рассказывал мне, что он уже долгое время был болен.

— Нет, это не было неожиданностью, ты права.

— Это так печально, но... тайпан Благородного Дома, даже при таких обстоятельствах позвольте мне первой поздравить вас. — Она присела перед ним в реверансе так же изящно, как присела бы перед королем, потом вернулась в кресло, довольная собой. Он как-то странно смотрел на нее. — Что?

— Просто ты заставляешь меня испытывать такую гордость, мне так чудесно с тобой. Ты выйдешь за меня замуж?

Ее сердце остановилось на мгновение, лицо вспыхнуло. Но разум приказал ей быть осмотрительной, не спешить с ответом, и она задумалась, быть ли ей серьезной, в тон его настроению, или дать волю тому безбрежному ликованию, которое захлестнуло ее после этого вопроса и своей победы, и заставить его улыбнуться.

— Ла-ла! — воскликнула она с широкой улыбкой, лукаво поглядывая на него и обмахиваясь носовым платком, как веером. — Да, я выйду за вас замуж, мсье Струан... — Короткая пауза, и дальше

скороговоркой: – Но лишь при условии, что вы быстро поправитесь, будете подчиняться мне беспрекословно, поклянетесь лелеять меня сверх всякой меры, любить до самозабвения, выстроите нам замок на Пике в Гонконге и дворец на Елисейских Полях, приспособите целый клипер под наше брачное ложе, с детской, выложенной золотом, и подыщите нам загородное поместье в миллион гектаров!

– Не смейся, Анжелика, послушай, я говорю серьезно!

«О, но и я говорю серьезно», – подумала она, в восторге оттого, что он улыбнулся. Нежный поцелуй, но на этот раз в губы, полный обещания.

– Вот вам, мсье, а теперь перестаньте дразнить беззащитную юную леди.

– Я не дразню тебя, клянусь в этом перед Богом! Ты-выйдешь-за-меня-замуж? – Сильные слова, но он был еще слишком слаб, чтобы сесть прямо или дотянуться до нее и привлечь к себе. – Пожалуйста.

Ее глаза все еще смеялись.

– Возможно. Когда вы поправитесь, и лишь при условии, что вы будете подчиняться мне беспрекословно, поклянетесь леле...

– «Беспрекословно», если это то слово, которое тебе нужно.

– Ах да, пардон. Беспрекословно... и так далее и так далее. – Снова чарующая улыбка. – Может быть, да, мсье Струан, но сначала мы должны узнать друг друга, потом мы должны договориться о помолвке, а потом, *Monsieur le tai-pan de la Noble Maison*^[13], кто знает?

Радость охватила его, вытеснив все остальное.

– Так это «да»?

Ее глаза смотрели на него, заставляя его ждать. Со всей нежностью, на какую она была способна, она произнесла:

– Я всерьез подумаю над этим, но сначала вы должны обещать мне быстро поправиться.

– Клянусь, я поправлюсь.

Она снова вытерла глаза.

– А теперь, Малкольм, пожалуйста, прочти письмо своей матушки, а я пока посижу рядом.

Его сердце билось сильно и уверенно, подъем, который он испытывал, прогнал на время боль. Но вот пальцы слушались его хуже, и ему никак не удавалось сломать печать.

– Возьми, ангел мой, прочитай мне его, прошу тебя.

Она тут же сломала печать и пробежала глазами единственную страницу, исписанную единственным в своем роде почерком.

– «Мой возлюбленный сын, – прочитала она вслух. – С глубокой скорбью я должна сообщить тебе, что твой отец умер и теперь все наше будущее зависит от тебя. Он скончался во сне, несчастная душа, похороны состоятся через три дня, мертвые должны заботиться о мертвых, а мы, живые, должны продолжать нести свой крест, пока живем. Завещание твоего отца утверждает тебя как наследника и тайпана, но, дабы иметь законную силу, передача власти должна быть осуществлена на особой церемонии в присутствии моем и компрадора Чэня, как то предписывает завещание твоего любимого деда. Устрой наши японские дела, как мы договорились, и возвращайся сразу же, как только сможешь. Твоя преданная мать».

Слезы опять наполнили ее глаза: она вдруг вообразила себя матерью, которая пишет своему сыну.

– Это все? Никакого постскриптума?

– Нет, *chéri*, больше ничего, просто «твоя преданная мать». С каким мужеством она держится. Как бы я хотела быть такой же сильной.

Забыв обо всем, кроме того, чем чреваты эти известия, она протянула ему письмо, подошла к окну, выходившему на гавань, и, вытирая слезы, открыла его. Воздух был прохладен и свеж, он унес с собой все неприятные запахи. Что ей делать теперь? Помочь ему побыстрее вернуться в Гонконг, подальше от этого мерзкого места. «Подожди... одобрит ли его мать наш брак? Я не уверена. Одобрила бы я, будь я на ее месте? Я знаю, что не понравилась ей в те несколько раз, что мы встречались в Гонконге. Она была так высокомерна и недоступна, хотя Малкольм сказал мне, что так она держится со всеми, кроме домашних. „Потерпи, пока ты узнаешь ее получше, Анжелика, она такая замечательная и сильная...“»

Дверь позади нее открылась, и в комнату без стука вошла А Ток, держа на ладони маленький поднос с чаем.

– *Neh hoh mah*, масса, – поздоровалась она с широкой улыбкой, показывая два золотых зуба, которыми очень гордилась. – Масса спит халосый, хейа?

– Прекрати эту ерунду с коверканьем слов, говори нормально, – свободно ответил Малкольм на кантонском наречии.

– Ай-и-йа!

А Ток была личной амой Струана, которая присматривала за ним с самого рождения, и не признавала ничьего авторитета. Она едва удостоила Анжелику взглядом, сосредоточившись целиком на Струане. Высокая и крепкая в свои пятьдесят шесть лет, она была одета в традиционную длинную белую рубашку и черные штаны, длинная косичка лежала на спине, символизируя, что она избрала работу амы в качестве своей профессии и потому поклялась до конца дней соблюдать непорочность и никогда не иметь собственных детей, дабы не делить меж ними свою преданность. Двое слуг-кантонцев вошли следом за ней с горячими полотенцами и водой для Струана. Громким голосом она приказала им закрыть дверь.

– Масса мыца, хейа? – произнесла она, со значением глядя на Анжелику.

– Я вернусь попозже, *chéri*, – сказала девушка.

Струан не ответил ей, просто кивнул и улыбнулся, потом опять перевел взгляд на письмо, погруженный в свои мысли. Она оставила дверь приоткрытой. А Ток неодобрительно фыркнула, твердой рукой захлопнула ее, приказала обоим слугам, обтиравшим Малкольма в постели, поторапливаться и протянула ему чай.

– Спасибо, мать, – ответил он на кантонском, согласно обычаю называя этим почтительным именем того особого человека, который заботился о нем, носил на руках и оберегал его, когда он был еще совсем беззащитным.

– Плохие новости, сын мой, – заметила А Ток.

Известие о кончине тайпана уже облетело всю китайскую общину.

– Плохие новости. – Он сделал глоток чая. Вкус напитка был превосходен.

– После того как тебя помоют, ты почувствуешь себя лучше и мы сможем поговорить. Твой досточтимый отец давно опоздал на назначенное ему свидание с богами. Теперь он там, с ними, а ты – тайпан, так что плохое перешло в хорошее. Попозже я принесу тебе сверхособый чай, который я купила для тебя. Он вылечит все твои болезни.

Закончив, они подали ему свежую накрахмаленную ночную рубашку.

– Спасибо, – поблагодарил их Струан, чувствуя себя значительно посвежевшим.

Слуги вежливо поклонились и вышли.

– А Ток, запри ее дверь, тихо.

Она подчинилась. Ее острый слух уловил шелест юбок в соседней комнате, и она решила про себя быть впредь еще бдительнее. Любопытная чужеземная шлюха-дьяволица с кожей цвета жабьего брюха, чьи Нефритовые Врата с такой жадностью нацелились на господина, что цивилизованному человеку почти слышно, как они истекают соком...

– Зажги мне, пожалуйста, свечу.

– А? У тебя что, глаза болят, сын мой?

– Нет, глаза здесь ни при чем. Спички ты найдешь в бюро.

Спички, новейшее шведское изобретение, обычно держались под замком, ибо пользовались большим спросом, легко находили покупателя и потому имели склонность пропадать. Мелкое воровство в Азии имело характер повального увлечения. А Ток опасно зажгла одну спичку, не понимая, почему они не вспыхивают, пока ими не чиркнешь сбоку по их особой коробке. Струан как-то раз объяснил ей почему, но она лишь пробормотала что-то о новых колдовских штуках этих дьяволов-варваров.

– Куда лучше поставить свечу, сын мой?

Он показал на прикроватный столик, где легко мог дотянуться до нее рукой:

– Вот сюда. А теперь оставь меня ненадолго.

– Но, ай-йя, нам необходимо поговорить, нужно столько всего продумать, рассчитать наперед.

– Знаю. Просто побудь снаружи у двери и не пускай никого, пока я не позову.

Ворча, она вышла. Долгие разговоры и лавина дурных вестей совсем лишили его сил. Однако он поднял свечу и, морщась от боли, установил ее на краю кровати. Потом откинулся на подушку и замер так на несколько мгновений.

Четыре года назад, в день его шестнадцатилетия, мать отвела его на Пик, чтобы поговорить с ним наедине:

– Теперь ты уже достаточно взрослый, чтобы узнать некоторые секреты Благородного Дома. Секреты будут всегда. Часть из них мы с

отцом будем держать в тайне от тебя до тех пор, пока ты не станешь тайпаном. Есть секреты, в которые я не посвящаю твоего отца, есть такие, которые я храню от тебя. Некоторыми я теперь буду делиться с тобой, но не с ним и не с твоими братьями или сестрами. Ни при каких обстоятельствах ни один человек не должен узнать эти секреты. Ни один. Ты обещаешь мне это перед Богом?

— Да, мама, я клянусь в этом!

— Первое: возможно, наступит день, когда нам понадобится передать друг другу личную или опасную информацию в частном письме — никогда не забывай: все, что написано, могут прочесть чужие глаза. Отныне всякий раз, когда буду писать тебе, я стану неизменно добавлять: «P.S. Я люблю тебя». Ты станешь делать то же самое. Всегда, не пропуская ни раза. Но если в конце письма не будет стоять P.S., значит такое письмо содержит важную и тайную информацию, от меня тебе или от тебя ко мне только. Смотри!

Она зажгла сразу несколько спичек, прикрыв их от ветра заранее приготовленным листом бумаги, потом подержала их под этим листом, следя за тем, чтобы бумага не загорелась, а лишь пожелтела от жара. Она осторожно проводила пламенем под невидимыми строчками, и — о чудо! — на листе проступило скрытое послание: «Поздравляю с днем рождения. Под твоей подушкой лежит вексель на предъявителя на десять тысяч фунтов. Храни его в тайне ото всех, распорядись им мудро».

— О мама, он там лежит? Правда лежит вексель, на десять тысяч?

— Да.

— Ай-йа! Но как это у тебя получается? Эта тайнопись?

— Ты берешь чистое перо или ручку, аккуратно пишешь свое послание той жидкостью, которую я тебе дам, или молоком, и даешь написанному просохнуть. Если бумагу нагреть, как это сделала я, буквы появляются вновь. — Она чиркнула другой спичкой и с серьезным лицом подожгла лист с краю. Они в молчании смотрели, как он догорает на камнях. Она раздавила пепел своей крошечной ножкой в высоком ботинке. — Когда станешь тайпаном, не доверяй никому, — непонятно почему вдруг добавила она, — даже мне.

Теперь Струан подержал ее печальное письмо над пламенем свечи. Слова проступили на бумаге, он узнал ее почерк.

С сожалением сообщаю тебе, что твой отец умер, сквернословя и буйствуя, совершенно отупев от виски. Должно быть, он подкупил слугу, и тот украдкой притащил ему бутылку. Расскажу еще больше при личной встрече. Хвала Создателю, его мучения закончились, но это все вина Броков, моего проклятого отца и моего брата Моргана, которые не давали нам покоя и были причиной этих его приступов, – последний удар случился с ним сразу после твоего отъезда, когда мы узнали – слишком поздно – подробности их тайного гавайского заговора против нас. Джейми передаст тебе кое-какие детали.

На мгновение он прекратил читать, чувствуя, как его мутит от ярости. Скоро, скоро все счета будут сведены, пообещал он себе и продолжил чтение:

Остерегайся нашего друга Дмитрия Сыбородина. Нам стало известно, что он тайный агент этого революционера, президента Линкольна, а вовсе не южан, как он притворяется. Остерегайся Анжелики Ришо...

Его сердце вдруг шевельнулось от испуга.

Наши агенты в Париже пишут, что ее дядя Мишель Ришо был объявлен банкротом вскоре после ее отъезда и сейчас находится в долговой яме. Еще факты: ее отец якишается с сомнительными личностями, имеет очень значительные игорные долги и тайно хвастает своим ближайшим друзьям, что скоро станет представлять наши интересы во Франции – получила твое письмо от 4-го числа, где ты рекомендуешь его кандидатуру, полагаю, по ее наущению, – этого не будет, он несостоятелен. Вот тебе еще один из его «секретов»: не пройдет и года, как ты станешь его зятем. Все это, разумеется, полнейшая нелепость. Ты еще слишком молод, чтобы жениться, и я не могла бы даже вообразить себе более неудачного выбора. Поодиночке или вместе, но они раскидывают тебе сети, сын мой. Будь осмотрителен и берегись женского коварства.

Впервые в жизни он был в ярости на свою мать. Дрожащей рукой он сунул письмо в огонь, подождал, пока оно сгорит, потом одним

ударом превратил в пыль обуглившийся лист, сбил пламя со свечи, отчего она, кувыркаясь, полетела на пол, и откинулся на спину, борясь с тошнотой. Сердце бешено колотилось в груди, разум не переставая кричал: «Как она смеет следить за Анжеликой и ее родными, не спросив меня! Как она смеет так ошибаться! Какие бы грехи они ни совершили, Анжелика в них не виновата. Уж кто-кто, а мать должна бы знать, что детей нельзя винить в грехах их отцов! Разве мой любимый дед не был еще хуже их, разве не был он убийцей, разве многим отличался от пирата, как и ее отец до сих пор? Какое низкое лицемерие! Не ее ума дело, на ком я собираюсь жениться. Это моя жизнь, и если я решил жениться на Анжелике в следующем году, так оно и будет. Мать ничего не знает о ней – а когда она узнает всю правду, она полюбит ее так же, как люблю ее я, – иначе... Клянусь Богом, она...»

– О господи! – охнул он, когда боль начала рвать его на части.

Глава 12

Макфей поднял глаза от писем, документов и журналов, груды которых заваливали его рабочий стол.

– Как он? – встревоженно спросил Джейми, когда в кабинет вошел доктор Бебкотт.

Бебкотт прикрыл за собой дверь. Кабинет был просторным, окна его выходили на Хай-стрит и на залив.

– Это была какая-то желудочная колика, Джейми. Боюсь, этого следовало ожидать. Бедняга. Я перевязал ему рану: он порвал несколько швов. И дал ему лауданум. – Бебкотт потер глаза, веки у него покраснели от усталости. Его фрак из толстого сукна протерся на рукавах и был во многих местах покрыт пятнами от химических реактивов и засохшей крови. – Сейчас я для него, пожалуй, больше ничего не могу сделать. Каковы последние новости с флота?

– Статус-кво: корабли в боевом построении, все команды стоят по местам, миссия по-прежнему окружена, бакуфу скоро должны появиться.

– А что произойдет, если они не появятся?

Макфей пожал плечами:

– Я получил распоряжение как можно скорее доставить Малкольма в Гонконг – это крайне важно для него. Я могу поместить его на пакетбо...

– Я категорически запрещаю это! – отрезал Бебкотт; его голос прозвучал более раздраженно, чем ему хотелось. – Это было бы глупо и очень опасно. Очень опасно. Если они попадут в шторм, что более чем вероятно в это время года... в общем, сильная и продолжительная рвота разорвет все швы – это убьет его. Нет!

– Тогда скажите мне, когда это будет безопасно.

Доктор выглянул в окно. Вдалеке за мысом море сплошь покрывали белые барашки волн, в заливе оно было спокойнее. Небо затянули тучи. Он взвесил свою беспомощность против своих знаний.

– Как минимум через неделю, возможно, через месяц. Бог знает, Джейми, я – нет.

– Если бы вы отправились с тем же пакетботом, это помогло бы?

– Ради бога, да нет же! Вы что, не расслышали, что я сказал? Нет. Нет! Ему нельзя двигаться. Девять дней на корабле прикончат его.

Лицо Макфея застыло.

– Какие шансы у Малкольма поправиться? Говорите как есть. Очень важно, чтобы я знал.

– По-прежнему хорошие. Температура у него более-менее нормальная, и нет никаких признаков нагноения. – Бебкотт снова потер глаза и зевнул. – Извините, я вовсе не хотел орать на вас. Я с полуночи на ногах, латал матроса и солдата, подравшихся в Пьяном Городе, а на рассвете был срочный вызов в Ёсивару, пришлось зашивать молодую женщину, которая попробовала с помощью ножа перейти в лучший мир. – Он вздохнул. – Ему бы очень помогло, если бы вы как можно меньше волновали его. Я бы сказал, что сегодняшний приступ, вероятнее всего, вызван именно плохими известиями.

Новость о кончине Кулума Струана и, следовательно, новом статусе Малкольма как тайпана – известие огромной и срочной важности для всех их конкурентов – мигом облетела Поселение, и последствия ее живо обсуждались. В фактории Брока Норберт Грейфорт прервал заседание, чтобы откупорить первую бутылку шампанского из ящика, который он уже много недель держал охлажденным специально для этого случая.

Тосты в этот момент провозглашались по всей Йокогаме, в правлениях компаний по всему Дальнему Востоку и вообще везде, где велась торговля с Азией, ибо редко выпадал такой повод, как смерть тайпана Благородного Дома и приход ему на смену нового. Среди тостов были торжественные, были мстительно-злорадные, одни поднимались за преемника, другие посвящали кости всего рода Струанов дьяволу, третьи содержали искренние молитвы о ниспослании им успеха и процветания, но все произносившие их думали об одном: как это известие повлияет на них самих, ибо, хотели они того или нет, компания Струанов была тем, чем была, – Благородным Домом.

Во французской миссии Анжелика чокнулась бокалами и осторожно пригубила шампанское; ее бокал был дешевым и едва приемлемым для такого случая, как и вино.

– Да, я согласна с вами, мсье Вервен.

Пьер Вервен был поверенным в делах, усталым лысеющим человеком сорока с небольшим лет.

– Первый тост требует второго, мадемуазель, – сказал он, вновь поднимая свой бокал и возвышаясь над ней. – Не только благополучия и долгих лет новому тайпану, но за тайпана – вашего будущего мужа.

– Ла-ла, мсье! – Она поставила свой бокал на стол, притворяясь рассерженной. – Я рассказала вам об этом по секрету, потому что я так счастлива, так горда, но вы не должны упоминать об этом вслух, пока он, мсье Струан, не объявит о помолвке публично. Вы должны обещать мне.

– Конечно-конечно. – Голос Вервена звучал доверительно, но мысленно он уже набросал срочную депешу, которую отправит Сератару на борт французского флагмана в Эдо сразу же, как только она уйдет.

Совершенно очевидно, что подобный союз открыл бы для Франции и французских интересов бесчисленные политические возможности и ходы. «Бог мой, – размышлял он, – если у нас достанет ума, а нам его не занимать, мы сможем контролировать Благородный Дом посредством этой юной шлюшки, все достоинства которой сводятся к довольно милой мордашке, аппетитным грудкам, перезрелой невинности и попке, которая сулит ее мужу устойчивый кобелиный задор на месяц-другой. Как, дьявол меня заberi, удалось ей заманить его в свои сети – если то, что она говорит, действительно правда? Если...

Merde, бедный парень, должно быть, из ума выжил, что решил остановить свой выбор на этой пустышке без гроша приданого и происхождения самого сомнительного, ведь она станет матерью его детей! Какой невероятный подарок судьбы для этой презренной свиньи Ришо, уж теперь-то он сможет выкупить все свои векселя».

– Мои самые искренние поздравления, мадемуазель!

Дверь распахнулась, и в кабинет, сгибаясь под тяжестью почты, вплыл Бой Номер Один миссии, пожилой круглый китаец в полотняном халате, черных штанах и черной маленькой шапочке.

– Хейа, масса, все одинаковый поч'та, ладна! – Он плюхнул письма и посылки на богато украшенный стол, попялил глаза на девушку и, выходя, рыгнул.

– О боже, своими отвратительными манерами эти люди сведут с ума кого угодно! Тысячу раз я говорил этому крестину, чтобы он сначала стучался! Извините, это займет у меня минуту. – Вербен быстро просмотрел письма. Два от его жены, одно от любовницы, все три отосланы два с половиной месяца назад. «Готов поспорить, и та и другая просят денег», – с досадой подумал он. – Ага, четыре письма для вас, мадемуазель. – Многие граждане адресовали свои письма в ближайшую дипломатическую миссию. – Три из Парижа и одно из Гонконга.

– О, благодарю вас! – Она посветлела лицом, увидев, что два были от Колетты, одно от ее тетушки и последнее от отца. – Мы здесь так далеко от дома, вам не кажется?

– Париж – это весь мир, да-да, именно так. Ну что же, полагаю, вы захотите уединиться, чтобы прочесть их. Вы можете воспользоваться комнатой напротив, через холл. А теперь извините меня... – Вербен показал на заваленный стол и самоуничижительно улыбнулся, – государственные дела.

– Разумеется, благодарю вас. И спасибо за все ваши добрые пожелания, только умоляю, никому ни слова...

Она грациозно выскользнула из комнаты, уверенная, что через час ее чудесный секрет станет известен всем, нашептанный в одно ухо за другим. «Разумно ли это? Думаю, что да, Малкольм ведь в самом деле сделал мне предложение, разве нет?»

Вербен вскрыл свои письма, пробежал их глазами, быстро определил, что обе женщины просят денег, но других скверных новостей нет, тут же отложил их в сторону, чтобы перечитать и насладиться в полной мере на досуге, и начал свое донесение Сератару – с секретной копией Андре Понсену, – в восторге оттого, что может принести им такую добрую весть.

– Погоди минутку, – пробормотал он себе под нос, – а вдруг все это не больше, чем обычное преувеличение в духе Ришо – каков отец, такова и дочь! Безопаснее будет написать так: «Несколько минут назад мадемуазель Анжелика шепотом сообщила мне под большим секретом, что...», тогда министр сам сможет решить, как к этому относиться.

Через холл напротив, в уютной приемной, выходившей окнами на маленький сад в стороне от Хай-стрит, Анжелика опустилась на стул,

предвкушая удовольствие. Первое письмо Колетты сообщало ей долгожданные новости о Париже, моде, скандальных романах и общих друзьях так восхитительно, что она залпом проглотила его, зная, что будет перечитывать все это еще много раз, особенно сегодня вечером, удобно устроившись в кровати, когда сможет до конца насладиться всеми подробностями. Она знала и любила Колетту почти всю свою жизнь – в монастыре они были неразлучны, поверяя друг другу свои надежды, мечты и самые сокровенные желания.

Второе письмо содержало дополнительную порцию известий, пересказанных самым жизнерадостным тоном, и кончалось рассказом о ее семейной жизни, – одних с нею лет, Колетта уже год была замужем и уже родила сына: «Я снова беременна, дорогая моя Анжелика, мой муж в восторге, а я немножко волнуюсь. Как ты знаешь, первые роды были нелегкими, хотя доктор уверяет меня, что я успею достаточно окрепнуть. Когда ты вернешься? Я жду не дождусь...»

Анжелика сделала глубокий вдох и посмотрела в окно. «Ты не должна так раскрываться, – повторила она себе, едва не плача. – Даже наедине с Колеттой. Будь сильной, Анжелика. Будь осторожной. Твоя жизнь изменилась, все изменилось – да, но лишь ненадолго. Не давай застать себя врасплох».

Еще один глубокий вдох. Следующее письмо потрясло ее. Тетя Эмма сообщала ей ужасное известие о банкротстве мужа: «...и теперь мы бедствуем, а мой бедный, несчастный Мишель томится в долговой яме, и помощи ждать неоткуда! Нам не к кому обратиться, денег нет. Это ужасно, дитя мое, кошмар...»

«Бедный милый дядя Мишель, – думала она, беззвучно плача, – какой ужас, что он так плохо разбирался в делах».

– Ну ничего, дорогая, любимая тетя-мама, – произнесла она вслух, охваченная внезапной радостью. – Теперь я смогу отплатить тебе за всю твою доброту. Я попрошу Малкольма помочь, он обязательно...

«Подожди! Будет ли это разумно?»

Размышляя над этим, она вскрыла письмо отца. К ее удивлению, внутри оказалось только письмо, без векселя на предъявителя, который она просила его прислать и который ожидала найти в конверте, – вексель на те деньги, что она привезла с собой из Парижа и положила в банк «Виктория», – те самые, которые дядя так щедро выдал ей

вперед под торжественное обещание, что она ни в коем случае не расскажет об этом его жене и что ее отец немедленно вернет эту ссуду, как только она прибудет в Гонконг, что Ришо, по его словам, уже сделал.

Гонконг, 10 сентября

Привет, моя капусташка, надеюсь, все идет хорошо и твой Малкольм боготворит тебя так же, как и я, как и весь Гонконг. Ходят слухи, что его отец при смерти. Я буду держать тебя в курсе. Тем временем пишу в спешке, потому что с отливом отбываю в Макао. Там открылась одна удивительная деловая возможность, настолько хорошая, что я временно заложил оставленные тобой в банке средства и внесу эти деньги за тебя как за РАВНОГО ПАРТНЕРА. Со следующей почтой я смогу выслать тебе вдесятеро больше того, что ты просила, и расскажу тебе, какую замечательную прибыль мы получили, – в конце концов, нам нужно подумать о твоём приданом, без которого... А?

Ее глаза отказались читать дальше, мысли пришли в смятение. «О боже мой! Что еще за деловая возможность? Неужели он поставил на карту все, что есть у меня в этом мире?»

Было почти два часа дня, и Макфей устал. В желудке у него было пусто, а голову заполняли мрачные мысли. Он написал дюжину писем, подписал полсотни мелких счетов, оплатил десятки векселей, проверил записи в книгах за вчерашний день, которые показывали, что торговля идет на спад, выяснил, что все товары, заказанные в Америке, либо не будут поставлены, либо задерживаются, либо предлагаются по более высокой цене и что все сделки в Канаде и Европе тоже в той или иной степени страдают от Гражданской войны в Штатах. Ни одной радостной вести в донесениях с Гонконга – и много тревожных из отделения компании в Шанхае, хотя Альберт Макструан, ведавший там всеми делами, исполнял свою работу безукоризненно. «Бог мой, если нам придется оставить Шанхай, это будет катастрофой, учитывая, сколько мы туда вложили».

Шанхай снова был охвачен волнением, и три иностранные концессии, управлявшиеся британцами, французами и американцами,

полнились слухами о том, что армии мятежных крестьян огромного восстания тайпинов, стоявшие внутри и вокруг Нанкина – крупного города на юге, который восставшие захватили девять лет назад и сделали столицей своего государства, – опять выступили в поход.

Новости из дома добавляли гнетущего настроения. Проливные дожди погубили едва не весь урожай, в Ирландии и других местах ожидался голод, хотя и не такой страшный, как Великий картофельный голод, унесший сотни тысяч жизней. Повальная безработица в Шотландии. Нищета в Ланкашире, где из-за эмбарго, наложенного северянами на хлопок с Юга, и блокады всех морских портов южан встало большинство хлопкопрядильных фабрик, включая три, принадлежавшие Струанам. Получая хлопок из Южных Штатов, Англия поставляла готовую материю всему миру. Клипер Струанов, битком набитый чаем, шелками и лакированными изделиями, бесследно пропал на пути в Лондон. На рынке ценных бумаг акции Благородного Дома сильно упали, а вот компании Брока – поднялись после успешной доставки первого в этом сезоне чая.

Он получил очередное письмо от своей невесты, Морин Росс, с которой был помолвлен уже пять лет. Опять ничего успокоительного: «...когда я смогу приехать? Ты уже выслал билет? Ты обещал, что это Рождество будет последним, которое мы проведем в разлуке...»

– В это Рождество ничего не получится, девочка, – пробормотал он, раздраженно хмуря брови, как бы она ему ни нравилась. – Пока я не могу себе этого позволить, да здесь и не место для юной леди.

Сколько раз он писал и объяснял ей все это, зная, что на самом деле Морин и ее родители хотят, чтобы он работал на Струанов в Англии или Шотландии или, еще лучше, вовсе оставил бы «эту печально известную компанию и работал дома, как нормальный человек», зная, что сам он в действительности хотел, чтобы она расторгла их помолвку и забыла его, будучи в курсе, что большинство английских жен быстро начинали ненавидеть Азию, не выносили азиатов, ужасались Девам Веселья, чья доступность приводила их в ярость, с отвращением относились к азиатской пище и постоянно стонали в тоске по дому и родным, превращая жизнь своих мужей в нескончаемое мучение.

Знал он при этом и то, что ему Азия нравилась, что он любил свою работу, обожал свою свободу, ценил Ёсивару и никогда бы не

уехал домой с легким сердцем. «По крайней мере, – подумал он, – до того, как выйду на пенсию».

Единственным светлым пятном во всей почте были книги из «Хатчарда» на Пикадилли: новое иллюстрированное издание наделавшей шуму книги Дарвина «О происхождении видов», несколько поэм Теннисона, недавно переведенный памфлет Карла Маркса и Фридриха Энгельса под названием «Коммунистический манифест», пять номеров «Панча» и – самый замечательный подарок – очередной выпуск альманаха «Круглый год». Это еженедельное издание было основано Чарльзом Диккенсом и содержало четырнадцатый эпизод его романа «Большие надежды», который планировался к выпуску в двадцати эпизодах.

Несмотря на всю свою занятость, Макфей, как и все остальные, получившие такой же экземпляр, запер дверь и жадно проглотил отрывок. Прочитав последнюю фразу: «Продолжение в следующем выпуске», он вздохнул.

Стук в дверь.

– Мистер Макфей. Могу я увидеть вас на минуту? – Это был Пьеро Варгаш, его помощник.

– Сейчас. – Чувствуя себя немного виноватым, он засунул выпуск альманаха под кипу бумаг, потянулся всем телом и отпер дверь.

– Ну, на самом деле вас хотят видеть два покупателя, которые пришли вместе с ним. Они из Тёсю.

– Вот как?

В Макфее проснулся интерес. Почти два года осторожных прощупываний со стороны даймё Тёсю, ленного владения, лежавшего далеко на западе, по берегам пролива Симоносеки, вылились в прошлом году в очень значительную сделку, одобренную главной конторой компании в Гонконге и подготовленную японским отделением: двухсоттонный колесный пароход с весьма секретным грузом: пушки, картечь, боеприпасы, – оплаченную без всяких проволок золотом и серебром, половина вперед, половина после доставки. – Проводи их сюда. Нет, подожди, будет лучше, если я встречу с ними в нашем зале для торжественных приемов.

– *Si*, сеньор.

– Один из них тот же самый парень, который был здесь в прошлый раз?

– Сеньор?

– Молодой самурай, который немного говорил по-английски?

– Я не принимал участия в той беседе, сеньор, я находился в Португалии, в отпуске.

– Ах да, теперь я вспомнил.

Зал для приемов был просторным, с дубовым столом на сорок два человека в центре. Дубовые же буфеты и шкафы с серебряной посудой, выставочные ящики со стеклянными дверцами, сверкающие и ухоженные, некоторые из них с оружием, стояли вдоль стен. Макфей открыл один и вынул оттуда пояс с револьвером в пристегнутой кобуре. Он застегнул пряжку ремня у себя на поясе, убедившись, что револьвер заряжен и легко вынимается. Встречаясь с самураями, он взял себе за правило всегда быть при оружии, как и они.

– Вопрос лица, – говорил он своим подчиненным, – а также безопасности.

Для большего спокойствия он прислонил к спинке кресла ружье Спенсера и встал у окна лицом к двери.

Варгаш вернулся в сопровождении троих человек. Один из них был средних лет толстяк с елейным выражением лица и без мечей – Кину, их поставщик шелка. Двое других были самураями, один молодой, другой на вид старше сорока, хотя точно определить его возраст было трудно. Оба невысокого роста, худощавые, с суровыми лицами и, как обычно, при мечах.

Японцы вежливо поклонились. Макфей заметил, что оба самурая тут же обратили внимание на его новое ружье с затвором. Он так же вежливо поклонился в ответ.

– *Охайо*, – произнес он. Доброе утро. Затем: – *Додзо* – пожалуйста, – показывая на стулья, стоявшие на безопасном расстоянии напротив.

– Добрый ут'ро, – сказал младший без улыбки.

– А, вы говорите по-английски? Отлично. Прошу вас, садитесь.

– Гаварить ма'ро, – добавил юноша. «Л» получалось у него как «р», потому что в японском языке не было звука «л»; так же неуклюже выходил у него звук «в». Он сказал несколько слов Варгашу на общем для них диалекте провинции Фукуэн, потом оба самурая представились, добавив, что их прислал правитель Тёсю, господин Огама.

– Я Джейми Макфей, глава представительства «Струана и компании» в Ниппоне, и для меня большая честь встретиться с вами.

Варгаш опять перевел сказанное. Джейми терпеливо прошел через обязательные четверть часа расспросов о здоровье их даймё, их собственном здоровье, его здоровье и здоровье королевы, об общей ситуации в Тёсю, в Англии – ничего конкретного, одни лишь вежливые фразы. Чай был подан и выпит, восхищение выражено должным образом. Наконец молодой самурай заговорил о деле.

Варгашу потребовались огромные усилия, чтобы не выдать голосом охватившего его возбуждения.

– Они хотят купить тысячу ружей, заряжающихся с казенной части, и по тысяче латунных патронов на каждое ружье. Мы должны назвать справедливую цену и осуществить поставку за три месяца. Если мы уложимся за два месяца, они готовы заплатить премию – двадцать процентов.

Внешне Макфей оставался таким же спокойным.

– Это все, что они хотят купить в данный момент?

Варгаш перевел вопрос.

– Да, сеньор, но они просят тысячу патронов к каждому ружью. И маленького размера пароход.

Макфей подсчитывал в уме огромную прибыль, которую сулила эта сделка, но еще больше его занимали сейчас недавний разговор с Грейфортом и хорошо известная всем враждебность, с которой адмирал и генерал – сэр Уильям поддерживал их в этом – относились к продаже любого оружия на любых условиях. Помнил он и о различных убийствах. И о Кентербери, разрубленном на куски. И о том, что сам он лично не одобрял торговли оружием, за исключением тех случаев, когда это ничем не грозило британцам. А могут ли подобные сделки вообще считаться безопасными при такой воинственности этого народа?

– Пожалуйста, переведите, что я смогу дать им ответ через три недели. – Он увидел, как приятная улыбка сползла с лица молодого человека.

– Ответить... сейчас. Нет три неде'ри.

– Нет ружей здесь, – медленно произнес Макфей, обращаясь непосредственно к нему. – Должен писать Гонконг, главный контора,

девять дней туда, девять дней назад. Немного ружей с затворами там есть. Все остальные – Америка. Четыре или пять месяцев минимум.

– Нет понимай.

Варгаш перевел. Самураи заговорили между собой, купец отвечал на их вопросы с горячим подобострастием. Еще вопросы Варгашу, на которые тот ответил с вежливым достоинством.

– Он говорит, очень хорошо, он сам или другой чиновник из Тёсю вернется сюда через двадцать девять дней. Сделка должна храниться в тайне.

– Разумеется. – Макфей посмотрел на юношу. – Секрет.

– *Хай!* Сик'рет.

– Спросите его, как поживает тот, другой самурай, Сайто. – Он заметил, как они нахмурились, но ничего не смог прочесть по их лицам.

– Они не знают его лично, сеньор.

Дальше последовали прощальные поклоны, и Джейми остался один. Погруженный в свои мысли, он убрал ремень с револьвером назад в шкаф. «Если я не продам им эти ружья, их продаст Норберт – что бы он там ни говорил про мораль».

Варгаш вернулся, очень довольный:

– Превосходная возможность, сеньор, но и большая ответственность.

– Да. Интересно, что ответит главная контора на этот раз.

– Узнать это нетрудно, сеньор, причем очень быстро. Вам незачем ждать восемнадцать дней, разве главная контора не у вас наверху?

Макфей уставился на него:

– Черт меня подери, я ведь совсем забыл! Нелегко вот так сразу привыкнуть к мысли, что Малкольм теперь тайпан, вершитель судеб компании. Вы правы.

Снаружи послышался нарастающий топот бегущих ног, дверь распахнулась.

– Простите, что врываюсь вот так! – с трудом выдавил из себя вконец запыхавшийся Неттлсмит. Его помятый цилиндр съехал набок. – Полагаю, вам следует об этом знать. Мне только что сообщили, что несколько минут назад на мачте миссии был поднят голубой сигнальный флаг... потом его спустили, подняли снова, а вслед за этим приспустили до половины мачты, где он и остался.

Джейми посмотрел на него, разинув рот:

– Какого дьявола все это может значить?

– Не знаю. Мне известно только одно: половина мачты обычно означает, что кто-то умер, не так ли?

Сильно встревоженный, адмирал снова навел бинокль на флагшток миссии. Остальные люди на квартердеке – капитаны других кораблей его флота, Марлоу, генерал, французский адмирал и фон Хаймрих – были озабочены не в меньшей степени, Сератар и Андре Понсен озабоченность лишь изображали. Полчаса назад, когда впередсмотрящий поднял тревогу, все они выскочили на палубу прямо из-за обеденного стола. Кроме русского посланника.

– Если вам угодно торчать на холоде – прекрасно. Я, черт возьми, не горю таким желанием. Когда с берега придет ответ: да, нет или война, будьте любезны, разбудите меня. Если начнете обстрел, я к вам присоединюсь...

Марлоу смотрел на толстую складку кожи над воротником адмирала, презирая его и жалея о том, что он сейчас не на берегу вместе с Тайлером или не на борту собственного корабля «Жемчужина». В полдень адмирал заменил временно назначенного им капитана чужаком, неким лейтенантом Дорнфилдом, – вопреки его совету. «Вот ведь сукин сын, вы только поглядите, с каким, черт побери, высокомерием он подносит к глазам и наводит на берег свой бинокль – нам всем и так известно, что бинокли стоят очень дорого и выдаются исключительно адмиральским чинам. Проклятый ста...»

– Марлоу!

– Слушаю, сэр.

– Нам нужно выяснить, какого дьявола там происходит. Вы отправляетесь на берег... нет, вы понадобитесь мне здесь! Томас, не будете ли вы так любезны послать в миссию одного из своих офицеров? Марлоу, отрядите вместе с ними сигнальщика.

Генерал тут же показал большим пальцем на своего адъютанта, который заспешил прочь; Марлоу не отставал от него ни на шаг. Сератар плотнее запахнулся в сюртук из толстой шерсти, спасаясь от ледящего ветра.

– Боюсь, сэр Уильям накрепко заперся в миссии.

– Помнится, вы уже излагали свое мнение сегодня утром, – резко ответил адмирал.

Совещание, на которое он пригласил посланников, прошло шумно и не привело ни к какому решению, за исключением «немедленного выступления большими силами» графа Сергеева.

– Каковыми, мой дорогой граф, – тут же едко указал адмирал, – мы на данный момент не располагаем, если вслед за обстрелом города нам понадобится занять его и окрестности.

Кеттерер поджал губы и гневно уставился на Сератара, они давно не любили друг друга.

– Я уверен, сэр Уильям найдет выход, но скажу вам честно, я спалю Эдо дотла, если увижу, что наш флаг падет, клянусь Богом!

– Согласен с вами, – кивнул Сератар. – Это вопрос чести нации!

Лицо фон Хаймриха словно окаменело.

– Джапы не глупцы, в отличие от некоторых людей. Я не могу поверить, что они не станут считаться с той силой, которой мы сейчас располагаем.

Налетел неожиданный порыв ветра, заскрипев реями наверху, море еще больше потемнело, серые облака густели с каждой минутой. Все глаза повернулись на восток, к черной линии шквала на горизонте. Шквал двигался в берегу, угрожая кораблям, стоявшим на мелкой воде.

– Марлоу, пошлите... Марлоу! – проревел адмирал.

– Слушаю, сэр? – Марлоу бегом бросился к Кеттереру.

– Ради бога, держитесь поблизости, до вас не докричишься! Просигнальте на все корабли: «Приготовиться выйти в море. При быстром ухудшении погоды действовать самостоятельно по моей команде. Соединиться в Канагаве, как только позволят погодные условия». Вы, капитаны, возвращайтесь на свои корабли, пока еще есть возможность.

Они заспешили к трапу, радуясь возможности убраться подальше.

– Я тоже возвращаюсь на свой корабль, – сказал французский адмирал.

– Мы отправимся с вами, мсье адмирал. – Сератар повернулся к Кеттереру. – Благодарю вас за гостеприимство, адмирал Кеттерер.

– А как быть с графом Алексеем? Он ведь прибыл с вами, не так ли?

– Пусть себе спит. Русского медведя лучше не будить, *n'est-ce pas?*
[14] – холодно заметил Сератар фон Хаймриху.

Оба они прекрасно знали о заигрываниях Пруссии с русским царем с целью добиться нейтралитета России в случае любой конфронтации на Западе, что позволило бы Пруссии вести экспансию в Европе, осуществляя свою государственную политику, открыто направленную на объединение всех германоязычных народов в одну германскую нацию с Пруссией во главе.

Марлоу, спеша за сигнальщиком, увидел свой фрегат «Жемчужина», спокойно покачивающийся на якоре, и сердце его наполнилось тревогой. Он был готов выть с досады, что не стоит сейчас там, на капитанском мостике. Нахмутив брови, он опять посмотрел в сторону моря, оценивая взглядом линию шквала, тяжесть наливающихся свинцом туч, пробуя языком ветер и чувствуя в нем вкус и запах соли.

– Да, этот сукин сын задаст нам трепку что надо.

В зале для приема гостей британской миссии сэр Уильям в окружении офицера шотландцев, Филипа Тайрера и охранников, сидя в кресле, холодно смотрел, как три японских чиновника неторопливо рассаживаются напротив, а их телохранители занимают места за их спинами. На встречу прибыли седовласый старейшина Адати, даймё земли Мито, переодетый в самурая рыбак Мисамото и, наконец, коротконогий, с большим животом чиновник бакуфу, тайно говоривший по-голландски, чье секретное задание состояло в том, чтобы с глазу на глаз доложить Ёси, как протекала встреча и как вели себя остальные двое. По обыкновению, ни один из японцев не воспользовался своим настоящим именем.

Как и вчера, в миссию прибыли пять паланкинов – и с той же торжественностью, хотя количество охранников увеличилось. Два из них оказались пустыми, и это открытие странным образом встревожило сэра Уильяма. В добавление к тому, что самураи всю ночь беспрестанно рыскали вокруг храма и миссии, оно заставило сэра Уильяма послать флоту сигнал условной тревоги, приспустив вымпел до половины мачты. Он надеялся, что этот сигнал будет правильно понят Кеттерером.

На переднем дворе миссии Хирага, вновь переодетый садовником, был встревожен не меньше его, он встревожился еще больше, когда увидел, что Ёси среди прибывших чиновников не оказалось. Это означало, что столь тщательно продуманный план нападения на Ёси из засады у самых ворот замка, когда он будет возвращаться назад, придется отменить. Он тут же постарался исчезнуть, но самураи охраны раздраженно приказали ему вернуться к работе. Кипя от возмущения, он подчинился, ожидая, когда представится возможность улизнуть.

– Вы опоздали на два часа, – ледяным тоном произнес сэр Уильям, давая первый орудийный залп по противнику. – В цивилизованных странах дипломатические встречи происходят в назначенное время, без опозданий!

Немедленно хлынул поток извинений, цветистых и совершенно пустых. Потом последовали обязательная церемония представления, сладкоречивые комплименты, изматывающая вежливость и свыше часа бестолковых словопрений: требования, которые невозмутимо отклонялись, долгие споры, просьбы об отсрочке, выражение крайнего удивления, когда удивляться, казалось, было нечему, вопросы, которые приходилось повторять по несколько раз, игнорирование фактов, закрывание глаз на правду, алиби, объяснения, размышления, извинения – и все это с предельной учтивостью.

Сэр Уильям уже был готов взорваться, когда с большой торжественностью старейшина Адати извлек из рукава свиток с печатью и протянул его переводчику, который передал его Иоганну.

Всю усталость Иоганна как рукой сняло.

– *Gott im Himmel!*^[15] Это же печать *родзю*.

– А?

– Совета старейшин. Я ее ни с чем не спутаю – это такая же, какую получил посол Харрис. Вам лучше принять свиток, официально, я имею в виду, сэр Уильям, потом я прочитаю послание вслух, если оно на голландском, в чем я сомневаюсь. – Он подавил нервный зев. – Вероятно, какой-нибудь новый фокус с целью протянуть время.

Сэр Уильям сделал все так, как подсказывал ему Иоганн, внутренне морщась от своей беспомощности и необходимости полагаться на наемных переводчиков-иностранцев.

Иоганн сломал печать и пробежал глазами документ. Его удивление было открытым.

– Оно на голландском, клянусь Богом! Опуская титулы, официальные клише и прочее, здесь говорится: «Совет старейшин, получив то, что представляется ему обоснованной жалобой, приносит извинения за... за проступок своих подданных и желает пригласить высокочтимого британского посланника и других аккредитованных посланников на встречу с Советом через тридцать дней, считая от сегодняшнего числа, в Эдо, когда и будет подана официальная жалоба, вопрос обсужден, необходимые действия предприняты и компенсация за вышеуказанное нарушение согласована. Подписано... Нори Андзё, главный министр».

Огромным усилием воли сэр Уильям удержал внутри рвущееся наружу ликование. Эта невероятная уступка давала ему ту самую возможность сохранить лицо, в которой он так отчаянно нуждался. И теперь, если ему удастся дожать их еще немного... Краем глаза он вдруг заметил широкую улыбку на лице Тайрера, и это мгновенно привело его в ярость. Не поворачивая головы, он прошипел:

– Прекратите улыбаться, чертов вы идиот, – и сразу вслед за этим добавил сердито: – Иоганн, скажите им, они получают мой ответ через три дня. Тем временем я хочу получить немедленную компенсацию – золотом, через три дня – в размере десяти тысяч фунтов стерлингов для семей сержанта и капрала, которые были убиты в этой миссии в прошлом году. Требование об этом возмещении подавалось им уже четыре раза!

После того как его слова были переведены, сэр Уильям увидел испуг на лице старика. Затем последовала продолжительная беседа между ним и чиновником бакуфу.

Иоганн устало доложил:

– Старик отказывается платить, используя их обычную отговорку: в этом «печальном происшествии», мол, виновен человек, служивший здесь, в миссии, который потом совершил сеппуку – самоубийство. Вины бакуфу он тут не видит никакой.

Так же устало сэр Уильям сказал:

– Ответь им, как мы обычно отвечали, клянусь Господом, что это они назначили сюда того человека, они настояли на том, чтобы мы его приняли, поэтому они несут за него полную ответственность, – и

самоубийство он совершил только потому, что был тяжело ранен, покушаясь на жизнь моего предшественника, и ему угрожало немедленное пленение!

Стараясь отбросить усталость, он наблюдал, как два чиновника переговариваются со своим переводчиком, а третий молча сидит и слушает, как делал это весь день. Возможно, он и есть тот, кто обладает реальной властью. «Интересно, что случилось с теми двумя, которые присутствовали на встрече вчера, особенно меня интересует тот, что помоложе, – тот самый, которого перед уходом остановил Андре Понсен. Какую новую пакость удумал Сератар, эта хитрая бестия?»

Ставший довольно прохладным ветер подхватил качавшуюся ставню и ударил ею в окно. Один из часовых протянул руку за оконную перемычку, нащупал крюк и снова закрепил ее. Недалеко от берега виднелся флот, океан стал темно-серым, на волнах появились белые шапки. На горизонте сэр Уильям заметил линию надвигающегося шквала. Его тревога за корабли усилилась.

– Старик спрашивает, – перевел Иоганн, – примете ли вы три тысячи.

Лицо сэра Уильяма побагровело.

– Десять тысяч золотом!

Опять долгие переговоры, потом Иоганн промокнул вспотевший лоб:

– *Mein Gott*, они согласны на десять, выплата в два срока в Иокогаме. Первая – через десять дней, остальное – за день до встречи в Эдо.

После тяжелой, нарочито затянутой паузы сэр Уильям произнес:

– Через три дня я дам им ответ, приемлемы ли эти условия.

Шумное втягивание воздуха через сжатые зубы, еще несколько хитроумных попыток изменить три дня на тридцать, на десять, на восемь, разбившихся о каменное упорство англичан.

– Три.

Вежливые поклоны, и делегация удалилась.

Когда они остались одни, Иоганн радостно улыбнулся:

– В первый раз мы достигли какого-то прогресса, сэр Уильям, в самый первый раз!

– Да, ну что ж, посмотрим. Я не понимаю их совершенно. Они явно старались измотать нас. Но зачем? Какая им от этого польза? Свиток уже был у них, так почему, дьявол их подери, они не могли отдать его в самом начале и не покончить сразу с этой их трижды проклятой волокитой? Полнейший идиотизм! И зачем было присылать два пустых паланкина?

– Мне кажется, сэр, – заметил Тайрер, весь сияя, – что это просто одна из их характерных черт. Идти всегда окольным путем.

– Да, хорошо. Тайрер, будьте любезны, пройдите со мной. – Он направился в свой личный кабинет и, едва лишь дверь закрылась за ними, принялся злобно выговаривать молодому человеку: – Вас что, так ничему и не научили в министерстве? Где ваши мозги? Или их у вас никогда и не было? Неужели вы не в состоянии сообразить, что на дипломатических встречах лицо должно быть непроницаемым? У вас что, с головой не в порядке?

Тайрер был шокирован его злобным сарказмом.

– Извините, сэр, очень прошу простить меня, сэр, я просто так обрадовался вашей победе, что не смо...

– Это не была победа, идиот! Это была всего-навсего отсрочка, хотя и ниспосланная Небом! – Облегчение, которое испытывал сэр Уильям теперь, когда встреча закончилась и, вопреки всем ожиданиям, принесла ему гораздо больше, чем он мог желать, подогревало его раздражительность. – Может быть, у вас в ушах плесень завелась? Или вы не слышали, как Иоганн сказал: «...то, что представляется обоснованной жалобой» – да ведь это самая большая лазейка, какую они могли для себя оставить, клянусь Богом! Мы добились отсрочки, только и всего. Но так получилось, что она прекрасно меня устраивает. И если встреча в Эдо состоится через тридцать дней, я буду крайне удивлен. В следующий раз, черт побери, не показывайте своих чувств, и если вы когда-нибудь станете переводчиком... вообще вам лучше поскорее выучить японский, или вы отправитесь у меня домой на следующем же пароходе с пометкой в послужном листе, которая обеспечит вам назначение к эскимосам до конца жизни!

– Слушаюсь, сэр.

Все еще не выпустив пар до конца, сэр Уильям увидел, как молодой человек вытянулся перед ним, стоически глядя ему в лицо, и

спросил себя, что же так изменилось в нем. Тут он заметил выражение его глаз.

«Где же я раньше видел этот взгляд – та же самая, почти неуловимая отчужденность, что и у молодого Струана? Ах да, ну конечно, теперь вспомнил! В глазах молодых солдат, возвращавшихся с Крыма, – и тех, что были целы и невредимы, и раненых, будь они союзниками или врагами. Война вырвала из них молодость, вытравила в них юношескую чистоту с такой бесстыдной быстротой, что после этого они навеки стали другими. И это всегда видно не по лицам, а именно по глазам. Сколько раз мне говорили: перед сражением – мальчишка, несколько минут или часов спустя – мужчина. Англичанин ли, русский ли, немец, француз или турок – разницы никакой.

Посему получается, что идиот-то я, а не этот молодой парень. Я забыл, что ему едва исполнился двадцать один, а за последние шесть дней его чуть было не убили и он пережил такое, что иному мужчине и за всю жизнь не выпадает. Или женщине, клянусь Создателем! Правильно, глаза той девушки смотрели точно так же. Какой я глупец, что не понял этого. Бедняжка, ей ведь, кажется, только-только минуло восемнадцать? Ужасно, когда приходится взрослеть так быстро. Мне повезло больше».

– Ну ладно, мистер Тайрер, – резко закончил он, завидуя ему, той храбрости, с которой он прошел крещение огнем. – Я уверен, что вы со всем справитесь. Эти встречи... кхм... они даже Иова выведут из себя, а? Полагаю, мы заслужили по бокалу шерри.

Той же ночью, когда все вокруг стихло, Хирага и его спутники осторожно выбрались из погребя, который был присмотрен ими заранее. Они скользнули в темноту и стали, каждый своим путем, пробираться к своему тайному убежищу.

Черное небо было затянуто тучами, сильный ветер хлестал по лицу редкими дождевыми каплями. «Я не буду чувствовать холода, не подам вида, что промок, я самурай, – приказал себе Хирага, следуя методике воспитания, принятой в его семье с тех пор, как он помнил себя. – Точно так же я буду воспитывать и своих сыновей и дочерей, если в моей карме есть место для сыновей и дочерей», – подумал он.

– Пора тебе жениться, – сказал ему отец год назад.

– Я согласен, отец. Я почтительно прошу вас изменить свое решение и позволить мне жениться на той, кого я выберу сам.

– Во-первых, долг сына подчиняться отцу; во-вторых, долг отца выбирать жен для своих сыновей и мужей для своих дочерей; в-третьих, отец Сумомо не дает своего согласия, она из Сацумы, а не из Тёсю; и наконец, как бы желанна она ни была, она не подходящая пара. Как насчет девушки из Ито?

– Пожалуйста, извините меня, отец, я согласен, что выбор мой несовершенно, но она из семьи самураев, получила воспитание самурая, и она владеет мной всецело. Я молю вас. У вас есть еще четыре сына – я же имею одну только жизнь, и поскольку мы, вы и я, оба согласны, что она должна быть посвящена *сонно-дзёи*, она, следовательно, будет недолгой. Подарите мне это как главное желание моей жизни. – Согласно обычаю, такое желание содержало в себе самую большую просьбу человека и означало, что, если ее исполнят, обратившийся с ней уже не станет просить ни о чем другом никогда.

– Очень хорошо, – сердито сказал его отец. – Но не как главное желание твоей жизни. Ты можешь назвать ее невестой, когда ей исполнится семнадцать. Я с радостью приму ее в нашу семью.

Это было в прошлом году. Через несколько дней после того разговора с отцом он покинул Симоносеки якобы затем, чтобы вступить в полк воинов Тёсю в Киото, на самом же деле чтобы объявить о своей приверженности *сонно-дзёи*, стать ронином и найти применение четырем годам тайной подготовки, духовной и физической.

Теперь шел девятый месяц. Через три недели Сумомо исполнялось семнадцать, но сейчас он настолько отступил от закона, что не могло быть и речи о безопасном возвращении домой. До вчерашнего дня. Отец написал ему: «Случилось невероятное, но наш правитель Огама обещал помиловать всех воинов, открыто принявших *сонно-дзёи*, и готов возобновить выплату им содержания, если они немедленно вернуться, отрекутся от этой ереси и снова прилюдно поклянутся ему в верности. Я приказываю тебе воспользоваться этим предложением. Многие возвращаются».

Письмо опечалило его, едва не разрушив его решимость.

– *Сонно-дзёи* важнее, чем семья или даже правитель Огама, даже чем Сумомо, – говорил он себе снова и снова. – Правителю Огаме

нельзя верить. Что же касается моего содержания...

По счастью, его отец был относительно зажиточным по сравнению с большинством других и благодаря своему отцу-сёе получил звание хиразамурая, третье по значению в самурайской иерархии. Выше стояли старшие самураи: хатомото и даймё. Ниже – все остальные: госи, асигару, сельские самураи и пешие воины, принадлежавшие к классу феодалов, но стоявшие ниже самураев. В звании хиразамурая отец получил доступ к низшим чиновникам, и образование, которое он дал своим сыновьям, было лучшим, какое только имелось.

«Я обязан ему всем, – подумал Хирага. – Да, и я послушно трудился, чтобы стать лучшим учеником в школе самураев, лучшим мастером меча и лучшим в английском языке. И я имею его разрешение и одобрение, так же как и разрешение нашего сэнсэя, главного учителя, принять *сонно-дзёи*, стать ронином, возглавить и организовать воинов Тёсю как острие борьбы за перемены. Да, но их одобрение было тайным, поскольку иначе оно непременно стоило бы моему отцу и сэнсёю их голов.

Карма. Я выполняю свой долг. Гайдзины – мразь, в которой мы не нуждаемся. Нам нужно лишь их оружие, чтобы с его помощью убивать их».

Дождь усилился. И буря вместе с ним. Это обрадовало его, потому что делало встречу с патрулем менее вероятной. Мысли о ждущих его в конце пути ванне, саке и чистой одежде согревали его и придавали силы. То, что их нападение не удалось, не беспокоило его. Это была карма.

С самого детства его учителя и наставники укрепляли в нем уверенность, что враги и предатели окружают человека повсюду, пока это не стало для него нормой жизни. Он продвигался вперед с осторожностью, постоянно проверяя, не идет ли кто за ним следом, без всякой логики меняя направление и везде, где только можно, останавливаясь и всматриваясь в темноту, прежде чем идти дальше. Когда он достиг нужной улицы, силы вдруг оставили его. Гостиница Сорока Семи Ронинов и окружавшая ее ограда исчезли.

На ее месте остался лишь пустырь, мерзкий запах и дымящееся пепелище. Несколько тел, мужских и женских. Некоторые были обезглавлены, некоторые – разрублены на куски. Он узнал Готу, своего

товарища сиси, по его кимоно. Голова мамы-сан торчала на пике, воткнутой в землю. К пике была прикреплена табличка: «Закон запрещает укрывать преступников и предателей». Официальная печать под ней принадлежала бакуфу, табличка была подписана Нори Андзё, главой родзю.

Хирага почувствовал, как в нем поднимается ярость, но она была холодна как лед и лишь добавила новый слой к тем, что уже выросли внутри его. «Проклятые гайдзины! — подумал он. — Это все их вина. Из-за них все это случилось. Мы будем отомщены».

Глава 13

Воскресенье, 28 сентября

Малкольм Струан медленно выбирался из сна, осторожно, одно за другим, проверяя свои ощущения. С тех пор как миновала пора детства, он многое узнал о душевной боли, потеряв двух братьев и сестру; он помнил боль, которую вызывали в нем пьянство отца и его с каждым разом все более страшные приступы ярости; боль, которую ему причиняли нетерпеливые учителя, его всепоглощающая потребность быть первым всегда и во всем, потому что однажды он станет тайпаном, и вечный страх, что он окажется недостойным этого звания, сколько бы он ни готовился, и ни учился, и ни надеялся, и ни молился, и ни работал день и ночь, каждый день и каждую ночь своей жизни, – настоящего детства или мальчишечьих радостей, доступных другим, он не знал.

Но сейчас, как никогда прежде, он должен был испытывать со всех сторон степень своей пробужденности, зондировать глубину той физической боли, которую ему придется выносить сегодня как дневную норму, не считая внезапных приступов, от которых меркло в глазах, – они наступали без всякого предупреждения, их нельзя было ни вычислить, ни предугадать.

Сегодня только ноющая пульсирующая боль, но слабее, чем вчера. Сколько дней прошло с нападения на Токайдо? Шестнадцать. Шестнадцатый день.

Он позволил себе проснуться чуть больше. Нет, сегодня все определенно лучше, чем вчера. Комната не качалась перед глазами в белесых рассветных сумерках. Ясное небо, легкий ветерок, никакого шторма.

Два дня назад шторм прекратился. Он продолжался восемь дней с силой тайфуна, затем стих так же быстро, как и начался. Флот, стоявший у Эдо, распался в первый же день, ища спасения в открытом море. Первым снялся с якоря французский флагман. Он, единственный из всех военных кораблей, успел целым и невредимым добраться до Иокогамы. Ни один из других пока не вернулся. Тревожиться еще не

было причины, однако все с беспокойством оглядывали горизонт, молясь и надеясь.

Во время шторма здесь, в Йокогаме, одно из торговых судов было выброшено на берег, несколько зданий пострадали, много катеров и рыбацких лодок пошли ко дну; в деревне и в Ёсиваре шторм перевернул все вверх дном, многие из палаток военного лагеря, разбитого на утесе, унесло ветром, но жертв там не было, как и в Поселении.

«Нам больше чем повезло, – думал Струан, сосредоточиваясь на центральной проблеме своего мироздания. – Смогу ли я сесть?»

Неловкая, опасливая попытка. Ай-йа! Больно, но не слишком. Упершись обеими руками, он подтолкнул себя выше и вот уже сел прямо, опираясь на ладони.

Терпеть можно. Лучше, чем вчера. Он подождал немного, потом наклонился вперед, осторожно убирая одну руку. Все еще можно терпеть. Он убрал из-под себя обе руки. Можно терпеть. Он медленно стянул одеяла в сторону и осторожно попытался спустить ноги на пол. Но это не получилось, боль, пронзившая внутренности, была слишком велика. Еще одна попытка – и снова неудача.

«Ничего, потом попробую еще раз». Бережно, как только мог, он опустил назад на подушки. Едва лишь вес тела целиком перешел на спину, с уст его сорвался вздох облегчения:

– Ай-йа!

– Терпение, Малкольм, – говорил ему Бебкотт каждый день при каждом посещении – обычно он навещал его три-четыре раза ежедневно.

– К чертям терпение!

– Вы правы, конечно, но дела у вас и в самом деле идут прекрасно.

– И когда же я смогу встать?

– Прямо сейчас, если хотите. Но я бы не советовал.

– Как долго мне ждать?

– Подождите еще пару недель.

Малкольм выругался вслух, но во многом он был рад предоставленной ему отсрочке. Она давала ему больше времени, чтобы поразмыслить о том, как он собирается справляться со своим

новым положением тайпана, с матерью, с Анжеликой, с Макфеем и с неотложными деловыми проблемами.

– Как нам быть с ружьями для Тёсю? – спросил его Макфей несколько дней назад. – Это будет огромная сделка, которая станет развиваться и дальше.

– У меня есть одна идея. Предоставь это мне.

– Норберт, конечно, уже давно унюхал этих Тёсю своим длинным носом. Он обязательно сделает им более заманчивое предложение.

– Норберт и Брок могут идти к чертям! Их связи не так хороши, как наши, к тому же Дмитрий, «Купер и Тиллман» и большинство других китайских торговцев из числа американцев на нашей стороне.

– Но только не в гавайской сделке, – с досадой заметил Макфей.

В последнем письме, полученном десять дней назад, – никаких новостей с тех пор, и пароход, доставлявший почту два раза в месяц, ожидался в Иокогаме не раньше чем через пять дней, – Тесс Струан писала:

...Банк «Виктория» предал нас. Я полагаю, они тайно поддерживали Моргана Брока в Лондоне щедрыми аккредитивами. С их помощью он так же тайно переманил на свою сторону или подкупил всех наших гавайских агентов, сделав корнер на рынке сахара и вытеснив нас совершенно. Хуже того, хотя у меня нет никаких доказательств, ходят слухи, что он установил тесный контакт с мятежным президентом Джефферсоном Дэвисом и владельцами хлопковых плантаций, предлагая им обменять весь урожай сахара на фьючерсные сделки по поставке хлопка английским ткацким фабрикам, – этот проект превратит Тайлера и Моргана в самых богатых людей в Азии. ЭТОГО НЕ ДОЛЖНО СЛУЧИТЬСЯ! Я ума не приложу, что делать. Джейми, что вы предлагаете? Передайте это письмо моему сыну с той же настоятельной просьбой о помощи.

– И что же ты предлагаешь, Джейми?

– Мне нечего предложить, Маль... тайпан.

– Если сделка состоялась, значит она состоялась, и ничего тут не поделаешь. Скажем, она состоялась, не могли бы мы каким-нибудь образом перехватить этот хлопок по дороге?

Макфей ошеломленно заморгал:

– Пиратство?

– Если возникнет необходимость, – невозмутимо произнес Малкольм. – Старик Брок не стал бы колебаться, ему уже случалось заниматься этим в прошлом. Это одна из возможностей: весь хлопок поплывет в Англию на его кораблях. Вторая возможность: британский флот прорвет блокаду северян, и тогда мы все сможем получить столько хлопка, сколько нам нужно.

– Наш флот смог бы это сделать, если мы объявим войну Северным Штатам. Но это немыслимо!

– Не согласен. Ради бога, мы должны вступить в войну на стороне Дэвиса, хлопок американского Юга – кровь нашей экономики. Тогда южане победят. В противном случае они проиграют.

– Это верно. Но мы в равной степени зависим и от Севера.

– Как нам отобрать у него корабли? Должен же существовать какой-нибудь способ разорвать эту цепь. Если он не сможет перевезти груз, он банкрот.

– Как поступил бы Дирк?

– Взял бы его за горло, – тут же ответил Малкольм.

– Значит, до него нам и нужно добраться...

«Где оно у него, это горло, и что собой представляет? – снова спросил он себя, тихо лежа на кровати, заставляя свой мозг четко работать над этой проблемой и над всеми остальными. – Анжелика? Нет, о ней я буду думать позже, но я знаю, что с каждым днем люблю ее все больше.

Благодарение Богу, я теперь могу писать письма. Обязательно нужно еще раз написать маме, если уж кто и знает уязвимое место Броков, так это она, разве Тайлер Брок не ее отец, а Морган не ее брат, но как она смеет издеваться над родственниками Анжелики? Может быть, мне стоит написать отцу Анжелики? Да, но не сейчас, времени впереди еще довольно.

Столько еще писем предстоит написать, потом нужно будет заказать книги из Англии, до Рождества осталось не так уж много времени, не забыть еще о благотворительном бале жокей-клуба в Гонконге, о ежегодном бале Струанов тоже пора подумать, встречи, назначенные на сегодняшний день: Джейми по крайней мере дважды, в полдень Сератар – что ему-то понадобилось? Что там еще на сегодня? Филип собирается зайти поболтать после завтрака...

погодите минутку, нет, это не сегодня. Вчера сэр Уильям приказал ему возвращаться в Эдо, чтобы подготовить миссию к встрече с Советом старейшин через двадцать дней».

– Эта встреча действительно состоится, сэр Уильям? – спросил он, когда посланник навестил его. Поскольку флот больше не защищал миссию, а самураи развернули вокруг широкую, хотя и не открыто враждебную деятельность, сэр Уильям, подождав несколько дней для сохранения лица, счел за лучшее вернуться в Иокогаму, якобы для подготовки к принятию компенсации.

– Думаю, что да, мистер Струан. Возможно, не день в день, но да, церемония состоится примерно в это время, и тогда мы сделаем настоящий и очень большой шаг вперед. Если они выплатят первые пять тысяч фунтов, как обещали... что ж, это будет для нас очень хорошим знаком. Кстати, я так понимаю, у вас есть пароход, который сегодня отправляется в Гонконг, не смогу ли я уговорить вас позволить одному из моих сотрудников и кое-какой срочной почте отправиться вместе с ним – я вскоре ожидаю прибытия моей жены и двух сыновей, и мне необходимо заранее все подготовить.

– Конечно. Я упомяну об этом Макфею. Если вам понадобится место на любом из наших кораблей, чтобы встретить их, скажите лишь слово.

– Благодарю вас. Я планировал взять отпуск недели на две, когда они приедут. Здесь как-то тесно, начинаешь чувствовать себя словно взаперти, вы не согласны? Мне не хватает суматохи Гонконга. Поразительный город, хотя, черт меня подери, вряд ли на Уайтхолле понимают это! Изрядные порции доброго ростбифа, немного крикета или тенниса, театр или опера и несколько дней на скачках были бы мне сейчас весьма кстати. Когда вы возвращаетесь?

«Когда?

Новость об этом кошмаре на Токайдо должна была достичь Гонконга неделю назад, если только пакетбот прорвался через шторм. Маму, наверное, хватил удар, хотя по ней никогда никто ничего не определит. Приедет ли она сюда на первом же корабле? Возможно, но для этого ей придется оставить без присмотра главную контору, а также Эмму, Розу и Дункана. Теперь, когда отец умер, а меня там нет, восемнадцать дней отсутствия для нее слишком большой срок. Но даже если она уже на борту и спешит сюда, у меня есть еще три-

четыре дня, чтобы выстроить свою линию обороны. Странно это – думать о ней как о возможном враге, – ну, если и не враге, то уже больше не друге. Хотя, может быть, она все-таки остается другом, каким была для меня всегда, именно другом, пусть и далеким, ведь она отдавала отцу все свое время и на нашу долю его приходилось немного».

– Здравствуй, сын, неужели бы я могла хоть когда-нибудь стать твоим врагом?

Он был поражен, увидев ее стоящей подле его кровати, и отца тоже, и это было странно, потому что он помнил, что его отец умер, только это, казалось, не имело никакого значения. Он быстро выскочил из постели, не чувствуя никакой боли, и вот он уже радостно болтает с ними в катере, который пересекает гавань Гонконга, небо над ними все в грозowych тучах, родители почтительно слушают и одобрительно кивают его мудрым планам, Анжелика сидит на корме, ее платье прозрачно, груди манят, теперь уже ничем не прикрытые, его ладони ложатся на них, опускаются ниже, вот она вся обнажена, ее тело извивается, прижавшись к нему, руки ласкают его лицо...

– Малкольм?

Вздрагнув, он пробудился. Анжелика сидела подле кровати и улыбалась ему; ее пеньюар из голубого шелка был богатым и пристойным. Сон растаял, остались лишь угроза и обещание, которые несло с собой ее тело и которые не затухая пульсировали в его подсознании.

– Я... о, я заснул, моя дорогая, но сон был о тебе.

– В самом деле? И что тебе снилось?

Он нахмурился, силясь вспомнить.

– Забыл, – произнес он, улыбаясь ей с подушки. – Помню лишь, что ты была прекрасна. Мне очень нравится твой пеньюар.

Она весело закружилась, чтобы он мог получше его рассмотреть.

– Его сшил тот портной, которого Джейми нашел для меня по твоей просьбе! *Mon Dieu*, Малкольм, я... мне кажется, он просто чудо... я заказала ему четыре платья, надеюсь, ты не будешь возражать... о, спасибо! – Она наклонилась и поцеловала его.

– погоди, Анжелика, погоди секундочку. Смотри! – Он осторожно поднялся, преодолевая боль, убрал обе руки, на которые опирался, и протянул их ей.

– Это замечательно, *chéri*, – восхищенно воскликнула она, беря его руки в свои. – Ах, мсье Струан, я думаю, мне следует позаботиться о том, чтобы меня постоянно сопровождала горничная и я никогда больше не оставалась одна в вашей спальне.

С улыбкой она шагнула ближе, бережно положила руки ему на плечи, позволила его рукам обнять ее за талию и поцеловала его. Ее поцелуй был легким, сулил многое и ускользнул от его настойчивого требования большего. Без всякой задней мысли она коснулась поцелуем его уха, потом выпрямилась и не стала убирать его голову, которая покоилась у нее на груди, эта близость доставляла ей удовольствие – ему еще большее: мягкий шелк, с этим сверхъестественным, ни на что не похожим, особым теплом под ним.

– Малкольм, ты по-настоящему, по-настоящему серьезно решил, что хочешь жениться на мне? – Она почувствовала, как его руки сильнее сжали ее, а лицо дернулось от боли.

– Конечно. Я же столько раз тебе говорил.

– А как ты думаешь, как ты думаешь, твои родители... пардон, твоя матушка, она одобрит наш брак, да? О, я так надеюсь на это.

– Да, о да, она одобрит, одобрит обязательно.

– Можно мне написать папе? Я бы хотела рассказать ему.

– Разумеется, напиши когда захочешь, я тоже напишу ему, – хрипло произнес он, утонув с головой в ее нежности. Он поцеловал шелк ее пеньюара – желание заставило его забыть о приличиях, – потом еще раз, горячее, и едва не выругался вслух, когда почувствовал, как она отстранилась, прежде чем это зашло слишком далеко. – Извини, – пробормотал он.

– Твое «извини» излишне, как и всякое англосаксонское чувство вины, моя любовь. Между нами это ни к чему, – мягко сказала она. – Я тоже хочу тебя. – Затем, следуя своему плану, она поменяла настроение, полностью владея собой, заражая его своим счастьем. – Теперь я превращаюсь в сестру Найтингейл.

Она взбила ему подушки и принялась поправлять постель.

– Сегодня мсье Сератар дает французский ужин, а завтра он устраивает вечеринку для всех. Андре Понсен дает маленький концерт из фортепианных произведений Бетховена – мне он нравится гораздо больше Моцарта, – будет также Шопен и новая пьеса одного молодого человека по имени Брамс. – За окном зазвонил церковный колокол,

созывая прихожан на утреннюю службу, почти тотчас к нему присоединились другие; нежнее и мелодичнее остальных звучал колокол католической церкви. – Ну вот, – сказала она, помогая ему удобно лечь. – Сейчас я отправляюсь делать свой туалет и вернусь после мессы, когда тебе тоже сделают туалет.

Он удержал ее руку.

– «Когда тебя вымоют». Ты удивительная. Я люблю те...

Внезапно они оба посмотрели на дверь: кто-то поворачивал ручку, пытаюсь войти. Но дверь была заперта на задвижку.

– Я сделала это, когда ты спал. – Она весело хихикнула, как маленькая девочка, играющая в игру. Ручка опять задергалась. – Слуги всегда входят к тебе без стука, им нужно преподать урок!

– Масса! – раздался голос слуги из-за двери. – Чай-йа!

– Скажи ему, пусть уйдет и вернется через пять минут.

Струан, разделяя ее открытое удовольствие, громко распорядился на кантонском наречии, и они слышали, как китаец, ворча, удалился. Она рассмеялась.

– Ты должен научить меня по-китайски.

– Я попробую.

– Как будет «я люблю тебя»?

– У них нет слова «любовь», как у нас.

Она расстроенно нахмурилась:

– Как это грустно!

Анжелика порхнула к двери, отодвинула запор, послала ему воздушный поцелуй и исчезла в своей комнате. Задвижка с ее стороны со щелчком встала на место.

Он не отрываясь смотрел на дверь, изнывая от желания. Потом его чуткое ухо уловило перемену в колокольном звоне: тот стал более настойчивым. Это напомнило ему: месса!

Сердце его сжалось. «Я и не подумал об этом – о том, что она католичка. Мама не признает иной церкви, кроме англиканской: дважды по воскресеньям – под руку с отцом, и мы следом, друг за дружкой, – вместе со всеми добропорядочными семьями Гонконга.

Католичка?

Ну и пусть, я... мне все равно. Она должна быть моей», – сказал он себе; здоровая, жадная, пульсирующая боль внизу живота прогоняла острую резь из внутренностей.

– Я не могу иначе.

Этим днем четыре покрытых потом японских носильщика опустили окованный железом сундук на пол. За ними наблюдали три чиновника бакуфу, все очень низкого ранга, сэр Уильям, переводчики, офицер из армейского казначейства, меняла британской миссии, китаец по национальности, и Варгаш, который был приглашен присматривать за ним.

Все они находились в большом зале для приемов британской миссии, окна были открыты, и сэр Уильям с трудом удерживался от широкой улыбки. Очень церемонно один из чиновников извлек из складок кимоно причудливой формы ключ и отпер сундук. Внутри оказались мексиканские серебряные доллары, несколько тэйлов золота в брусках – весом около унции с третью – и несколько тэйлов серебра.

– Спросите, почему вся компенсация не выплачивается в золоте, как было условлено.

– Чиновник говорит, что они не успели собрать столько золота за такое короткое время, но это все чистые мексиканские доллары, законная валюта, и он просит вас дать ему расписку. – Слово «чистые» означало, что эти монеты не были подпилены или обкусаны кусачками – весьма распространенная практика, – чтобы сбыть их потом любому, кто недостаточно осторожен.

– Начинайте подсчет.

Лучась от счастья, меняла высыпал содержимое сундука на ковер. Его наметанный глаз тут же углядел обрезанную монету, Варгаш заметил еще одну и еще. Их откладывали в сторону. Все глаза не отрываясь смотрели на ковер, на аккуратные, быстро растущие столбики монет. Пять тысяч фунтов были огромной суммой в те времена, когда оклад штатного переводчика составлял четыреста фунтов в год, из которых он еще платил за жилье. Меняла получал сотню (правда, изрядный процент всего, что проходило через его руки, тем или иным образом прилипал к ним), слуга в Лондоне – двадцать фунтов в год, и не было ни одного свободного места, солдат – пять пенсов в день, матрос – шесть, адмирал – шестьсот фунтов в год.

Подсчет был быстро закончен. Оба менялы дважды проверили вес каждого маленького слитка золота, затем – вес каждого столбика

обрезанных монет, потом, быстро щелкая костяшками счет, определили общую сумму согласно текущему курсу.

Варгаш подвел итог:

– Получается следующее, сэр Уильям: четыре тысячи восемьдесят четыре фунта, шесть шиллингов и семь пенсов с фартингом чистой монетой, пятьсот двадцать фунтов ровно золотом, девяносто два фунта шестнадцать шиллингов подрубленными монетами – итого четыре тысячи шестьсот девяносто семь фунтов, два шиллинга и семь пенсов с фартингом.

– Простите, восемь пенсов, масса. – Китаец поклонился и покивал, отчего затряслась его косичка, длинная и толстая. Эту маленькую, сохраняющую лицо поправку он сделал по предварительному соглашению с Варгашем, решив, что сумма, которую его португальский коллега вычел в качестве их гонорара – два с половиной процента, или сто семнадцать фунтов, восемь шиллингов и шесть пенсов на двоих, – была меньше, чем та, которую выкроил бы он, но все же приемлема за получасовой труд.

– Уберите все назад в сундук, Варгаш, – распорядился сэр Уильям, – и выдайте им расписку. Сделайте в ней помету, что недоплата будет начислена к последнему платежу. Иоганн, поблагодарите их и скажите, что мы ожидаем получения полной суммы, золотом, через девятнадцать дней.

Иоганн подчинился. Японский переводчик тут же начал переводить длинное заявление.

– Они просят об отсрочке, сэр, и...

– Никакой отсрочки. – Сэр Уильям вздохнул, отпустил остальных и приготовился скучать еще час. Он закрыл уши и задумался о своем, но вдруг с удивлением услышал, как Иоганн сказал:

– Они неожиданно перешли сразу к делу, сэр, речь идет о встрече в Эдо, сэр. Они просят, чтобы встречу отложили еще на тридцать дней, то есть всего получается на пятьдесят дней, считая от сегодняшнего... дословно это звучит так: сёгун к тому времени уже вернется из Киото, и он поручил Совету старейшин передать всем иностранным посланникам, что даст им аудиенцию в этот день.

Чтобы выиграть время и обдумать услышанное, сэр Уильям крикнул:

– Лун!

Китаец появился в тот же момент.

– Чай!

Подносы прибыли через несколько секунд. А также сигары, нюхательный и курительный табак. Скоро комната наполнилась дымом, все начали кашлять, а сэр Уильям тем временем продумывал варианты.

«Во-первых и в-главных, я, вероятнее всего, имею дело с какой-нибудь мелкой сошкой, поэтому все, о чем мы договоримся, будет подлежать дальнейшему согласованию. Далее, в любом случае пятьдесят дней, без сомнения, растянутся на два месяца, даже три, но если мы добьемся аудиенции у высшей власти – разумеется, Британия возглавит делегацию посланников, – это будет серьезным, очень серьезным шагом вперед. Если разобраться, я готов ждать и три, даже четыре месяца. К тому времени я получу разрешение лорда Рассела на открытие военных действий, подкрепления с Гонконга и из Индии будут на пути сюда, адмирал получит свои чертовы полномочия и в нашем распоряжении окажутся достаточные силы, чтобы в случае необходимости занять, удержать и укрепить Эдо.

Я мог бы сказать, давайте встретимся, как планировали, а потом будет аудиенция с сёгуном. Это был бы наилучший вариант, но я чувствую, они не пойдут против воли этого их таинственного сёгуна и будут так или иначе тянуть, виллять и опять все запутают».

– Их представитель говорит, – перевел Иоганн, – поскольку мы пришли к согласию, мы прощаемся с вами.

– Я не давал никакого согласия. Отсрочка на тридцать дней невозможна по многим причинам. Мы уже договорились о встрече с Советом старейшин, которая состоится в назначенный день, а затем, десятью днями позже, мы с удовольствием встретимся с сёгуном.

После часа шумного всасывания воздуха, возмущенных молчаний, англосаксонской прямолинейности сэр Уильям дал уговорить себя, и стороны сошлись на компромиссном варианте: встреча с Советом старейшин состоится как назначено, а встреча с сёгуном произойдет двадцатью днями позже.

Оставшись наедине с сэром Уильямом, Иоганн произнес:

– Они не станут этого придерживаться.

– Да, я знаю. Это не страшно.

– Сэр Уильям, срок моего контракта истекает через пару месяцев. Я не стану его возобновлять.

– Я не смогу обойтись без ваших услуг по крайней мере полгода, – резко заметил ему сэр Уильям.

– Пора мне отправляться домой. Скоро это место станет кровавой баней, и мне вовсе не хочется, чтобы моя голова торчала на пике.

– Я увеличу ваше жалованье на пятьдесят фунтов в год.

– Дело не в деньгах, сэр Уильям. Я устал. На девяносто восемь процентов все эти переговоры – *sheiss*^[16]. У меня больше нет терпения, чтобы копаться в бочке навоза, отыскивая зернышко пшеницы!

– Вы нужны мне на эти две встречи.

– Они никогда не состоятся. Два месяца с небольшим, и я снимаюсь с якоря, в тот самый день, что стоит в контракте. Извините, сэр Уильям, но это окончательно, а теперь я пойду напьюсь. – Он ушел.

Сэр Уильям прошел через холл в свой кабинет, подошел к окну и окинул взглядом горизонт. Солнце клонилось к закату. Никаких признаков возвращающегося флота. Дай Бог, чтобы все корабли уцелели. Иоганна так или иначе необходимо удержать. Тайрер будет готов не раньше чем через год, и это в лучшем случае. Кого мне найти на это время из тех, кому можно доверять? Черт бы все побрал!

Лучи умирающего солнца освещали скромно обставленную комнату. Работать с бумагами было уже трудно, поэтому он зажег масляную лампу, тщательно отрегулировал фитиль. На столе лежали пачки депеш, его номер альманаха «Круглый год», давно прочитанный от первой до последней страницы вместе со всеми газетами с последнего пакетбота, несколько номеров «Иллюстрийтед Лондон ньюз» и «Панча». Он взял в руки сигнальный экземпляр «Отцов и детей» Тургенева на русском языке, присланный ему другом при санкт-петербургском дворе вместе с английскими и французскими книгами, начал читать, но не смог сосредоточиться на чтении, отложил роман в сторону и начал второе за сегодняшний день письмо губернатору Гонконга, излагая подробности прошедшей встречи и запрашивая замену для Иоганна. В комнату неслышно вошел Лун, прикрыв за собой дверь.

– Да, Лун?

Лун подошел к его столу, помолчал нерешительно, потом осторожно заговорил, понизив голос:

– Масса, слышать беда, беда сколый на Эдо, в Балсой дом, балсой беда.

Сэр Уильям поднял глаза и пристально посмотрел на него. Большим домом китайские слуги называли их миссию в Эдо.

– Что за беда?

Лун пожал плечами:

– Беда.

– Когда беда?

Лун опять пожал плечами:

– Виски вода, хейя?

Сэр Уильям задумчиво кивнул. Время от времени Лун шепотом пересказывал ему разные слухи и со сверхъестественным постоянством оказывался прав. Сэр Уильям смотрел, как он бесшумно прошел к буфету и смешал ему виски с водой, как раз так, как он любил.

Филип Тайрер наблюдал тот же самый закат из окна второго этажа британской миссии в Эдо. Группы самураев, как обычно, располагались за стенами и на всех подступах к вершине холма. Оттенки темно-красного, оранжевого и коричневого у пустынного горизонта смешивались с полоской голубого неба, прижавшейся к самому морю.

«Слава богу, французский адмирал привез назад Андре Понсена. Я благодарю Господа за Андре Понсена, хотя он человек со странностями и не отличается постоянством, но это лишь потому, что он француз. У меня уже есть два учебника, в которых полным-полно японских слов и выражений, а мой дневник до отказа напичкан всяким фольклором и местными обычаями. Мне назначена встреча с иезуитом, когда я снова вернусь в Йокогаму. Такой замечательный прогресс, а ведь мне так важно выучить японский как можно быстрее. И я уже не говорю о Ёсиваре.

Три посещения. Первые два предприняты вместе с Андре, третье – самостоятельно».

– Андре, я просто не могу высказать, как я ценю все то время, что вы посвящаете мне, и всю вашу помощь. Что же касается сегодняшней

ночи, я буду вечно вам за нее благодарен, вечно.

Он сказал это после первого визита.

С наступлением сумерек, нервничая, краснея, истекая потом, почти не в состоянии вымолвить ни слова, но стараясь держаться «настоящим мужчиной», он вышел из Поселения следом за Андре, присоединившись к оживленной толпе мужчин, направлявшихся в сторону Ёсивары. Они миновали самурайскую стражу, вежливо приподняв цилиндры и получив в ответ небрежные поклоны, перешли через Мост в Рай и приблизились к высоким воротам в глухой деревянной ограде.

– «Ёсивара» означает «место, где растет тростник», – словоохотливо объяснял ему Андре. Оба они изрядно приободрили себя шампанским, но Тайреру это не помогло, даже наоборот: вино лишь усилило его тревогу и опасения. – Так назывался район в Эдо, отвоєванный у болота, где был выстроен обнесенный со всех сторон оградой квартал для публичных домов, первый в истории Японии. Выстроен по приказу сёгуна Торанаги два с половиной века назад. До этого бордели были в беспорядке разбросаны по всему городу. С тех пор, как рассказывают, все города, и большие и маленькие, имеют похожие кварталы, на каждый из них получено разрешение властей и все они строго контролируются. По традиции многие по-прежнему называются Ёсиварами. Видите вон там?

Над воротами виднелись изящно вытравленные на дереве китайские иероглифы.

– Они означают: «Страсть не дает покоя, выход ей должно найти».

Тайрер нервно рассмеялся. Перед воротами и внутри он заметил большое количество стражников. Вчера вечером, когда Андре предложил проводить его сюда – они тогда сидели в клубе и выпивали, – Тайрер упомянул одного торговца, который рассказал ему, что стражники поставлены там не столько следить за порядком, сколько не давать шлюхам сбежать.

– Получается, что на самом деле все они рабыни, не так ли?

Он был шокирован, увидев, как Понсен сердито вспыхнул:

– *Mon Dieu*, не считайте их шлюхами и не зовите их шлюхами в нашем понимании этого слова. Они не рабыни. Некоторые из них связаны договором на несколько лет, многие проданы родителями еще в юном возрасте, опять же на определенное количество лет, но их

контракты одобрены бакуфу и все зарегистрированы. Они не шлюхи, они дамы Ивового Мира, и не забывайте об этом. Дамы!

– Извините, я...

Но Андре пропустил его извинение мимо ушей.

– Некоторых из них называют гейшами – девами искусства, – они обучены развлекать вас, петь и танцевать и играть в разные глупые игры. Гейши не для постели. Остальные... *mon Dieu*, я уже говорил вам, не думайте о них как о шлюхах, думайте о них как о девах наслаждения, обученных доставлять удовольствие, и это обучение длилось много лет.

– Простите, я не знал.

– Если вы будете обращаться с ними как подобает, они доставят вам удовольствие, практически любое, какое вы пожелаете, – если сами захотят этого и если деньги, которые вы платите, достаточны. Вы отдаете им деньги, которые не имеют никакого значения, они отдают вам свою молодость. Это неравная сделка. – Андре странно посмотрел на него. – Они отдают вам свою молодость и прячут слезы, которые вы им приносите. – Он залпом допил свое вино и уставился в пустой бокал, внезапно помрачнев и сразу как-то потухнув.

Тайлер вспомнил, как он, не поднимая глаз, снова наполнил бокалы, проклиная себя за то, что разрушил чувство легкой, безмятежной дружбы, такой ценной для него дружбы, обещая себе впредь быть осторожнее и гадая, чем мог быть вызван этот внезапный приступ ярости.

– Слезы?

– Их жизнь нельзя назвать хорошей, и все равно она не всегда бывает плохой. Для некоторых она может стать волшебной. Самые красивые и утонченные из них становятся знаменитыми, их добиваются для себя даже самые высокопоставленные даймё – короли – в стране. Они могут найти себе хорошего мужа, богатого купца, даже самурая. Но для наших дам Ивового Мира, предназначенных для нас, гайдзинов, – с горечью продолжал Андре, – нет иного будущего, кроме как открыть свой дом здесь же, пить саке и нанимать других девушек. *Mon Dieu*, обращайтесь с ними достойно, потому что, оказавшись здесь, они становятся нечистыми в глазах всех остальных японцев.

– Извините. Какой ужас.

– Да, никто даже не понима... – Взрыв пьяного хохота заглушил его слова. Клуб был полон людьми, разгоряченными, шумными. – Поверьте мне, этим кретинам все равно, им плевать на все это, всем до единого, кроме Кентербери, тот понимал. – Андре поднял глаза от остатков вина в бокале. – Вы молоды и чисты сердцем, вы пробудете здесь год или два и как будто хотите учиться, поэтому я подумал... здесь можно узнать так много... так много хорошего, – вдруг сказал он и ушел.

Это было прошлой ночью, и вот теперь они входили в ворота Ёсивары. Андре достал свой маленький пистолет.

– Филипп, вы вооружены?

– Нет.

Андре передал пистолет подобострастному прислужнику, который выдал ему расписку и положил его вместе со многими другими.

– Никому не разрешено носить оружие внутри ограды – это правило соблюдается во всех Ёсиварах, даже самураи должны расстаться со своими мечами. *On y va!*^[17]

Перед ними по обе стороны широкой центральной улицы и отходивших от нее узких боковых стояли ряды аккуратных маленьких домиков, многие из которых представляли собой просто закусовые и крошечные бары, где можно было поесть или выпить; все дома были деревянными, с верандами и раздвижными панелями-сёдзи, затянутыми промасленной бумагой, все были подняты над землей на низких столбиках. Всюду яркие краски и россыпи живых цветов, шум и смех и множество фонарей, свеч, масляных ламп.

– Угроза пожара здесь огромна, Филипп. Вся Ёсивара сгорела дотла уже в первый год, но через какую-то неделю жизнь тут опять была ключом.

На каждом из домов был начертан свой знак. Некоторые имели открытые двери и отодвигавшиеся в сторону окна-сёдзи. В этих окнах сидело и стояло много девушек, одетых богато или скромно в кимоно самого различного качества, в зависимости от престижности заведения. Другие девушки прогуливались, некоторые с цветными зонтиками, некоторые в сопровождении служанок, не обращая особого, а то и вовсе никакого внимания на пяливших глаза мужчин. В толпе сновали торговцы самым разным товаром и множество девушек-зазывал, громко превозносивших достоинства своих домов на

лаконичном гортанном пиджине, каждая на свой лад, однако все перекрывала веселая, возбужденная болтовня и разговоры будущих клиентов, многих из которых узнавали в лицо, многие из которых уже имели здесь свои излюбленные места. Японцев не было, кроме стражников, слуг, носильщиков и массажистов.

– Никогда не забывайте, что Ёсивары – это места радости, плотских наслаждений, включая еду и питье, и что в Японии не существует такого понятия, как грех, первородный или какой-либо другой. – Андре расхохотался и повел его сквозь толпы людей, сохранявших, несмотря на оживленность, известный порядок, не считая нескольких пьянчуг, сцепившихся друг с другом. Этих быстро и добродушно растащили в стороны огромные опытные вышибалы, драчунов тут же усадили на стулья, и вездесущие прислужницы поднесли им еще саке.

– Пьянство здесь поощряют, Филип, потому что пьяницы теряют счет деньгам. Но никогда не пытайтесь затеять ссору с вышибалой, вы даже представить себе не можете, как здорово они дерутся без оружия.

– В сравнении с Пьяным Городом здесь порядка не меньше, чем на набережной Риджентс в Брайтоне.

Какая-то шумливая девица схватила Тайрера за руку и постаралась затащить его в дверь:

– Саке, хейа? Дзиг-дзиг сир'на харосый, масса...

– *Ийе, домо, ийе...* – выпалил Тайрер, – нет, спасибо, нет, – и торопливо догнал Андре. – Бог мой, я насилу вырвался от нее!

– Это их работа.

Андре свернул с главной улицы, прошел между домами, повернул еще в один переулок, остановился перед неказистой дверью в ограде с грязной вывеской над ней и постучал. Тайрер узнал иероглифы, которые Андре показывал ему раньше: дом Трех Карпов. Крошечная решетка в двери скользнула в сторону. Глаза внимательно рассмотрели их. Дверь открылась, и Тайрер очутился в волшебной стране.

Маленький сад, масляные фонари и горящие свечи. Влажно поблескивающая дорожка из плоских серых камней, уложенных в зеленом мху, островки цветов, много карликовых кленов – кроваво-красные листья на том же зеленом фоне, – бледно-оранжевый свет, пробивающийся через матовые сёдзи. Миниатюрный мостик через маленький ручей, шум водопада неподалеку. На веранде сидела на

коленях женщина средних лет, мама-сан, в роскошном кимоно и с высокой красивой прической.

– *Bon soir*, мсье Фурансу-сан, – сказала она, положила обе ладони на пол веранды и поклонилась.

Андре поклонился в ответ.

– *Райко-сан, конбанва. Икага дэсу ка?* – Добрый вечер, как вы поживаете? – *Корэ ва ватати но ломодати дэсу, Тайрер-сан.* – Это мой друг, мистер Тайрер.

– *А со дэсу ка? Тайра-сан?* – Она низко поклонилась, Тайрер неловко поклонился в ответ, потом она сделала им знак следовать за ней.

– Она говорит, что Тайра – старинное японское имя, очень знаменитое. Вам повезло, Филип, большинство из нас довольствуются прозвищами. Я – Фурансу-сан, только так им удастся выговорить слово «француз».

Они сняли туфли, чтобы не запачкать очень чистые и дорогие татами, потом сели в комнате, скрестив под собой ноги, – Филип сидел так впервые, и ему было очень неудобно. Андре Понсен показал ему такому, нишу, где вывешивался особый свиток с иероглифами и помещалась композиция из живых цветов, менявшихся каждый день, объясняя все в деталях, чтобы Тайрер мог по достоинству оценить качество сёдзи и дерева.

Подали саке. Прислужница была совсем юной, лет, наверное, десяти, с некрасивым лицом, но управлявшаяся с подносами умело и в полном молчании. Райко налила вино: сначала Андре, потом Тайреру, потом себе. Она сделала глоток, Андре осушил крошечную чашечку и протянул ее, чтобы ее наполнили снова, Тайрер последовал его примеру, находя вкус саке не неприятным, но пресным. Обе чашечки были немедленно наполнены, осушены и наполнены снова. Принесли еще подносы и еще кувшинчики с саке.

Тайрер скоро потерял счет чашечкам, но по телу разлилось приятное тепло, он забыл все свои тревоги и наблюдал и слушал разговор Андре и мамы-сан, не понимая почти ничего, лишь отдельные слова тут и там. Волосы Райко были черными и блестящими, с большим количеством красивых гребней в высокой прическе. Ее лицо было покрыто толстым слоем белого порошка, оно

не было ни красивым, ни уродливым – просто непривычным. На розовом кимоно переплетались зеленые карпы.

– «Карп» по-японски *кой*, обычно это знак удачи, – объяснил ему Андре до прихода сюда. – Любовница Таунсенда Харриса, куртизанка из Симоды, которую бакуфу назначили развлекать его, звалась Кой, но, боюсь, ей это счастья не принесло.

– О? А что случилось?

– В истории, которую пересказывают друг другу здешние куртизанки, говорится, что он обожал ее и, уехав, оставил ей много денег, достаточно, чтобы она жила безбедно – она провела с ним около двух лет. Вскоре после того, как он вернулся в Америку, она просто исчезла. Вероятно, спилась и умерла или покончила жизнь самоубийством.

– Она так сильно любила его?

– Говорят, что в самом начале, когда бакуфу впервые заговорили с ней об этом, она наотрез отказалась быть с чужестранцем – это было неслыханное нарушение всех правил, не забывайте, что он был самым первым из тех, кому по-настоящему разрешили жить на японской земле. Она умоляла бакуфу выбрать кого-то другого, позволить ей жить в мире, говорила, что станет буддийской монахиней, даже клялась, что убьет себя. Однако они были упорны не меньше ее, умоляя ее помочь им решить проблему с этим гайдзином, неделями упрасывая ее стать его наложницей, преодолевая ее сопротивление им одним известными способами. Поэтому она согласилась, и они поблагодарили ее. А когда Харрис уехал, все отвернулись от нее – и бакуфу, и вообще все: «О, прошу прощения, но любая женщина, которая спала с чужестранцем, запятнала себя навеки».

– Как это ужасно!

– Да, в нашем представлении. И как грустно. Но запомните, это Страна Слез. Теперь Кой стала легендой, почитаемая и другими девами Ивового Мира, и теми, кто повернулся к ней спиной. Почитаемая за ее самопожертвование.

– Я не понимаю.

– Я тоже. Этого не понимает ни один из нас. Но им это понятно. Японцы понимают.

«Как странно, – вновь подумал Тайрер. – Взять этот маленький домик, этого человека и эту женщину, ведущих между собой

оживленную беседу наполовину на японском, наполовину на пиджине, весело смеющихся друг с другом; одна из них – мадам публичного дома, другой – клиент этого дома, но оба притворяются кем-то еще».

Новые и новые бутылочки саке. Потом она поклонилась, встала и вышла.

– Саке, Филип?

– Спасибо. Здесь довольно мило, не правда ли?

После паузы Андре произнес:

– Вы первый человек, которого я привожу сюда.

– О? Почему я?

Француз повертел в пальцах фарфоровую чашечку, допил последнюю каплю, налил еще, потом заговорил по-французски, мягко и с большой теплотой:

– Потому что вы первый человек, которого я встретил в Йокогаме, обладающий... потому что вы говорите по-французски, вы воспитанны, ваш мозг впитывает все как губка, вы молоды, почти вдвое моложе меня, а? Вам двадцать один, и вы не похожи на других, у вас чистая душа, и вы пробудете здесь несколько лет. – Он улыбнулся, плотнее опутывая его паутиной, говоря только часть правды, придавая ей нужную ему форму. – Если честно, вы первый человек из моих знакомых, который... ну, даже хотя вы англичанин и, по сути, враг Франции, вы единственный, кто, по моему мнению, каким-то образом ценит те знания, которые я здесь приобрел. – Смущенная улыбка. – Трудно объяснить. Может быть, потому, что я всегда хотел стать учителем, может быть, потому, что у меня никогда не было сына – я так и не женился, – может быть, потому, что скоро мне придется переехать назад в Шанхай, может быть, потому, что мы в достаточной степени враги, и, возможно... возможно, вы могли бы стать хорошим другом.

– Я почел бы за честь быть вашим другом, – тут же произнес Тайрер, попадаясь в расставленную сеть, замороженный этим голосом, – и я действительно считаю, всегда считал, что мы должны быть союзниками, Франция и Британия. Не врагами, а...

Сёдзи скользнула в сторону. Райко, сидя на коленях за перегородкой, поманила Тайрера. Его сердце подпрыгнуло. Андре Понсен улыбнулся:

– Просто следуйте за ней и помните все, что я говорил вам.

Словно во сне, Филип поднялся и, пошатываясь, пошел за ней, ступая неслышно. Они миновали коридор, вошли в какую-то комнату, через нее попали на веранду, потом подошли к другой пустой комнате. Она знаком показала ему, чтобы он вошел, задвинула за ним сёдзи и оставила одного.

Затененная масляная лампа. Жаровня с углями, согревающая комнату. Тени, полутьма и пятна света. Футоны – маленькие квадратные матрацы, – выложенные в постель на полу, постель для двоих. Легкие пуховые покрывала. Две юкаты, цветных хлопчатобумажных халата с широкими рукавами, в которых японцы спали. Маленькая дверь вела в ванную комнату, там горела свеча и стояла высокая деревянная ванна, наполненная горячей водой, от которой поднимался пар. Сладко пахнущее мыло. Низкий табурет на трех ножках. Крошечные полотенца. Все, как предсказывал Андре.

Его сердце билось теперь очень часто, и он силился вспомнить дальнейшие наставления Андре, прогоняя пары sake.

Методично он начал раздеваться. Фрак, жилет, галстук, рубашка, тонкая шерстяная кофта под ней – каждый из этих предметов аккуратно сворачивался и нервно складывался в стопку. Неуклюже присев, он стянул с себя носки, с некоторым колебанием – брюки и снова встал. На нем остались только длинные шерстяные кальсоны. Опять недолгое колебание, потом, смущенно пожав плечами, он снял и их и сложил, еще более тщательно. Его тело покрылось гусиной кожей, и он прошел в ванную.

Там он зачерпнул воды из бочки, как его научили, и вылил себе на плечи. Горячая вода приятно согревала озябшую кожу. Еще одна пригоршня, потом раздался звук отодвигаемой сёдзи, и он оглянулся.

– Господь милосердный! – пробормотал он чуть слышно.

Женщина была грузной, с толстыми руками, в короткой юкате, под которой не было ничего, кроме набедренной повязки. Она двинулась напрямик к нему с плоской улыбкой, знаком показала, чтобы он сел на табурет. В полном смущении он подчинился. Она тут же заметила заживающий шрам на его руке и шумно втянула в себя воздух, потом сказала что-то, чего он не понял.

Он натянуто улыбнулся:

– Токайдо.

– *Вакаримасу.* – Я понимаю.

Потом, прежде чем он успел остановить ее, она вылила воду ему на голову – неожиданно, об этом его не предупреждали – и принялась намыливать и мыть его длинные волосы, потом тело. Пальцы ее были жесткими, опытными и настойчивыми, но она следила за тем, чтобы не потревожить рану. Руки, ноги, спина, грудь, потом она протянула ему кусок ткани, которым мыла его, и показала на промежность. Все еще не придя в себя от потрясения, он вымыл себя там и смиренно протянул тряпочку ей обратно.

– Спасибо, – пробормотал он. – То есть, простите, *домо*.

Окатив его водой, она смыла остатки мыла и показала на ванну.

– *Додзо!* – Пожалуйста.

Андре объяснял ему:

– Филип, просто запомните, что, в отличие от нас, у них принято мыться начисто до того, как вы ложитесь в ванну, чтобы другие могли пользоваться той же водой, – это очень разумно, ибо не забывайте, что дрова стоят здесь больших денег, а времени на то, чтобы разогреть воду до достаточной температуры, уходит много, поэтому также не мочитесь в нее. И когда будете в ванной, не думайте о банщице как о женщине, она просто помощница. Она очищает вас снаружи.

Тайрер опустил в ванну. Вода была горячая, но не слишком, и он закрыл глаза, не желая смотреть, как женщина будет убираться в ванной после мытья. «Господи, – думал он, страдая, – я никогда не смогу сделать этого с ней. Андре совершил огромную ошибку».

– Но... ну, я... э-э... не знаю, сколько мне... э-э... заплатить, или отдать девушке деньги сначала, или что?

– *Mon Dieu*, вы никогда не должны передавать деньги девушке из рук в руки, нигде, никогда и никому, это верх неприличия, хотя вы можете до хрипоты торговаться с мамой-сан, иногда с самой девушкой, но только после чая или sake. Перед тем как уйти, вы незаметно кладете их в такое место, где она их заметит. В доме Трех Карпов вы вообще не будете давать денег, это особое место – есть и другие такие же, – только для особых клиентов, одним из которых я являюсь. Они станут посылать вам счет, два или три раза в год. Но послушайте, прежде чем мы пойдем, вы должны поклясться Господом Богом, что оплатите счет сразу же, как только его принесут, и что вы никогда, слышите, никогда не приведете в этот дом кого-то еще и не станете ни с кем говорить о нем.

Филип дал требуемую клятву. Ему очень хотелось спросить, сколько это будет стоить, но он не осмелился.

– Этот... э-э... счет, когда его приносят?

– Когда мама-сан этого захочет. Я уже говорил вам, Филип, вы можете получать удовольствие целый год в кредит, при определенных обстоятельствах, – разумеется, я выступаю вашим поручителем...

Горячая вода напоила теплом все его тело. Он едва слышал, как женщина шумно вышла, потом, некоторое время спустя, вновь вошла.

– *Тайра-сан?*

– *Хай?* – Да?

Она развернула полотенце. Разомлевший, в каком-то странном полусне, он выбрался из ванны – распарившиеся от воды мышцы плохо слушались его – и позволил ей вытереть себя. Детородный орган он опять вытер сам, обнаружив, что на этот раз ему было легче сделать это в ее присутствии. Расческа для волос. Сухая накрахмаленная юката. Она показала рукой на постель.

Его снова охватила паника. Дрожа всем телом, он заставил себя лечь. Она накрыла его, отвернула второе покрывало и опять вышла.

Его сердце стучало как молот, но ощущение, которое он испытывал, лежа в постели, было удивительно приятным: мягкий матрас, а сам он – чистый и благоухающий, уже много лет он не чувствовал себя таким чистым. Вскоре он немного успокоился, потом услышал, как сёдзи отодвинулась и снова закрылась, и испытал огромное облегчение, но тут покой покинул его окончательно. Девушка, которую он едва мог разглядеть в полутьме, была крошечной и гибкой, как ивовый прут. Бледно-желтая юката, длинные волосы рассыпались по плечам. В следующий миг она уже сидела на коленях рядом с кроватью.

– *Конбанва, Тайра-сан. Икага дэсу ка? Ватаси ва Ако.* – Добрый вечер, господин Тайра. Хорошо ли вы чувствуете себя? Я Ако.

– *Конбанва, Ако-сан. Ватаси ва Филип Тайрер дэсу.*

Она нахмурила лоб:

– Ф... урри... ф. – Она несколько раз попыталась произнести «Филип», но у нее ничего не вышло, тогда она весело рассмеялась и сказала что-то, чего он не понял, закончив фразу обращением «Тайра-сан».

Он сел на постели, рассматривая ее. Сердце гулко стучало в груди. Он чувствовал себя беспомощным, и его совсем не влекло к ней. А она показывала рукой на кровать рядом с ним.

– *Додзо?* – Пожалуйста, можно мне?

– *Додзо.*

При свете свечи он не мог хорошенько разглядеть ее, понял лишь, что она молода, примерно его возраста, решил он; лицо гладкое и белое от пудры, белые зубы, красные губы, блестящие волосы, почти римский нос, глаза – два вытянутых эллипса, мягкая улыбка. Она легла в постель, устроилась там, повернулась и посмотрела на него. В ожидании. Смущение и неопытность парализовали его.

«Господи Иисусе, как мне сказать ей, что я не хочу ее, никого сейчас не хочу, что я не могу, я знаю, что не могу, и я не буду, сегодня не буду, у меня не получится, я опозорюсь, а Андре... Андре! Что я скажу ему? Я стану всеобщим посмешищем, о господи, зачем я согласился?»

Она протянула руку и коснулась его щеки. Он невольно вздрогнул.

Ако промурлыкала несколько нежных ободряющих слов, улыбаясь про себя при этом. Она знала, чего ожидать от этого ребенка, еще не ставшего мужчиной, Райко-сан хорошо подготовила ее к сегодняшней ночи.

– Ако, сегодня вечером наступит редкий момент в твоей жизни, и ты должна запомнить каждую мелочь, чтобы утром за первой едой угостить нас подробным рассказом. Твой сегодняшний клиент – друг Француза, и второго такого не встретить в нашем мире – он девственен. Француз говорит, что он так робок, что в это даже невозможно поверить, он будет напуган и, вероятнее всего, расплчется, когда его Благородное Оружие подведет его, он может даже обмочить постель с горя и расстройства, но ты не волнуйся, дорогая Ако, Француз уверяет меня, что ты можешь вести себя с ним совершенно обычно и что тебе не о чем беспокоиться.

– И-и-и-и, я никогда не пойму гайдзинов, Райко-сан.

– Я тоже. Нет сомнения, они странный народ, и невоспитанный, но, по счастью, многие из них весьма богаты, и раз уж наша судьба быть здесь, мы должны брать от нее все, что только можно. Запомни главное: Француз говорит, что это очень важный английский чиновник, который может стать нашим клиентом на долгий срок, поэтому

добейся, чтобы он обязательно познал Облака, Пролившиеся Дождем, добейся как угодно, даже если... даже если тебе придется прибегнуть к Крайнему Средству.

– *О ко!*

– Речь идет о чести всего дома.

– О! Я понимаю. Раз так... Я непременно добьюсь того, о чем вы говорите.

– Я ничуть не сомневаюсь в тебе, Ако-тян, в конце концов, твой опыт в нашем Ивовом Мире насчитывает почти три десятилетия.

– Как вы думаете, его вкусы похожи на вкусы Француза?

– То есть нравится ли ему, когда его щекочут сзади и время от времени пользуются Жемчужинами Наслаждения? Возможно, тебе следует быть готовой к этому, но я прямо спросила Француза, имеет ли юноша склонность к мужчинам, и он заверил меня, что нет. Любопытно, почему Француз выбрал именно наш дом, чтобы впервые привести сюда своего друга, а не один из тех, которые он теперь стал посещать.

– Дом никак не был в этом виноват, никогда. Пожалуйста, гоните от себя такие мысли, Райко-тян. Для меня большая честь, что вы остановили свой выбор на мне, я сделаю все необходимое.

– Разумеется. И-и-и-и, если вспомнить, что Дымящиеся Стебли гайдзинов обычно гораздо длиннее и крупнее, чем у цивилизованных людей, и что в большинстве своем гайдзины совокупляются удовлетворительно, хотя и без присущего японцам пыла, утонченности и стремления изведать пределы своих ощущений – один лишь Француз составляет в этом исключение, – можно было бы подумать, что они с радостью предаются этому занятию, как любые нормальные люди. Однако это не так. Их разум затянут паутиной, они почему-то считают, что совокупление есть не самое божественное наслаждение, данное нам в этой жизни, а некий тайный религиозный обряд, несущий зло. Поистине странно.

Действуя теперь наугад, Ако придвинулась ближе, погладила юношу по груди, потом опустила руку ниже и с трудом удержалась от того, чтобы не расхохотаться вслух, когда он испуганно вздрогнул. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы вполне овладеть собой.

– Тайра-сан? – тихо проговорила она.

– Да, то есть *хай*, Ако-сан?

Она взяла его руку и положила под юкату себе на грудь, наклонилась к нему и поцеловала в плечо, предупрежденная о ране на руке, которую нанес ему храбрый сиси. Никакой реакции. Она теснее прижалась к нему. Зашептала, каким бесконечно храбрым, сильным и мужественным, каким могучим описала служанка его самого и его плод. Не прекращая при этом терпеливо ласкать его грудь, чувствуя, как он вздрагивает, все еще далекий, однако уже от страстного возбуждения. Прошли минуты. По-прежнему ничего. Она начала тревожиться. Пальцы порхали, легкие как бабочки, а он оставался все так же недвижим – руки, губы, все остальное. Нежные ласки, осторожно минуя рану, без подлинной интимности пока. Еще минуты. Ничего. Ею начало овладевать отчаяние. Но сильнее отчаяния был страх, что она может не выполнить своего долга. Кончиком языка она коснулась его уха.

Ага, первая маленькая награда: ее имя, произнесенное хриплым голосом, губы, целующие ее шею. «И-и-и-и, – подумала она, успокаиваясь, и приникла губами к соску его груди. – Теперь дайте только время, и его невинность взорвется до небес, а потом я смогу заказать sake и буду спать до утра и забуду, что мне сорок три и я бездетна, помня лишь о том, что Райко-сан спасла меня от дома шестого разряда, в который меня должен был привести мой возраст и недостаток привлекательности».

Тайрер рассеянно наблюдал за самураями на площади перед миссией. Солнце коснулось горизонта. Мыслями его все настойчивее овладевала Ако, потом сменившая ее через две ночи Хамако. Потом она.

Фудзико. Позапрошлой ночью.

Он почувствовал, что его орган твердеет, и поправил его в брюках, зная, что отныне он навечно пленник этого мира, Плывающего Мира, где, как и говорил ему Андре, жизнь существовала лишь ради мгновения между прошлым и будущим, ради наслаждения, где можно было плыть, не заботясь ни о чем, подобно цветку на водной глади тихой реки.

– Эта река не всегда тихая, Филип. Какая она, Фудзико?

– О... э-э... а разве вы не видели ее, вы ее не знаете?

– Нет, я лишь рассказал Райко, какой тип девушки мог бы вам понравиться, сделав упор на «спящем разговорнике». Ну и как она?

Филип рассмеялся, чтобы скрыть свое полное смущение и смятение, в которые поверг его столь интимный вопрос, заданный с такой прямоотой. Но Андре дал ему так много, что он решил вести себя «по-французски» и быть откровенным до конца, а потому отбросил в сторону предрассудки о том, что джентльмен не должен обсуждать или делиться с кем бы то ни было подобной сугубо личной информацией.

– Она... она моложе меня, маленькая, по сути совсем крошечная, не... не хорошенькая в нашем представлении, но потрясающе привлекательная. Если я ее правильно понял, она там недавно.

– Я имел в виду в постели, как она в постели? Лучше прежних?

– О! Ну... э-э... вне всякого сравнения.

– Она была более пылкой? Чувственной? А?

– В общем, да... э-э... в одежде или без... что-то невероятное. Очень особенная. Я опять не знаю, как мне вас благодарить, я стольким вам обязан.

– *De rien, mon vieux*^[18].

– Но это действительно так. В следующий раз... в следующий раз вы познакомитесь с ней.

– *Mon Dieu*, нет, таковы правила. Никогда никого не знакомьте с той, которая стала для вас «особенной», и в первую очередь это касается друзей. Не забывайте, что, пока вы не поселите ее в ее собственном доме и не станете оплачивать все ее счета, она доступна всякому, у кого есть деньги, если захочет этого.

– О! Я и забыл, – сказал он, скрывая правду.

– Даже если она станет жить отдельно, она все равно может иметь любовника на стороне, если захочет. Кто об этом узнает?

– Да, пожалуй. – Ему стало еще больнее.

– Не влюбляйтесь, мой друг. Только не в куртизанку. Не питайте иллюзий на их счет, они созданы для удовольствия. Наслаждайтесь ими, пусть они вам нравятся, но не влюбляйтесь в них – и никогда не позволяйте им влюбляться в вас...

Тайрер зябко поежился, мучаясь от справедливости этих слов. Ему была ненавистна мысль о том, что она может быть с другим, может спать с кем-то еще, как спала с ним, ненавистно то, что все это было за деньги, ненавистна тянущая боль внизу живота. «Бог мой, она

действительно была неповторима, такая милая, светлая, очаровательно щебечущая без умолку, нежная, добрая, такая юная, и в доме она совсем недолго. Следует ли мне оставить ее для себя? То есть не следует, а смогу ли я? Я уверен, что Андре содержит собственный дом, где живет его, только его, девушка, хотя он никогда не говорил мне об этом, да я и не стал бы его расспрашивать. Господи, интересно, во что бы мне это обошлось? Наверняка больше, чем я мог бы себе позволить...

Не думай об этом сейчас! И о ней тоже».

Сделав над собой усилие, он сосредоточился на том, что происходило в саду под окном, но тянущая боль осталась. Часть отряда шотландцев строилась у флагштока, трубач и четыре барабанщика уже стояли по местам, готовые к церемонии спуска флага. Все как обычно. Пестрая группа садовников собиралась у ворот, где их должны были пересчитать, а потом отпустить. Низко склонив голову, они протрусили в ворота, затем сквозь ряды самураев – и исчезли. Часовые закрыли железные ворота и задвинули тяжелые засовы. Как обычно. Под гром барабанов и звук трубы «Юнион Джек» медленно пополз вниз: «Да не зайдет никогда солнце в виду британского флага» – таков был закон для британцев по всему миру. Большая часть самураев теперь строем спускалась вниз, оставляя вокруг миссии лишь небольшой отряд на ночь. Как обычно.

По телу Тайрера пробежала дрожь.

«Если все идет как обычно, почему я так нервничаю?»

Садовники, работавшие в миссии, нестройной толпой прошли в свою лачугу, где спали каждую ночь. Лачуга примыкала с обратной стороны к буддийскому храму. Ни один из них не смел поднять глаза на Хирагу. Всех предупредили, что их жизнь и жизнь родных зависела от его безопасности.

– Остерегайтесь беседовать с теми, кого не знаете, – сказал он им. – Если бакуфу обнаружат, что я скрывался среди вас, вас ждет та же участь, что и меня, только вас распнут, а не убьют быстро.

Несмотря на их раболепные уверения, что пока он с ними, ему нечего опасаться, что он может доверять им, Хирага понимал, что его могут схватить в любой момент. Большую часть времени он скрывался в Канагаве, в гостинице Полуночных Цветов.

Вчера они получили письмо от Кацуматы, предводителя, хотя и тайного, всех сиси Сацумы, который находился теперь в Киото.

Срочно: через несколько недель сёгун Нобусада создаст неслыханный прецедент, прибыв сюда с государственным визитом к императору. Всем сиси предписывается немедленно собраться здесь, дабы составить план, как можно перехватить его, отправить в дальний путь, а затем захватить Дворцовые Врата.

Кацумата подписался своим кодовым именем: Ворон.

Хирага обсудил с Ори, как им поступить, и решил вернуться в Эдо, намеренный действовать в одиночку и любым способом уничтожить британскую миссию. Он был взбешен тем, что гайдзины, по его мнению, сумели обвести вокруг пальца и нейтрализовать Совет старейшин.

– Киото подождет, Ори. Мы должны во что бы то ни стало довести до конца нашу атаку на гайдзинов. Нам необходимо привести их в такую ярость, что они начнут обстрел Эдо. С сёгуном и Киото справятся другие. – Он хотел бы взять Ори с собой, но тот оказался совершенно беспомощен: его рана нагноилась, и ни один доктор не мог ему помочь. – Как быть с твоей рукой?

– Когда это станет невыносимо, я совершу сеппуку, – ответил Ори, язык его ворочался с некоторым трудом из-за саке, которым он пытался заглушить боль, – они втроем, он, Ори и мама-сан, собрались, чтобы выпить вместе в последний раз. – Не волнуйся.

– Нет ли какого-нибудь другого доктора, к которому можно было бы обратиться?

– Нет, Хирага-сан, – ответила Норико, мама-сан, крошечная женщина пятидесяти лет; голос ее звучал мягко. – Я даже посылала за корейским мастером иглоукалывания и за знатоком трав, оба они мои друзья, но их усилия ни к чему не привели. Есть, правда, еще этот великан-гайдзин...

– Ты глупа, – вскричал Ори. – Сколько раз я должен повторять тебе? Это рана от пули, их собственной пули, и они видели меня в Канагаве!

– Пожалуйста, извините меня, – смиренно произнесла мама-сан, касаясь лбом татами, – прошу вас, не взыщите со старой головы за

глупость.

Она поклонилась еще раз и вышла, не поднимая глаз. Но в глубине души она проклинала Ори за то, что он не показал себя настоящим сиси и не совершил сеппуку, пока Хирага был здесь – лучшего секунданта нельзя было и желать, – уменьшив таким образом ужасную опасность, которой подвергалась она сама и ее заведение. Весть о судьбе гостиницы Сорока Семи Ронинов обежала весь край на пятьдесят ри в округе и дальше – неслыханная жестокость: убить всех клиентов, куртизанок, слуг и посадить на пику голову мамы-сан.

«Чудовищно, – думала она, горя негодованием. – Как может дом закрыть свои двери перед самураем, сиси он или нет? В старые времена самураи убивали гораздо чаще, чем сейчас, да, но это было много столетий назад, и большей частью для этого был повод, и уж кого они никогда не трогали, так это женщин и детей. Это было в те годы, когда закон страны был справедлив, сёгун Торанага справедлив, его сын и внук справедливы, до того, как продажность и мотовство стали нормой жизни для последующих сёгунов, и вместе с ними для всех даймё и самураев, чьи год от года растущие налоги вот уже больше века покрывают наше тело, как гной! Сиси – наша единственная надежда! *Сонно-дзёи!*»

– Андзё должен кровью заплатить за гостиницу – он нарушил все обычаи!

– Заплатит. Как и весь родзю. Как и сёгун Нобусада. И Ёси.

В своих личных апартаментах высоко в главной башне замка Ёси слагал стихотворение. Он сидел за низким столиком в синем шелковом кимоно, на столике помещались масляная лампа и листы рисовой бумаги, кисти различной толщины, ванночка с водой для размягчения бруска черной туши, в центре которого уже образовалось крошечное углубление, заполненное манящей черной жидкостью.

Вечерние сумерки переходили в ночь. Снаружи доносился никогда не смолкавший гул города с миллионным населением. Несколько домов, как обычно, пылали, охваченные пожаром. Из замка под ним вверх поднимались успокаивающие звуки – разговор солдат, цокот копыт по каменным плитам, изредка гортанный смех, – они мешались с дымом и ароматами костров, на которых готовили пищу, и, приглушенные, проникали внутрь, через красиво отделанные бойницы

для лучников в толстых стенах, еще не закрытые ставнями от ночного холода.

Это были его внутренние покои. Ничего лишнего. Татами, такаяма, дверь-сёдзи перед ним была устроена и освещена так, что он мог видеть контур любой фигуры снаружи, тогда как внутрь заглянуть не мог никто.

За дверью находилась более просторная передняя, от которой коридоры вели в спальные покои, ныне пустовавшие, если не считать его вассалов, прислужниц и Койко, куртизанки, пользовавшейся его особым, редким расположением. Его семья – жена, два сына и дочь, наложница и ее сын – находилась в безопасности и под сильной охраной в его наследственном замке-крепости под названием Зуб Дракона в горах к северу от Эдо, примерно в двадцати ри от города. За передней была расставлена стража и помещались другие комнаты, тоже полные воинов, каждый из которых поклялся ему в личной верности.

Его кисточка опустилась в тушь. Кончик ее замер на мгновение над тонкой рисовой бумагой, потом твердой рукой он начертал:

Меч моих предков,
Когда его в руки беру,
Поеживается беспокойно.

На листе остались три коротких, плавных вертикальных строки иероглифов, сильных там, где они должны быть сильными, и мягких там, где мягкость подчеркнула бы графический образ, который они создавали, – второго шанса подрисовать, изменить или исправить даже малейший изъян не оставалось никогда: текстура рисовой бумаги была такова, что она тут же вбирала в себя тушь и та становилась ее неотъемлемой частью, меняясь в цвете от черного до серого в зависимости от того, как использовалась кисть и сколько в туши содержалось воды.

С холодным вниманием он рассмотрел свое творение, расположение стихотворения и всей картины, которую образовывали оттенки черной каллиграфии на всем пространстве белого листа, форму и влажную матовую четкость его иероглифов.

«Получилось хорошо, – подумал он без всякого тщеславия. – Пока я не могу достичь большего – это почти предел моих способностей, если не сам предел. Что можно сказать о смысле стихотворения? Как его следует читать? А-а, это самый важный вопрос, вот почему оно настолько хорошо. Но достигну ли я с его помощью того, чего хочу?»

К двери приблизился силуэт, почти неслышно. Не раздумывая, он потянулся правой рукой к длинному мечу, лежавшему рядом, хотя и был уверен, что узнал ее. Фигура опустилась на колени. Тихий стук.

– Да?

Она с улыбкой отодвинула дверь в сторону и поклонилась, ожидая.

– Пожалуйста, входи, Койко, – сказал он, в восторге от этого неожиданного визита, который вмиг прогнал из его головы всех демонов.

Она подчинилась, закрыла дверь за собой и подбежала к нему, шурша своим длинным, с пестрым узором кимоно, снова опустилась на колени и прижалась щекой к его руке, тут же заметив стихотворение на листе бумаги.

– Добрый вечер, господин.

Он рассмеялся и нежно обнял ее на мгновение:

– Чему обязан этим удовольствием?

– Я соскучилась по вас, – ответила она просто. – Можно мне посмотреть на ваше стихотворение?

– Разумеется.

Пока она изучала его произведение, он изучал ее – источник удовольствия для него, не иссякший за те тридцать четыре дня, что она провела в стенах замка. Удивительные одежды. Чистая кожа, белая, как яичная скорлупа, сияющие волосы цвета воронова крыла, падавшие до самой талии, когда она распускала прическу, изящный нос, зубы белые, как у него, а не вычерненные по моде двора.

Койко исполнился двадцать один год, и она была таю. Это слово означало наивысший ранг, какого могла достичь гейша в Ивовом Мире.

Услышав перешептывания о ней, возбуждавшие в нем любопытство, Ёси несколько месяцев назад послал за ней, ее общество понравилась ему, и тогда, два месяца назад, он приказал ее маме-сан подготовить предложение на ее услуги. Как предписывал обычай, это

предложение было отправлено на рассмотрение его жене. Жена написала ему из его родового замка Зуб Дракона:

Любимый муж мой, сегодня я заключила удовлетворительное соглашение с мамой-сан таю Койко из дома Глицинии. Господин, мы посчитали, что будет лучше оставить ее для Вас полностью, нежели получить первоочередное право на ее услуги, это будет и безопаснее для Вас, поскольку Вы окружены врагами. Контракт возобновляется ежемесячно по Вашему желанию, и оплата производится по истечении каждого месяца, это будет поддерживать ее услуги всегда на самом высоком уровне, какого только Вы и вправе ожидать.

Ваша наложница и я довольны, что Вы решили приобрести себе игрушку; мы были и постоянно остаемся в тревоге за Ваше здоровье и безопасность. Позвольте мне поздравить Вас с прекрасным выбором, ходят слухи, что Койко обладает действительно редкими достоинствами.

Ваши сыновья здоровы и счастливы, как и Ваша дочь и я сама. Мы шлем Вам нашу нескончаемую преданность и томимся в ожидании возможности увидеть Вас. Пожалуйста, держите меня в курсе всех Ваших решений, ибо я должна отдавать распоряжения нашему казначею, чтобы он откладывал средства...

Следуя принятым правилам, жена не упомянула в письме сумму, да это и не интересовало его, ибо в этом состояла главная обязанность супруги: управлять богатством семьи, сохранять его и оплачивать все счета.

Койко подняла глаза.

— Ваше стихотворение безупречно, Ёси-тян, — сказала она, хлопнув в ладоши. «Тян» было уменьшительно-ласкательной частицей, которую добавляли к имени человека близкие ему люди.

— Это ты безупречна, — сказал он, пряча удовольствие, которое ему доставило ее суждение.

Помимо редкой красоты, ее превозносили в Эдо за мастерство каллиграфии, изящество стихов и тонкое понимание искусства и политики.

— Я обожаю ваш стиль письма, и стихотворение — оно великолепно. Я обожаю многогранность и сложность вашего ума,

особенно то, как вы выбрали «Когда... беру» вместо, быть может, «Теперь... я взял», и «поеживается», когда человек менее значительный мог бы написать «ворочается» или более вульгарное «шевелится», которое придало бы стихотворению сексуальные оттенки. Но расположение вашего последнего слова, это окончательное «беспокойно»... ах, Ёси-тян, как мудро вы поступили, используя это слово в самом конце, слово с глубинным смыслом, совершенное слово. Ваше творение великолепно, и его можно истолковать десятью разными способами.

— А как ты думаешь, что я в действительности хочу этим сказать?

Она прищурила глаза:

— Сначала ответьте мне, намерены ли вы сохранить его — хранить его открыто или втайне ото всех — или уничтожить.

— И каково же мое намерение? — спросил он, наслаждаясь ею.

— Если вы станете держать его на виду или притворитесь, что прячете или что его содержание — тайна для всех, значит вы рассчитываете, что его прочтут, прочтут люди, которые тем или иным способом передадут его вашим врагам, как вы того и желаете.

— А что подумают они?

— Все, кроме самых проникательных, сочтут, что ваша решимость слабеет, ваши страхи начинают одолевать вас.

— А остальные?

Глаза Койко продолжали смотреть на него с тем же веселым озорством, но он заметил, что в них появился новый блеск.

— Из ваших главных противников, — осторожно заговорила она, — сёгун Нобусада поймет его так, что в глубине своей души вы согласны с ним в том, что недостаточно сильны, чтобы представлять для него настоящую угрозу, и он с радостью заключит, что чем дольше он ждет, тем с каждым днем легче и легче ему будет вас устранить. Андзё станет глотать зависть к вашему таланту поэта и каллиграфа, и он станет издеваться над словом «беспокойно», почитая его недостойным и выбранным неудачно, но стихотворение войдет глубоко в его душу, будет тревожить его, особенно если ему донесут, что вы держите его в секрете ото всех, пока он не отыщет в нем восемьдесят восемь скрытых значений, каждое из которых усилит его непримиримую враждебность к вам.

Ее откровенность поразила его.

– А если бы я сохранил его по-настоящему тайно?

Она рассмеялась:

– Если бы вы хотели сохранить его в секрете, тогда вы тотчас же сожгли бы его и ни за что не стали бы показывать мне. Жалко уничтожать такое совершенство, так грустно и печально, Ёси-тян, но необходимо для человека в вашем положении.

– Почему? Это всего лишь стихотворение.

– Я считаю, что это стихотворение особенное. Оно слишком совершенно. Такое искусство поднимается из глубоких колодцев внутри. Оно являет нам тайное. Обнажение сути – в этом и заключается цель и смысл поэзии.

– Продолжай.

Ее глаза словно поменяли цвет, когда она задумалась, как далеко она решится зайти, постоянно испытывая пределы своего разума, чтобы развлекать и возбуждать своего клиента, если именно это было ему интересно. Он заметил эту перемену, но причину ее не разгадал.

– Например, – безмятежно защебетала она, – неверные глаза могли бы заключить, что ваша самая потаенная мысль на самом деле подсказывала вам: «Власть моего предка-тезки, сёгуна Торанаги Ёси, вот-вот окажется в моих руках и молит, чтобы я воспользовался ею».

Он смотрел на нее, а она ничего не могла прочесть в его глазах. «И-и-и-и, – подумал он, потрясенный, пока все его чувства кричали ему об опасности. – Неужели это так заметно? Может быть, эта юная барышня слишком проницательна, чтобы оставлять ее в живых».

– А принцесса Иядзу? Что она подумает?

– Она самая умная из всех, Ёси-тян. Но вы это и так знаете. Она сразу поймет смысл стихотворения – если вы вообще вложили в него какой-то особый смысл.

Опять он ничего не увидел в ее глазах.

– А если это будет подарок тебе?

– Тогда эта недостойная женщина преисполнится радости, получив столь драгоценный дар, но окажется в затруднительном положении, Ёси-тян.

– В затруднительном положении?

– Оно слишком особенное, чтобы его дарить или в дар принимать.

Ёси оторвал взгляд от нее и посмотрел на свой труд очень внимательно. Это было все, чего он мог желать, ему никогда не удастся

повторить такое совершенство. Потом он подумал о ней, с той же непреложностью. Он увидел, как его пальцы подняли бумагу со стихотворением и протянули ей, захлопывая ловушку.

Почтительно Койко приняла лист обеими руками и низко поклонилась. С напряженным вниманием посмотрела на написанное, желая, чтобы начертанный образ целиком отпечатался в ее памяти, проник в нее, как тушь в бумагу, и остался там навеки. Глубокий вздох. Осторожно она поднесла угол листа близко к пламени масляной лампы.

– С вашего позволения, Ёси-сама, пожалуйста? – торжественно произнесла она, твердо глядя ему в глаза; ее рука не дрожала.

– Почему? – спросил он в удивлении.

– Для вас слишком опасно оставлять живыми подобные мысли.

– А если я откажусь отвечать?

– Тогда смиренно прошу простить меня, я должна буду принять решение за вас.

– Ну так принимай.

В тот же миг она опустила бумагу в огонь. Лист занялся и вспыхнул. Ловко поворачивая его в руках, она подождала, пока не остался гореть лишь крохотный кусочек, тогда она положила нерассыпавшиеся черные останки на другой лист и смотрела на пламя, пока оно не угасло. Пальцы у нее были длинными и тонкими, ногти – само совершенство. В молчании эти пальцы сложили лист с пеплом в бумажную фигурку огами и положили ее назад на стол. Лист бумаги теперь напоминал карпа.

Когда Койко снова подняла глаза на Ёси, они были наполнены слезами, и его сердце утонуло в нежности к ней.

– Мне так жаль, пожалуйста, извините меня, – сказала она срывающимся голосом. – Но слишком опасно для вас... так печально, что приходится губить подобную красоту, мне так хотелось сохранить ваш дар. О, как печально, но слишком опасно...

Он нежно обнял ее, понимая: то, что она сделала, было единственным выходом для него и для нее. Его поражала та проницательность, с которой она разгадала его первоначальное намерение: он намеревался спрятать стихотворение так, чтобы его нашли и передали всем, кого она назвала, и в первую очередь принцессе Иядзу.

Койко права, теперь я это вижу. Иядзу разгадала бы мой замысел и прочла бы мои подлинные мысли: ее влияние на Нобусадзу должно исчезнуть, или я мертвец. Разве это не все равно что сказать: «Власть моего предка...» Если бы не Койко, моя голова могла бы торчать на их пике!

– Не плачь, маленькая, – тихо проговорил он, уверенный теперь, что ей можно доверять.

И все то время, что она позволяла ему успокаивать ее, потом разогревать ее ласками, потом сама разогревала его, Койко размышляла в своем третьем сердце, самом сокровенном, – первое было открыто всему миру, второе – только самым близким родственникам, третье же никогда, никогда, никогда не открывалось ни перед кем, – в этом самом потаенном месте своей души она молча вздыхала с облегчением, что прошла еще одно испытание, потому что именно испытанием это и было.

«Слишком опасно для него хранить подобное свидетельство измены своему господину, но еще опаснее для меня владеть им. О да, мой прекрасный повелитель, тебя легко обожать, смеяться и играть с тобой, изображать экстаз, когда тыходишь в меня, и совершенно божественно вспоминать к концу дня, каждого дня, что я заработала один коку. Только подумай об этом, Койко-тян! Целый коку в день, каждый день, за то, что ты участвуешь в самой захватывающей игре на свете, подле самого славного имени на свете, с молодым, красивым, поразительным мужчиной высокой культуры, чей Упругий Стебель является лучшим из всех, какие тебе пока доводилось наслаждаться... и при этом зарабатывать такое богатство, больше, чем кто-либо, даже в былые времена».

Ее руки, губы, тело искусно отвечали ему, закрываясь, открываясь, открываясь еще больше, принимая его, направляя, помогая ему, – тончайше настроенный инструмент, на котором он мог исполнить любую мелодию. Она позволила себе приблизиться к самому краю, безупречно изображая оргазм, притворяясь, что низвергается туда снова, но ни в коем случае не низвергаясь – слишком важно было сохранять силы и трезвость ума, ибо он был мужчиной с большими аппетитами, – наслаждаясь этой борьбой, не торопя его к концу, но всегда увлекая вперед, вот уже удерживая его на краю, подталкивая в пропасть и тут же вытягивая обратно, подталкивая,

вытягивая, держа на грани и наконец отпуская в пароксизме облегчения.

Теперь тишина. Его тело во сне придавило ее, что само по себе не было неприятным. Она стоически переносила это, не позволяя себе даже шевельнуться, чтобы не нарушить его покой, глубоко удовлетворенная своим искусством, как и он – она знала это – был удовлетворен своим. Ее последней, самой тайной, будоражащей мыслью было: «Интересно, как Кацумата, Хирага и их друзья-сиси истолкуют „Меч моих предков...“».

Глава 14

Киото. Понедельник, 29 сентября

В этот вечер во французской миссии в Иокогаме с огромным успехом шел званый ужин и фортепианный концерт, который Сератар устроил в честь Анжелики. Шеф-повар превзошел самого себя: свежесдобитый хлеб, подносы с тушеными устрицами, холодный омар, креветки, от маленьких до огромных, местная рыба, запеченная с имбирем и чесноком, поданная с луком-пореем из его собственного сада, и яблочный пирог – сушеные яблоки из Франции приберегались им для исключительно особых случаев. Шампанское, «Ля Дусет» и потом еще «Марго» из его родной деревни, чем он немало гордился.

После ужина и сигар громкие аплодисменты возвестили о появлении у инструмента Андре Понсена, прекрасного пианиста, который, однако, выступал всегда с большой неохотой. Еще более громкие аплодисменты отмечали конец каждой пьесы, и теперь, почти в полночь, после трех вызовов на бис все встали и устроили ему настоящую овацию, едва лишь замер последний чарующий аккорд сонаты Бетховена.

– Упоительно...

– Великолепно...

– О Андре, – чуть слышно прошептала Анжелика по-французски со своего почетного места рядом с роялем; музыка прогнала из ее головы тяжелые, мрачные мысли, не дававшие ей покоя. – Это было восхитительно, я вам так, так благодарна.

Ее веер очаровательно затрепетал, глаза и лицо были совершенны, новый кринолин на тонких обручах поверх множества юбок, низкий вырез, открытые плечи, присобранный в складки тонкий зеленый шелк каскадом поднимался к очень узкой талии.

– *Merci, Mademoiselle*, – ответил Понсен. Он встал и поднял свой бокал, не особенно пряча смелый взгляд. – *A toi!*^[19]

– *Merci, Monsieur*, – ответила она, потом опять повернулась к Сератару, которого окружали Норберт Грейфорт, Джейми Макфей, Дмитрий и другие торговцы, все в вечерних костюмах, шелковых рубашках с оборками, ярких жилетах и галстуках – некоторые в новых,

большинство же в старых, наскоро выглаженных по причине ее присутствия на вечере. Несколько армейских и морских офицеров-французов в богато украшенных позументом мундирах, с парадными шпагами у пояса, которые добавляли им непривычного для здешних мест великолепия. Британские офицеры напоминали павлинов в ничуть не меньшей степени.

Внимание всех было приковано к почетной гостье. Каждый пытался пробраться поближе к ней, а если уже стоял в кругу счастливицов, старался отделаться от настойчивых локтей сзади и с боков.

– Отличный вечер, Анри, – говорила Анжелика.

– Своим успехом он обязан только вам. Вы озарили его своим присутствием, а в свете вашего сияния все кажется лучше. – Сератар привычно сыпал банальными комплиментами, думая про себя все это время: «Какая жалость, что ты еще не замужем и потому не созрела для связи с человеком утонченным. Бедная девочка, тебе придется выносить этого неискушенного быкообразного шотландца, пусть даже и богатого. Хотел бы я быть твоим первым настоящим любовником – учить тебя этой науке будет удовольствием для учителя».

– Вы улыбаетесь, Анри? – заметила она, вдруг почувствовав, что ей лучше быть поосторожнее с этим человеком.

– Я просто думал о том, как прекрасно складывается ваше будущее, и это наполнило меня радостью.

– Ах, вы так добры!

– Я думаю, что...

– Мисс Анжелика, простите мне мою смелость, в эту субботу мы устраиваем скачки, – вмешался Норберт Грейфорт, вне себя оттого, что Сератар монополизировал девушку. Грубость министра, говорившего с ней по-французски, на языке, которого он не понимал, вызывала в нем отвращение, он вообще презирал его и все французское, за исключением Анжелики. – Мы... э-э... включили в программу новый заезд... э-э... в вашу честь. Мы решили назвать его Кубок Эйнджел, а, Джейми?

– Да, – подтвердил Джейми Макфей, также очарованный ею. Он и Грейфорт оба являлись стюардами жокей-клуба. – Мы... ну, мы решили, что это будет последний заезд дня, и компания Струана

выделяет призовые деньги: двадцать гиней за кубок. Вы согласитесь вручить приз, мисс Анжелика?

– О да, с удовольствием, если мистер Струан не будет возражать.

– О, разумеется. – Макфей уже спросил разрешения у Струана, но он и все, кто услышал эту фразу, тут же задумались над ее значением.

Капитан пришедшего торгового корабля, его старый друг, тайно передал ему письмо от матери Малкольма с просьбой о конфиденциальном донесении: «Я хочу знать все, что произошло со времени появления этой Ришо в Йокогаме, Джейми. Все: слухи, факты, сплетни, и мне нет нужды напоминать тебе, что это должно держаться в строгом секрете между нами».

«Смерть и преисподняя, – раздумывал Джейми, – я принес священную клятву служить тайпану, кто бы им ни был, а теперь его мать хочет... опять же она – мать и потому имеет право знать, не так ли? Вовсе не обязательно, да вот только миссис Струан имеет, потому что она – миссис Струан и... ну... ты привык делать то, что она хочет. Разве ты годами не выполнял все ее приказания, ее просьбы, ее предложения?

Ради всех святых, перестань обманывать себя, Джейми, ведь на самом деле это она долгие годы управляла Кулумом и всей компанией Струанов, но ни ты, ни другие просто не хотели открыто признавать этого».

– Правильно, – пробормотал он, потрясенный этой мыслью, которую так долго запихивал поглубже в тайники своего сознания. Почувствовав вдруг смущение, он торопливо взял себя в руки и попытался скрыть свой промах, но кругом все по-прежнему слушали одну только Анжелику.

Кроме Норберта.

– Что правильно, Джейми? – спросил он под шум разговора, улыбаясь своей непроницаемой улыбкой.

– Все, Норберт. Прекрасный вечер, а?

К его огромному облегчению, Анжелика отвлекла их обоих.

– Доброй ночи, доброй ночи, Анри, джентльмены, – произнесла она под общий протестующий гул. – Мне очень жаль, но я должна еще навестить своего больного, перед тем как лягу спать.

Она протянула руку. Сератар поцеловал ее с уже давно освоенной элегантностью, Норберт, Джейми и все остальные – неловко, и, прежде

чем кто-либо успел вызваться, Андре Понсен спросил:

– Может быть, вы позволите мне проводить вас до дома?

– Конечно, почему нет? Ваша музыка околдовала меня.

Ночь была прохладной и облачной, но достаточно приятной. Анжелика красиво набросила на плечи шерстяную шаль; нижняя оборка ее широкого кринолина, предоставленная своей участи, волочилась по грязным доскам деревянного тротуара, столь необходимого во время летних дождей, превращавших дороги в сплошные болота. В этот миг только крошечная частичка ее сознания волочилась по грязи вместе с несчастным куском материи.

– Андре, ваше искусство удивительно. О, как бы я хотела играть так же, как вы, – говорила она с полной искренностью.

– Это всего лишь практика, практика – и ничего больше.

Они не спеша шли к ярко освещенной фактории Струанов, дружески беседуя на французском. Андре отчетливо чувствовал на себе завистливые взгляды мужчин, направлявшихся через улицу в клуб – шумный, полный людей, манящий; он был согрет этой девушкой, не похотью, страстью или желанием, а просто ее компанией и ее счастливым щебетом, на который ему едва требовалось отвечать.

Прошлой ночью на «французском» ужине у Сератара в отдельном кабинете отеля Йокогамы он сидел рядом с ней и нашел ее молодость и напускную фривольность освежающими для себя. Ее любовь к Парижу и знание города, его ресторанов, театров, разговоры ее юных друзей и подруг, шутки про них и про прогулки пешком или верхом в Булонском лесу, вся будоражающая кровь атмосфера Второй империи наполнили его ностальгией, заставили вспомнить свои собственные студенческие дни и то, как сильно он скучал по дому.

Слишком много лет прожито в Азии, в Китае и здесь.

«Любопытно, насколько эта девочка похожа на мою собственную дочь. Мари столько же лет, обе родились в одном и том же месяце, июле, те же глаза, тот же цвет волос, кожи...

Возможно, похожа на Мари, – поправил он себя. – Сколько лет прошло с тех пор, как я расстался с Франсуазой, оставив их обеих в пансионе недалеко от Сорбонны, который содержала ее семья и в котором я тогда снимал комнату? Семнадцать. А сколько лет прошло с тех пор, как я видел их в последний раз? Десять. *Merde*, мне ни в коем случае не следовало тогда жениться, сколь обворожительна ни была

Франсуаза. Из нас двоих именно я во всем виноват, не она. Что ж, по крайней мере, она снова вышла замуж и сейчас управляет родительским пансионом. Но вот Мари?»

Шум волн проник в его сознание, и он посмотрел на море. Над головой прокричала одинокая чайка. Недалеко от берега горели штаговые огни их флагмана, стоявшего на якоре, и это развеяло власть воспоминаний, вернув его к действительности и заставив сосредоточиться.

«Какая ирония, что эта девчурка становится теперь крайне важной пешкой в Большой игре – Франция против Британии. Да, но такова жизнь. Отложить мне все до завтра или до послезавтра или сдать карты прямо сейчас, как мы договорились, Анри и я?»

– Ах, – говорила она, обмахиваясь веером, – я так счастлива сегодня вечером, Андре, ваша музыка дала мне так много, я вдруг снова почувствовала себя в опере, эти звуки уносили меня вверх и вверх, пока я не ощутила тонкий аромат Парижа...

Против своей воли он был зачарован. «В чем тут дело? В ней самой или она просто напоминает мне, какой могла бы сейчас стать Мари? Не знаю, но так и быть, Анжелика, сегодня я оставлю тебя на твоём счастливом воздушном шаре. Завтра будет еще не поздно».

Тут его ноздри уловили легчайший аромат ее духов, «*Vie de Camille*», напомнив ему о флаконе, который он с таким трудом выписал из Парижа для своей мусуме Ханы – Цветка, – и внезапно охватившее его озлобление как вихрем смело все его благородные побуждения.

Поблизости не было никого, кто мог бы их слышать, Хай-стрит лежала почти пустынная в обе стороны. Но он все равно понизил голос:

– Мне очень жаль, что приходится говорить вам все это, но мне стало известно кое-что, о чем вы должны знать. Не представляю даже, с чего мне следовало бы начать, но... ваш отец посетил Макао несколько недель назад, он очень крупно играл там и проиграл. – Понсен заметил, как мгновенно побледнело ее лицо. Его душа распахнулась навстречу ей, но он продолжал следовать плану, который они выработали с Сератаром. – Извините.

– Очень крупно, Андре? Как это нужно понимать? – Ее слова прозвучали чуть слышно, он видел, как она смотрит на него широко

открытыми глазами, напряженно застыв в тени здания.

– Он потерял все: свое дело, ваши средства.

Она охнула:

– Всё? Мои средства тоже? Но он не может!

– Мне искренне жаль, но может и уже сделал. Закон позволяет ему это: вы его дочь, вы не замужем, не говоря уже о том, что вы несовершеннолетняя, он ваш отец и вправе распоряжаться и вами, и всем, что вам принадлежит, но вам, разумеется, это и так известно. Еще раз извините, мне очень жаль. У вас есть какие-нибудь еще деньги? – поинтересовался он, зная, что у нее не осталось ни гроша.

– Простите? – Она вздрогнула всем телом и постаралась заставить свой мозг мыслить ясно.

Неожиданность, с которой ей открылось, что второй из ее самых ужасных страхов стал теперь реальностью и достоянием гласности, в клочья разодрала тот столь тщательно свитый кокон, в котором она пыталась спастись.

– Откуда... откуда вам известно все это? – запинаясь, пробормотала она, слепо ища руками какую-нибудь опору. – Мои, мои средства принадлежат мне... Он обещал.

– Он передумал. А Гонконг – та же деревня, в Гонконге нет секретов, Анжелика, ни там, ни здесь ничего нельзя утаить. Сегодня я получил послание с нарочным из Гонконга, от одного из деловых партнеров. От него я узнал детали – он был в то время в Макао и видел всю катастрофу своими глазами. – В голосе его слышалась дружеская озабоченность, таким и должен был быть голос друга, но говорил он только половину правды. – Он и я... Мы... Нам принадлежат некоторые из векселей вашего отца, он брал у нас деньги в прошлом году и до сих пор не вернул.

Новый страх пронзил ее.

– Разве... мой отец не платит по векселям?

– Н-нет, боюсь, что нет.

С болью в сердце она думала о письме своей тетушки и теперь знала точно, что деньги, которыми ссудил ее дядя, тоже не были возвращены, и он сейчас в тюрьме, потому что... «Возможно, он попал в тюрьму из-за меня, – хотелось крикнуть ей. Она отчаянно пыталась держать себя в руках, молясь, чтобы все это оказалось сном. – О боже, о боже, что же мне делать?»

– Я хочу, чтобы вы знали, если я могу помочь, пожалуйста, только скажите мне.

Ее голос вдруг стал пронзительным:

– Помочь мне? Вы растоптали мой покой, если то, что вы говорите, правда. Помочь мне? Зачем вы рассказали мне все это именно сейчас, зачем, зачем, зачем, когда я была так счастлива?

– Лучше, если вы узнаете об этом прямо сейчас. И лучше от меня, чем от врага.

Ее лицо перекошилось.

– Врага, какого врага? С какой стати у меня должны быть враги? Я никому ничего не сделала, ничего, ничего, ниче...

Слезы хлынули у нее из глаз. Не в силах сдержаться, он на мгновение сочувственно обнял ее, потом положил руки ей на плечи и встряхнул.

– Прекратите! – произнес он с напускной резкостью. – Ради бога, прекратите, неужели вы не видите, что я хочу помочь вам!

По другой стороне улицы к ним приближалось несколько мужчин, но он заметил, что все они шатаются и заняты только собой. Больше поблизости не было никого, только далеко позади них люди все так же спешили в клуб; тень здания прятала их от посторонних глаз. Он снова встряхнул ее, и она простонала:

– Вы делаете мне больно! – Но слезы прекратились, и она пришла в себя.

Отчасти пришла в себя, холодно подумал он; этот самый процесс повторялся для него уже, наверное, в сотый раз, различаясь всегда лишь степенью жестокости и искажения правды в отношении других невинных душ, которых ему нужно было использовать ради возвеличения Франции, – и при этом насколько легче было иметь дело с мужчинами, чем с женщинами. Мужчин ты просто пинал промеж ног, или обещал отрезать то, что там болтается, или втыкал иголки... Но вот женщины! Отвратительное это дело – обращаться с женщинами подобным образом.

– Вы окружены врагами, Анжелика. Столько людей не хотят, чтобы вы вышли замуж за Струана, его мать будет препятствовать этому всеми доступными ей...

– Я никогда не говорила, что мы собираемся пожениться. Это... это слухи, слухи, ничего больше!

– *Merde!* Конечно это правда! Он ведь уже сделал вам предложение, не так ли? – Он снова потряс ее, его пальцы сжимали ее плечи, как стальные скобы. – Не так ли?

– Мне больно, Андре... Да, да, он сделал мне предложение.

Он протянул ей платок, сразу смягчившись:

– Вот, вытрите глаза, у нас мало времени.

Она смиренно подчинилась, опять начала плакать, потом одернула себя:

– Почему вы такой ужасны-ы-ый?

– Я единственный настоящий друг, который у вас здесь есть, я целиком на вашей стороне, готов помочь, единственный верный друг, которому вы можете доверять, – я ваш единственный настоящий друг, клянусь вам, только я один могу вам помочь. – Обычно он с жаром добавлял «клянусь Господом Богом», но сейчас решил, что она уже крепко сидит на крючке, и оставил это на потом. – Лучше вам выслушать всю правду, пока никто об этом не знает. Теперь у вас есть время, чтобы подготовиться. Эта новость прибудет сюда не раньше чем через неделю; у вас есть время сделать вашу помолвку торжественной и официальной.

– Что?

– Струан ведь джентльмен, не так ли? – Ему потребовалось сделать над собой усилие, чтобы произнести это без издевки. – Английский... виноват, шотландский – в общем, британский джентльмен. Разве они не считают себя с гордостью людьми слова? А? Как только о помолвке будет объявлено официально, он уже не сможет взять свое слово назад, окажетесь вы нищей или нет, – что бы ни сделал там ваш отец и что бы ни говорила его мать.

«Я знаю, я знаю! – хотелось кричать ей. – Но я женщина, и я должна ждать, я ждала, и вот теперь стало слишком поздно. Или нет? О Пресвятая Богородица, помоги мне!»

– Я не... я не думаю, что Малкольм станет винить меня за моего отца или... или слушать свою мать.

– Боюсь, ему придется ее слушаться, Анжелика. Вы забыли, что Малкольм Струан тоже несовершеннолетний, каким бы большим тайпаном он ни был? Двадцать один ему исполнится только в мае будущего года. До тех пор она может налагать на него всевозможные юридические ограничения. По английскому закону она даже может

объявить помолвку недействительной. – Он не был полностью в этом уверен, но это казалось ему разумным и было правдой в отношении французского закона. – Она может давить и на вас. Возможно, даже подаст на вас в суд, – добавил он с печальным лицом. – Струаны очень могущественны в Азии, это почти что их родовое владение. Она вполне смогла бы добиться, чтобы вас вызвали в суд, а вы знаете, что люди говорят о судьях, любых судьях, а? Она могла бы сделать так, что вас приволокут к магистрату и обвинят в том, что вы кокетка, обманщица, просто нацелившаяся на его деньги, а то еще в чем-нибудь и похуже. Она могла бы нарисовать перед судьей очень неприглядную картину: ваш отец – игрок и пьяница, к тому же банкрот, ваш дядя сидит в долговой яме, сами вы – без гроша, искательница приключений; а вы слушали бы ее со скамьи подсудимых, не имея возможности защититься.

На ее лице появилось затравленное выражение.

– Откуда вы узнали про дядю Мишеля? Кто вы?

– Никакого фокуса тут нет, Анжелика, – небрежно ответил он. – Сколько французских граждан живет в Азии? Не много, второй такой, как вы, вообще нет, а люди любят сплетничать. Что до меня, то я Андре Понсен, китайский торговец, японский торговец. Меня вам нечего бояться. Мне от вас не нужно ничего, кроме дружбы и доверия, и я хочу вам помочь.

– Как? Мне ничто не поможет.

– Нет, это не так, – мягко возразил он, внимательно наблюдая за ней. – Вы ведь любите его, не правда ли? Дай вам шанс, вы были бы лучшей женой, какую может пожелать себе мужчина, разве нет?

– Да, да, конечно...

– Тогда подтолкните его, очаруйте, убедите его – любым способом, каким сможете, – официально объявить о вашей помолвке. Возможно, я смогу подсказать вам что-нибудь, направить вас. – Теперь наконец он видел, что она по-настоящему слушает его, действительно его понимает. Мягко он нанес свой *coup de grâce*^[20]. – Мудрая женщина, а вы мудры столь же, сколь и прекрасны, вышла бы замуж быстро. Очень быстро.

Струан читал, масляная лампа на столике у кровати давала достаточно света, дверь в ее комнату была приоткрыта. Его постель

была удобной, и он с головой ушел в книгу. Его шелковая ночная рубашка подчеркивала цвет его глаз, лицо все еще оставалось бледным и худым, даже тени былой силы не было в нем. На столике рядом с лампой стоял снотворный настой, тут же лежали его трубка, табак и спички, стоял еще один стакан – с водой, в которую добавили немного виски.

– Это пойдет вам на пользу, Малкольм, – сказал ему Беккотт. – Лучшего лекарства на ночь для вас сейчас не найти, только разбавляйте побольше. Это лучше, чем опиумная вытяжка.

– Без нее я не могу уснуть всю ночь и чувствую себя ужасно.

– Сегодня уже семнадцатый день после ранения, Малкольм, вам пора остановиться. Остановиться по-настоящему. Плохо, если для сна вам будет необходимо лекарство. Лучше всего прекратить принимать его навсегда.

– Я уже пробовал сделать это раньше, и ничего не получилось. Я брошу его пить через день или два...

В комнате было тихо и уютно, тяжелые занавеси на окнах были задернуты на ночь, мирно тикали красивые швейцарские часы. Время близилось к часу ночи. Книгу «Убийства на улице Морг» Эдгара Аллана По сегодня утром ему принес почитать Дмитрий.

Струан был так поглощен своей книгой, что не слышал, как входная дверь в ее комнату открылась и закрылась, не слышал, как она на цыпочках прошла через комнату, не видел, как она на мгновение заглянула к нему, потом исчезла. Через секунду раздался едва слышный щелчок – закрылась дверь ее спальни.

Он поднял глаза, напряженно вслушиваясь. Уходя, она сказала, что заглянет к нему, но, если он будет спать, будить его не станет. Или, если она слишком устанет, отправится прямиком в постель, тихо как мышка, и увидится с ним утром.

Книга лежала у него на коленях. С усилием он сел прямо и свесил ноги через край кровати. Это он еще мог вынести. Но не встать. Встать ему пока было все так же не под силу. Сердце тяжело стучало в висках; он почувствовал тошноту и лег. И все же немного лучше, чем вчера. «Нужно пытаться, что бы ни говорил Беккотт, – угрюмо сказал он себе, потирая живот. – Завтра попробую снова, три раза. Может быть, оно и к лучшему, что я не могу встать. Я бы захотел быть с ней. Господи, помоги мне, я бы не смог без этого».

Когда боль немного улеглась, он опять взялся за чтение, радуясь, что книга у него под рукой, но теперь она уже не так занимала его, мысли разбредались, и его разум принялся смешивать прочитанный рассказ с картинами, в которых ее готовились вот-вот убить, кругом какие-то трупы, он бросается, чтобы защитить ее, картины сменяют одна другую, становясь все более эротическими.

Через некоторое время он отложил книгу, отметив страницу закладкой, которую она ему подарила, закладкой из ее дневника. «Интересно, что она пишет в нем. Я знаю, она ведет записи так же регулярно, как и любой другой. Обо мне и о ней? О ней и обо мне?»

Теперь он чувствовал огромную усталость. Его рука потянулась к лампе, чтобы прикрутить фитиль, и остановилась. Маленькая рюмка со сном внутри манила. Его пальцы дрожали.

Беккотт прав, это мне больше не нужно.

Он решительно потушил свет, откинулся на спину и закрыл глаза, вознося молитву о ней, о своей семье, о том, чтобы его мать благословила их, а потом о себе. «О Господи, помоги мне выздороветь – мне страшно, очень страшно».

Но сон не шел к нему. Когда он поворачивался или пытался устроиться поудобнее, боль прорезала внутренности, и он тут же вспоминал Токайдо и Джона Кентербери. Он завис в какой-то тяжелой полудреме, мозг его гудел от прочитанного: жуткое, леденящее кровь начало, а какова будет развязка? Перед его внутренним взором мелькали всевозможные картины, все новые и новые, злые, прекрасные, образные, и любая попытка поменять положение расцветала на них багровыми пятнами боли.

Время шло, минул час или несколько минут, он не мог сказать точно, и тогда он выпил эликсир и блаженно расслабился, зная, что скоро будет парить в воздухе на тонком, прозрачном газе, ее рука на нем, его рука на ней... там, на ее груди... везде... ее руки в ответ столь же опытные, столь же желанные... не только руки.

Глава 15

Пятница, 3 октября

Едва лишь рассвело, Анжелика выбралась из кровати и присела за туалетный столик в эркере, выходившем окном на Хай-стрит и гавань. Она совсем измучилась. В запертом ящичке лежал ее дневник в обложке из тусклой красной кожи. Он тоже запирался. Из потайного места она извлекла ключ, отомкнула застежку, обмакнула ручку в чернила и написала, беседуя с дневником, словно со старым другом, – последние дни ей казалось, что дневник стал теперь ее единственным другом, только с ним она еще могла говорить откровенно:

Пятница, 3: еще одна тяжелая ночь, и я чувствую себя отвратительно. Прошло четыре дня после того, как Андре сообщил мне ужасную весть о моем отце. С тех пор я была не в состоянии ни писать, ни делать что-либо, заперла все двери и «слегла», притворившись, что у меня жар. Лишь раз или два за день я выхожу навестить моего Малкольма, чтобы развеять его тревогу, все же остальное время не отпираю никому, кроме моей горничной, которую я терпеть не могу, правда я согласилась встретиться с Джейми один раз и с Андре.

Бедный Малкольм, в первый день моей «болезни», когда я не появилась и не стала никому открывать, он чуть с ума не сошел от беспокойства и все настаивал, чтобы его отнесли на носилках в мой будуар и он смог увидеть меня хотя бы таким образом – даже если для этого пришлось бы выломать дверь. Мне удалось опередить его, я заставила себя пойти к нему и сказала, что со мной все хорошо, просто у меня сильно разболелась голова, и – нет, мне не нужен Бебкотт, а ему не стоит переживать из-за моих слез. Я объяснила ему по секрету, что у меня просто наступило «то самое время месяца» и кровотечение иногда бывало обильным, а иногда не наступало в срок. Он был невероятно смущен тем, что я упомянула про свои месячные! Просто невероятно смущен! Словно и не знал ничего об этом свойстве женского организма. Порой я совсем не понимаю его, хотя он так добр и заботлив, самый добрый и

заботливый из всех, кого я знала. Еще одно расстраивает меня: если говорить правду, ему, бедному, не намного лучше, и каждый день он так страдает, что мне хочется плакать.

«Матерь Божья, дай мне силы! – думала она. – Ведь это еще не самое страшное. Я стараюсь не волноваться, но я в отчаянии. День приближается. Тогда я освобожусь от этого ужаса, но останется еще нищета».

Она начала писать снова.

В этом здании так трудно спрятаться и побыть одной, каким бы уютным и красивым оно ни было, но жизнь в Поселении просто ужасна. Ни парикмахерши, ни дамского портного (хотя у меня есть портной-китаец, который просто изумительно копирует то, что уже существует), ни шляпника – я еще не спрашивала, можно ли здесь заказать туфли. Пойти некуда, заняться нечем – о, как я скучаю по Парижу, но как я теперь вообще смогу там устроиться? Согласился бы Малкольм уехать отсюда, если бы мы поженились? Никогда. А если мы не поженимся... где я найду денег даже на билет домой? Где? Я спрашивала себя тысячу раз и не находила ответа.

Ее задумчивый взгляд оторвался от бумаги и перешел на окно и на корабли в заливе. «Как бы я хотела оказаться на одном из них, держа путь домой. Зачем, зачем только я сюда приехала? Я ненавижу это место... Что, если... Если Малкольм не женится на мне, мне придется выйти замуж за кого-то другого, но у меня нет приданого, ничего нет. О боже, я надеялась, что все сложится совсем иначе. Даже если мне и удастся вернуться домой, у меня по-прежнему нет денег, бедная тетушка и дядя разорены. Колетта мне помочь не сможет, я не знакома ни с кем достаточно богатым или знатным, чтобы выйти за него замуж, или занимающим достаточно видное положение в обществе, чтобы можно было без опасений стать его любовницей. Я могла бы пойти на сцену, но и там необходимо иметь патрона, который будет подкупать директоров и драматургов, платить за все наряды, драгоценности, экипажи и роскошный особняк для вечерних приемов, – разумеется, с патроном приходится спать, и по его прихоти, а не по своей, пока ты не станешь достаточно богатой и знаменитой, на что требуется время, а у

меня нет ни нужных связей, ни друзей с такими связями. О Господи, я совсем не знаю, как мне быть. Мне кажется, я сейчас опять расплачусь...»

Она уронила голову на руки, и слезы хлынули из глаз. Анжелика старалась плакать не слишком громко, чтобы горничная не услышала ее рыданий и не начала горестно завывать во весь голос вместе с ней, устроив дикую сцену, как в первый день. Она сидела в ночной рубашке из кремового шелка, набросив на плечи бледно-зеленый пеньюар; нерасчесанные после сна волосы спутались. Комната была обставлена для мужчины, с огромной кроватью под пологом на четырех столбах – эти апартаменты были гораздо просторнее тех, что у Малкольма. С одной стороны располагалась та самая передняя, которая соединялась с его спальней и из которой другая дверь вела в столовую на двадцать человек с отдельной кухней. Обе эти двери были закрыты. Туалетный столик являлся единственной фриivolностью, которую она себе позволила; она распорядилась, чтобы его занавесили розовым атласом.

Когда слезы прекратились, она вытерла глаза и молча рассмотрела свое отражение в серебряном зеркале. Никаких морщин, чуть потемнели веки, и щеки едва заметно похудели. Внешне – никаких перемен. Она тяжело вздохнула и опять вернулась к дневнику:

Слезы просто не помогают: сколько я ни плачу, легче не становится. Сегодня я должна поговорить с Малкольмом. Просто должна. Андре сообщил мне, что пакетбот уже запаздывает на один день и известие о моей катастрофе непременно прибудет с ним. Или с ней. Я в ужасе оттого, что сюда может приехать мать Малкольма – весть о его ранении должна была достичь Гонконга 24-го, это дает ей как раз достаточно времени, чтобы успеть на этот самый пакетбот. Джейми сомневается, что ей удастся приехать, слишком уж мал срок, чтобы она успела подготовиться к отъезду: остаются ведь другие дети, ее муж умер всего три недели назад и по нему все еще соблюдается глубокий траур, бедная женщина.

Когда Джейми был здесь, я в первый раз по-настоящему беседовала с ним наедине, он рассказал мне много всяких историй про других Струанов – шестнадцатилетнюю Эмму, тринадцатилетнюю Розу и десятилетнего Дункана, – большей частью печальных историй: в прошлом году два других брата Малкольма, близнецы Роб и Данросс

семи лет, утонули, когда их лодка перевернулась совсем недалеко от берега; это произошло в местечке, которое называется Шек-О, у Струанов там летний дом и участок земли. А много лет назад, когда Малкольму было семь, другая его сестра, Мэри, умерла от лихорадки. Бедная крошка, ей было всего четыре годика. Я проплакала всю ночь, думая о ней и о близнецах. Умереть такими маленькими!

Джейми мне нравится, но он такой скучный, такой нецивилизованный – я хочу сказать, неотесанный, больше ничего, – он ни разу не был в Париже и только и может говорить что про свою Шотландию, Струанов и Гонконг. Интересно, могла бы я настоять, если... – Она зачеркнула это и исправила на «когда мы поженимся»... Ее ручка замерла в нерешительности. – Мы с Малкольмом станем проводить по несколько недель в Париже каждый год, и наши дети будут воспитываться там. Разумеется, в католической вере.

Мы с Андре говорили об этом вчера, о том, что я католичка, – он очень добр и снимает с моей души все проблемы и тревоги, как это неизменно делает его музыка, – и о том, что миссис Струан кальвинистская протестантка и что мне следует говорить, если об этом пойдет речь. Мы тихо беседовали – о, я так рада, что он мой друг и предупредил меня об отце, – вдруг он приложил палец к губам, подошел к двери и распахнул ее. Эта старая ведьма А Ток, ама Малкольма, подслушивала и едва не ввалилась в комнату. Андре немного говорит на кантонском, и он отослал ее прочь.

Когда позже днем я встретила с Малкольмом, он долго и смиренно извинялся. Это пустяки, сказала я, дверь была не заперта, моя горничная, как и подобает, находилась в комнате вместе со мной, но если А Ток хочется шпионить за мной, пожалуйста, скажи ей, пусть постучится и входит. Признаюсь, я держалась несколько отчужденно и была холодна с Малкольмом, а он был готов буквально вывернуться наизнанку, чтобы угодить мне и успокоить, но именно такие чувства я сейчас испытываю, хотя, должна также признаться, и Андре советовал мне вести себя именно таким образом, пока о нашей помолвке не будет объявлено всем.

Мне пришлось попросить Андре – боюсь, именно пришлось – ссудить меня деньгами. Я чувствовала себя ужасно. Впервые в жизни я вынуждена была обращаться к кому-то с такой просьбой, но мне отчаянно нужны хоть какие-то деньги. Он был очень любезен и

согласился принести мне завтра двадцать луидоров под мою подпись, этого хватит на неделю или две, чтобы покрыть случайные расходы, – Малкольм как будто не замечает, что мне нужны деньги, а я не хотела просить у него...

У меня действительно почти не прекращается головная боль, потому что я беспрестанно ищу какой-нибудь выход из всего этого кошмара. Нет никого, кому я могла бы полностью довериться, даже Андре, хотя пока что мне не в чем его упрекнуть. С Малкольмом каждый раз, когда начинаю свою заранее отрепетированную речь, я, еще и рта не открыв, уже знаю, что мои слова прозвучат вымученно, грубо и ужасно, поэтому замолкаю.

«В чем дело, дорогая?» – спрашивает он.

«Нет, ничего», – говорю я, а потом, когда оставляю его и запру свою дверь, я плачу и плачу в подушку. Мне кажется, я сойду с ума от горя – как мой отец мог так лгать, так обманывать меня, украсть мои деньги? И почему Малкольм не может дать мне кошелек, не дожидаясь, пока я попрошу его об этом, или не предложит мне какие-то деньги, чтобы я могла сначала притвориться, что отказываюсь, а потом с радостью принять их? Разве это не обязанность мужа или жениха? Разве не долг отца защищать свою любимую дочь? И почему Малкольм все ждет и ждет и не объявляет о нашей помолвке? Неужели он передумал? О Боже, не допусти этого...

Анжелика перестала писать, потому что слезы полились снова. Одна из них упала на раскрытую страницу. Она опять вытерла глаза, сделала несколько глотков воды из стакана, потом продолжила:

Сегодня я поговорю с ним. Я должна сделать это сегодня. Единственной доброй вестью пока было то, что британский флагман, ко всеобщей радости, благополучно вернулся в гавань несколько дней назад (мы и в самом деле совершенно беззащитны здесь без военных кораблей). Флагман пострадал и потерял одну мачту, вскоре следом за ним вернулись и остальные корабли, кроме двадцатипушечного парового фрегата под названием «Зефир», на его борту было больше двух сотен. Может быть, с ним все-таки ничего не случилось, я надеюсь, что это так. Здешняя газета пишет, что

еще пятьдесят три матроса и два офицера погибли в этом шторме, тайфуне.

Он был чудовищным, я еще никогда не видела такой сильной бури. Я дрожала от страха и днем и ночью. Мне казалось, что все здание сейчас так и унесет целиком, но оно оказалось таким же непоколебимым, как Джейми Макфей. Большинство туземных построек попросту исчезли, и было много пожаров. Фрегат «Жемчужина» тоже потерял мачту. Вчера принесли записку от капитана Марлоу: «Я только что узнал о вашей болезни, посылаю вам свои глубочайшие и самые искренние соболезнования, etc.».

Я не уверена, что он мне нравится, слишком уж заносчив, хотя мундир выставляет его в самом выгодном свете и удачно подчеркивает его мужские достоинства – для чего, естественно, и придуманы тесные панталоны, точно так же как мы одеваемся, стремясь показать грудь, подчеркнуть талию, приоткрыть щиколотки. Вчера вечером принесли еще одно письмо от Сеттри Паллидара, уже второе, новые соболезнования и т. д.

Мне кажется, я ненавижу их обоих. Всякий раз когда я думаю о них, то вспоминаю об этой преисподней под названием Канагава и о том, что они не выполнили своего долга и не сумели защитить меня. Филип Тайрер по-прежнему находится в миссии в Эдо, но Джейми сказал, что, если верить слухам, Филип должен вернуться уже завтра или через день. Это очень кстати, потому что, когда он приедет, у меня есть план, ко...

Глухой рев пушечного выстрела, эхом прокатившийся над Поселением, заставил ее вздрогнуть и перенести внимание на гавань. Палили из сигнального орудия. Далеко в море ему ответила другая пушка. Анжелика посмотрела поверх корабельных мачт флота на горизонт и там увидела пресловутый столб дыма, который поднимался из трубы приближающегося пакетбота.

Джейми Макфей, сжимая под мышкой плотно набитый полученной почтой портфель, повел незнакомца вверх по парадной лестнице фактории Струанов. Потоки солнечного света вливались в здание через высокие и изящные стеклянные окна. Оба мужчины были в суконных фраках и цилиндрах, хотя день был теплый. Незнакомец

нес в руке небольшой чемоданчик. Ему было за пятьдесят. Приземистый, с уродливым бородатым лицом, он был на голову ниже Джейми, хотя и шире в плечах. Из-под шляпы торчали космы длинных седых волос. Они прошли по коридору. Макфей тихо постучал:

– Тайпан?

– Входите, Джейми, дверь открыта. – Струан оторопело уставился на спутника Макфея, потом тут же спросил: – Мама тоже приехала, доктор Хоуг?

– Нет, Малкольм.

Доктор Рональд Хоуг прочел на его лице мгновенное облегчение, и это опечалило его, хотя он вполне понимал причину. Тесс Струан в очень сильных выражениях высказалась об «этой французской потаскушке», пребывая в твердой уверенности, что та уже запустила свои когти в ее сына. Скрывая тревогу, которую в нем вызвала бледность и крайняя худоба Малкольма, он положил свой цилиндр на бюро рядом с чемоданчиком.

– Она попросила, чтобы я осмотрел тебя, – произнес он глубоким доброжелательным голосом, – и выяснил, не смогу ли я чем-нибудь помочь, а также сопровождал тебя домой, если тебе вообще понадобится провожатый. – Почти пятнадцать лет Хоуг был семейным врачом Струанов в Гонконге и принял у Тесс четырех последних братьев и сестер Малкольма. – Как ты себя чувствуешь?

– Я... Доктор Бебкотт присматривает за мной. Я... я в порядке. Спасибо, что приехали, я очень рад вас видеть.

– Я тоже рад, что оказался здесь. Доктор Бебкотт – прекрасный врач, лучше не найти. – Хоуг улыбнулся, при этом его маленькие, поблескивающие, как топаз, глазки спрятались еще глубже в складках морщинистого обветренного лица, и продолжил с самым невозмутимым видом: – Отвратительное путешествие, хвост тайфуна зацепил-таки нас, и был момент, когда мы чуть было не пошли ко дну. Всю дорогу я только тем и занимался, что чинил и латал матросов и нескольких пассажиров – переломы конечностей большей частью. Двоих смыло за борт: один – китаец, пассажир четвертого класса, второй какой-то иностранец, мы так и не выяснили, кто он был на самом деле. Капитан сказал, что человек просто оплатил проезд в Гонконге, буркнув себе под нос какое-то имя. Почти все время он провел в своей каюте, потом один-единственный раз вышел на палубу,

и – пух! – волна его слизнула. Малкольм, ты выглядишь лучше, чем я ожидал после всех тех толков и пересудов, которые наводнили Колонию.

– Мне, пожалуй, лучше оставить вас наедине, – сказал Джейми. Он положил пачку писем на прикроватный столик. – Здесь ваша личная почта. Книги и газеты я принесу попозже.

– Спасибо. – Малкольм посмотрел на него. – Что-нибудь важное?

– Два письма от вашей матери. Они лежат сверху.

Доктор Хоуг опустил руку в свой объемистый карман и извлек из него мятый конверт:

– Вот еще одно от нее же, Малкольм, оно было написано позже этих двух. Давай-ка лучше прочти его сейчас, а потом я взгляну на тебя, если позволишь. Джейми, не забудьте про Бебкотта.

Джейми уже сообщил ему, что Бебкотт сегодня утром ведет прием больных в Канагаве и что он пошлет за ним катер сразу же, как только они повидают Малкольма.

– Я еще зайду, тайпан.

– Нет, подождите немного, Джейми, не уходите.

Струан вскрыл конверт, который передал ему Хоуг, и начал читать.

Джейми поднялся на главную палубу пакетбота, там его встретил доктор Хоуг. Когда катер достиг берега, доктор Хоуг знал все, что было известно Джейми.

– Только, пожалуйста, – добавил Джейми, волнуясь, – пожалуйста, не говорите Малкольму, что я рассказал вам об Анжелике. Она удивительный человек, и ей тоже пришлось пережить много ужасов. Я действительно не думаю, что они спали вместе, эта тайная помолвка пока что одна лишь болтовня, никто ничего толком не знает, но он без ума от нее, причем я его понимаю; если уж на то пошло, тут его поймет любой мужчина в Азии. Мне очень не по душе эта идея насчет отправки миссис Струан секретных донесений, объяснять почему, я полагаю, нет нужды. Впрочем, я уже составил одно такое – несколько разбавленный водой вариант, – и оно готово отправиться сразу же, как только пакетбот двинется в обратный путь. В первую очередь моя преданность должна принадлежать Малкольму, он тайпан.

Теперь, наблюдая, как Малкольм Струан, лежа в кровати, читает привезенное Хоугом письмо, глядя на его изможденное лицо и вялое

тело, он почувствовал, что уверенность покидает его. И остается молитва.

Струан поднял голову. Его глаза сузились.

– Да, Джейми?

– Ты хотел отдать какое-то распоряжение?

После паузы Малкольм кивнул:

– Да. Оставь записку во французской миссии – Анжелика сейчас там, она сказала, что собирается дождаться своей почты, – скажи, что из Гонконга прибыл старый друг и я хочу ее с ним познакомить.

Макфей кивнул и улыбнулся:

– Будет сделано. Пошли за мной, если что-нибудь понадобится. – Он оставил их наедине.

Струан посмотрел на дверь, чувствуя, как защемило сердце. Выражение лица Джейми, когда он вошел и увидел его, было слишком красноречивым. Стараясь успокоиться, он вернулся к письму.

Малкольм, мой бедный дорогой сын.

Всего несколько слов в спешке: Рональд Хоуг немедленно отправляется на пакетбот, который я задержала, чтобы он успел попасть на него и ты смог получить наилучший уход и лечение. Я пришла в ужас, когда услышала про то, что эти подлые свиньи напали на тебя. Джейми сообщает, что этому вашему доктору Бебкотту пришлось оперировать – пожалуйста, напиши мне с любой срочной почтой, какая подвернется, и скорее возвращайся домой, где мы сможем заботиться о тебе как следует. Посылаю тебе свою любовь и молитвы, так же как и Эмма, Роза и Дункан. P. S. Я люблю тебя.

Он поднял глаза:

– Итак?

– Итак? Скажи мне правду, Малкольм. Как ты себя чувствуешь?

– Я чувствую себя ужасно, и я боюсь, что умру.

Хоуг опустил в кресло и свел кончики пальцев домиком.

– Первое понятно, второе не обязательно верно, хотя в это очень легко, очень-очень легко и очень-очень опасно поверить. Китайцы, к примеру, могут «делать умилати», могут одними мыслями довести

себя до смерти, даже будучи в полном здравии, — я видел, как это бывает.

— Господи, я не хочу умирать! У меня сейчас есть все, мне жить и жить. Я хочу жить и хочу поправиться так сильно, что и словами не выразить. Но каждую ночь и каждый день в какой-то момент мысль о смерти ударяет меня... Это как самый настоящий удар кулаком.

— Какие лекарства ты принимаешь?

— Просто какое-то питье — в нем есть лауданум, чтобы я лучше спал. Боль совсем несносна, и я так мучаюсь.

— Каждую ночь?

— Да. — Струан добавил, словно извиняясь: — Он хочет, чтобы я прекратил его принимать, говорит, что я... что мне необходимо остановиться.

— Ты пытался?

— Да.

— Но не остановился?

— Нет, пока еще нет. Моя... моя воля, мне кажется, я утратил ее.

— Это одна из скверных сторон этого лекарства, каким бы ценным и замечательным оно ни было. — Он улыбнулся. — Впервые название «лауданум» этой панацее дал Парацельс. Ты знаешь что-нибудь о Парацельсе?

— Нет.

— Я тоже, — со смехом признался Хоуг. — Как бы то ни было, мы передали название этой вытяжке из опиума. Жаль только, все ее производные вызывают привыкание. Но ты и сам знаешь об этом.

— Знаю.

— Мы сможем избавить тебя от этой привычки, это не проблема.

— Это проблема, я знаю об этом, а также и о том, что вы по-прежнему не одобряете нашей торговли опиумом.

Хоуг улыбнулся:

— Я рад, что ты произнес это как утверждение, а не как вопрос. Хотя, с другой стороны, ты ее тоже не одобряешь, ни один китайский торговец ее не одобряет, но вы все в ловушке. Ладно, довольно экономики, довольно политики, Малкольм. Далее, мисс Ришо?

Струан почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— А теперь, черт побери, послушайте и запомните раз и навсегда: что бы ни говорила мать, я уже достаточно взрослый, чтобы

разобраться в своих чувствах, и могу делать что хочу! Ясно?

Хоуг ответил ему добросердечной улыбкой:

– Я твой врач, Малкольм, а не твоя мать. Я также и твой друг. Подводил ли я тебя когда-нибудь или любого другого из вашей семьи?

С видимым усилием Струан запихнул свой гнев поглубже, но не смог унять бешено колотящегося сердца.

– Простите, простите, но я... – Он беспомощно пожал плечами. – Извините.

– Это лишнее. Я не пытаюсь вмешиваться в твою личную жизнь. Твое здоровье зависит сейчас от многих факторов. Мне представляется, что она – один из главных. Отсюда мой вопрос. Я задал его по причинам лечебным, а не семейным. Итак, мисс Анжелика Ришо?

Струан хотел, чтобы голос его звучал спокойно и веско, но не справился со своим отчаянием и выпалил:

– Я хочу жениться на ней, и меня сводит с ума то, что я лежу здесь, как... лежу здесь беспомощный. Ради Создателя, ведь я не могу пока даже встать с кровати, не могу мочиться и... вообще ни черта не могу, ни есть, ни пить. Что бы я ни делал, внутренности режет как ножом. Я схожу с ума, и, сколько ни стараюсь, мне кажется, я не поправляюсь ни на йоту...

Он продолжал бушевать, пока не ослабел. Хоуг просто молча слушал его. Наконец Струан замолчал. Потом пробормотал еще одно извинение.

– Можно тебя осмотреть?

– Да... да, конечно.

С огромной осторожностью Хоуг обследовал его, приложил ухо к груди и послушал сердце, заглянул в рот, взял пульс, пристально рассмотрел рану и понюхал ее. Его пальцы нажимали на стенки живота, нащупывая внутренние органы, определяя серьезность повреждений.

– Вот так больно?... А так?... Вот здесь болит меньше?

Каждое, даже самое легкое, нажатие исторгало из Малкольма стон. Наконец Хоуг выпрямился.

Струан первым нарушил молчание.

– Ну?

– Бебкотт просто замечательно справился с тем, что к настоящему времени уже прикончило бы нормального человека. – Слова Хоуга были взвешенны и полны уверенности. – А сейчас мы попробуем провести один эксперимент. – Он мягко взял ноги Струана и помог ему сесть на краю кровати. Потом, обняв Малкольма рукой за плечи и с неожиданной силой приняв на себя бо́льшую часть его веса, он помог ему встать. – Осторожно!

Струан не мог пока стоять выпрямившись без посторонней помощи, но он получил впечатление того, что стоит, и это ободрило его. Через секунду-другую Хоуг бережно уложил его назад в постель. Сердце юноши тяжело стучало от боли, но он испытывал огромное удовлетворение.

– Спасибо.

Доктор грузно сел в кресло и тоже некоторое время приходил в себя, восстанавливая силы. Потом сказал:

– Сейчас я оставлю тебя, мне нужно распаковать вещи. Я бы хотел, чтобы ты отдохнул. После того как я повидаяюсь с Бебкоттом, я вернусь. Вероятнее всего, мы вернемся вместе. Тогда и поговорим. Хорошо?

– Да. И... спасибо, Рональд.

Вместо ответа Хоуг просто похлопал его по руке, взял свой чемоданчик и шляпу и вышел.

Когда Струан остался один, слезы побежали по его щекам, и с этими счастливыми слезами он уснул. Проснувшись, он почувствовал себя отдохнувшим, впервые посвежевшим и некоторое время лежал неподвижно, ликуя при мысли, что сумел встать с кровати – пусть с чьей-то помощью, но все же он стоял на ногах, а это уже неплохое начало – и что теперь, теперь у него есть настоящий союзник.

С кровати, где он лежал, слегка повернувшись на левый бок, ему было видно в окно море. Море он одновременно и любил и ненавидел и никогда не чувствовал себя там спокойно, страшась его, потому что оно было своенравно и непредсказуемо, как в тот солнечный день, когда близнецы с боцманом на веслах отошли от берега на какую-то сотню ярдов и вдруг поднялась волна, перевернула лодку, они попали в течение, и оно увлекло их на дно, а ведь все трое умели плавать, близнецы вообще чувствовали себя как рыбы в воде, но оба погибли, выплыл только моряк. Шок, который они тогда испытали, опустошил

его душу и едва не убил его отца. Его мать впала в ходячую кому, как это всегда бывало с ней в несчастье, повторяя беспрестанно: «На все воля Божья. Мы должны жить дальше».

Горизонт манил к себе. «Вскоре я должен буду вернуться в Гонконг, чтобы встать во главе компании. Через неделю или чуть больше. Спешить некуда. Времени довольно.

Который теперь час?»

Поворачиваться и смотреть на часы было не нужно, высота солнца подсказывала ему, что сейчас примерно полдень, и он подумал, что обычно заказывал в это время славный кровавый ростбиф с густым соусом и поджаренной картошкой и йоркширский пудинг, чашку или две нарезанного кубиками запеченного цыпленка с жареным рисом и овощами и другие китайские блюда, которые готовила А Ток и которые он ел с большим удовольствием – сколько бы его мать, братья и сестры ни говорили, что они безвкусны, совершенно непитательны, наверняка отравлены и годятся только для язычников...

Негромкий звук. Анжелика, свернувшись калачиком, сидела в огромном кресле, в нем она казалась совсем маленькой. Все ее лицо было залито слезами, никогда еще он не видел ее такой несчастной.

– Господи, что случилось?

– Я... я погибла. – Слезы опять покатались по щекам.

– Ради бога, объясни, о чем ты говоришь!

– Это... оно пришло с сегодняшней почтой.

Анжелика встала и протянула ему письмо, попробовала сказать что-то, но не смогла. Он вытянул руку, чтобы взять его, и так резко повернулся при этом, что едва удержался от стога.

Бумага была зеленого цвета, как и конверт, в правом углу стояло: «Гонконг, 23 сентября». Письмо на именном бланке Ги Ришо, главы компании «Братья Ришо», было написано по-французски; Струан на этом языке читал вполне сносно.

Дорогая Анжелика, пишу в спешке. Сделка, о которой я писал тебе, окончилась не слишком удачно, мои португальские партнеры в Макао обманули меня, поэтому я понес большие убытки. Весь мой нынешний капитал исчез, и ты можешь услышать лживые слухи, распространяемые моими ненавистниками, что я не в состоянии найти новый кредит и поэтому, мол, компанию собираются пустить

с молотка. Не верь им, наше будущее прекрасно, можешь не беспокоиться, я полностью контролирую ситуацию. Это письмо отправится с завтрашним пакетботом. Я взял билет на американский пароход «Либерти», который отправляется сегодня в Бангкок, где мне обещали предоставить кредит некие французские источники. Я напишу тебе оттуда, а пока остаюсь твоим преданным отцом.

Р. С. К этому времени до тебя уже, наверное, дошла печальная, хотя и не ставшая неожиданностью, весть о кончине Кулума Струана. Мы только что получили известие о гнусном нападении японцев на Малкольма. От души надеюсь, что юноша ранен не слишком серьезно. Пожалуйста, пожелай ему от моего имени благополучия и передай, что я надеюсь на его скорейшее выздоровление.

В голове Струана царило смятение.

— Так почему же ты погибла?

— Он... он забрал все мои деньги, — проговорила она сквозь слезы, — украл все мои деньги и потерял их тоже, он вор, и теперь, теперь у меня нет ничего в целом мире. Он украл все, что у меня было. О Малкольм, что мне делать?

— Анжелика, Анжелика, послушай! — Она выглядела так сиротливо, так мелодраматично, что он едва не рассмеялся. — Ради всего святого, послушай, это не беда. Я могу дать тебе столько денег, сколько пона...

— Я не могу принимать деньги от тебя! — воскликнула она сквозь слезы. — Это против приличий!

— Почему, собственно? Ведь мы скоро поженимся, разве нет?

Рыдания прекратились.

— Мы... мы поженимся?

— Да. Мы... мы сегодня же объявим о помолвке.

— Но отец, он... — Она по-детски шмыгнула носом, вытирая слезы. — Я говорила с Андре, он уверен, что никакой сделки ни в Макао, ни в каком-то другом месте не было и в помине. Похоже, отец часто играл и, должно быть, просто проиграл все эти деньги. Он даже давал обещание, обещал Анри, Анри Сератару, что бросит играть и оплатит все свои счета... Все это знали, кроме меня, о Малкольм, я

даже не подозревала об этом, я чувствую себя так ужасно, что, наверное, умру, отец украл мои деньги, а ведь он клялся, что у него мои деньги будут в целости и сохранности!

Она снова зарыдала, подбежала к нему и упала на колени рядом с кроватью, зарывшись лицом в покрывало. Он нежно провел рукой по ее волосам, чувствуя себя очень сильным и уверенным. Дверь открылась, и в комнату вплыла А Ток.

– Убирайся, – заревел он. – *Дью не ло мо!*

Та бросилась вон.

По-настоящему напуганная, Анжелика сильнее вжалась в покрывало. Она еще ни разу не видела его в гневе. Он продолжал гладить ее волосы:

– Не волнуйся, дорогая, не переживай за отца, потом я подумаю, чем мы сможем помочь ему, а сейчас ты не должна расстраиваться, я забочусь о тебе.

Его голос звучал так нежно. Всхлипывания стали тише, огромная тяжесть упала с ее плеч: она открыла ему правду и рассказала об отце прежде, чем это сделали другие, а он как будто совсем не расстроился.

«Андре – гений, – подумала она, слабея от облегчения. – Он поклялся, что именно такой и будет реакция Малкольма: „Просто будьте откровенны с ним, Анжелика, расскажите Малкольму всю правду: что вы не знали, что ваш отец игрок, сегодня вы впервые услышали об этом и это потрясло вас так, что не высказать словами, ваш отец украл все ваши деньги – очень важно, чтобы вы употребили слова «украл» и «вор». Расскажите ему правду, покажите письмо и при достаточном количестве слез и нежности это привяжет его к вам навеки“».

– Но, Андре, – возразила она с несчастным видом, – я не осмелюсь показать ему письмо отца. Просто не осмелюсь, он пишет в постскриптуме такие ужасные вещи...

– Смотрите! Без второй страницы постскрипtum кончается словами: я надеюсь на его скорейшее выздоровление. Лучше и быть не может! Вторая страница? Какая вторая страница? Смотрите, она разорвана и никогда не существовала.

Гибкие пальцы Андре подклеили последний клочок восстановленной второй страницы на место.

– Ну вот, Анри, – сказал он и через стол подтолкнул лист к нему. – Читайте и судите сами.

Ему не составило никакого труда вновь собрать страницу из обрывков, которые он небрежно швырнул на ее глазах в корзину для мусора.

Они находились в кабинете Сератара, дверь была заперта. Страница гласила:

...и я также надеюсь – помнишь, мы говорили об этом? – что ты сумеешь в самом скором времени добиться помолвки и брака любыми средствами, какие будут необходимы... Он самый завидный жених и жизненно важен для нашего будущего, особенно твоего. Струан раз и навсегда решит все проблемы «Братьев Ришо». Ничего, что он британец, слишком молод или еще там что-нибудь, теперь он тайпан компании Струана и сможет обеспечить нам безбедное будущее. Будь взрослой, Анжелика, сделай все необходимое, чтобы привязать его к себе, потому что твое будущее сейчас протерлось до ниток.

– Мне не по душе шантаж.

Андре вспыхнул:

– Мне не по душе многие из тех методов, к которым мне приходится прибегать для достижения наших, я повторяю, наших целей. – Он положил страницу, исписанную ровным, красивым почерком, в свой карман. – Пущенный по рукам в свете или опубликованный со всеми деталями, этот документ уничтожит Анжелику. В суде он будет равносителен приговору. Возможно, он лишь доказывает правду: что она искательница приключений, вступившая в заговор со своим отцом, который в лучшем случае может считаться беспутным игроком и скоро будет объявлен банкротом, как и ее дядя. Что же касается подталкивания ее куда-то, так я говорю ей лишь то, что она сама хочет знать и повторять. Чтобы помочь ей. Это ведь она оказалась в трудном положении, не я и не вы.

Сератар вздохнул:

– Печально. Печально, что она так запуталась.

– Да. Однако она запуталась, не так ли, и это нам на руку? – Андре улыбнулся, но глаза были холодными. – И на руку лично вам, мсье? При разумном подходе это гарантировало бы вам ее полную

покорность и покладистость, не так ли, если бы ваше бесспорное очарование подвело вас, в чем я сомневаюсь.

Сератар не улыбнулся.

— А вы, Андре? Что вы собираетесь делать по поводу Ханы, вашего Цветка?

Андре резко вскинул на него глаза:

— Цветок умер.

— Да. И при таких странных обстоятельствах.

— Ничего странного, — сказал Андре, и глаза его вдруг стали холодными и неподвижными, как у рептилии. — Она покончила с собой.

— Ее нашли с перерезанным горлом, перерезанным вашим ножом. Мама-сан говорит, вы провели с ней ночь, как обычно.

Андре пытался понять, почему вдруг Сератар стал так настойчив в своих расспросах.

— Это так, но вас это не касается.

— Боюсь, что касается. Вчера местный чиновник бакуфу прислал официальный запрос на информацию по этому делу.

— Скажите ему, пусть пойдет и совершит сеппуку. Хана Цветок была особенной, да, она принадлежала мне, да. Я заплатил самую высокую цену, чтобы спать с ней, но она по-прежнему оставалась лишь частью Ивового Мира.

— Как вы столь справедливо заметили, люди созданы из лжи и полуправд. В жалобе говорится, что у вас с ней вышла жестокая ссора. Потому что она взяла себе любовника.

— У нас была ссора, да, я хотел убить ее, да, но не по этой причине, — пробормотал Андре, задыхаясь. — Правда... правда заключается в том, что у нее действительно были клиенты. Трое... в другом доме, но это было... это было до того, как она стала моей собственностью. Один из них... один из них заразил ее дурной болезнью, она передала ее мне.

— *Mon Dieu*, сифилис? — вымолвил Сератар, цепenea от ужаса.

— Да.

— *Mon Dieu*, вы уверены?

— Да. — Андре встал, подошел к буфету, налил себе коньяка и выпил. — Бебкотт подтвердил это месяц назад. Диагноз точен. Это могла быть только она. Когда я спросил ее об этом...

Она снова возникла у него перед глазами: они были в их маленьком домике в саду дома Трех Карпов, Хана смотрела на него снизу вверх, на безукоризненном овале ее лица застыло слегка встревоженное выражение. Ей было всего семнадцать лет, и ростом она не превышала пяти футов.

– Хай, гомэн насай, Фурансу-сан, пятно как васа, но год назад, мой пятно сукоси, мар'инький, хай, мар'инький, Фурансу-сан, сукоси, нет прахой, уходить совсем, – тихо прошептала она с нежной улыбкой на обычной своей смеси японского и английского, неизменно выговаривая «р» вместо «л». – Хана говорит мама-сан. Мама-сан говорит доктор смотреть, он говорит нет прахой. Нет прахой пятно но патаму сто тор'ика начинать подуски спать и я мар'инький. Доктор говорить моритвы в храм и рикар'ство пить, брр! Тор'ка немножко недери потом все уходить совсем. – Она радостно добавила: – Все уходить совсем.

– Это никуда не «ушло совсем»!

– Почему сердца? Нет проха думать. Я моритвы в храм Синто как доктор говорить, много тэйров давать монах, я кэсать... – ее лицо весело сморщилось, – кусать бяка рикар'ство. Немнозка недери потом все проходить.

– Это не прошло. И не пройдет. Лекарства нет!

Она странно посмотрела на него:

– Все проходить, ты смотреть меня, мой без одезды, весь, скор'ка раз, *neh*? Конечно, все уходить совсем.

– Ради Христа, да не прошло это!

Она опять на секунду нахмурилась, потом пожала плечами:

– Карма, *neh*?

Он взорвался. Это потрясло ее, она тут же уткнулась головой в татами и принялась жалобно просить у него прощения:

– Нет прахой, Фурансу-сан, все уходить, доктор говорить, все уходить. Васа видеть этот доктор скоро мозна, все уходить...

Снаружи, за стенами-сёдзи, он слышал шепот и чьи-то шаги.

– Ты должна показаться английскому доктору!

Сердце как молот стучало в ушах. Он старался говорить внятно, понимая, что идти к врачу, любому врачу, бесполезно и что, хотя иногда проявления болезни удавалось остановить, иногда удавалось,

так же неотвратимо, как завтрашний рассвет, болезнь рано или поздно брала свое.

– Ты что, не понимаешь? – пронзительно закричал он. – Лекарства нет!

Она лишь замерла, не отрывая лба от татами, дрожа, как покалеченный щенок, и повторяя монотонно:

– Нет проха, Фурансу-сан, нет проха, все уходить...

Сделав над собой усилие, он вернулся к действительности и вновь посмотрел на Сератара.

– Когда я расспросил ее об этом, она сказала, что ее вылечили год назад. Она поверила, конечно же, она поверила и считала, что излечилась. Я, о да, я кричал на нее, спрашивал, почему она не сказала ничего Райко-сан, а она пробормотала что-то вроде: чего было рассказывать, доктор сказал, что все прошло, и ее мама-сан сама сказала бы Райко-сан, если бы это было важно.

– Но это же ужасно, Андре. Бебкотт осмотрел ее?

– Нет. – Еще глоток коньяка, но он не ощутил его привычной крепости, потом заговорил торопливо, спеша наконец излить душу кому-нибудь: – Бебкотт сказал мне, что болезнь... Он сказал, что на ранней стадии заразившаяся женщина может оказаться без всяких признаков совершенно, что она не всегда будет передавать тебе болезнь, не всякий раз, когда ты с нею спишь, один Господь знает, почему это так; но рано или поздно это неизбежно произойдет, если продолжать жить с ней, и как только появляется язва, тебе конец, хотя через месяц или около того язва, их может быть и несколько, пропадает и тебе кажется, что ты выздоровел, но ты не выздоравливаешь! – Вена, прочерчивавшая лоб Андре посередине, вздулась, пульсируя, и почернела. – Недели или месяцы спустя появляется сыпь, это вторая стадия. Она проявляется сильно или слабо, в зависимости бог знает от чего, и иногда вызывает гепатит или менингит, иногда остается, иногда проходит; сыпь, а почему, никто, кроме Христа, тебе не ответит. Последняя стадия, самая ужасная, наступает когда захочет, в любой момент, от нескольких месяцев до... до тридцати лет после заражения.

Сератар достал платок и промокнул лоб, молясь про себя, чтобы его миновал этот кошмар, думая о своих частых визитах в Ёсивару, о своей собственной мусуме, которую он теперь держал для себя одного,

но никак не мог гарантировать, что никого больше у нее не было. Как можно доказать или опровергнуть это, если у нее существует тайная договоренность с мамой-сан, ведь их интересует только то, как содрать с тебя побольше?

– Ты имел полное право убить ее, – угрюмо произнес он. – И маму-сан.

– Райко тут не виновата. Я сказал ей, что ни одна из девушек здесь, во всей Ёсиваре, мне не подходит. Мне была нужна юная, не похожая на других, девственница или почти девственница. Я умолял ее найти мне цветок, объяснив в точности, что мне было нужно, и она исполнила мою просьбу: Хана-тян была всем, чего я только мог желать, – самым совершенством; она пришла из очень дорогого дома в Эдо. Ты даже представить себе не можешь, как она прекрасна, была прекрасна...

Он вспомнил, как подпрыгнуло его сердце, когда Райко в первый раз показала ему Хану, весело болтавшую с другими девушками в соседней комнате.

– Вон та, Райко, в бледно-голубом кимоно.

– Я советую выбрать Фудзико, или Акико, или одну из других моих дам, – сказала Райко. Когда ей было нужно, она хорошо говорила по-английски. – Со временем я найду вам еще кого-нибудь. Есть маленькая Сайко. Через год или два...

– Вон та, Райко. Она совершенна. Кто она?

– Ее зовут Хана Цветок. Ее мама-сан говорит, что маленькая красавица родилась недалеко от Киото, и дом купил ее, когда ей было три или четыре года, чтобы обучить как гейшу. – Райко улыбнулась. – По счастью, она не гейша – если бы гейша, ее бы вам не предложили, прошу прощения.

– Потому что я гайдзин?

– Потому что гейши служат для развлечения, а не для забавы на подушках, и, Фурансу-сан, прошу прощения, их по-настоящему трудно оценить, если не быть японцем. Учителя Ханы были терпеливы, но она не смогла развить необходимые умения, поэтому ее обучили для жизни на подушках.

– Я хочу ее, Райко.

– Год назад она стала достаточно взрослой, чтобы начать. Ее мама-сан устанавливала наилучшие цены – разумеется, только после

того, как Хана соглашалась взять данного клиента. Только три клиента наслаждались ею. Ее мама-сан говорит, что она очень способная ученица, она разрешала ей опрокидываться на подушки только дважды в неделю. Одно лишь говорит против нее: она родилась в год Огненной Лошади.

– Что это означает?

– Вы знаете, мы измеряем время циклами по двенадцать лет, как и китайцы, каждый год носит имя какого-нибудь животного: Дракона, Змеи, Петуха, Быка, Лошади и так далее. Но каждый относится также к одной из пяти стихий: огню, воде, земле, железу и дереву, которые меняются цикл за циклом. Считается, что девушки, рожденные в год Лошади и со знаком огня, бывают... несчастливymi.

– Я не верю в предрассудки. Пожалуйста, говорите цену.

– Она Цветок наслаждения, не имеющий цены.

– Цена, Райко.

– Для того, другого дома, десять коку, Фурансу-сан. Для этого дома два коку в год, а также стоимость ее собственного дома внутри моей ограды, оплата двух прислужниц и любых нарядов, какие она пожелает, и прощальный дар в пять коку, когда вам больше не понадобятся ее услуги, – вся сумма должна быть положена на счет у нашего банкира – торговца рисом из «Гёкоямы», под процент, который до времени, когда вы расстанетесь, будет вашим, – все это должно быть на бумаге, подписано и зарегистрировано у бакуфу.

По японским меркам сумма была просто огромна, на взгляд европейца – граничила с расточительством, даже с учетом крайне благоприятного курса обмена валют. Целую неделю он торговался, но сумел снизить цену лишь на несколько су. Каждую ночь сны о ней не давали ему покоя. Поэтому он согласился. Семь месяцев назад с соблюдением всех необходимых церемоний ее официально представили ему. Она официально согласилась принять его. Они оба поставили свои подписи под контрактом. Следующую ночь он провел с ней, и она оказалась той, о ком он мечтал, кого видел во сне. Смеющейся, веселой, не знающей усталости, нежной, любящей.

– Она была подарена мне Богом, Анри.

– Дьяволом. Как и мама-сан.

– Нет, это не ее вина. За день перед тем, как я получил Хану, Райко сказала мне, официально – я как раз оформлял выплату денег, –

что прошлое – это прошлое, она обещала лелеять Хану лишь как одну из своих девушек и следить за тем, чтобы Хану никогда не посещали другие мужчины и она оставалась только моей, начиная с того дня.

– Значит, это она убила ее?

Андре налил себе еще коньяку.

– Я... я попросил Хану назвать мне тех трех мужчин, ведь один из них мой убийца, но она сказала, что не знает их имен, а может, просто не захотела говорить. Я... я ударил ее по лицу, чтобы силой заставить ее, но она лишь всхлипнула, даже не закричала. Я был готов убить ее, да, но я любил ее и... тогда я ушел. Я был как бешеный пес, брел, ничего не соображая и ничего не видя перед собой, времени, наверное, было часа три или четыре ночи. Я забрел прямо в море. Может быть, я хотел утопиться, не знаю, точно не помню, но холодная вода отрезвила меня. Когда я вернулся в дом Трех Карпов, Райко и все остальные были в шоке, я ничего от них не добился. Хана лежала там, где я ее оставил. Только теперь она плавала в луже крови, в горле торчал мой нож.

– Значит, это было самоубийство?

– Так мне сказала Райко.

– Ты в это не веришь?

– Я не знаю, во что мне верить, – с болью в голосе произнес Андре. – Я знаю только, что вернулся туда, чтобы сказать ей, что я люблю ее, что болезнь – это карма и она не виновата, не виновата, что я очень сожалею о том, что сказал то, что сказал, и сделал то, что сделал, и что все у нас будет как прежде, кроме того, что... кроме того, что когда это станет... станет заметно, мы вместе покончим с собой...

Анри пытался сосредоточиться – после услышанного его собственный разум тоже отказывался служить ему. Он никогда даже не слышал о доме Трех Карпов до того, как новость о смерти девушки облетела Поселение. «Андре всегда так скрытен, – подумал он, соглашаясь, впрочем, что это разумно и он прав, – меня это действительно никак не касалось, пока бакуфу не начали официальное расследование».

– Те три человека, эта твоя Райко знала, кто они и откуда?

Андре тупо покачал головой:

– Нет, а другая мама-сан отказалась назвать ей имена.

– Кто она? Как ее зовут? Где она сейчас? Мы сообщим о ней бакуфу, они могли бы заставить ее рассказать обо всем.

— Они не стали бы этим заниматься, с какой стати? Тот, другой дом — он оказался тайным местом встреч бунтовщиков, гостиница Сорока Семи Ронинов; примерно с неделю назад его сожгли дотла, а голову мамы-сан выставили на пике. Пресвятая Богородица, Анри, что же мне теперь делать? Хана мертва, а я жив...

Глава 16

Вскоре после полудня доктор Хоуг уже сидел в катере, который держал курс на пристань британской дипломатической миссии в Канагаве. Бебкотт прислал записку, что не может покинуть Канагаву, потому что делает операцию в своей тамошней клинике, пообещав вернуться сразу же, как только освободится: «...извините, вряд ли это у меня получится раньше позднего вечера, вероятнее же всего, мне придется остаться здесь до завтрашнего утра. Я буду более чем рад, если вы пожелаете присоединиться ко мне, только будьте готовы остаться на ночь, потому что погода на море меняется быстро...»

На пристани их ждали гренадер и Лим в белом халате, просторных черных штанах, мягких тапочках и маленькой шапочке на макушке. Когда Хоуг выбрался из катера, Лим, зевнув, обозначил телом приветственный поклон.

– Хэйа, масса, Лим-ма, Номер Один Бой.

– Мы можем оставить пиджин для кули, Лим, – ответил Хоуг на сносном кантонском наречии, и глаза Лима тут же сползли к переносице. – Я – Мудрый Целитель Врач Ученый. – Таково было китайское имя Хоуга – значение двух иероглифов, ближайших по звучанию к кантонским слогам «хо» и «ге», – выбранное для него из целой дюжины других вариантов Гордоном Чэнем, компрадором компании Струана, одним из его пациентов.

Лим тупо уставился на него, притворяясь, что ничего не понял, обычный и самый быстрый способ заставить потерять лицо чужеземного дьявола, который осмелился выучить несколько слов на языке цивилизованных людей. «Ай-йа, – подумал китаец, – кто он, этот смердящий блудодей, этот гноепакостный краснорожий дьявол с бычьей шеей, пожирающий матерей, эта жабообразная мартышка, которая набралась наглости говорить на нашем языке с видом столь гнусного превосходства...»

– Ай-йа, – сладко проговорил Хоуг, – я также знаю много, очень много грязных слов, чтобы подробно описать мать какого-нибудь мерзкого сосуда похоти и все ее гноеточивые части, если этот крестьянин родом из утопающей в навозе и собачьей моче деревни

даст мне к тому повод столь же невесомый, как моргнувшее веко, например, притворится, что не понимает меня.

– Мудрый Целитель Врач Ученый? Ай-йа, какое хорошее имя! – Лим коротко хохотнул. – И никогда за много лет не слышал я, чтобы чужеземный дьявол так хорошо говорил на языке мужчин.

– Хорошо. Ты скоро услышишь еще больше, если меня снова назовут чужеземным дьяволом. Благородного Дома Чэнь выбрал мне имя.

– Благородного Дома Чэнь? – У Лима отвисла челюсть. – Достославный Чэнь, у которого мешков с золотом больше, чем волос на шкуре быка? Ай-йа, какая дьявольская привилегия!

– Да, – согласился Хоуг, добавив не вполне правдиво: – И он также сказал мне, что, если вместо немедленного исполнения всех желаний, на какое вправе рассчитывать его друг, у меня возникнут хоть какие-нибудь отдающие дерьмом проблемы с любым из жителей Серединного Царства – будь он высок званием или низок, – мне достаточно лишь упомянуть при нем по возвращении имя этого мерзкого скотоложца.

– О-ко, Мудрый Целитель Врач Ученый, для нас действительно большая честь принимать вас в нашей бедной, пропахшей навозом лачуге.

Доктор Хоуг почувствовал, что достиг в глазах китайца необходимой степени величия, благословляя про себя своих наставников, главным образом благодарных пациентов, которые научили его по-настоящему важным словам и подсказали, как ему следует держаться в Серединном Царстве с определенными людьми и в определенных ситуациях. День был теплым и приятным, и вид небольшого городка понравился ему: храмы, виднеющиеся поверх невысоких крыш; рыбаки, закидывающие сети в заливе; квадраты рисовых полей, утыканные фигурками крестьян; спешащие во все стороны люди и нескончаемый поток путников на Токайдо вдалеке. К тому времени, когда они с притворно подобострастной помощью Лима достигли ворот миссии, Хоуг уже достаточно хорошо представлял, какова общая ситуация в Канагаве, сколько сегодня больных у Бебкотта и чего ему следует ожидать.

Джордж Бебкотт находился у себя в операционной, ему ассистировал японец, его последователь и ученик, приставленный к

нему бакуфу для изучения западной медицины. Приемную снаружи заполняли жители Канагавы, мужчины, женщины и дети. Операция была неприятной, больному ампутировали стопу.

– Славно видеть вас вновь, Джордж, могу я вам чем-нибудь помочь?

– Спасибо, я с благодарностью принял бы вашу помощь. Здесь у меня все в порядке, но вот если бы вы смогли просеять толпу снаружи?

По прошествии часа Хоуг уже с головой ушел в любимую работу. Он как раз только что закончил обкладывать лубками сломанную руку, когда дверь открылась и хорошо одетая девушка с миловидным лицом, поколебавшись секунду на пороге, вошла и поклонилась. Кимоно из голубого узорчатого шелка, оби зеленого цвета, большие гребни в уложенных волосах. Голубой зонтик от солнца.

Хоуг заметил, как вдруг сузились глаза Чэн Синя. Девушка ответила на вопросы китайца, потом заговорила тихим голосом, очень стараясь убедить его в чем-то, хотя и явно нервничая при этом.

– Мудрый Целитель Врач Ученый, – начал Чэн Синь. Его речь постоянно прерывал сухой кашель, в котором Хоуг сразу же признал неизлечимую чахотку. – Эта госпожа говорит, что ее брату нужна важная помощь, почти мертвый. Она сильно умоляет вас пойти с ней – дом здесь рядом.

– Скажи ей, пусть его принесут сюда.

– К сожалению, боится его двигать.

– Что с ним случилось?

После новых вопросов и ответов, которые показались Хоугу больше похожими на торговлю, чем на что-то еще, Чэн Синь перевел:

– Ее брат самурай, она говорит, много важные люди очень счастливые, если вы помогать брату. Я думаю, говорит правду.

Из гонконгских газет Хоуг знал о значении самураев как абсолютного правящего класса в Японии и о том, что любые меры, которые помогут завоевать их доверие и, следовательно, обеспечат их поддержку, способствуют укреплению британского влияния. Он внимательно посмотрел на девушку. Она тут же опустила глаза. Ее нервозность стала заметнее. На вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать, и чертами лица она заметно отличалась от простых

крестьян. Красивая нежная кожа. «Если ее брат самурай, значит и она тоже самурай», – подумал он, заинтригованный.

– Как ее имя?

– Юки Итикава. Пожалуйста, торопиться.

– Ее брат важный самурай?

– Да, – ответил Чэн Синь. – Я буду провожать вас, не нужно бояться.

Хоуг громко фыркнул:

– Бояться? Мне? Чума на ваш страх! Подожди здесь. – Он прошагал к операционной и тихо открыл дверь.

Беккотт был очень занят, он удалял зуб мальчику с раздувшейся щекой, уперевшись коленом ему в грудь, убитая горем мать ломала руки и что-то лопотала рядом. Хоуг решил его не беспокоить.

У ворот сержант охраны вежливо остановил его и осведомился, куда он направляется.

– Я пошлю с вами пару своих ребят. Лучше перестараться, чем потом горевать.

Девушка постаралась отговорить их от того, чтобы брать с собой солдат, но сержант был непреклонен. В конце концов она согласилась и, нервничая еще больше, повела их вдоль улицы, потом свернула в один переулок, затем в другой, в третий. Жители деревни, которые попадались им по дороге, отводили глаза и торопливо уходили в сторону. Хоуг нес в руке свой докторский саквояж. Поверх крыш он все еще мог видеть храм, в котором размещалась миссия, это успокаивало его, и он был рад, что его сопровождали солдаты, понимая, что идти без них было бы опрометчиво. Чэн Синь шел рядом, помогая себе длинным посохом.

«В этой юной леди кроется больше, чем она хочет показать», – подумал он, сильно взволнованный этим своим приключением.

Еще одна узкая улочка. Она остановилась у двери в высокой ограде и постучала. Сначала открылось зарешеченное окошко, потом сама дверь. Увидев солдат, здоровый слуга толкнул было дверь назад, но она повелительным тоном приказала ему впустить их.

Сад за оградой был маленький, ухоженный, но не сказать чтобы роскошный. У ступеней, которые вели на веранду небольшого домика с панелями-сёдзи, девушка разулась, сняв деревянные сандалии, и попросила их сделать то же самое. Хоуг неуклюже нагнулся и стал

натужно стаскивать с себя высокие сапоги. Она тут же приказала слуге помочь ему, и тот мгновенно подчинился.

– Вам обоим лучше подождать здесь, – сказал Хоуг солдатам, стесняясь дырок на носках.

– Есть, сэр. – Один из провожатых проверил ружье. – Пойду только взгляну, что там у них сзади. Ежели что, кричите.

Девушка отодвинула в сторону панель-сѣдзи. На футонах лежал Ори Риѐма, сиси, участвовавший в нападении на Токайдо, простыня под ним намочла от пота, прислужница обмахивала его веером. Ее глаза широко раскрылись, когда она увидела Хоуга, а не досточтимого Врачующего Великана-Целителя, как ожидала, и она немного отшатнулась, когда англичанин тяжело вступил в комнату.

Ори был без сознания, в коме. Его мечи лежали на низкой подставке рядом, в такую же стояли свежие цветы. Доктор Хоуг присел перед ним на корточки. Лоб юноши был очень горячим, лицо пылало, жар достиг опасной черты. Причина стала ясна Хоугу сразу же, как только он снял повязку, покрывавшую плечо и верхнюю часть руки.

– Господи Иисусе! – пробормотал он, уловив носом пресловутый запах и увидев размеры вздувшейся от гноя багровой припухлости и черный цвет отмерших тканей – гангрена вокруг пулевого ранения.

– Когда его подстрелили?

– Она нет знает точно. Три или четыре недели.

Он еще раз посмотрел на рану. Потом, не обращая внимания на устремленные на него со всех сторон взгляды, вышел, сел на краю веранды и устался в пространство.

«Все, что мне сейчас нужно, – это мой прекрасный гонконгский госпиталь с его прекрасно оборудованными операционными, мои чудесные сестры, усвоившие школу Найтингейл, и бочонок везения в придачу, и я мог бы спасти этого несчастного юношу. Проклятые ружья, проклятые войны, проклятые политики...

Господи святой, я пытался лечить огнестрельные ранения всю свою жизнь, терпя поражение в большинстве случаев, – шесть лет с Ост-Индской компанией в кровавом Бенгале, пятнадцать лет в Колонии, годы „опиумной войны“, год добровольцем в Крыму, самый кровавый из всех, в составе гонконгского госпитального отряда. Будь прокляты ружья! Господи, и кто их только выдумал!»

Выпустив гнев наружу вместе с руганью, он, попыхивая, раскурил сигару и выбросил спичку. В тот же миг шокированный слуга кинулся вперед и подобрал этот оскорбляющий глаз предмет.

– О, прошу прощения, – извинился Хоуг, не замечавший до сих пор безупречной чистоты дорожки и всего сада. Он глубоко затаился, потом прогнал из головы все, кроме раненого юноши. Наконец он принял решение, поднял руку, готовясь отшвырнуть окуроч, остановился и передал его слуге, который пошел его зарывать.

– Чэн Синь, скажи ей, мне очень жаль, но, буду я оперировать или нет, я думаю, ее брат умрет. Мне очень жаль.

– Она говорит: «Если умирать – карма. Если нет помощь, он умирать сегодня, завтра. Пожалуйста, попробоваться. Если он умирать, карма. Она просит помощь». – Чэн Синь тихо добавил: – Мудрый Целитель Врач Ученый, этот юноша важный. Важный попробовать, хейя?

Хоуг посмотрел на девушку. Ее глаза не мигая смотрели на него.

– *Додзо, Хо Ге-сама*, – произнесла она.

– Очень хорошо, Юки. Чэн Синь, скажи ей еще раз, я ничего не обещаю, но попробую. Мне понадобится много мыла, много горячей воды в чашах, много чистых простыней, много простыней, разорванных на бинты и тампоны, полная тишина и кто-нибудь с крепким желудком в качестве помощника.

Девушка тотчас же указала на себя:

– *Сёдзи симасу*. – Я сделаю это.

Хоуг нахмурился:

– Скажи ей, это будет очень неприятно, много крови, много вони, жуткая картина.

Он наблюдал, как она внимательно выслушала китайца, потом ответила с явной гордостью:

– *Гомэн насай, Хо Ге-сан, вакаримасэн. Ватаси самурай дэсу*.

– Она говорит: «Пожалуйста, извинить, я понимаю. Я самурай».

– Я не знаю, что это значит для вас, милая юная леди, и я никогда не думал, что женщины могут быть самураями, но давайте приступим.

Хоуг быстро понял, что одним из главных качеств самурая являлось мужество. Ни разу она не замешкалась, пока он проводил чистку, срезая пораженные участки ткани, выпуская смердящий гной, ополаскивая рану; когда кровь, пульсируя, заструилась из задетой

скальпелем вены, она промокала это место тампонами снова и снова, пока он не остановил ток и не устранил повреждение, – широкие рукава кимоно для горничной, в которое она переделалась, были закатаны и закреплены, чтобы не мешали ей, как и концы шарфа, которым она подвязала волосы, и то и другое быстро намокло от пота и перепачкалось в крови.

Целый час он работал без перерыва, мурлыча себе что-то под нос время от времени, наглухо перекрыв уши и ноздри для всего, что пыталось проникнуть к нему извне, сосредоточив все чувства на операции, которую ему приходилось повторять уже в тысячный раз, на тысячу больше, чем хотелось бы. Хоуг резал, шил, чистил, перевязывал. Наконец он закончил.

Он неторопливо потянулся, чтобы прогнать боль из затекшей спины, вымыл руки и снял с себя вымазанную в крови простыню, которая служила ему фартуком. Ори перед операцией положили на самый край веранды, а доктор встал около него с другой стороны, спустившись в сад.

– Не могу оперировать на коленях, Юки, слишком неудобно, – объяснил он девушке.

Все, что от нее требовалось во время операции, она исполняла без колебаний. Обезболивающее больному, которого Хоугу представили как Хиро Итикаву, давать не понадобилось, настолько глубока была его кома. Раз или два Ори вскрикнул, но не от боли, просто какой-то дьявол посетил его в кошмарных видениях. И раз или два он пробовал сопротивляться, но силы в нем не было.

Ори глубоко вздохнул. Доктор Хоуг встревоженно взял его за кисть. Пульс едва прощупывался, дыхание тоже было почти неуловимым.

– Ладно, – проговорил он себе под нос. – По крайней мере, пульс у него есть.

– *Гомэн насай, Хо Ге-сан,* – произнес мягкий голос, – *аната кангаэмасу, хай, ийе?*

– Она говорит: «Извините меня, досточтимый Мудрый Ученый, вы думаете да, нет?» – Чэн Синь закашлялся. На время операции он отошел подальше от веранды и встал к ним спиной.

Хоуг пожал плечами, глядя на нее, размышляя о ней, спрашивая себя, откуда она черпает такую силу, где она живет и что произойдет

теперь. Она стала заметно бледнее, застывшие черты лица выражали непреклонность. Его глаза прищурились в улыбке.

– Не знаю. Он в Божьей воле. Юки, ты номер один. Самурай.

– *Домо... домо аригато гозаймасита.* – Она низко поклонилась, коснувшись головой татами. В действительности ее звали Сумомо Анато, она была невестой Хираги и сестрой Сёрина, а не Ори.

– Она спрашивает, что ей теперь следует делать?

– Если речь о ее брате, то пока ничего. Пусть скажет прислуге, чтобы ему клали холодные полотенца на лоб и смачивали повязки чистой водой, пока не спадет жар. Если... как только жар спадет – надеюсь, это случится к утру, – юноша будет жить. Возможно. – Обычно за этим всегда следовал вопрос, как велика вероятность того, что он выживет. На этот раз такого вопроса он не услышал. – Ну, я пойду. Скажи ей, пусть пришлет за мной провожатого завтра рано утром... – Если он еще будет жив, хотел он закончить, но решил промолчать.

Пока Чэн Синь переводил, он начал мыть инструменты. Девушка знаком подозвала к себе слугу и что-то ему сказала.

– Хай, – ответил тот и поспешно удалился.

– Мудрый Целитель Врач Ученый, прежде чем вы уйдете, госпожа говорит, конечно, хотеть ванну. Да?

Доктор Хоуг уже собирался отказаться, но вместо этого поймал себя на том, что согласно кивает. И он не пожалел, что согласился.

В сумерках Бебкотт сидел на веранде миссии, с удовольствием потягивая виски. Он очень устал, но был доволен тем, как прошли операции. Бриз, тихо ласкавший сад, нес с собой приятный запах моря. Когда его глаза невольно нашли то место в кустарнике, где три недели назад был пойман и покончил с собой одетый с ног до головы в черное убийца, раздались мерные удары колокола в храме, и до него донеслось приглушенное расстоянием гортанное песнопение монахов: «Оммммани-и падми-и хуммммм...» Он поднял глаза и увидел приближающегося к нему Хоуга.

– Боже милосердный! – вырвалось у него.

Хоуг вышагивал, облаченный в цветную, подпоясанную ремнем юкату, на ногах у него были тапочки-носки и японские деревянные

сандалии. Под мышкой он сжимал большую, оплетенную соломой бутылку саке и улыбался во весь рот.

– Добрый вечер, Джордж!

– Вы выглядите очень довольным собой, где вы были?

– Больше всего мне понравилась ванна. – Хоуг поставил бутылку на буфет, плеснул себе в бокал виски. – Бог мой, в жизни не знал ничего лучше! Вы не поверите, как прекрасно я себя сейчас чувствую.

– Как она? – сухо спросил Беккотт.

– Никакого секса, старина, меня просто выскребли начисто, засунули почти в кипящую воду, потом мяли, молотили и массировали, а потом переодели во все вот это. А мою собственную одежду тем временем постирали, отутюжили, почистили сапоги и сменили носки. Как в сказке. Она дала мне саке и вот эти... – Он порылся в рукаве и показал Беккотту две овальные монеты и свиток, исписанный иероглифами.

– Бог мой, да вам щедро заплатили, это золотые обаны! На них вы можете пить шампанское по меньшей мере неделю! Сержант передал мне, что вас вызвали к больному на дом. – Они оба рассмеялись. – Это был какой-нибудь даймё?

– Вряд ли. Это был юноша, самурай. Не думаю, чтобы я ему очень помог. Вы можете прочесть, что здесь написано?

– Нет, но Лим может. Лим!

– Да, масса.

– Бумага что?

Лим взял свиток в руки. Его глаза расширились, потом он внимательно перечел написанное еще раз и сказал Хоугу на кантонском:

– Здесь говорится: «Мудрый Целитель Врач Ученый оказал великую услугу. Именем всех сиси Сацумы, предоставьте ему любую помощь, о какой он попросит». – Лим показал на подпись, его палец дрожал. – Извините, господин, имя я не могу разобрать.

– Почему ты так напуган? – спросил Хоуг, тоже на кантонском.

Беспокойно поеживаясь, Лим объяснил:

– Сиси – это мятежники, бандиты, на которых охотятся бакуфу. Они плохие люди, хотя и самураи, господин.

– Что там такое, Рональд? – нетерпеливо спросил Беккотт.

Хоуг рассказал ему.

– Бог мой, бандит? Что случилось?

Хоуг жадно плеснул себе еще виски и начал подробно описывать женщину, юношу, рану и то, как он срезал омертвевшую ткань.

– ...похоже, беднягу подстрелили недели две-три назад, и...

– Господи всеблагий и милосердный! – Бебкотта вдруг осенило, и он вскочил на ноги.

Хоуг вздрогнул от неожиданности и расплескал свой виски.

– Вы спятили? – раскипятился Хоуг.

– Вы можете показать дорогу туда?

– А? Ну... ну... да, наверное. А что...

– Пойдемте скорее! – Бебкотт бросился с веранды, крича на бегу:
– Сержанта караула ко мне!

Маленький отряд спешил по узкой улочке: Хоуг впереди, все в той же юкате, но успевший переобуться в сапоги, следом Бебкотт, вместе с ним сержант и десять солдат, все при оружии. Редкие прохожие, некоторые с фонарями в руках, торопливо уступали им дорогу. В небе светила полная луна.

Они прибавили шаг. Пропустили поворот. Хоуг чертыхнулся, вернулся назад, огляделся и нашел-таки полускрытый проход на нужную им улицу. Они опять пустились бегом. Еще один поворот. Он остановился и вытянул руку. В двадцати шагах перед ними была та самая дверь в ограде.

Сержант и солдаты тут же бросились вперед, обогнав его. Двое прислонились спиной к стене, прикрывая остальных, четверо врезались плечом в дверь, мигом сорвав ее с петель, и весь отряд хлынул в ворота, Хоуг и Бебкотт за ними следом; оба врача уверенно держали в руках выданные им ружья, оба прекрасно умели с ними обращаться – общее для всех европейцев качество, без которого в Азии было не обойтись.

Вдоль по дорожке. Вверх по ступеням веранды. Сержант отодвинул сёдзи. Комната была пуста. Без колебаний он повел своих солдат в следующую, потом в следующую. Никаких признаков человеческого присутствия ни в одной из пяти сообщавшихся между собой комнат. Не найдя никого ни на кухне, ни в маленьком деревянном флигеле, они снова собрались в саду.

– Рассредоточиться, ребята. Джонс и Берк пойдут туда, вы двое – вон в ту сторону, вы двое – туда, а вы двое останетесь стеречь здесь, и, ради Создателя, всем глядеть в оба.

Солдаты парами углубились в сад, прикрывая один другого: урок, который преподавал им первый ночной убийца, был хорошо усвоен.

Осмотрели каждую пядь. Прошли вдоль всей стены, сняв ружья с предохранителей. Ничего. Когда сержант вернулся назад, он был покрыт потом.

– Чтоб мне задавиться, сэр! Голо, как... Ни шепотка, черт побери, ни шороха. Вы уверены, что это то самое место, сэр?

Хоуг показал на темное пятно на веранде:

– Вот здесь я оперировал.

Беккотт выругался и огляделся. Дом был окружен другими домами, но только крыши виднелись над оградой и ни одно окно не смотрело в эту сторону. Прятаться больше было негде.

– Должно быть, они исчезли сразу, как только вы ушли.

Хоуг вытер пот со лба, втайне радуясь, что она ускользнула и не попала в ловушку. После того как его повели мыться, он, к своему глубокому сожалению, больше не видел ее. Прислужница передала ему деньги и свиток – и то и другое было аккуратно упаковано, – вместе с ними бутылъ, сказала, что ее госпожа пришлет за ним завтра утром, и поблагодарила его.

Что же касалось ее брата, то тут Хоуга раздирали самые противоречивые чувства. Юноша был просто пациентом, он был врачом и хотел, чтобы сделанная им операция увенчалась успехом.

– Мне даже в голову не пришло, что этот парень мог быть одним из убийц. Правда, это ничего бы не изменило, я говорю об операции. По крайней мере, теперь мы знаем его имя.

– Ставлю тысячу обанов против гнутой пуговицы, что это не его имя. Мы даже не знаем, был ли он ее братом. Если он действительно сиси, как это утверждается в свитке, можете быть уверены, что имя фальшивое; коварство и обман вообще почитаются японцами с незапамятных времен. – Беккотт вздохнул. – Я тоже не могу утверждать наверняка, что это был тот самый дьявол с Токайдо. Просто интуиция. Какие у него шансы?

– Переезд никак не пошел бы ему на пользу. – Хоуг задумался на мгновение, такой приземистый и еще больше похожий на лягушку

рядом с великаном Бебкоттом, хотя ни тот ни другой не замечали этой разницы в росте. – Я взглянул на него перед самым уходом. Пульс был слабый, но ровный. Мне кажется, я удалил бóльшую часть мертвых тканей, но... – Он пожал плечами. – Я не поставил бы больших денег на то, что он выживет. Хотя, с другой стороны, кто знает, а? А теперь... теперь расскажите мне про то нападение во всех подробностях.

По дороге назад Бебкотт поведал ему все, что произошло на Токайдо. И рассказал о Малкольме Струане.

– Его состояние тревожит меня, но Анжелика, пожалуй, лучшая сиделка, какую ему можно было бы пожелать.

– Вот и Джейми сказал то же самое. Я согласен: ничто так не помогает больному, как присутствие очаровательной юной леди в его комнате. Малкольм чертовски похудел и пал духом, но он молод и всегда был самым сильным и стойким в семье, после своей матери. Если швы выдержат, с ним все должно быть в порядке. Я полностью доверяю вашему мастерству хирурга, Джордж, хотя для бедного парня это будет долгий и трудный путь. Он весьма привязан к этой девушке, не так ли?

– Да. И ему отвечают взаимностью. Счастливчик.

Некоторое время они шли молча. Хоуг нерешительно заметил:

– Я... ну, я полагаю, вам известно, что его мать решительно против того, чтобы он поддерживал отношения с этой юной леди, в любой форме.

– Да, я слышал об этом. Это станет большой проблемой.

– Так вы, стало быть, считаете, что у Малкольма серьезные намерения?

– Серьезнее некуда, он влюблен по уши. Она редкая девушка.

– Вы ее знаете?

– Анжелику? Не могу этого сказать, она не обращалась ко мне как к врачу, по-настоящему не обращалась, хотя, как вам известно, когда я видел ее, она была в ужасном состоянии. А вы?

Хоуг покачал головой:

– Мы встречались только на приемах, скачках – как говорится, в свете. С тех пор как она появилась месяца три-четыре назад, она была королевой на каждом балу, и с полным правом. Никогда не имел ее в числе своих пациентов – теперь в Гонконге есть французский доктор, вы можете себе представить? Но я согласен с тем, что она

поразительно красива. Не обязательно идеальная жена, для Малкольма, если таковы его намерения.

– Потому что она не англичанка? И не богата?

– И то, и другое, и еще много всего. Извините, но я просто не доверяю французам, скверная порода – такими уж они рождаются. Ее отец – лучшее тому подтверждение: обаятельный и галантный с виду, а чуть эту шелуху сдунешь – прохвост и негодяй, и чем глубже копаешь, тем больше видишь в нем мерзости. Уж простите, но я не стал бы выбирать его дочь в подруги своему сыну, когда он станет совершеннолетним.

«Интересно, – спросил себя Бебкотт, – знает ли Хоуг, что мне известно о скандале, связанном с его именем: лет двадцать пять тому назад, когда молодой доктор Хоуг работал на Ост-Индскую компанию в Бенгалии, он женился на индусской девушке, презрев все условности и прямо высказанное ему неодобрение начальства, за что впоследствии был уволен и с позором отослан домой. У них родились дочь и сын, а потом его жена умерла – лондонский холод, туман и сырость были почти что смертным приговором для любого, кто родился индусом.

Люди такие странные, – продолжал размышлять Бебкотт. – Вот передо мной умный, храбрый, незаурядный англичанин, великий хирург, имеющий двух детей, которые наполовину индусы и потому не могут быть приняты в английском обществе, жалующийся на недостаточно благородное происхождение Анжелики. Какая глупость, и еще большая глупость – прятаться от правды.

Да, но и ты сам от нее не прячься. Тебе двадцать восемь, времени для женитьбы еще предостаточно, но встретишь ли ты еще когда-нибудь такую же волнующую женщину, как Анжелика, тем более что искать придется только здесь, в Азии, где ты проведешь всю свою жизнь, пока есть силы работать врачом.

Я знаю, что не встречу. По счастью, Струан, вероятно, женится на ней, так что и говорить тут не о чем. И я помогу ему, клянусь Богом!»

– Возможно, миссис Струан, как любая мать, просто пытается оберегать свое чадо, – сказал он, зная, каким влиянием пользуется Хоуг в семействе Струан, – и возражает только потому, что считает, будто он слишком рано связывает себя. Это можно понять. Он теперь тайпан, и эта должность будет забирать всю его энергию. Но не поймите меня превратно, я считаю, что Анжелика вполне достойная

юная леди, храбрая и воспитанная, и может стать замечательной спутницей жизни для любого мужчины, а Малкольму, чтобы справиться со всеми проблемами и заботами, понадобится близкий человек, способный его поддержать.

Хоуг уловил в его голосе скрытую страсть, отложил эту информацию в своей голове и не стал развивать тему дальше, перенесшись вдруг мыслями в Лондон, где его сестра и ее муж воспитывали его сына и дочь, и, как всегда, возненавидев себя за то, что уехал тогда из Индии, подчинившись условностям, и тем самым убил ее, свою любимую Арджуманд.

«Я, должно быть, потерял разум, когда решился отвезти мою любовь в страну этих кошмарных зим, уволенный со службы, без гроша в кармане, без работы и с единственной перспективой – начать все сначала. Черт, мне следовало остаться и спорить с компанией до конца, со временем мои знания и опыт хирурга заставили бы их, заставили бы их принять меня назад и спасли бы нас...»

Двое часовых у ворот отдали честь, когда они проходили мимо. В столовой был накрыт ужин на двоих.

– Скотч или шампанское? – спросил Бебкотт, потом позвал: – Лун!

– Шампанское. Вы позволите?

– Я сам. – Бебкотт откупорил бутылку, ожидавшую их в георгианском серебряном ведре со льдом. – Ваше здоровье! Лун!

– И пусть все будут счастливы! – Бокалы со звоном соприкоснулись. – Изумительно! Как готовит ваш шеф-повар?

– Иногда неплохо, чаще – ужасно, но качество морских продуктов здесь превосходное: креветки маленькие, креветки большие, устрицы, дюжины видов рыбы. Куда, дьявол его заberi, запропастился Лун? – Бебкотт вздохнул. – Трость плачет по этому шалопаю. Отругайте его, когда он появится, хорошо?

Но буфетная была пуста. Не было Луна и на кухне. В конце концов китайца нашли в саду рядом с одной из дорожек. Его отрубленная голова валялась поодаль. На ее месте была пристроена голова мартышки.

Глава 17

Эдо

В эту ночь Хирага, двигаясь быстро и бесшумно, первым из своего маленького отряда перелез через частокол одного из княжеских дворцов во втором кольце, опоясывавшем снаружи стены замка, и бросился бегом через сад к заднему входу в дом. Сверху равнодушно светила луна. Шестеро сиси были в одинаковых коротких черных кимоно, предназначенных для ночных схваток, без доспехов, которые гремели и стесняли движения. Все были вооружены мечами, ножами и удавками. Все были ронинами из Тёсю, которых Хирага срочно вызвал из Канагавы для сегодняшнего нападения.

Раскинувшиеся вокруг главного дома казармы, конюшни и помещения для прислуги, в которых обычно размещалось пятьсот воинов, а также семья и слуги даймё, стояли зловеще пустые. Заднюю дверь охраняли всего двое полусонных часовых. Они заметили сиси слишком поздно, чтобы поднять тревогу, и умерли. Акимото переоделся в одежду одного из них, потом оттащил тела в кустарник и присоединился к остальным на веранде. Они ждали, застыв неподвижно, вслушиваясь в темноту. Никаких криков тревоги, при первом из них они тут же были готовы ретироваться.

– Если нам придется отступить, не беда, – говорил Хирага в наступивших сумерках, когда все остальные прибыли в Эдо. – Достаточно того, что мы сумеем проникнуть так близко к замку. Цель сегодняшней вылазки – это ужас, убить и посеять ужас, чтобы все они думали, будто нет такого человека и нет такого места, до которого не добрались бы мы или наши шпионы. Ужас. Быстро туда и назад, как можно неожиданнее, и никаких жертв с нашей стороны. Такая возможность, как сегодня, выпадает нечасто. – Он улыбнулся. – Когда Андзё и старейшины отменили санкин-котай, они вырыли могилу сёгунату.

– Мы подожжем дворец, брат? – радостно спросил Акимото.

– После того, как убьем его.

– А он кто?

– Он старый, волосы седые и их совсем немного, сам худой, маленького роста – Утани, один из старейшин родзю.

Они все ахнули, пораженные.

– Даймё Ватасы?

– Да. К сожалению, сам я его никогда не видел. А из вас кто-нибудь видел?

– Думаю, я узнаю его, – сказал восемнадцатилетний юноша. Одна сторона его лица была изуродована длинным глубоким шрамом. – Он щуплый, как дохлый цыпленок. Я однажды видел его в Киото. Стало быть, сегодня мы отправим в дальний путь старейшину, а? Даймё, а? Хорошо! – Он ухмыльнулся и почесал шрам, память о неудавшейся попытке Тёсю захватить Дворцовые Врата в Киото прошлой весной. – После сегодняшней ночи Утани уже никуда не будет бегать по ночам. Он выжил из ума, если решился спать за стенами замка да еще не сумел сохранить это в тайне! И без охраны? Глупец!

Дзёун, которому было семнадцать, всегда самый осторожный среди них, сказал:

– Извините меня, Хирага-сан, но вы уверены, что это не ловушка, в которую нас заманивают ложными сведениями? Ёси прозвали Лисом, а Андзё еще хитрее. За наши головы назначены большие награды, а? Я согласен с моим братом, как Утани может оказаться настолько глупым?

– Потому что у него здесь тайное свидание. Он любит мальчиков.

Они недоуменно уставились на него.

– Зачем ему понадобилось это скрывать от кого-то?

– Этот мальчик – один из тех, к кому ходит сам Андзё.

– *Со ка!* – Глаза Дзёуна заблестели. – Тогда, думаю, и я держал бы это в секрете. Но зачем красивому мальчику отдавать себя кому-то вроде Утани, когда у него уже есть могущественный покровитель?

Хирага пожал плечами:

– Деньги, что же еще? Нори скряга, Утани же щедр безмерно – разве его крестьяне не обложены налогами больше других во всем Ниппоне? Разве его долги не выросли до небес? Разве не известно всем, что он поглощает золотые обаны, как зернышки риса? Скоро, тем способом или иным, Андзё оставит этот мир. Возможно, этот смазливый мальчишка полагает, что Утани выживет и ему стоит рискнуть – Утани ведь пользуется влиянием при дворе, а? Коку! Почему же нет? Его семья, наверное, обнищала и утопает в долгах –

разве не почти все самураи рангом ниже хиразамурая живут в бедности?

– Это так, – согласились они все.

– Это так со времени правления четвертого сёгуна, – с горечью сказал сиси со шрамом, – уже почти двести лет. Даймё забирают себе все налоги, продают звание самурая вонючим купцам и торговцам, с каждым годом все чаще и чаще, и по-прежнему урезают наше жалованье. Даймё предали нас, своих верных вассалов!

– Ты прав, – сердито произнес Акимото. – Мой отец должен наниматься к крестьянину простым рабочим, чтобы прокормить других моих братьев и сестер...

– У нашего остались только его мечи, дома нет, только жалкая хижина, – вставил Дзёун. – Мы так увязли в долгах, копившихся еще со времени прапрадеда, что уже никогда не сможем расплатиться. Никогда.

– Я знаю, как нужно расплачиваться с этой мразью, которая чтит только деньги: отменить все долги или убить их, – сказал другой. – Если даймё иногда платят свои долги таким образом, почему нам нельзя?

– Прекрасная мысль, – согласился Акимото, – но это будет стоить тебе головы. Повелитель Огама расправится с тобой в назидание другим, чтобы его собственные ростовщики не перестали ссужать ему деньги под... что там теперь, налоги с княжества за четыре года вперед?

– Жалованье моей семьи, – сказал третий, – не менялось со времен Сэкигахары, а цена риса с тех пор поднялась в сотню раз. Нам следует стать торговцами или варить sake. Два моих дяди и старший брат расстались с мечами и занялись этим.

– Ужасно, да, но я тоже думал об этом.

– Даймё предали всех нас.

– Большинство из них, – поправил его Хирага. – Не все.

– Верно, – кивнул Акимото. – Ничего, мы сами выберем себе даймё, когда изгоним варваров и сокрушим сёгунат Торанага. Новый сёгун даст нам вдоволь еды, нам и нашим семьям, и лучшее оружие, может быть, даже несколько ружей гайдзинов.

– Кто бы он ни был, ружья он оставит для своих собственных людей.

– Почему обязательно так, Хирага? Их хватит на всех. Разве Торанага не собирают от пяти до десяти миллионов коку ежегодно? Этого больше чем достаточно, чтобы вооружить нас как подобает. Послушай, если мы потеряемся в темноте, где мы встретимся потом?

– В доме Зеленых Ив, к югу от Четвертого моста, не здесь. Если пробраться туда будет слишком сложно, спрячьтесь где-нибудь, а потом возвращайтесь в Канагаву...

Сейчас, на веранде, пытаюсь уловить ухом караулящую их в темноте опасность, наслаждаясь этим ощущением, Хирага улыбнулся – сердце его билось ровно и сильно, – чувствуя радость жизни и приближающуюся смерть, приближающуюся неотвратимо, с каждым днем. Через несколько мгновений они двинутся дальше. Наконец-то он может действовать...

Долгие дни он прятался в храме рядом с английской миссией, нетерпеливо ожидая, когда представится возможность поджечь ее, но вражеских солдат всегда оказывалось слишком много: самураев – вокруг миссии снаружи, чужеземных – внутри ее. Каждый день он переодевался садовником, разведывал, слушал, строил планы – так легко было убить того высокого варвара, который уцелел после нападения на Токайдо. Поразительно, что всего один варвар был убит из такой легкой добычи, какой являлись трое мужчин и женщина.

«А, Токайдо! Токайдо означает Ори, Ори означает Сёрин, а вместе они означают Сумомо, которой исполняется семнадцать в следующем месяце, и я не буду думать о письме отца. Не буду! Я не приму прощение Огамы, если мне придется отречься от *сонно-дзёи*. *Сонно-дзёи* указывает мне путь, и я пойду по нему до конца, к какой бы смерти он меня ни привел.

Только я остался теперь в живых. Ори умер или умрет завтра. Сёрина нет. А Сумомо?»

Прошлой ночью слезы увлажнили его щеки, слезы, пришедшие вместе со сном, в котором была она, ее бусидо, ее огонь; запах, тело манили его и были потеряны для него навсегда. Он не мог спать, поэтому сел в позу лотоса, позу Будды, и прибег к дзену, чтобы разум его взлетел навстречу покою.

Потом, сегодня утром, дар богов – тайное зашифрованное послание от мамы-сан Койко с известием об Утани, которая получила эти сведения так же тайно, от прислужницы Койко. «И-и-и-и, –

радостно подумал он, – интересно, что сделал бы Ёси, если бы узнал, что наши щупальца протянулись даже в его постель, обвились даже вокруг его Упругого Стебля?»

Уверенный теперь, что их не обнаружили, он вскочил и подошел к двери, где пустил в дело нож, чтобы отодвинуть деревянный запор изнутри. Они быстро вошли. Переодетый Акимото остался на страже у двери. Остальные бесшумно последовали за Хирагой вверх по лестнице на женскую половину, путь был указан им заранее. Денег на дворец не пожалели: всюду лучшие сорта дерева, прекрасные татами, чистейшая промасленная бумага для сёдзи, тонко благоухающие свечи и масло в лампах. Поворот за угол. Ничего не подозревавший охранник тупо уставился на него. Его рот открылся, но никакой звук не успел вырваться наружу. Нож Хираги остановил его.

Он перешагнул через тело, прошел до конца коридора и остановился на мгновение, чтобы сориентироваться. Коридор заканчивался тупиком. По обе стороны тянулись стены из раздвижных панелей-сёдзи, за которыми были комнаты. В конце коридора располагалась только одна, больше и богаче всех остальных. Внутри горела масляная лампа, как и в некоторых других комнатах. До них доносились храп и тяжелое дыхание. Молча Хирага приказал Тодо и Дзёуну следовать за ним, а остальным встать на страже и опять пошел вперед, похожий на ночного хищника. Звук тяжелого дыхания стал слышнее.

Кивок Дзёуну. Юноша тут же проскользнул вперед, присел у дальней двери, потом, по знаку Хираги, рывком отодвинул сёдзи. Хирага прыгнул в комнату, Тодо за ним следом.

Двое мужчин лежали лицом вниз на стеганых одеялах из гладкого шелка и футонах, их обнаженные тела соединились, юноша раскинул ноги и руки, старик накрыл его сверху, сжимая руками, яростно двигая телом, задыхаясь и ничего не видя и не слыша вокруг. Хирага встал над ними, перехватил свой меч, высоко поднял его клинком вниз и, сжимая рукоятку обеими руками, вогнал острие в спины тел чуть повыше сердца, пронзив их насквозь и пригвоздив к татами.

Старик хватил ртом воздух и умер мгновенно; его руки и ноги продолжали судорожно подергиваться после смерти. Юноша бессильно заскреб ногтями по шелку. Он не мог повернуться, не мог шевельнуть телом, только упирался руками и ногами и вертел головой,

но все равно не мог увидеть, что произошло, не мог понять ничего, кроме того, что все его тело вдруг словно раскрылось и жизнь быстрым потоком вытекает из него. Вой ужаса собрался у него в горле, Тодо прыгнул вперед, накинул удавку, чтобы не выпустить его, – и опоздал на долю секунды. Крик оборвался и повис в ставшем теперь зловонным воздухе.

В то же мгновение он и Хирага круто повернулись к двери. Хирага вытянул руку с ножом. Тодо, Дзёун и те сиси, что оставались в коридоре, замерли с поднятыми мечами, сердца бешено колотились в груди, все приготовились нападать, отступить, драться, прорываться сквозь противника, умирать, но сражаться и умирать с честью. Позади Хираги тонкие руки юноши цеплялись за горло, его длинные, совершенной формы крашеные ногти царапали кожу вокруг проволоки. Пальцы задрожали, остановились, судорожно затрепетали, остановились, затрепетали. И замерли.

Тишина. Где-то шумно заворочался спящий, потом успокоился и снова уснул. По-прежнему никаких криков или сигналов тревоги. Постепенно сиси приходили в себя, пядь за пядью отступая от края пропасти, на котором стояли, тела их покрылись потом, в голове шумело, все чувства притупились. Хирага дал сигнал отходить.

Они тут же подчинились, кроме Дзёуна, который забежал в комнату, чтобы забрать меч Хираги. Он сел на мертвые тела верхом, но у него не хватило сил ни выдернуть меч одним рывком, ни извлечь его, раскачивая. Хирага махнул ему рукой, показывая, что сделает это сам, но и у него ничего не вышло. На низкой лакированной подставке лежали мечи убитых. Хирага взял один из них. У двери он оглянулся.

В чистом, ровном свете масляной лампы оба тела напоминали одну чудовищную, многоногую, с человеческими головами стрекозу; смятые одеяла раскинулись, как ее великолепные переливчатые крылья, его меч торчал, будто гигантская серебряная булава. Сейчас он мог видеть лицо юноши – оно показалось ему очень красивым.

Ёси прогуливался по стене замка вместе с Койко, девушка едва доставала ему до плеча. Легкий холодный ветерок доносил к ним вверх тяжелый запах гниющих водорослей, обнажившихся с отливом. Ёси не замечал его. Вновь его глаза, моргнув, поднялись от города вниз к луне, и он засмотрелся на нее, погруженный в свои мысли.

Койко терпеливо ждала. Ее кимоно было из тончайшего шантунгского шелка с исподним кимоно алого цвета; волосы, не убранные в прическу, падали до самого пояса. Его кимоно было простым, шелковым, но простым, и мечи простыми, простыми, но острыми.

– О чем вы думаете, господин? – спросила она, решив, что пришло время развеять его мрачное настроение. Хотя они были здесь совершенно одни, она понизила голос, хорошо зная, что нигде внутри замка нельзя было по-настоящему чувствовать себя в безопасности.

– Киото, – ответил он одним словом. Так же тихо.

– Вы будете сопровождать сёгуна Нобусадугу?

Он покачал головой, хотя про себя уже решил отправиться в Киото раньше торжественного кортежа, – обманный жест получился у него с привычной естественностью.

«Каким-то образом я должен остановить этого юного идиота и стать единственным связующим звеном между императором и сёгуном, – думал он; разум его осаждали окружавшие его со всех сторон трудности. – Изначальное безумие этого государственного визита; Андзё, чье влияние в Совете повлекло за собой его одобрение; Андзё с его ненавистью и интригами; ловушка, которой является для меня этот замок; многочисленные враги по всей стране, главные из которых Сандзиро, правитель земли Сацума, Хиро, правитель Тосы, и Огама, правитель Тёсю, последний теперь держит в своих руках Дворцовые Врата, принадлежащие нам по праву рождения. И вдобавок ко всем им, словно волки, с чьих клыков капает слюна, выжидают удобного момента, чтобы наброситься на нас, гайдзины.

С ними нужно разобраться, навсегда. Этого мальчишку Нобусадугу и принцессу необходимо нейтрализовать, навсегда.

Окончательное решение проблемы гайдзинов ясно: любым способом, какой мы только сможем изобрести, ценой любых жертв, мы должны стать богаче их и превзойти их вооружением. Это должно составить суть тайной политики нашей страны, отныне и навсегда. Как достичь этого? Я пока не знаю. Но в политике мы должны ублачивать их лестью, не давать им обрести устойчивость, используя их глупые представления против них самих, и призвать на помощь свои более высокие способности, чтобы надежно заключить их в кокон неуверенности и ложных представлений.

Нобусада? Тут тоже все ясно. Но не он представляет собой настоящую угрозу. Она. Беспокоиться мне следует не из-за него, а из-за нее, принцессы Иядзу, она является подлинной движущей силой, стоящей позади него и впереди».

Неожиданно возникшая в его мозгу картина принцессы с торчащим пенисом и Нобусады, наделенного женскими частями, заставила его улыбнуться. «Из этого получились бы замечательные сюнга», – весело подумал он. Сюнга представляли собой эротические, ярко раскрашенные гравюры на дереве. Они были очень популярны и высоко ценились среди торговцев и владельцев лавок в Эдо. Вот уже более века они были запрещены сёгуном как слишком вольные для представителей этого низшего сословия, к тому же их было слишком легко использовать для злого осмеяния тех, кто стоял выше на сословной лестнице. В незыблемой иерархии Ниппона, установленной тайро, диктатором Накамура, а затем закреплённой на грядущие века сёгуном Торанагой, первыми шли самураи, вторыми – крестьяне, третьими – все люди искусства, мастера и ремесленники и последними – презираемые всеми купцы и торговцы, «пиявки на теле тружеников», как называло их Завещание. Презираемые потому, что все остальные нуждались в их умении и богатстве – больше всего в богатстве. Особенно самураи.

Поэтому в правилах, некоторых правилах, допускались послабления. И в Эдо, Осаке и Нагасаки, где жили по-настоящему богатые купцы, сюнга, хотя и запрещенные официально, раскрашивались, вырезались и с веселой улыбкой производились лучшими художниками и гравёрами страны. В каждую эпоху художники, состязаясь друг с другом в борьбе за славу и богатство, продавали их тысячами.

Экзотические, откровенные, но всегда с гаргантюанскими гениталиями, увеличенными до уморительно огромных размеров, лучшие из сюнга в совершенстве передавали каждую деталь, влажную и подвижную. Столь же высоко ценились выполненные в стиле юкиё-э портреты ведущих актеров, чья распущенность была постоянным предметом сплетен и скандалов, – женщины-актрисы не допускались законом, поэтому женские роли исполняли специально обученные актеры, оннагата, выше же всего ценились гравюры с изображением самых знаменитых куртизанок.

– Я бы хотел, чтобы тебя написал кто-нибудь. Жаль, что Хиросигэ и Хокусай уже умерли.

Она рассмеялась::

– Какую позу я должна буду принять, господин?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Ничего, и завтра никуда не денется. Но, мой бог, мадемуазель, какой же отвратительный запах (*фр.*). – *Здесь и далее примеч. перев.*

Благодарю вас, мсье, вы очень любезны (*φρ.*).

3

Дорогой (*фр.*).

Кетгут – нити, изготавливаемые из кишок мелкого рогатого скота для применения в хирургии. Рассасываются в тканях через несколько недель.

Коку – мера сыпучих тел, равная 36,35 л.

6

В общем ($\phi p.$).

Что происходит? (*фр.*)

Все хорошо? (*фр.*)

Хорошо? У меня? Конечно... Почему вы спрашиваете? Что происходит? (*фр.*)

Откройте дверь, прошу вас, это я (*фр.*).

Прошу прощения... позвольте (*фр.*).

Очень приятно с вами познакомиться (*фр.*).

Мсье тайпан Благородного Дома (*фр.*).

Не так ли? (*фр.*)

Господи, отец небесный! *(нем.)*

Дерьмо (*голл.*).

Теперь – вперед! (*фр.*)

Не за что, старина (*фр.*).

За тебѣ! (*фр.*)

Последний удар, которым рыцарь в поединке добивал противника, чтобы избавить его от мучений (*фр.*).